

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт географии Российской академии наук

На правах рукописи

Михайлова Екатерина Владимировна

**СОТРУДНИЧЕСТВО В ТРАНСГРАНИЧНЫХ СИСТЕМАХ
НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ-БЛИЗНЕЦОВ РОССИИ И СТРАН-СОСЕДЕЙ**

Специальность 25.00.24 – Экономическая, социальная,
политическая и рекреационная география

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
доктор географических наук, профессор,
Колосов Владимир Александрович

Москва – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

- 1.1. Опыт исследования приграничных территорий в России и за рубежом**
 - 1.1.1. Терминологический анализ понятий «граница» и «приграничная территория»
 - 1.1.2. Эволюция восприятия приграничных территорий национальными правительствами в Зарубежной Европе и России
 - 1.1.3. Опыт изучения связи приграничного положения и развития приграничной территории
- 1.2. Системный подход в изучении приграничных и трансграничных территорий**
 - 1.2.1. Возможности и ограничения изучения приграничных территорий как социально-экономических систем
 - 1.2.2. Трансграничные территориальные системы, их свойства и типы
- 1.3. Города-близнецы как трансграничные территориальные системы**
 - 1.3.1. Эволюция распространения понятия «города-близнецы» и критика в его адрес
 - 1.3.2. Города-близнецы – историко-географические реалии и формат сотрудничества
 - 1.3.3. Города-близнецы в системе географического изучения городов
 - 1.3.4. Размещение городов-близнецов в Зарубежной Европе и России

ГЛАВА 2. ВНУТРЕННИЕ СВЯЗИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СИСТЕМ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

- 2.1. Понятие, отличительные черты и типы приграничного сотрудничества**
 - 2.1.1. Динамический характер приграничного сотрудничества
 - 2.1.2. Классификация приграничного сотрудничества вдоль границы России по нормативно-правовым основам его регулирования
 - 2.1.3. Классификация приграничного сотрудничества вдоль границы России с учётом разнообразия сопредельных государств
- 2.2. Содержание и свойства трансграничного управления**
 - 2.2.1. Совместное решение проблем как предпосылка становления трансграничного управления
 - 2.2.2. Вклад теорий использования общего потенциала субъектов сотрудничества в концепцию трансграничного управления
- 2.3. Специфика приграничного сотрудничества и трансграничного управления в городах-близнецах**
 - 2.3.1. Методологические основы изучения городов-близнецов и их сотрудничества
 - 2.3.2. Профили городов-близнецов России и стран-соседей

ГЛАВА 3. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ ГОРОДОВ-БЛИЗНЕЦОВ РОССИИ И СТРАН-СОСЕДЕЙ

- 3.1. Структура полевого этапа исследования и методы его проведения**
- 3.2. Динамический характер приграничного сотрудничества в оценках жителей городов-близнецов на примере Светогорска и Иматры**
- 3.3. Эндогенные барьеры сотрудничества городов-близнецов России и стран-соседей**
- 3.4. Влияние факторов внешней среды на сотрудничество городов-близнецов России и стран-соседей**
 - 3.4.1. Воздействие международного транзитного миграционного потока на сотрудничество Никеля и Киркенеса
 - 3.4.2. Воздействие колебаний валютного курса (2014-2016 гг.) на сотрудничество Благовещенска и Хэйхэ
- 3.5. Сопоставление отечественных и зарубежных инициатив развития трансграничного управления в городах-близнецах**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Сравнение формирования в приграничных районах РФ и зарубежных стран новых деловых, торговых, инновационных и культурных центров макрорегионального и международного уровня свидетельствует о недостаточном использовании российскими акторами контактной функции границы в качестве ресурса. Одна из причин заключается в распространенности точки зрения на обеспечение национальной безопасности России, согласно которой развитие трансграничных взаимодействий по периметру государственной границы воспринимается как центробежная тенденция. Ввиду отсутствия льгот и привилегий для приграничных районов в большинстве случаев выгоды от приграничного сотрудничества получают сопредельные с Россией территории. К сухопутной государственной границе РФ примыкают 37 ее регионов и свыше 230 муниципальных образований, нуждающихся в выстраивании партнерских отношений с административно-территориальными образованиями по ту сторону границы. Нарращивание контактного потенциала приграничных территорий РФ и его грамотное использование является задачей государственного масштаба, необходимость решения которой определяет долгосрочный исследовательский интерес к проблематике российского приграничья.

До настоящего времени приграничные территории России изучались, прежде всего, на уровне субъектов федерации. Отсюда следует необходимость активизации исследований, посвященных сотрудничеству смежных приграничных муниципальных образований. Связи в локальных трансграничных системах отличаются относительно высокой интенсивностью и большой подверженностью воздействиям внешней среды, что подтверждает обоснованность их рассмотрения как самостоятельного объекта изучения и управления. В условиях текущей геополитической напряженности и противоречий с рядом государств-соседей местный уровень взаимодействий зачастую становится одним из наиболее эффективных, а иногда единственно возможным уровнем сотрудничества.

В диссертации основное внимание уделено такой разновидности локальных трансграничных территориальных систем, как *города-близнецы* – смежные приграничные населенные пункты, взаимодействующие друг с другом на протяжении всей своей истории или в текущий период. Термин (калька с англ. «twin cities») из-за своей метафоричности остаётся дискуссионным, однако он распространен шире многих других (трансграничные агломерации, двунациональные города и др., не говоря о городах-побратимах, для которых не обязательно соседство). Поэтому он выбран в качестве ключевого для диссертационного исследования и дается в нем и в автореферате без кавычек.

Изучение городов-близнецов актуально по ряду причин. Во-первых, это всемирное явление. На 2018 год в мире насчитывается более сотни примеров городов-близнецов на государственных границах (то есть более 200 городов). Во-вторых, они являются значимой опорой приграничного сотрудничества на местном уровне ввиду связанности их исторических судеб и накопленного опыта совместного решения проблем. В-третьих, за счёт активного участия в парадипломатии и интернационализации региональных экономик города-близнецы могут служить потенциальными локомотивами развития приграничных территорий. На границах государств-членов ЕС они зарекомендовали себя в качестве площадок, на которых апробируются новые форматы сотрудничества и максимально отчетливо прослеживаются достижения трансграничной интеграции. Наконец, в ходе трансформации функций государственных границ и повышения их контактности, по мере развития высокоскоростного транспорта, позволяющего «сжимать» пространство и время, число городов-близнецов продолжает возрастать. Сегодня сотрудничество городов-близнецов перенимается всё более удаленными друг от друга городами, имеющими менее продолжительную историю взаимодействий, что делает этот формат возможным для заимствования большим числом приграничных городов России.

Поскольку практика сотрудничества городов-близнецов в мире и России опережает ее теоретическое осмысление, попытка систематизации и анализа опыта использования этими городами трансграничного синергетического эффекта представляется своевременной и обоснованной.

Объектом исследования являются города-близнецы России и стран-соседей как трансграничные территориальные системы локального уровня, состоящие из двух и более подсистем – приграничных городов. **Предметом** исследования являются их внутрисистемные связи, в частности приграничное сотрудничество между ними.

Цель исследования – выявить закономерности развития внутренних связей трансграничных территориальных систем на примере городов-близнецов.

Достижение поставленной цели предполагало решение следующих **задач**:

- 1) доказать, что города-близнецы представляют собой особый тип городов, охарактеризовать их географическое многообразие и размещение в России и зарубежной Европе;
- 2) предложить методические приемы изучения городов-близнецов;
- 3) определить роль приграничного сотрудничества во внутренних связях трансграничных территориальных систем локального уровня и закономерности его развития в городах-близнецах России и стран-соседей;
- 4) рассмотреть влияние факторов внутренней и внешней среды на динамику приграничного сотрудничества городов-близнецов России и стран-соседей в разных географических условиях;

5) систематизировать и уточнить предпосылки управления трансграничными территориальными системами, выявить отечественный и зарубежный передовой опыт в этой сфере на примере городов-близнецов, подготовить рекомендации по его использованию в России.

Степень разработанности темы. Диссертация следует экономико-географической традиции изучения территориальных структур в рамках системного подхода. При рассмотрении трансграничных систем использовались труды П.Я. Бакланова, Л.Б. Вардомского, А.Б. Волинчука, С.С. Ганзея, Т.И. Герасименко, В.А. Колосова, В.С. Корнеевца, К.В. Лесконцевой, Н.С. Мироненко и Р.Ф. Туровского.

Выстраивание терминологического аппарата исследования происходило с опорой на работы Э.Б. Алаева, П.Я. Бакланова, Й. Блаттера, Дж. Вескоата, С.С. Ганзея, К. Зона, В.Л. Каганского, В.А. Колосова, А. Пааси, М. Перкманна, Т. Пикнера, К. Рамфорда, Б.Б. Родомана, Л. Херцога, Х. ван Хоутума, В.Е. Шувалова, Я. Янчака.

При анализе российской специфики развития приграничья привлекались публикации таких отечественных ученых, как П.Я. Бакланов, Л.Б. Вардомский, С.С. Ганзей, Т.И. Герасименко, С.В. Голунов, М.В. Зотова, В.А. Колосов, А.Г. Манаков, М.Н. Межевич, А.Ш. Миндагалиева, К.А. Морачевская, Г.И. Немирова, М.Т. Романов, А.Б. Себенцов, А.А. Сергунин, Е.В. Сыченкова, Г.О. Яровой и другие.

Взаимодействие городов-близнецов в России и за рубежом изучалось по работам А.Г. Анищенко, Д. Арреола, Э. Ашера, Ф. Бийе, Я. Буурсинка, Г. Буккен-Кнаппа, П. Йонниemi, В. Кайсто, Ф. Лара-Валенсия, Т. Лундена, Н.А. Нартовой, Н.П. Рыжовой, А.А. Сергунина, Л. Херцога, Х. Шульц, Н. Эйлерс, Я. Янчака и других. Для сопоставления понятия города-близнецы с другими категориями географии городов незаменимыми были работы Ж. Божё-Гарнье и Ж. Шабо, Й. Дюрршмидта, В. Зелински, Г.М. Лаппо и Н.А. Слуки.

Динамический характер приграничного сотрудничества изучался через призму циклическо-волнового подхода к развитию экономических, социальных и политических процессов на основе работ И. Валлерстайна, Й. Шумпетера, Е.Г. Анимицы, Р. Доманьского, В.В. Лапкина, А.М. Носонова, Н.С. Розова, Л.М. Синцера, А.Т. Тертышного.

Высоко оценивая вклад вышеназванных и ряда других ученых в изучение трансграничных регионов и взаимодействия их элементов, необходимо отметить недостаточную степень проработки теоретических и методических основ исследования трансграничных территориальных систем локального уровня, что определило постановку цели диссертационного исследования, выбор его объекта и предмета.

В диссертации использованы историко-географический, сравнительно-географический, картографический, статистический и социологический (анкетирование и интервьюирование) методы, системный анализ, обобщение, контент-анализ.

В качестве полигона для изучения внутренних связей городов-близнецов полевыми методами были выбраны Никель и Киркенес на российско-норвежской, Светогорск и Иматра на российско-финляндской, Благовещенск и Хэйхэ на российско-китайской границах. Из других пар городов на российской границе, которые официально называют себя городами-близнецами, полевые методы не применялись для исследования только Ивангорода и Нарвы, поскольку им посвящено гораздо большее число отечественных и зарубежных публикаций.

Информационную базу исследования составляют материалы федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления, статистические данные Федеральной службы государственной статистики России, федеральное законодательство Российской Федерации, нормативно-правовые акты органов государственной власти и местного самоуправления Мурманской, Ленинградской и Амурской областей, материалы анкетирования населения городов-близнецов и интервьюирования специалистов с опытом участия в приграничном сотрудничестве.

Диссертация является первой попыткой научного осмысления феномена городов-близнецов на русском языке. **Научная новизна исследования** состоит в:

- 1) определении понятия городов-близнецов как открытых динамических трансграничных систем и особого типа городов, раскрытии их генезиса, разновидностей и размещения в зарубежной Европе и России;
- 2) формировании методических основ изучения городов-близнецов и их апробации при подготовке профилей смежных приграничных городов вдоль государственной границы РФ, сотрудничающих в этом формате;
- 3) выдвижении и доказательстве гипотезы о стадийности и ритмичности развития приграничного сотрудничества в трансграничных системах локального уровня;
- 4) определении факторов внутренней и внешней среды, оказавших наиболее сильное воздействие на внутрисистемные связи городов-близнецов на границах России в 2013-2017 гг.

По результатам исследования сформулированы **положения, выносимые на защиту** и представляющие вклад диссертанта в развитие международной дискуссии по теме исследования.

1. Установлено, что среди городов-близнецов на государственных границах следует различать два вида: *«естественные»*, т.е. историко-географические города-близнецы и *«конструируемые»* путем целенаправленного использования одноименного формата межгородского сотрудничества. Предложенное деление способствует завершению многолетних научных споров о «настоящих» городах-близнецах. Число городов-близнецов каждого вида

постоянно меняется под воздействием трёх процессов: 1) трансформации линий или режима государственных границ, 2) создания новой или совершенствования имеющейся трансграничной инфраструктуры, «сжимающих» расстояние между поселениями, и 3) распространения сотрудничества в формате городов-близнецов как одного из проявлений парадипломатии.

2. Эмпирически подтверждено, что города-близнецы на государственных границах России и зарубежной Европы представляют собой преимущественно малые города, демографический потенциал которых различается в два и более раза. Расстояние между центрами исторически сформировавшихся городов-близнецов обычно крайне незначительно. Удаленность «конструируемых» городов-близнецов друг от друга зависит от степени освоенности и населенности трансграничного региона. В густонаселенных районах расстояние между ними составляет до 20 км. В слабо освоенных и малонаселенных районах, а также в условиях создания новой инфраструктуры (туннеля или моста) «конструируемые» города-близнецы могут быть удалены на 50-90 км.

3. Доказана гипотеза о стадийности и ритмичности институционально оформленного приграничного сотрудничества (ПС) городов-близнецов, согласно которой оно проходит шесть базовых стадий: инициацию, институционализацию, экстенсификацию, интенсификацию, стабильное развитие, модернизацию или редукцию. Стадия стабильного развития приграничного сотрудничества наиболее благоприятна для социально-экономического развития городов-близнецов.

4. Выявлено, что управленческие и коммуникационные факторы внутренней среды и такие факторы внешней среды, как международный миграционный транзитный поток и колебания валютного курса, в 2013-2017 гг. оказали наиболее значительное воздействие на связи городов на границах России, сотрудничающих в формате близнецов.

5. Установлено, что инициативы трансграничного управления (ТГУ) в городах-близнецах России и зарубежной Европы различаются по масштабу воздействия и субъекту реализации. Для отечественных лучших практик ТГУ характерно разделение субъектов ТГУ на лиц, принимающих решения (преимущественно регионального или национального уровня), и исполнителей (местных акторов). В большинстве лучших зарубежных практик ТГУ местные управленческие и общественные структуры привлекались как активный партнер, играющий важную роль на стадии выдвижения конкретной инициативы и при претворении её в жизнь. Большинство отечественных практик ТГУ охватывают только территорию городов-близнецов, в то время как за рубежом ТГУ путём реализации крупномасштабных проектов с синергетическим эффектом оказывает влияние на всю систему связей между соседними странами, на развитие их экономического и гуманитарного сотрудничества.

Практическую значимость имеют такие компоненты исследования, как методические рекомендации по изучению городов-близнецов; характеристика стадий их сотрудничества, каталог лучших отечественных и зарубежных практик трансграничного управления таким сотрудничеством, перечень населенных пунктов и муниципальных образований вдоль границы РФ, имеющих потенциал сотрудничества в формате городов-близнецов. Эти результаты могут использоваться органами местного управления приграничных муниципальных образований, региональными и федеральными органами управления при выработке стратегий развития приграничных территорий, подготовке соглашений о приграничном сотрудничестве и планов мероприятий к этим соглашениям, для анализа и оценки взаимодействий смежных приграничных муниципальных образований.

Апробация. Результаты полевых исследований 2013 г. в Никеле и Киркенесе и в Светогорске и Иматре были использованы для комплексной характеристики российско-норвежской и российско-финляндской границ в отчётах по международному научно-исследовательскому проекту «EUBORDERREGIONS», входившему в 7-ю рамочную программу ЕС. Результаты полевых исследований 2013 г. в Благовещенске и Хэйхэ отражены в проекте «Постреформенная трансформация национальной урбанистической системы: сравнительное исследование России и Китая», осуществляемого при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (грант №МК-2007.2017.6).

Некоторые положения диссертации применялись и продолжают использоваться в образовательном процессе, а именно:

- при проведении семинара «Основы стратегического управления развитием приграничных и приморских регионов» для магистрантов второго года обучения факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики» в 2014 и 2015 гг.;
- при подготовке экспедиции научного студенческого общества кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 2017 г.;
- при проведении деловой игры «Приоритеты развития приграничных регионов России» и лекции «Феномен городов-близнецов в России и мире» для студентов четвертого курса бакалавриата кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 2018 г.

Отдельные аспекты исследования обсуждались во время исследовательских стажировок автора в 2013-2016 гг. в Баренц Институте, подразделении университета г. Тромсё, г. Киркенес, Норвегия (Barents Institute, University of Tromsø), в Баскском центре территориальной конкурентоспособности «Оркестра» Университета Деусто (Orkestra-Basque Institute of Competitiveness, University of Deusto), г. Сан-Себастьян, Испания, в Центре изучения границ Университета Радбода (Nijmegen Center for Border Research, Radboud University), г. Неймеген,

Нидерланды и в Центре изучения международных границ Королевского университета Белфаста (Center of International Border Research, Queen's University Belfast), г. Белфаст, Великобритания.

Основные положения и выводы были представлены в выступлениях на шести российских и двадцати международных конференциях и научных семинарах, проведенных на базе Института географии РАН; Института Дальнего Востока РАН; Института социально-политических исследований РАН; Института научной информации по общественным наукам РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова; Финансового университета при Правительстве РФ; Московской государственной Академии водного транспорта; Благовещенского государственного педагогического университета; Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск); Псковского государственного университета; Санкт-Петербургского государственного университета; Смоленского гуманитарного университета; Метрополитенского университета Манчестера (г. Манчестер, Великобритания); Пекинского педагогического университета (КНР); Тартуского университета (Эстония); университета Восточной Финляндии (г. Йоэнсуу, Финляндия); университета г. Бергамо (Италия); университета им. Давида Бен-Гуриона в Негеве (г. Беэр-Шева, Израиль); университета г. Мальмё (Швеция); университета г. Шеффилда (Великобритания), Института географии Академии наук Республики Азербайджан. Десять из девятнадцати международных конференций, на которых апробировались результаты диссертационного исследования, проводились под эгидой Международного географического союза (IGU), Международной и Европейской ассоциации регионалистики (RSA и ERSA), Ассоциации изучения границ (ABS), Азиатской ассоциации изучения границ (ABRN), Американской ассоциации географов (AAG), Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС).

Публикации. Общее число публикаций по теме исследования – 26, в том числе 3 статьи в изданиях, индексируемых в базе цитирования Scopus, 9 статей – в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации. Общий объем публикаций, принадлежащих лично автору – 18,2 печатных листа.

Диссертант является соредактором коллективной монографии «Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time» (Garrad J., Mikhailova E., eds.), которая вышла осенью 2018 г. в серии «Global Urban Studies» британского научного издательства Routledge. В ней представлен анализ 54 кейсов из 32 стран на четырёх континентах, подготовленный учёными из 23 университетов и исследовательских центров мира. Как соредактор, диссертант отвечала за подбор авторов для освещения городов-близнецов Азии, участвовала в формировании теоретической основы монографии, редактировании глав, дизайне двух и разработке трёх карт

(Приложение 1). Три главы, введение, заключение, редакторские комментарии к главам и разделам содержат авторский вклад диссертанта общим объемом 2,2 печатных листа.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и 17 приложений. Объем основного текста диссертации, включая 14 таблиц и 25 рисунков, составляет 183 страницы. Список источников насчитывает 345 наименований, в том числе 173 на иностранных языках.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Важным шагом любого исследования является уточнение ключевых понятий. В этой диссертации такими понятиями являются граница, приграничная территория, приграничная территориальная социально-экономическая система (ПТСЭС), трансграничная система, города-близнецы, приграничное сотрудничество и трансграничное управление. Определение каждого понятия последовательно вводится в первой и второй главах и сопровождается освещением связанной с этими понятиями научной полемики.

1.1. Опыт исследования приграничных территорий в России и за рубежом

1.1.1. Терминологический анализ понятий «граница» и «приграничная территория»

Термин «граница» часто рассматривается как общенаучное понятие (Родоман 1999). Каждая область знаний требует определения собственных границ или границ предмета своего изучения, поэтому поиск дисциплины, лишённой проблемы границ, с большой долей вероятности окажется безрезультатным (Каганский 2015).

В самом общем виде определение границы дано в философских словарях, где под границей понимается а) «то, что отделяет один предмет от другого» (Философская энциклопедия 1960), или б) «межа, отделяющая нечто от иного; место прямого соприкосновения, единения и взаимопроникновения смежно сосуществующих предметов» (Пивоваров 2015, с. 144). Эти определения одновременно являются абстрактными, поскольку не сообщают свойств отделяемых предметов, и конкретными, так как соответствуют единственному термину – границе. Определения границы, выработанные некоторыми отечественными географами, созвучны приведенным выше дефинициям. Остановимся на двух из них. По Б.Б. Родману, граница – это «нечто, расположенное между двумя предметами и разделяющее их, или нечто, лежащее непосредственно вокруг одного предмета и отделяющее его от всего остального, но само это «нечто» обычно пренебрежимо мало по сравнению с разделяемыми явлениями, предметами, сущностями» (1999, с. 24). Для сравнения, по В.Л. Каганскому, граница – это «выражение и разрешение проблемы соседства двух максимально сближенных разных объектов» (1999). В обоих случаях акцент сделан на процесс разделения и разность двух разделяемых сущностей. Новым в этих определениях по сравнению с определениями из философских словарей является пространственное осмысление границы: на плоскости (у Б.Б. Родмана) и через взаимоположение (у В.Л. Каганского). Ряд географов, в частности В.Е. Шувалов, рассматривают границу как «пространственно-временное явление» (1979, с. 31), подчёркивая значимость изменения границ с течением времени.

Согласно федеральному законодательству Российской Федерации, государственная граница определяется как «линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства), то есть пространственный предел действия государственного суверенитета» (ст. 1 закона РФ № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» от 1 апреля 1993 г.). Такое линейное прочтение понятия границы характерно для нормативных актов многих стран. В академической среде определение границы как линейного объекта встречается довольно редко. Чаще под границей подразумевается «некоторая зона, пояс, полоса» (Бакланов, Ганзей 2008, с. 8).

В современных зарубежных лимнологических исследованиях распространено постмодернистское толкование границы как социо-территориального конструкта, указывающего на различия в смыслах, мировоззрении и повседневных практиках местных жителей (van Houtum 2005, p. 673-74). В этой интерпретации объектом изучения лимологов являются не столько государственные рубежи, сколько границы макрорегионов, городов и городских кварталов, а основной вопрос заключается в том, как, с помощью каких символов, представлений, действий и дискурсов происходит конструирование и проецирование границ (van Houtum 2005, Paasi 1998).

Существенный вклад в развитие понимания границ внёс К. Рамфорд. В его работах изложен многомерный подход к изучению границ (англ. *multiperspectival study of borders*), который предполагает отход от государствоцентризма и рассмотрение границ как места межкультурной коммуникации. По К. Рамфорду, границы существуют везде, где производится выборочный контроль и ведётся видеонаблюдение (Rumford 2008, p. 637-638; 2012).

Каждому определению границы соответствует своя трактовка приграничной территории. Соотношение понятий «граница» и «приграничная территория» встречаем уже в 1895 г. в «Политической географии» Ф. Ратцеля. Границу немецкий учёный называет абстракцией, а приграничную территорию реальностью (цитата по В.Е. Шувалову 1979, с. 9).

В большинстве отечественных географических работ базовым признаком приграничной территории является её местоположение, а именно прилегание к государственной границе. Такое определение является традиционным и будет использоваться в этом диссертационном исследовании. В ряде работ (Бородина, Волкова, Гриценко, Баринов 2008; Манаков 2010; Морачевская 2013) применяется расширенное понимание приграничных территорий, которое включает так называемое приграничье второго и третьего порядка, то есть административные единицы, соседние с прилегающими к государственной границе районами и/или примыкающие к трансграничным транспортным коридорам.

Одновременно всё больше исследователей отмечают, что барьеры для перемещения граждан в другую страну переносятся вглубь государственной территории, поскольку местом въезда большинства иностранцев сегодня являются аэропорты, а миграционный контроль

осуществляется на всей территории страны (Колосов, Зотова, Себенцов 2016, с. 10). Следствием этого становится выбор в качестве объекта исследования мест, значительно удалённых от географических государственных границ. К примеру, у лимологов-постмодернистов в качестве объекта исследования могут выступать аэропорты (Adey 2009), этнические кафе (Virkunnen 2013), уличные рынки или торговые центры с видеорегистрацией происходящего (Everyday Border 2014).

Неопределенным остаётся ответ на вопрос о внешней границе приграничной территории (Ганзей 2004, с. 10; Бакланов, Ганзей 2008 с. 14, Болотов, Межевич, Шураев 2005). Обычно ответ на него даётся индивидуально каждым исследователем в соответствии с поставленной целью. Наиболее устоявшимся взглядом на уровни приграничья является предложенная Л.Б. Вардомским и С.В. Голуновым трехступенчатая классификация «микро-», «мезо-» и «макро-» приграничья (Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России 2002). Охарактеризуем каждый из названных уровней для России.

1. *Микроуровень* включает населенные пункты и территории, непосредственно соприкасающиеся с государственной границей. Они расположены в пограничной зоне – «пятикилометровой полосе вдоль государственной границы на суше, морского побережья РФ, российских берегов пограничных рек, озер и иных водоемов и острова на указанных водоемах» (ст. 16 закона РФ № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» от 1 апреля 1993 г.). На микроуровне пограничья сосредоточены пункты пропуска через государственную границу.

2. *Мезоуровень* охватывает муниципальные районы в составе субъектов Федерации, часть внешних границ которых совпадает с государственной границей.

3. *Макроуровень* приграничья включает в себя субъекты РФ, имеющие выход к государственной границе России.

Эта классификация является основанием рассмотрения структуры приграничных систем как полимасштабной. Аналогичное утверждение справедливо для трансграничных систем¹: их изучение требует одновременного учёта смежных приграничных территорий, сопоставимых по занимаемому ими месту в иерархии административно-территориальных единиц каждой из сопредельных стран. Переход с макроуровня на каждый последующий уровень структуры приграничных и трансграничных систем позволяет исключить из рассмотрения более удаленные от государственной границы территории и их население, то есть даёт возможность их более точного описания и анализа диспропорций в развитии. Учёт полимасштабной структуры

¹ Подробнее см. п. 1.2.2 и Приложение 2.

приграничных и трансграничных систем необходим исследователям для взвешенного выбора объекта изучения, наиболее подходящего для решения стоящей перед ними научной задачи.

Теоретическое осмысление и целенаправленное практическое развитие приграничных территорий в России осуществляется, прежде всего, на макроуровне – уровне субъектов Федерации. Это связано с наличием у регионов соответствующих полномочий, с их финансовыми, человеческими и ресурсными возможностями. С другой стороны, наличие границы в первую очередь влияет на каждодневные реалии жителей приграничных муниципальных образований и, в частности, примыкающих к границе поселений. Учитывая низкую степень освещенности проблем микро- и мезоуровня приграничья в научной литературе, именно им будет посвящена основная часть данной диссертации.

1.1.2. Эволюция восприятия приграничных территорий национальными правительствами в Зарубежной Европе и России

Рост числа публикаций, обращенных к теме развития приграничных территорий, обусловлен существенными изменениями отношения к ним со стороны центральных правительств. Отказ от восприятия приграничных территорий как буферных зон, постоянно вовлеченных в политические конфликты (Anderson and O'Dowd 1999), и признание их в качестве агентов установления и поддержания контактов (Martinez 1994) свидетельствуют об изменении роли приграничья. На основе изучения литературы, затрагивающей вопрос трансформации отношения к приграничным территориям в зарубежной Европе, диссертант предлагает выделять три этапа эволюции понимания контактной функции приграничья. Каждому этапу восприятия приграничных территорий соответствует своя интерпретации роли приграничья и свои наиболее типичные формы приграничного взаимодействия (табл. 1).

Таб. 1. Эволюция интерпретации контактной функции приграничных территорий в Европе

№	Интерпретация приграничья	Основная задача взаимодействия
I	<i>Символическая:</i> приграничье – окраина территории государства, служащая местом встреч представителей сопредельных стран.	Поддержание мира, восстановление доверия, устранение физических, социально-экономических и информационных барьеров между сопредельными государствами и их смежными приграничными территориями.
II	<i>Инструментальная:</i> приграничье – площадка для перенимания опыта государств-соседей.	Адаптация органов управления национального и регионального уровней к правилам и нормам сопредельных государств и блоков.
III	<i>Ценностная:</i> приграничье – территория, значимая сама по себе, с потенциалом трансформации в региональный центр.	Реализация потенциала приграничных территорий, достижение их благосостояния.

Составлено автором по Paasi 2009 и Sohn 2013.

Исторически первой сложилась *символическая* интерпретация контактной функции приграничья. По словам А. Пааси, приграничные территории изображались «символической окраиной государственной власти» (2009, с. 218), что позволяло использовать их в качестве места встреч представителей сопредельных стран. Этот тип восприятия приграничья связан с трактовкой государств как ведущих, если не единственных акторов международных отношений и уходит в глубину истории. Типичными примерами символической роли приграничья могут служить случаи подписания международных договоров или проведения встреч глав государств на приграничной территории.

В XX в. сильным импульсом для распространения символической интерпретации приграничья стало окончание Второй мировой войны. Основными мотивами активизации приграничного сотрудничества в Европе в послевоенные годы выступали идеи поддержания мира, восстановления доверия и устранения физических, социально-экономических и информационных барьеров между сопредельными государствами в целом и их смежными приграничными территориями в частности. В некоторой степени создание первых трансграничных регионов сотрудничества, также называемых «еврорегионами», вдоль границ ФРГ² можно рассматривать как проявление символической интерпретации приграничья.

Многие мероприятия в рамках приграничного сотрудничества содержат элементы символического восприятия границы по сей день, в частности торжественные церемонии открытия объектов трансграничной инфраструктуры или совместных предприятий с участием правительственных делегаций сопредельных стран, разрезанием ленточек, исполнением национальных гимнов и использованием другой национальной символики (флагов, гербов, национальных костюмов и пр.).

Возникновение *инструментальной (функциональной)* интерпретации контактной функции приграничных территорий в Европе происходило параллельно с развитием направлений сотрудничества в рамках еврорегионов и с укреплением Евросоюза как интеграционного регионального объединения. Суть инструментальной интерпретации приграничья состоит в его трактовке в качестве экспериментальной площадки, на базе которой тестируются правила и нормы сопредельных государств и/или интеграционных объединений. К примеру, благодаря созданной в 1980 г. рабочей группе по Пиренеям, объединившей сопредельные регионы Испании и Франции (González 2013, с. 436), приграничные территории этих стран использовались в качестве лаборатории по передаче опыта в процессе подготовки Испании к вступлению в Европейское экономическое сообщество. Позже подобная схема взаимодействия применялась накануне расширения Европейского союза (ЕС) 1995 и 2004 гг. Она работала за счет выборочного конкурсного финансирования проектов приграничного сотрудничества в сфере экологии, культуры, науки и

²А именно «EUREGIO» (1958), еврорегиона Рейн-Ваал (1971) и Эмс-Долларт (1977) на границе ФРГ и Нидерландов, еврорегиона Маас-Рейн (1976) на границе Бельгии, Нидерландов и ФРГ, международной конференции озера Констанц на границе Австрии, ФРГ и Швейцарии (1972).

образования. Таким образом, программы ЕС способствовали изучению и освоению странами-кандидатами процедур и логики принятия решений внутри ЕС.

Значимым событием в распространении инструментального восприятия приграничья стало принятие Советом Европы Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей в 1980 г. (далее Мадридская конвенция), закрепившей право приграничных территорий налаживать сотрудничество с их соседями. С этого документа начался процесс создания нормативных основ приграничного сотрудничества в Европе. Принятые позже дополнительный протокол от 9 ноября 1995 г. и протокол № 3 от 9 сентября 2009 г. к Мадридской конвенции посвящены регулированию отдельных форм взаимодействия приграничных территорий – еврорегионов и европейских региональных объединений сотрудничества соответственно. Использование представленных в этих документах форм приграничного взаимодействия характерно для инструментального восприятия контактной функции приграничья.

По К. Зону, рост объемов международной торговли и технологическое развитие являлись другими факторами, способствующими распространению инструментального подхода к контактной функции приграничья (Sohn 2013, p. 1703). Включенность приграничных территорий в интенсивные транснациональные обменные потоки ведет к улучшению международной позиции государств с точки зрения экономики, международного политического и социокультурного авторитета.

Постепенно под влиянием глобального тренда регионализации процесс развития приграничных территорий, ранее преимущественно стохастический и детерминированный факторами внешней среды, обрел плановый характер и стал руководствоваться внутренними целями порубежья, в том числе целью достижения его благосостояния. Осознание самоценности устойчивого развития приграничья стало маркером возникновения нового типа восприятия приграничных территорий в Европе – их *ценностной* интерпретации. В этот период была поставлена под сомнение непреложность периферийного положения и депрессивного характера экономического развития приграничных территорий (Borders and Border Regions in Europe and North America 1997, p. 7). Впервые прозвучали предложения определять приграничье как территории, «получившие вызов стать центром» (van Houtum 2000, p. 73), «важные сами по себе» (Dear, Leclerc and Berelowitz 2003, p. 138), «новые двигатели конкурентоспособности в глобализирующейся экономике» (Nelles and Durand 2014, p. 120).

В отечественной географии нарастание внимания к изучению приграничных территорий произошло благодаря развитию учения об экономико-географическом положении (ЭГП) и выделении приграничных районов как территорий особого типа. По И.М. Маергойзу, необходимость учёта положения относительно государственных границ при оценке ЭГП обусловлена нарастанием положительного влияния близости к границе на промышленное развитие ряда крупных городов. Период противостояния социалистического и капиталистического блоков накладывал отпечаток на выдвинутые в то время идеи. Тезис

И.М. Маергойза распространялся исключительно на границы «с дружественными СССР государствами» (1987, с. 20).

Кардинальные изменения в общественном и академическом восприятии приграничья, в признании его территорией возможностей и со временем актором глобализации произошли после распада Советского Союза. Открытие государственной границы России и трансформация республиканских границ в международные привели к формированию новых реалий, к которым необходимо было адаптироваться и которые необходимо было изучать. Приграничные территории, «большинство которых в годы социалистического хозяйствования пребывали в «полусонном» состоянии» (Герасименко 2005, с. 85), получили шанс изменить своё положение в рамках международных экономических сетей. О возникновении функциональной интерпретации приграничья в России оправданно говорить с конца 1980-х гг., когда началось открытие закрытых приграничных городов и начал расти трансграничный пассажиро- и грузопоток.

Ценностная интерпретация приграничья получила распространение в России тремя десятилетиями позже благодаря развитию практики еврорегионального строительства. Достижение устойчивого развития приграничья было закреплено в качестве стратегической цели развития ряда трансграничных регионов, в том числе Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР) (см. Декларацию по итогам встречи глав правительств стран-членов Совета Баренцева Евро-Арктического региона Киркенес от 3-4 июня 2013 г.), еврорегионов «Карелия» и «Балтика». В финляндской части БЕАР, а именно в составе Арктического центра университета Лапландии в Рованиеми с 1998 г. действует исследовательская группа по изучению устойчивого развития приграничных территорий (Arctic Centre Research Projects 2016). В рамках еврорегионов «Карелия» и «Балтика» проводятся регулярные форумы по устойчивому развитию отдельных отраслей – туризма и транспорта. Однако эти примеры провозглашения ценностной интерпретации контактной функции приграничья в России пока являются скорее исключением, чем правилом.

Описанные выше виды восприятия приграничья обычно сосуществуют и сочетаются. С одной стороны, для разных акторов приграничного взаимодействия в зависимости от ситуации на первый план может выходить та или иная интерпретация. С другой стороны, в рамках одного мероприятия по приграничному сотрудничеству, в одном документе стратегического планирования смежных приграничных территорий могут прослеживаться сразу несколько подходов к контактной функции приграничья.

1.1.3. Опыт изучения связи приграничного положения и развития приграничной территории

История рассмотрения приграничных территорий в качестве самостоятельного объекта политико- и экономико-географических исследований насчитывает чуть менее столетия. Одними из первых в 30-40 гг. XX в. к теме влияния государственной границы (в частности связанных с

ней таможенных сборов) на размещение населенных пунктов и производства обратились В. Кристаллер и А. Лёш. В их работах приграничные территории названы экономически неблагоприятным пространством, естественное функционирование которого нарушено его рассеченностью. С другой стороны, оба классика социально-экономической географии говорят о дополнительных возможностях, возникающих у приграничных территорий благодаря особенностям их положения. В. Кристаллер отмечает, что центральные места, расположенные вблизи стабильных политических границ, способны успешно развивать те виды экономической деятельности, которые связаны с существованием границы, в том числе торговлю, хранение товаров и взимание таможенных пошлин (Christaller 1996, p. 77-80). А. Лёш упоминает о возможности извлечения выгоды из приграничного положения путем создания систем налогообложения и оплаты труда, более привлекательных, чем на сопредельной территории (Lösch 1954, сс. 196-208).

Вопрос влияния приграничного положения на развитие приграничных территорий не потерял актуальности и поднимается в публикациях отечественных и зарубежных учёных. Одним из недавних достижений лимнологических исследований стало развитие тезиса о границе как ресурсе. К. Зон (Sohn 2013) выделил четыре типа преимуществ приграничной территории. Позиционное преимущество состоит в низких транспортных издержках и привилегированном выходе на рынок сопредельного государства. Преимущество дифференциации подразумевает возможность использования ценовых различий (на труд, землю, воду, недвижимость и пр.), различий в системах налогообложения и нормативно-правовой базе, регулирующей вопросы занятости и экологических стандартов. Преимущество гибридизации, напротив, основано на трансформации пограничья в зону институциональных инноваций, экспериментального мышления и действия, которое противостоит логике оптимизации и направлено на адаптацию к различиям сопредельных территорий. Наконец, маркетинговое преимущество заключается в возможности использования границы как символа мультикультурализма и глобализованности приграничных территорий для привлечения инвестиций и туристов, а также для продвижения интересов приграничной территории в центральном правительстве.

Как следует из краткого изложения преимуществ приграничного положения по К. Зону, использование границы в качестве ресурса требует от органов управления и жителей приграничной территории активной позиции. В противном случае ресурс остается незадействованным или недоиспользованным.

Несколько раньше аналогичная идея была высказана в цикле работ П.Я. Бакланова и С.С. Ганзея, посвященных анализу приграничных и трансграничных территорий на азиатском участке российской границы. Ученые говорят о существовании специфического потенциала приграничья, причём пять из входящих в его состав компонентов имеют экономическое

содержание, а именно: 1) наличие приграничной инфраструктуры, способствующей использованию транзитного потенциала; 2) возможность использования потенциала и ресурсов сопредельной территории зарубежного государства; 3) возможность развития отраслевой структуры, комплементарной в отношении сопредельной приграничной территории, благодаря взаимовыгодному международному сотрудничеству; 4) возможность участия во внешнеэкономической деятельности; 5) возможность широкого использования рынков сопредельных стран (2008, с. 14). Первый, четвертый и пятый компоненты соответствуют позиционному преимуществу К. Зона, а второй и третий в зависимости от конкретного содержания можно отнести как к преимуществу дифференциации, так и к преимуществу гибридизации.

Переходя от общетеоретических работ к трудам, посвященным анализу связи приграничного положения и структуры экономики приграничных территорий России, отметим, что по этому вопросу существует две основных точки зрения. Такие исследователи, как Л.Б. Вардомский, Г.И. Немирова, Р.С. Ягудаев считают, что близость границы имеет определяющее значение (стимулирующее или лимитирующее) для функционирования экономики приграничных территорий. С одной стороны, издержки коммерческих компаний по преодолению государственной границы являются прямым вычетом из их прибыли, а в конечном итоге – из ВРП. Более того, многие приграничные территории России подвержены такому негативному процессу, как высокая миграционная нагрузка, порождающая рост уровня безработицы (Немирова 2006, с. 137).

С другой стороны, наличие пограничных барьеров дает возможность некоторым экономическим субъектам строить бизнес на существующих между странами различиях в системах налогообложения, уровне доходов населения и энерготарифов, цен на акцизные товары и топливо, а также возможность создавать специфичные приграничные бизнес-структуры, связанные с минимизацией издержек по преодолению упомянутых барьеров (например, услуги таможенного декларирования и оформления виз). Приграничные территории оказываются включены в макрорегиональные и глобальные экономические процессы, имеют возможность участвовать в приграничном сотрудничестве и выдвигать интеграционные инициативы в отношении сопредельных приграничных систем. Подводя итоги перечисленным возможностям использования приграничного положения, можно сказать, что приграничное положение может способствовать совместному переходу взаимодействующих приграничных территорий «в лучшую страту, нежели та, к которой они объективно принадлежат» до начала интеграционных процессов (Буторина 2005).

В работах Е.В. Сыченковой (2007, с. 256) представлена иная позиция, а именно высказан тезис о доминирующем воздействии фактора глобализации, а не регионализации на

внешнеторговую деятельность российских приграничных территорий. В качестве аргументов автор опирается на такие факты, как 1) незначительное количество поселений, существующих в непосредственной близости к границе (особенно с российской стороны); 2) относительная неразвитость малого бизнеса, который наиболее заинтересован в приграничной торговле; 3) широкая международная экспортная ориентация торговых потоков средних и крупных предприятий региона; 4) довольно узкая товарная структура экспорта с выраженной сырьевой направленностью (энергонасосители, металлы, минеральные продукты).

Антагонизм между приведенными точками зрения можно снять путём признания многообразия приграничных территорий России и использования разных алгоритмов взаимодействия с зарубежными партнерами на новых и старых границах, на разных географических векторах – европейском, постсоветском и азиатском. На определенных участках российской государственной границы (например, на границе со странами-членами ЕС) приграничное положение территории воспринимается как «благо и конкурентное преимущество» (Кондратьева 2008, с. 31) в контексте привлечения европейских инвестиций, развития торговли и обмена технологиями (Александров 2005, с.136). На других участках границы, где в силу низких показателей плотности населения и обеспеченности транспортной сетью связи с соседями традиционно были относительно слабы (как между Дальним Востоком России и Северо-Восточным Китаем), благоприятное влияние приграничного положения еще мало заметно. При этом российские приграничные территории в полной мере имеют возможности капитализации выгоды своего положения, описанные в понятии потенциала приграничья П.Я. Бакланова и С.С. Ганзея и в четырёх типах преимуществ приграничного положения, сформулированных К. Зоном.

1.2. Системный подход в изучении приграничных и трансграничных территорий

1.2.1. Возможности и ограничения изучения приграничных территорий как социально-экономических систем

Как показано в докторской диссертации М.С. Савоскул (2016, сс. 132-138), в социально-экономической географии сложилась традиция изучения территориальных структур различного уровня в рамках системного подхода. Это диссертационное исследование также следует данной традиции и обращено к рассмотрению приграничных и трансграничных территориальных систем. Подобно другим открытым системам, ПТСЭС взаимодействуют – обмениваются потоками вещества, энергии, информации – с внешней средой и с другими системами (Алаев 1983, с. 60).

Одним из ключевых параметров внешней среды ПТСЭС является ведущая функция границы, к которой они примыкают. Основными типами функций границы считаются барьерная,

контактная и фильтрующая (Колосов и Мироненко 2005, с. 305). При этом барьерность и контактность границ – динамичные категории, поскольку контактная и барьерная функции находятся в непрерывном процессе перераспределения (Колосов, Зотова, Себенцов 2016, сс. 9-10). Соотношение контактности и барьерности конкретного участка границы оказывает влияние на степень открытости и возможность самосохранения прилегающих к нему приграничных систем. Приоритет той или иной функции границы определяет состав и объем входящих и исходящих потоков и, следовательно, задаёт рамки развития отношений между приграничными системами.

Как видно на рис. 1, границы всегда сохраняют определенную степень проницаемости, однако количество и качество отраженных входящих потоков различно. Если разделить входящие потоки на желательные (необходимые для самосохранения и саморегуляции системы), нейтральные и нежелательные (препятствующие самосохранению и саморегуляции системы), можно предположить, что при ведущей барьерной функции границы (а) ряд желательных, в том числе необходимых для ПТСЭС входящих потоков будет заблокирован, что со временем может привести к нарушению её устойчивого функционирования. Кроме того, усиление барьерной функции границы с высокой долей вероятности приводит к нарушению или «заморозке» связей, установленных с сопредельной приграничной системой.

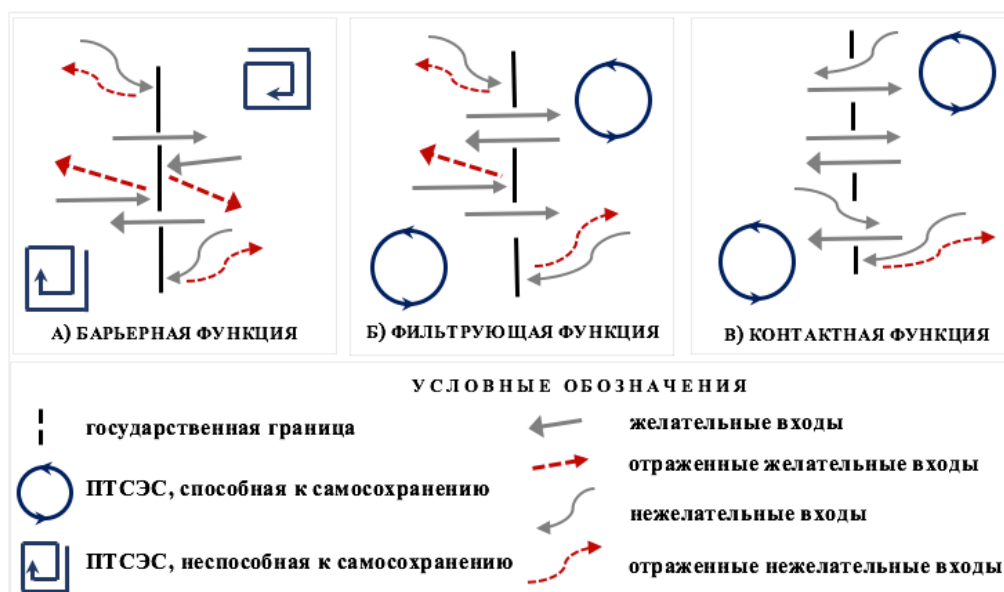

Рис. 1. Взаимосвязь возможности самосохранения ПТСЭС и ведущей функции границы, к которой они примыкают³

Составлено автором.

³ Для большей наглядности на рис. 1 указаны только желательные и нежелательные входящие потоки. Подобно желательным и нежелательным потокам, вероятность отражения или проникновения нейтральных потоков в ПТСЭС зависит от доминирующей функции границы.

В условиях доминирования фильтрующей функции границы (б) входящие потоки системы строго определены, однако её шансы на самосохранение значительно повышаются по сравнению с условиями доминирования барьерной функции, так как система имеет возможность изменить наличные ресурсы на необходимые ей для саморегуляции. Предпочтение контактной функции границы (в) создает возможность превращения приграничной системы в территорию новых договорных отношений. Свободный обмен потоками с внешней средой и смежными системами обеспечивает беспрепятственную реализацию способности системы к саморазвитию (Иваницкий, Привалов и Привалова 2012, с. 4), и, тем самым, обеспечивает ее самосохранение.

Стоит отметить, что применение системного подхода к изучению приграничных территорий имеет ряд ограничений. Главное из них – условная целостность приграничной территории как системы, обусловленная тем, что «одна из её границ, совпадающая с государственной, проведена искусственно и не отражает закономерного изменения структуры и типа функционирования природной среды» (Бакланов, Ганзей 2008, с. 16). Проявлением искусственности границы является общность географического положения, истории, экологии и этнических групп смежных приграничных территорий (Яровой 2007, с. 61).

Наличие объединяющих компонентов превращает приграничные смежные территории в своего рода «сообщающиеся сосуды», поскольку антропогенные и природные процессы, происходящие в одной ПТСЭС, оказывают прямое или опосредованное воздействие на состояние соседней ПТСЭС. Для С.С. Ганзея наличие подобной социально-экономической и экологической зависимости от смежной территории сопредельного государства является сущностной характеристикой любой приграничной территории (2004, с. 12). Это неизбежное взаимовлияние представляет собой второе ограничение для рассмотрения приграничных территорий как целостных территориальных систем.

Наконец, третьим ограничением является удобство, а порой необходимость взаимодействия смежных ПТСЭС для решения общих проблем жителей приграничья. Примерами вопросов, решение которых можно оптимизировать благодаря объединению усилий, являются планирование пространства, выстраивание баланса секторов экономики и поддержание социокультурной активности населения (Del Biaggio 2015, p. 52). По этим вопросам взаимодействие с сопредельной приграничной территорией может быть значительно интенсивнее взаимодействия с другими системами-контрагентами – с центром и с приграничными районами своего государства. Взаимодействия смежных ПТСЭС могут перейти в разряд необходимых в чрезвычайных ситуациях и при несчастном случае с гражданином сопредельного государства.

Упомянутые ограничения и распространение идеи о постепенном стирании различий между приграничными системами в случае их регулярного взаимодействия стимулировали

переход от изучения ПТСЭС к изучению трансграничных систем. Другим стимулом подобного перехода стали новые возможности, открывающиеся перед ПТСЭС в случае их рассмотрения как довольно целостной трансграничной системы. Следующий подраздел диссертации содержит развернутый анализ трансграничных систем как совокупности смежных приграничных территорий.

1.2.2. Трансграничные территориальные системы, их свойства и типы

За последние двадцать лет благодаря трудам таких отечественных ученых, как П.Я. Бакланов, А.Б. Волынчук, С.С. Ганзей, Т.И. Герасименко, В.Я. Дегтярев, Г.Б. Жусупова, В.А. Колосов, В.С. Корнеевец, К.В. Лесконцева, Г.Н. Пряхин, Я.А. Фролова, сложилась традиция рассмотрения трансграничных территорий в рамках системного подхода.

Трансграничные территории относятся к классу сложных динамичных пространственных систем и состоят из двух и более ПТСЭС – приграничных муниципальных образований или регионов. Эти подсистемы имеют сходства, но сосуществуют в рамках различных экономических, административных, институциональных и социокультурных пространств сопредельных государств.

На региональном уровне смежные ПТСЭС обычно представлены с помощью термина «трансграничный регион». На местном уровне феномен смежных приграничных систем чаще всего обсуждается на примере городов, разделенных границей, с привлечением широкого спектра терминов, в том числе «смежные приграничные города», «города-близнецы» и «трансграничная агломерация» (подробнее см. следующий раздел).

В качестве основы определения трансграничных систем учёные руководствуются разными признаками, в том числе единством ландшафта, экономическим, интеграционным и этнокультурным единством. По П.Я. Бакланову и А.К. Тулохонову, целостность трансграничных систем увеличивается в случае, когда «в их основе лежат целостные природные системы» – бассейны рек и озер, рассеянные государственной границей (2010, с. 15). Исходя из этого положения, авторы полагают, что в исследовании трансграничной территории «центральное место должно уделяться состоянию вмещающей её геосистемы» (Ганзей 2004, с. 14). Другой подход представлен в работах В.А. Колосова и Р.Ф. Туровского, для которых «единство природной первоосновы, расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, исторических, этнических и культурных традиций» являются равноценными характеристиками трансграничного района (1997, с. 110). Для Т.И. Герасименко основой трансграничных систем выступает общность этнокультурного пространства, хотя автор признаёт, что в случае соседства абсолютно некомплементарных этнических групп, общего этнокультурного пространства в пограничье может не возникнуть (2005, с. 89). Наконец, ряд

ученых полагает, что трансграничные системы можно конструировать, то есть наращивать или создавать специфические свойства, присущие территориям по обе стороны границы (Paasi 1996; Matthiessen 2005; Löfgren 2008).

В диссертационном исследовании используется комплексный подход к определению трансграничных систем, созвучный их прочтению В.А. Колосовым и Р.Ф. Туровским, то есть каждое сходство, каждый объединяющий компонент смежных приграничных систем рассматривается как равнозначный в установлении и поддержании трансграничных связей.

Учитывая протяженность государственной границы России и многообразие сопредельных государств, большинство географических исследований трансграничных территорий, следующих системному подходу, посвящены особенностям их выделения и функционирования на отдельных участках границы. Так, работы П.Я. Бакланова и С.С. Ганзея обращены к изучению трансграничных геосистем Дальнего Востока России и северо-востока Китая. На материалах российско-китайского приграничья этот авторский коллектив проанализировал особенности физико- и экономико-географических подходов к выделению трансграничных территорий, сформулировал их типы и свойства. Некоторые из предложенных свойств, в частности трансграничная дифференциация (природная, природно-ресурсная, социально-экономическая) и трансграничная асимметрия природопользования, были рассмотрены П.Я. Баклановым и С.С. Ганзеем (2008) впервые.

Т.И. Герасименко специализируется на анализе этнокультурных трансграничных систем на российско-казахстанской границе. На примере Оренбургско-казахстанского трансграничного региона автор даёт оценку динамики изменений этнокультурной среды и выделяет объективные и субъективные факторы этнокультурного развития трансграничных систем. Факторы первой категории включают географическое и геополитическое положение, климатические условия, религию, особенности освоения территории и сходство ландшафтов, в то время как к субъективным факторам относятся особенности межэтнического взаимодействия, административно-территориальное устройство и социально-экономическая политика органов власти (2005, с. 150).

Руководствуясь положениями общей теории систем, а также сопоставив трансграничные системы с такими территориальными социально-экономическими системами как муниципальное образование и регион, были обобщены и дополнены их системообразующие и специфические свойства.

1. Целостность, или эмерджентность, – образование нового качества у элементов системы по сравнению с их суммой путём синтеза и укрепления их взаимных связей (Саушкин 1973, с. 415), «зависимость каждого элемента, его свойств и отношений в системе от его места и функции внутри целого» (Горкин 2013, с. 233).

Особенности применения принципа целостности в исследованиях экономико-географических систем раскрыты в статье Л.Б. Вардомского и Н.С. Мироненко, которые под целостностью понимают «взаимосвязанность, взаимоприспособленность и взаимное соответствие» элементов системы (Вардомский, Мироненко 1978, с. 32). В число примеров целостных систем, являющихся объектом изучения экономической географии, учёные включают агломерации, интеграционные регионы (экономические объединения стран) и мировое хозяйство. В качестве приоритетных направлений будущих исследований Л.Б. Вардомский и Н.С. Мироненко называли изучение целостности систем в процессе межстрановой⁴ интергации (1978, с. 38).

2. Иерархичность – сочетание возможности представления системы как элемента более высокого ранга и выделения в ней других подсистем (Вардомский, Мироненко 1978, с. 32; Казаченко, 2014, с. 137).
3. Историчность – прохождение системой пути от зарождения до прекращения существования «посредством дезинтеграции или фундаментальной трансформации» (Валлерстайн 2001, с. 95).
4. Структурность – «обусловленность поведения системы поведением её отдельных элементов (подсистем) и свойствами её структуры» (Горкин 2013, с. 233).
5. Устойчивость – способность системы к сохранению качественной определенности при изменении структуры и функций её элементов (Елохов 2010, с. 17).
6. Адаптивность – способность приспосабливаться к изменениям внутренних и внешних условий, сохраняя стабильность функционирования системы (Елохов 2010, с. 14).

По Л.Б. Вардомскому и Н.С. Мироненко, адаптация элементов системы является взаимной и осуществляется путём совершенствования внутрисистемных связей – «сохранения и усиления одних, появления новых и устранения некоторых старых» (1978, с. 35).

7. Способность к саморазвитию – непрерывная функциональная и структурная перестройка системы под влиянием внутренних факторов, увеличивающая упорядоченность её поведения (Елохов 2010, с. 17).
8. Синергичность – однонаправленность действий элементов системы, которая приводит к увеличению итогового результата.
9. Полиядерность⁵ – «множество слагаемых элементов, обладающих различными свойствами» (Вардомский, Мироненко 1978, с. 32); возникновение и последующее

⁴ В статье рассматривается исключительно социалистическая экономическая интеграция.

⁵ Применительно ко всему множеству экономико-географических систем аналогичное свойство принято называть многокомпонентностью (Вардомский, Мироненко 1978, с. 32).

развитие параллельных структурных элементов в составе трансграничной системы ввиду наличия внутренней границы между ПТСЭС (Волынчук 2009, с. 52).

10. Высокая зависимость от воздействий внешней среды.

Первые четыре из перечисленных свойств являются общесистемными для территориальных социально-экономических систем, но проявление некоторых из них в трансграничных системах имеет ряд особенностей. Анализируя свойство *целостности* трансграничных систем, необходимо учитывать раздвоенность их структуры («двухзвенность» по П.Я. Бакланову и С.С. Ганзею), обусловленную наличием внутренней границы – межгосударственного рубежа – между элементами системы. В научных кругах нет единства в оценке влияния внутренней границы трансграничных образований на их системную целостность. А.Б. Волынчук полагает, что в силу доминирования контактной функции границы в трансграничных системах внутренняя граница «не нарушает единства внутрирегиональных процессов и связей» (Волынчук 2009, с. 54). Однако в условиях повышения контактности границы полное нивелирование деления трансграничных систем на сектора не происходит автоматически. Сглаживание барьерности внутренней границы является результатом трудоемкого и долговременного процесса. Следовательно, стоит сделать вывод о применимости тезиса Л.Д. Казаченко (Казаченко 2014, с. 136), исследовавшей региональные социально-экономические системы, о том, что свойство целостности скорее характеризует идеальное состояние этого типа систем.

Другой важной характеристикой любой системы является её структура, то есть отражение наиболее существенных элементов и взаимосвязей, которые обеспечивают существование системы и её основные свойства (Баринов 2006, сс. 698-699). Как показал анализ литературы по теме внутреннего устройства систем «муниципальное образование» и «регион» (в частности – трансграничный регион), многие авторы (П.Я. Бакланов, О.Ф. Балацкий, Д.В. Бельшев, А.Б. Волынчук, С.С. Ганзей, В.И. Гурман и Я.А. Фролова) выделяют три ключевых подсистемы⁶ в региональных и муниципальных СЭС, а именно экологическую (природную геосистему), экономическую (её хозяйственное использование) и социальную (её население, обычаи и традиции). Некоторые исследователи (М.Н. Межевич, В.А. Кожин, А.П. Егоршин, В.А. Колосов и А.М. Елохов) расширяют этот перечень за счет включения инфраструктурной подсистемы, другие ученые (В.А. Кожин, А.П. Егоршин и А.М. Елохов) добавляют управленческую и финансово-экономическую подсистемы. Наиболее развернутый перечень подсистем трансграничного региона был составлен Т.И. Герасименко и М.Г. Лапаевой (2012, с. 299). Помимо перечисленных ранее

⁶ В качестве определения подсистемы СЭС в диссертационном исследовании принято определение В.А. Барина, согласно которому подсистема – это «относительно независимая часть системы, обладающая свойствами системы и имеющая подцель, на достижение которой она ориентирована».

подсистем, в него вошли геополитическая, идентификационная, психологическая, социологическая, топонимическая, этногеографическая и этнокультурная подсистемы.

Раскрывая свойство *иерархичности*, необходимо определить соотношение трансграничных систем с другими социально-экономическими системами. В отличие от систем «регион» и «муниципальное образование», которые выступают в качестве элементов национальных социально-экономических систем, трансграничные системы можно рассматривать в качестве элемента глобальных систем – макрорегиональных и/или мировых, в том числе как звено пространственной организации мирового хозяйства и социальной организации мирового сообщества. Первичными элементами трансграничных систем, как отмечалось ранее, являются ПТСЭС.

Продолжая декомпозицию пространственной структуры трансграничных систем, стоит вспомнить описанную ранее трёхступенчатую классификацию Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова, согласно которой приграничные территории можно изучать на макро-, мезо- и микроуровне. Для иллюстрации полимасштабной пространственной структуры трансграничных систем рассмотрим российско-китайский трансграничный регион (рис. 2).

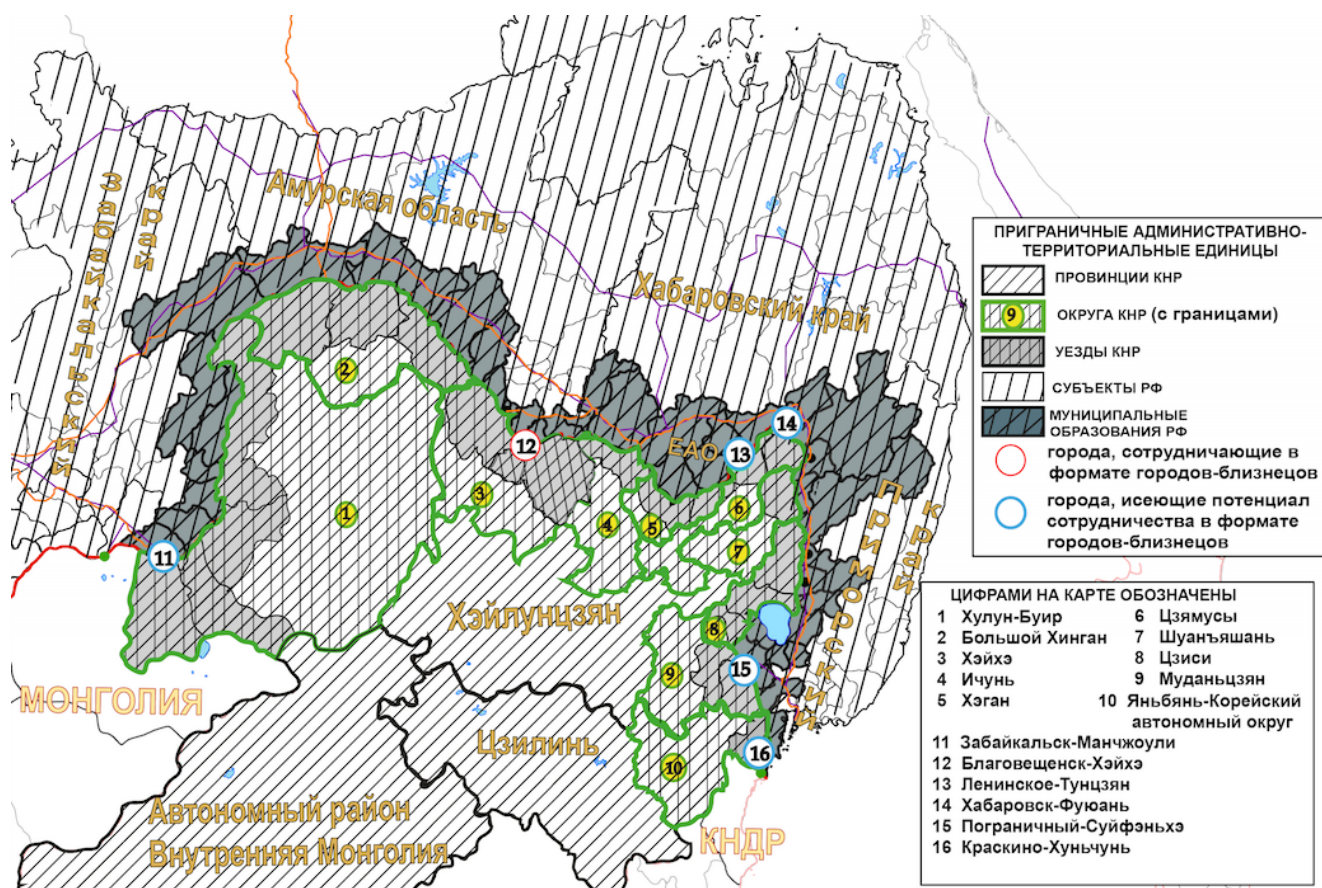

Рис. 2. Полимасштабная структура российско-китайского трансграничного региона

Составлено автором.

Макроуровень российско-китайского трансграничья (далее РКТ) составляют пять субъектов РФ и три провинции КНР (обозначенные на рис. 2 штриховкой). Мезоуровень РКТ имеет

двухчастную структуру, поскольку в административно-территориальном делении КНР существует два вида единиц субрегионального подчинения – округа и уезды. Таким образом, мезоуровень можно рассматривать а) как совокупность 43 приграничных муниципальных образований РФ⁷, 7 из которых находятся на забайкальском участке и 36 – на дальневосточном, и 10 приграничных округов КНР (выделены решетчатой заливкой, далее «мезоуровень 1») или б) как совокупность тех же приграничных МО РФ и 24 приграничных уездов КНР (выделены оттенками серого, далее «мезоуровень 2»). Микроуровень РКТ обозначен на карте частично: из 15 действующих пунктов пропуска выделено шесть, расположенных между населенными пунктами, которые по совокупности историко-географических характеристик являются городами-близнецами (12) или имеют предпосылки в будущем начать использовать формат сотрудничества городов-близнецов (11, 13-16) (подробнее о различиях первого и второго типов городов-близнецов см. в п. 1.3.2).

Проделанный анализ статистических данных плотности населения РКТ (Приложение 2) подтвердил, что использование макроуровня РКТ при сопоставлении демографических и экономических показателей создаёт искажённую картину и провоцирует спекуляции. На приграничные с Россией провинции КНР приходится 94,5% населения макроуровня РКТ, плотность населения в них опережает сопредельные субъекты РФ примерно в 17 раз. Представление о демографической диспропорции между российской и китайской частями РКТ существенно меняется при переходе с макроуровня на мезоуровень 1, в рамках которого по численности населения российская сторона уступает китайской в 8,4 раза. Второй мезоуровень в сравнении с другими уровнями РКТ характеризуется минимальной диспропорцией демографического потенциала смежных ПТСЭС: в этом масштабе российская часть РКТ в 1,9 раз менее населённая, чем китайская. На микроуровне диспропорция по-прежнему существенно ниже показателей макроуровня, хотя её значение увеличивается: на этом уровне российская часть в 2,2 раза более малочисленна, чем китайская. Таким образом, наиболее приемлемыми для сопоставления демографического потенциала смежных ПТСЭС являются мезоуровень приграничья 2 (все приграничные МО РФ и уезды КНР) либо микроуровень (только те низовые административно-территориальные единицы, между которыми действует пограничный пункт пропуска).

Значительные различия в плотности населения были выявлены с обеих сторон границы между ПТСЭС каждого уровня, что демонстрирует внутреннее многообразие элементов трансграничной системы в восточной секции российско-китайской границы. Ряд исследователей рассматривают эту характеристику как дополнительное свойство сложных ТСЭС, обусловленное наличием в их структуре большого количества элементов и связей между ними.

⁷ В состав мезоуровня российского части РКТ были включены муниципальные образования, рассматриваемые в качестве приграничных в Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, утвержденной 28 октября 2015 г.

Для формирования более детального представления о многообразии трансграничных систем была составлена их классификация. В качестве классификационных критериев были использованы различные параметры внутренней и внешней среды трансграничных систем, в том числе охват, количество, административная симметричность и степень интегрированности структурных элементов, уровень социокультурной и этноконфессиональной однородности, положение относительно политических и экономических интеграционных объединений (систем высшего порядка) и др. (см. рис. 3).

Предложенная классификация может использоваться для характеристики трансграничных систем муниципального и регионального уровней, а также при планировании приграничного сотрудничества в них. Для пояснения разработанных классификационных критериев охарактеризуем такую трансграничную систему регионального уровня как упоминавшийся ранее Баренцев Евро-Арктический регион, состоящий из северных территорий Норвегии, Швеции, Финляндии и России. БЕАР представляет собой трансграничную систему расширенного охвата (включает регионы, не являющиеся приграничными) с региональным уровнем интеграции. Если в качестве элемента БЕАР рассматривать административно-территориальные единицы первого уровня, в его состав входят тринадцать подсистем региональной размерности. Если брать за структурный элемент территории стран-участниц, то компонентами БЕАР являются четыре макро-подсистемы, соответствующие четырем группам северных территорий – норвежской, шведской, финской и российской. Все территории, входящие в БЕАР, относятся к периферийным (Zimmerbauer 2013, с. 94), хотя некоторые учёные ставят такую оценку ЭГП БЕАР под сомнение ввиду нарастания значимости Арктики и Северного морского пути (Joenniemi 2015, p. 22).

Структурные элементы БЕАР являются асимметричными, независимо от способа выделения базового элемента. Это связано с различиями полномочий субнациональных единиц стран-участниц Баренцева региона, а также с различиями статусов российских регионов, поскольку в БЕАР входят три типа субъектов РФ – области (Мурманская и Архангельская), республики (Республика Карелия и Республика Коми) и автономный округ (Ненецкий).

Для БЕАР характерна социокультурная, конфессиональная и этническая неоднородность. Помимо русских, норвежцев, шведов и финнов на территории БЕАР проживает три народа, относящихся к категории коренных малочисленных, – саамы на территории всего региона, ненцы и вепсы в его российской части, а также несколько других финно-угорских народов (карелы и коми), не имеющих статуса коренных малочисленных народов, и этнографическая группа поморов.

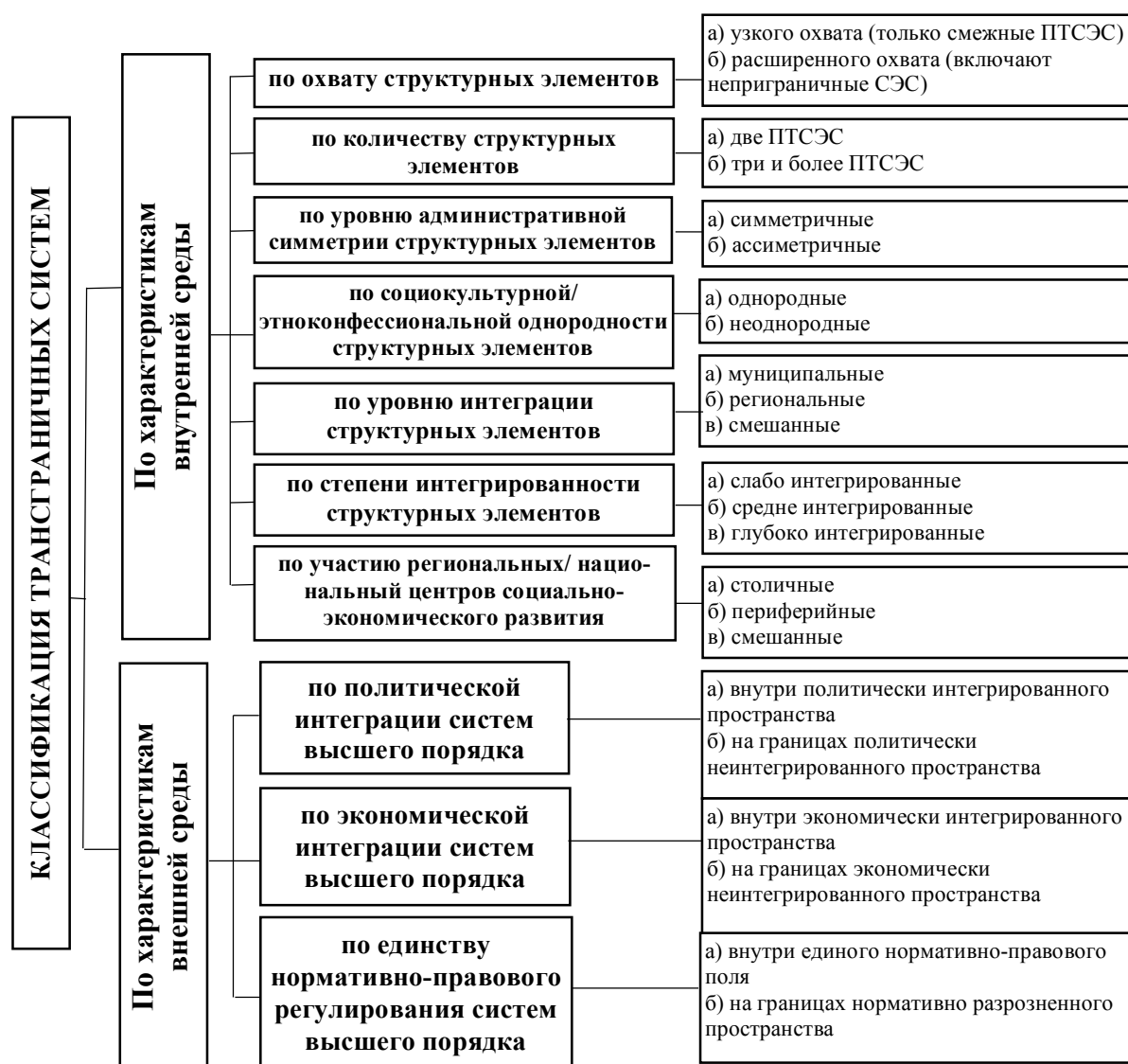

Рис. 3. Классификация трансграничных систем по характеристиках внутренней и внешней среды

Составлено автором.

Хотя формирование общей идентичности у жителей Баренцева региона ставилось одной из задач трансграничного взаимодействия с момента создания БЕАР, на 2018 г. говорить о её существенном распространении затруднительно (Hønneland 1998; Zimmerbauer 2013, с. 100). В статье Б.Ш. Форса высказан аргументированный скепсис в отношении оснований для возникновения общей идентичности в Баренц-регионе ввиду различий между западной и восточной частями БЕАР (Fors 2010, р. 49). Вопреки этой точке зрения некоторые активисты считают, что этот тип идентичности сформировался в треугольнике Киркенес-Мурманск-Рованиemi (Heikkilä 2014, р. 1), однако необходимо помнить, что большая часть БЕАР находится за его пределами.

Как следует из приведенной выше характеристики различных параметров внутренней среды БЕАР как трансграничной системы, между входящими в её состав подсистемами

содержится ряд диспропорций и различий. Такая разнородность вместе с относительно непродолжительным существованием трансграничной системы (с 1993 г.) свидетельствуют о её принадлежности к классу слабо интегрированных систем.

Анализ положения БЕАР относительно политических и экономических интеграционных объединений, а также единства нормативно-правового регулирования систем высшего порядка показывает, что эта трансграничная система создана на границе разрозненных политических, экономических и нормативно-правовых пространств. Границу этих пространств можно провести между странами-членами Европейской экономической зоны (Норвегией, Швецией и Финляндией), которые одновременно являются странами-подписантами Шенгенского соглашения, и Россией. Ещё более фрагментарным пространство БЕАР становится, если оценить уровень политической интеграции этой трансграничной системы. В этом случае Баренцев регион разделен тремя диадами границ – Норвегия-Евросоюз (норвежско-шведская и норвежско-финская границы), Россия-Норвегия и Россия-Евросоюз (российско-финляндская граница).

1.3. Города-близнецы как трансграничные территориальные системы

1.3.1. Эволюция распространения понятия «города-близнецы» и критика в его адрес

На мезо- и микроуровне трансграничные территориальные социально-экономические системы формируются на основе поселений, расположенных по близости друг от друга по разные стороны государственных границ и имеющих необходимые инфраструктурные и институциональные условия для пересечения границы (наличие трансграничных путей сообщения, действующих пограничных пунктов пропуска и соглашений о режиме пересечения границы). Подобные смежные поселения, также известные как города-близнецы, не раз выступали как местом противостояния (в том числе военного) сопредельных государств⁸, так и проведения переговоров и заключения международных соглашений⁹. Благодаря активизации приграничного сотрудничества в Европе после Второй мировой войны спектр функций, выполняемых городами-близнецами, расширился. Хотя решение хозяйственных споров между такими поселениями по-прежнему иногда осложняется политическими разногласиями сопредельных государств, сегодня можно говорить о доминировании конструктивных форматов взаимодействия между ними. Научное сообщество, общественные деятели и бизнес-структуры всё чаще рассматривают города-близнецы в роли экспериментальных площадок для апробации новых форматов приграничного сотрудничества (Asher 2004, Schultz 2002), лидеров

⁸ Например, осада Ивангородской крепости шведским войском в 1496 г. (Алексеев 2007, сс.355-358).

⁹ К примеру, Пиренейский мир 1659 г. между Францией и Испанией был подписан на острове Фазанов между городами Ирун и Андай.

интернационализации региональных экономик (Arando, Navarro and Peña 2007) и акторов парадипломатии (Joenniemi and Sergunin 2011).

Аналогичный тренд заметен и в России. За последние два десятилетия города-близнецы на государственной границе РФ не только привлекли внимание отечественных исследователей (Rogova 2009, Рыжова 2008, Чернова 2013, Анищенко и Сергунин 2012, Михайлова 2014 и 2015), но и получили определенное признание в качестве лабораторий приграничного сотрудничества со стороны органов управления регионального и федерального уровней.

Устоявшегося определения городов-близнецов пока не выработано. В значительной степени это связано с многообразием самого явления, использованием различных дисциплинарных подходов и недостатком теоретических основ его изучения.

Термин (калька с англ. «twin cities») вошел в употребление в конце XIX в. в отношении американской пары городов Миннеаполис и Сент-Пол, расположенных в штате Миннесота на административной границе между округами Хеннепин и Рэмси. Хотя их отношения до 70-х гг. XX в. складывались в основном конфликтно (Kane and Ominsky 1983, Wingerd and Garrard 2018), Миннеаполис и Сент-Пол активно используют брэнд «города-близнецы» для позиционирования на национальном и мировом уровне. Так, для привлечения путешественников местные туристические агентства распространяют лозунг «Посети города-близнецы»¹⁰, а бейсбольная команда высшей лиги с 1961 г. носит имя «Близнецы Миннесоты» (Minnesota Twins)¹¹.

Со временем понятие «города-близнецы» стало применяться для обозначения городов, разделенных внешней государственной границей. Первые исследования такого рода появились в 50-е годы XX века и были посвящены городам, расположенным по разные стороны американо-мексиканской границы (Form and D'Antonio 1959). Поистине широкое распространение термин «города-близнецы» получил с начала 90-х гг. в Европе. В это время ввиду распада Югославии, Чехословакии и СССР в Центральной и Восточной Европе был взят курс на сотрудничество смежных приграничных поселений в разных сферах жизни.

Распространение термина «города-близнецы» в средствах массовой информации и научных статьях при отсутствии его общепринятого определения привело к росту критических замечаний в адрес метафорического сравнения городов с близнецами. Одним из первых по этому поводу высказался мексиканский исследователь Д. Арреола, назвавший использование термина «города-близнецы» попыткой американских ученых навязать остальному миру восприятие пар американо-мексиканских городов-соседей в качестве близнецов. Действительно, содержащаяся в понятии «города-близнецы» отсылка к генетическим связям поселений редко соответствует

¹⁰ Официальный сайт туристического агентства «Visit Twin Cities». URL: <http://visit-twincities.com/> (дата обращения 01.03.2016)

¹¹ Официальный сайт «Minnesota Twins». URL: http://minnesota.twins.mlb.com/index.jsp?c_id=min (дата обращения 12.04.2016)

действительности: мир знает мало примеров приграничных сообществ, выросших из одного семени, с одинаковой датой образования и сопоставимыми размерами (Arreola 1996, с. 356-357).

В процессе функционирования смежных поселений, возникших в пределах одного государства, после его разделения различия между ними нарастают. По словам Х. Эскилинен и Ю. Котилайнена, после появления границы города-близнецы «обречены на разные траектории эволюции» (Eskilinen and Kotilainen 2005, с. 35). Их развитие определяется различными движущими факторами, порожденными социально-экономическими, политико-административными и правовыми системами сопредельных государств. Неудивительно, что пары смежных приграничных городов превращаются в «продукты двух разных институциональных основ» (Buursink and Ehlers 1999, с. 1).

Помимо общетеоретической критики изучаемого понятия, каждая инициатива «городов-близнецов» сталкивается со скептицизмом на практике. Местные жители, зачастую не имея подготовки по теме смежных приграничных поселений, отрицают сходство населенных пунктов, используя личный опыт и привлекая визуальные ассоциации. Наглядным примером подчеркивания внешних различий может послужить заметка, противопоставляющая высотный Хэйхэ и «малозэтажный купеческий» Благовещенск (Романова 2013).

Наиболее выраженную неприязнь у жителей приграничья вызывают высказывания о внезапном возникновении «близнеца» у города их проживания. Такая реакция происходит в тот момент, когда в СМИ появляется дословный перевод англоязычной фразы «twin cities» (примеры иноязычных терминов, калькирующих понятие «города-близнецы», см. в Приложении 3). Узнав название формата сотрудничества, чаще всего жители смежных приграничных поселений оказываются не готовы принять метафору «близнецов» на своем родном языке. Для избегания недовольства населения органы местного самоуправления и журналисты возвращаются к использованию англоязычной фразы «twin city» или «city twins» без перевода (Би-порт 2009) или к применению ее фонетического эквивалента, в случае русского языка – это «твин сити» или «сити твинс» (Официальный сайт МО «Светогорское городское поселение» 2011).

Критика понятия «города-близнецы» стимулировала поиск новых терминов, подходящих для обозначения смежных приграничных поселений. Большинство альтернативных понятий употребляются только в определенном контексте. Например, термин «*города поверх границ*» (англ. *border-crossing cities*) был предложен Я. Буурсинком для подчеркивания значимости трансграничных контактов, мотивированных общими интересами и возможностями совместного развития культурного ландшафта, институциональных отношений и общественной жизни смежных городов (Buursink 2001, с. 17).

В понятии «*двунациональный город*» (англ. *binational city*), разрабатываемом нидерландской исследовательницей Н. Эйлерс, акцент сделан на создание общей

трансграничной, двунациональной или космополитической идентичности, которая призвана заменить национальное самосознание. Движущей силой этого процесса выступает оппозиция столице и/или региональным центрам, которые «едва ли задумываются о положении периферийных приграничных регионов» (Ehlers 2001, с. 5). В более поздних трудах Н. Эйлерс уточняет, что отправной точкой создания двунационального города служит «желание органов самоуправления смежных населенных пунктов достичь экономической, политико-административной и культурной интеграции» (Ehlers 2007, с. 52).

Некоторые исследователи называют смежные приграничные поселения *трансграничными метрополисами* (англ. *transfrontier metropolis*), *трансграничными агломерациями* (англ. *transborder agglomeration*) или *трансграничными конурбациями* (англ. *transborder conurbation*), подчеркивая значимость функциональных связей между ними и их постепенное преобразование в единую территориальную систему.

Термин «*трансграничный метрополис*» был предложен Л. Херцогом (Herzog 1991) для обозначения быстро растущей и укрепляющей свои конкурентные позиции урбанизированной территории между городами Сан-Диего и Тихуана на американо-мексиканской границе и содержит указание на центральное положение смежных приграничных городов в случае их рассмотрения как единого целого.

Понятие «*трансграничная агломерация*» является более широко употребляемым, его авторство установить не удалось. Опираясь на тезис С.М. Бедюховой, А.В. Беляева и М.В. Кондратова о том, что главное свойство городской агломерации состоит в существовании функциональных связей между группой населенных пунктов (2012, с. 10), трансграничную агломерацию можно определить как разновидность городской агломерации, в которой функциональные связи установлены между городами, расположенными по разные стороны границы. Оба понятия – «*трансграничная агломерация*» и «*трансграничная конурбация*» – используется в публикациях Ассоциации трансграничных территорий «Mission Opérationnelle Transfrontalière» (MOT), основанной в 1997 г. правительством Франции, в отношении скоплений городов на внутренних и внешних границах Евросоюза.

Несмотря на справедливость критических замечаний и наличие перечисленных выше альтернативных понятий, термин «города-близнецы» остается наиболее распространенным. В этой диссертации автор также следует сложившейся традиции.

1.3.2. Города-близнецы – историко-географические реалии и формат сотрудничества

Краеугольным положением современных дискуссий о городах-близнецах является признание того, что примыкание к границе и друг к другу является лишь предпосылкой соответствия понятию «города-близнецы» (Buursink and Ehlers 1999, Buursink 2001, Joenniemi and Sergunin 2009). Долгое время научные споры были направлены на поиск дополнительного

ключевого критерия, опираясь на который можно было бы отделить «настоящие» города-близнецы от массы прочих смежных приграничных поселений. В качестве таких критериев учёные предлагали сходство между парными поселениями (Argeola 1996), поддержку местными жителями сотрудничества между ними (Bucken-Knapp 2001, Matthiesen and Bürkner 2001) и наличие общей идентичности горожан по обе стороны границы (Buursink 2001, Ehlers 2001). В ряде работ (Schultz 2002, Joenniemi and Sergunin 2011, Анищенко и Сергунин 2012) предпринимались попытки сформулировать набор характеристик, совокупность которых позволяет верифицировать понятие города-близнецы.

Подвести черту под этой дискуссией помогает разграничение между двумя временными горизонтами рассмотрения городов-близнецов и двумя видами городов-близнецов – естественными и конструируемыми. В первом случае они определяются как «объективно существующие пространственно-исторические феномены» (города общего происхождения и с общими «генами», сформированными под действием единых социально-экономических и политических процессов). Во втором случае близнецами называют города, в которых принята общая «стратегия организации взаимодействий в современный период» (Janczak 2017, с. 479). Из этого следует, что города-близнецы невозможно выделить исключительно по признаку местоположения. Наделить смежные города статусом близнецов можно, изучив процесс их возникновения и/или характер современных связей.

Города-близнецы как формат сотрудничества – одна из наиболее сложных форм внутривосточного и международного взаимодействия смежных поселений по сравнению с городами-побратимами, городами-партнерами и прочими форматами межгородского сотрудничества. Объективным условием для использования формата городов-близнецов является либерализация режима пересечения границы.

Для городов-близнецов, сформировавшихся естественным путем, ключевое значение имеет их географическое положение относительно государственной границы и друг друга, история образования и сосуществования (см. табл. 2). Отличительные черты конструируемых городов-близнецов – институциональные, экономические, психологические – формируются в процессе взаимодействия, и их значение изменяется с течением времени. Например, местные администрации проводят различные мероприятия для создания у жителей приграничных поселений общей идентичности. Однако появление, распространение и закрепление общей идентичности – нелинейный процесс. К тому же для некоторых городов-близнецов характерен постоянный отток населения и/или частичное замещение населения иммигрантами, что вызывает дополнительные трудности в создании общей идентичности с городом-соседом.

Табл. 2. Ключевые черты городов-близнецов (ГБ) как историко-географического явления и формата сотрудничества

Подходы к выделению ГБ	Характеристики ГБ	Содержание
ГБ как объективно существующее явление	Географические	Примыкание к границе и друг к другу
	Исторические	Общее историческое прошлое, в котором города были единым целым или, наоборот, конкурировали друг с другом
	Этносоциальные (дополнительно)	Смешанный этнический состав; наличие одинаковых этнических групп (национального меньшинства) по обе стороны границы.
ГБ как формат сотрудничества	Институциональные	Наличие правовой и институциональной опоры сотрудничества в формате городов-близнецов — международных соглашений, совместных органов управления и координации
	Экономические	Взаимные экономические выгоды от использования формата городов-близнецов (например, повышение конкурентоспособности, уровня жизни и качества услуг благодаря совместному использованию инфраструктуры, эффекту экономии от масштаба и упрощения административных процедур.
	Психологические	Стремление к сотрудничеству ныне и в будущем; эмпатия местного населения к жителям города-соседа и сходное понимание приграничного положения как ресурса развития.

Составлено автором по (Schultz 2002, Joenniemi and Sergunin 2011, Анищенко и Сергунин 2012, Mikhailova and Wu 2016).

Если представить виды городов-близнецов графически (см. рис. 4), то перед нами окажутся два пересекающихся множества, каждое из которых находится в постоянном процессе обновления. Несовпадение множеств связано с тем, что не все смежные приграничные поселения, которые по своим историко-географическим характеристикам соответствуют городам-близнецам, используют одноименный формат сотрудничества (А). И наоборот, ряд приграничных городов, которые находятся на значительном удалении друг от друга и исторически мало взаимодействовали, начинают выстраивать сотрудничество в формате городов-близнецов (Б). Пополнение множества исторических городов-близнецов (1) вызвано изменением государственных границ (подробнее ниже), в то время как обновление множества конструируемых городов-близнецов скорее связано с изменением режима границ. Нарастание открытости границы создает условия для апробации новых форматов приграничного сотрудничества, в том числе в рамках городов-близнецов (3). Усиление барьерной функции границы и ужесточение ее режима ведет к сокращению и даже прекращению взаимодействия и соответственно угасанию, консервации или прекращению конструирования городов-близнецов (4).

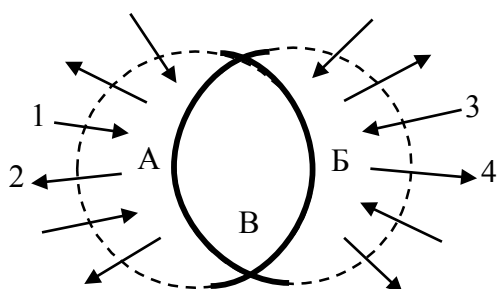

Рис. 4. Схема соотношения естественных (А) и конструируемых (Б) городов-близнецов

Составлено автором.

Сокращение числа естественных городов-близнецов (2), а вернее, их переход в разряд исторических городов-близнецов, возможен в случае их объединения. На сегодня слияние городов-близнецов происходило только на административных границах. Из венгерских городов Буды и Пешт в 1873 г. был создан Будапешт; в результате реформы системы местного самоуправления Великобритании в начале 1990-х гг. города Рочестер (Rochester) и Чатэм (Chatham) были преобразованы в Медуэй (Medway), а Брайтон и Хов стали единым городом Брайтон-энд-Хов (Brighton and Hove). Канадские Порт-Артур и Форт Уилльям после пятидесятилетних дискуссий между местными жителями и органами самоуправления в 1970 г. по собственному желанию объединились в город Тандер-Бей (Thunder Bay).

На государственных границах всерьез слияние городов-близнецов обсуждалось только в контексте городов Херцогенрат (Herzogenrath) и Керкраде (Kerkrade) на германо-нидерландской границе, на основе которых предлагалось создать город «Эуроде» (Eurode). Такое название содержит отсылку к историческому топониму, использовавшемуся для обозначения этой территории в Средние века (нем. *Landes Herzogenrat*), а префикс «EU», т.е. ЕС – к Евросоюзу. Предполагалось, что Эуроде станет символом перехода от национальной идентичности к общеевропейской и примером для подражания для других смежных приграничных городов стран-членов Европейского Союза. В 1998 г. этими городами был учрежден совместный орган управления Эуроде, который поочередно сроком на два года возглавляют мэры смежных городов. Координационный орган включает совет и секретариат, т.е. совещательный и исполнительный орган (eurode.eu). Конечно, о прекращении существования Керкраде и Херцогенрата пока говорить преждевременно, но успехи этих городов в объединении ресурсов и повышении уровня жизни местного населения довольно существенны. В частности, реализована договоренность, согласно которой в случае чрезвычайной ситуации или происшествия помощь пострадавшим оказывается ближайшей городской службой соответствующего профиля – пожарной бригадой, скорой помощью или полицией.

Возникновение естественных городов-близнецов происходит тремя путями: разделением (англ. *partitioning*), дублированием (англ. *duplicating*) (Buursink 2001, сс. 8-14) и соединением

(англ. *engineering*). Первый путь подразумевает вычленение двух поселений из одного в прошлом единого города путем проведения государственной границы через его территорию. Иллюстрацией этого сценария может служить образование городов Валга/Валка на рубеже между Эстонией и Латвией, Франкфурта-на-Одере и Слубице на границе между Германией и Польшей и др. Второй путь характерен для соседних приграничных поселений, одно из которых было создано «в пару» другому. Дублирование могло происходить из соображений безопасности (сооружение русской крепости Ивангород для военного противостояния на тот момент ливонской Нарве) или в связи с волнами переселения, вызванными изменением государственных границ (ввиду перехода левого берега Рио-Гранде под юрисдикцию США часть мексиканцев выехала из американского города Ларедо и основала город Нуэво Ларедо на противоположном мексиканском берегу реки).

В ряде случаев можно говорить о возникновении городов-близнецов путём последовательного разделения и дублирования. Например, оба этих процесса привели к созданию пары городов Светогорск-Иматра: после перехода финского города Энсо под юрисдикцию Советского Союза часть его уезда осталась в составе Финляндии и вошла в состав города Иматра, территория которого была значительно увеличена.

Возникновение поселений на стыке разных государств путем разделения и дублирования происходило в различные исторические периоды, как правило, в результате перекраивания политической карты мира. Такие международные соглашения, как Американо-мексиканский договор 1853 г., Версальский мир 1919 г., урегулирование после Второй мировой войны, привели к образованию десятков городов-близнецов.

Третий тип возникновения естественных городов-близнецов появился относительно недавно и связан с техническим прогрессом в сфере машиностроения, транспорта, инженерного дела и дорожного строительства. Его суть заключается в создании транспортного коридора, обеспечивающего относительно быстрое и экономичное сообщение между приграничными городами, связь между которыми становится ключевой для их экономико-географического положения. Соединение городов производится путём строительства современной инфраструктуры (автотрасс, мостовых переходов, туннелей), организации новых или совершенствования традиционных маршрутов за счёт ввода скоростных железнодорожных перегонов, паромных переправ и пр. Запуск или оптимизация прямого регулярного трансграничного сообщения ведут к снижению временных и материальных затрат, необходимых для пересечения границы, что, в свою очередь, способствует интенсификации пассажиро- и грузопотоков – как транзитных, так и местных. То есть соединение городов трансграничной инфраструктурой вызывает новые отношения соседства и формирует пространство взаимодействий приграничных жителей и организаций. Таким образом, сами «соединенные»

приграничные населенные пункты превращаются в «сообщающиеся сосуды» – города-близнецы. В литературе упоминаются четыре примера соединенных городов-близнецов в Европе. Два из них расположены на румынско-болгарской границе по разные стороны Дуная (Janczak 2015): это Джурджу и Русе, соединенные в 1954 г. двухкилометровым мостом Дружбы, и Калафит и Видин по разные стороны возведенного в 2013 г. Нового европейского моста длиной в 1,9 км. Третий пример – Кале и Дувр – по разные стороны пятидесятикилометрового Евротоннеля (Heddebault 2001). В 2015, когда количество мигрантов и беженцев в окрестностях Кале достигло около 10 тыс. человек, паромное сообщение между Великобританией и Францией было частично переориентировано на маршрут Дувр-Дюнкерк, что позволяет говорить о расширении сети соединенных городов-близнецов. Четвертым примером являются Копенгаген и Мальмё на разных концах восьмикилометрового Орезундского моста (Löfgren 2008).

Ещё пять пар городов (Таллин-Хельсинки, Хельсингёр и Хельсинборг, Зимница и Свиштов, Бекет и Оряхово, Вила-Реал-ду-Санту-Антониу и Айямонте) также можно отнести к соединенным городам благодаря исторической связанности, интенсивности современных трансграничных потоков и наличию регулярной паромной переправы. Например, Хельсингёр и Хельсинборг расположены на противоположных берегах пролива Эресунн, соединены паромной переправой с отправлением каждые 20 минут.

В ближайшее время число соединенных городов-близнецов может расшириться. В ряде случаев планируется создание постоянной трансграничной инфраструктуры между городами, связанными регулярной паромной переправой, что приведёт к увеличению оснований для отнесения этих городов к соединенным городам-близнецам. Этот пример касается Таллина и Хельсинки, городов Бекет и Оряхово. Столицы Эстонии и Финляндии может соединить 90-километровый железнодорожный туннель, который позволит преодолевать расстояние между ними за 30 минут (Heliste, Kosonen, Loikkanen 2004, Pikner 2008, Terk 2012, YLE 2017). Бекет и Оряхово рассматриваются правительствами Румынии и Болгарии в качестве места строительства трансграничного моста. В других случаях отнесение к соединенным городам-близнецам возможно в случае создания новых трансграничных паромных переправ, модернизации и интенсификации имеющегося трансграничного сообщения. Кэлэраши и Силистра на румынско-болгарской границе вписаны в стратегию развития региона Дуная как ещё одно место возведения трансграничного моста (The Danube strategy, 2012). Другим потенциальным примером городов-близнецов на румынско-болгарской границе является пара Олтеница-Тутракан, которая имеет ряд историко-географических характеристик, позволяющих включить их в эту категорию. Учитывая, что паромное сообщение между поселениями сейчас не действует, в полной мере к городам-близнецам (в частности – к соединенным) их можно будет отнести после восстановления регулярных перевозок.

Хотя историко-географические реалии городов-близнецов всегда отличались разнообразием, благодаря распространению соответствующего формата сотрудничества вариативность проявлений этого феномена возросла. Все более контрастные города пробуют выстраивать партнерские отношения. В этой тенденции отражено восприятие формата городов-близнецов как футурологического проекта, независимо от давности взаимодействия соседних поселений и успехов на момент декларации о сотрудничестве в этом формате. Такой подход к определению городов-близнецов имеет сходство с другими объединениями городов, членство в которых связано с волеизъявлением органов местного самоуправления и/или местных жителей. Одним из примеров-аналогов является ассоциация «медленных городов» (*Cittaslow*), пополнение которой происходит за счет городов, органы управления которых с целью повышения качества жизни своего населения решили следовать философии «слоу-фуд» (Елманова 2016, с. 219). Воплощением этой философии стало увеличение числа ярмарок экологически чистых продуктов и стимулирование использования общественного транспорта и средств передвижения с минимальной (или нулевой) эмиссией вредных веществ.

У естественно сформировавшихся городов-близнецов расстояние между городскими центрами обычно крайне незначительно. Например, об Ивангороде и Нарве, городах-близнецах на российско-эстонской границе, говорят, что они находятся друг от друга на расстоянии «полёта стрелы» (Тооде 2007, с. 22). У конструируемых городов-близнецов значение расстояния варьируется в зависимости от плотности населения и доступных средств передвижения. В густонаселенных районах города-близнецы обычно расположены в пределах 10-15 км, в районах с низкой людностью или в условиях создания нового инфраструктурного элемента (туннеля или моста) города-близнецы могут быть удалены друг от друга на значительно большее расстояние. Сегодня дальше всего (на 54 км) отстоят друг от друга Никель и Киркенес, приполярные города-близнецы на российско-норвежской границе.

1.3.3. Города-близнецы в системе географического изучения городов

Недоисследованность городов-близнецов частично связана с появлением и распространением других, более универсальных явлений урбанизации, в первую очередь – агломераций. В научных дискуссиях и литературе можно проследить две противоположные тенденции: с одной стороны, вместо понятия города-близнецы используются другие, более устоявшиеся термины¹². С другой стороны, в работах, посвященных городам-близнецам, авторы отмечают сходство их предмета изучения с другими терминами, принятыми в географическом

¹² В 2015 г. на ежегодной конференции Ассоциации географов США проводилась секция по изучению городов-спутников. Несколько из представленных на ней докладов были посвящены городам-близнецам на административных и государственных границах (Гонконгу и Шэньчжэню в КНР и Мья Сот и Мьявади на тайско-мьянманской границе), при этом не используя термин «города-близнецы».

изучении городов (см. Ganster and Collins 2017). Ниже на основе анализа тематической литературы предпринята попытка соотнесения понятий «города-близнецы» и других терминов географии городов. Учитывая, что каждое из понятий, участвующих в сравнении, является предметом изучения многих исследований, в этой диссертации их характеристика даётся исключительно по отношению к городам-близнецам.

Агломерации, конурбации, интерурбации и города-близнецы

Необходимой отправной точкой для сравнения понятий является введение их определений. Под агломерацией ниже понимается группа населенных пунктов, объединенная интенсивными хозяйственными, трудовыми и культурно-бытовыми связями, благодаря которым «сеть поселений превращается в систему» (Лаппо 1997, с. 89). Конурбация трактуется как полицентрическая агломерация, состоящая из городов, которые «остаются обособленными, хотя целиком включены в один комплекс» (Божё-Гарнье, Шабо 1967, с. 229).

Агломерации, конурбации и города-близнецы имеют ряд сходств. Первое из них – близость входящих в их состав поселений, а точнее непрерывность их жилой застройки. Вторая общая черта – наличие относительно интенсивных связей между городами. Третья – их взаимодополняемость, хотя у городов-близнецов эта черта скорее носит потенциальный характер и указывается в качестве задачи сотрудничества. Ещё одно сходство заключается в общности возможностей и проблем, проистекающей из смежности экономических, экологических и социальных сфер городов-соседей.

С другой стороны, дублированные и разделенные города-близнецы, а также города-близнецы на административных границах – это явления с длительной историей существования. Они существовали задолго до вступления человечества в эпоху индустриализации и введения П. Геддесом термина «конурбация» (Geddes 1915). Одним из первых мысль об историчности непрерывных городских пространств, состоящих из нескольких городов, высказал Томас Фримен в 1959 г. в монографии «Конурбации Великобритании». В качестве примера непрерывных городских пространств британский географ приводит такие города-близнецы на административных границах, как Манчестер и Салфорд, Ньюкасл и Гейтсхед, Ранкорн и Уиднес, Лондон и Саусварк, Миннеаполис и Сент-Пол (Freeman 1959, p. 1).

Можно предположить, что продолжительность существования городов-близнецов как историко-географического феномена соразмерна существованию административных и государственных границ и уходит глубоко в историю. В подтверждение этому можно сослаться на более чем шестисотлетний возраст ряда существующих сегодня европейских городов-близнецов (Schultz 2002, p. 10). Следовательно, черты, указанные как сходства, впервые проявились именно в городах-близнецах. При этом различия в размере между городами-

близнецами, агломерациями и конурбациями (вторые и третьи обычно значительно крупнее), ведут к различному воплощению сходных черт. Непрерывность застройки, комплементарность, общность проблем и возможностей в агломерациях и конурбациях имеют больший масштаб и качественно новый уровень. Примером таких качественных и количественных изменений может служить увеличение многообразия специализации городов, входящих в состав агломерации, расширение спектра и усложнение их общих проблем.

Другой отличительной чертой агломераций и конурбаций по сравнению с городами-близнецами является больший динамизм развития: они продолжают разрастаться и включать в свой состав новые поселения. Города-близнецы реже увеличивают свою площадь. Состав пар и троек дублированных и разъединенных городов-близнецов определен историко-географическими условиями и постоянен. Смена партнера сотрудничества или расширение участников партнерских связей у конструируемых и соединенных городов-близнецов теоретически возможны, но на практике не производились. Обычно выбор контрагента для образования городов-близнецов как за счёт их соединения инфраструктурой, так и путём декларирования намерений сотрудничать на долгосрочную перспективу является географически заданным.

Наконец, в отличие от городов-близнецов агломерации и конурбации демонстрируют большую «концентрацию прогрессивных элементов производительных сил», что позволяет им выступать в роли «очага и побудителя развития, источника возникновения и распространения инноваций» для прилегающей территории (Лаппо 1997, с. 93). Изначально в отношениях между городами-близнецами не заложено функции развития прилегающей территории. Многие из них не имеют ресурсов для производства инноваций. Особенно явно это прослеживается в городах-близнецах малых размеров или изолированных от густонаселенных районов.

С другой стороны, относительно крупные города-близнецы и города-близнецы на границах со значительными социально-экономическими диспропорциями всё чаще обозначаются в документах стратегического планирования в качестве потенциальных точек роста региональных и национальных экономик. С каждым годом появляется всё больше примеров трансфера производственных и управленческих технологий, передачи опыта в сфере культуры, образования, защиты окружающей среды, предоставления услуг населению и пр. между городами-близнецами, а затем от городов-близнецов другим поселениям вглубь страны. Маловероятно, что роль генератора и/или проводника инноваций будет закреплена за всеми городами-близнецами, но можно предположить, что для некоторых из них эта функция постепенно войдёт в число ключевых, тем самым трансформируя это отличие агломераций, конурбаций и городов-близнецов в сходство между ними.

Переходя к соотнесению понятий агломерация, конурбация и города-близнецы, стоит сказать, что они являются пересекающимися. Рассмотрим два примера упоминания городов-близнецов в классических работах по теоретической географии. В словарной статье «Сети и системы расселения» географического понятийно-терминологического словаря Э.Б. Алаев обращает внимание читателей на то, что в большинстве случаев агломерация является формой и системой расселения, но в ситуации изменения линии границы и последующего разделения в прошлом единого города на два выступает только формой расселения. В качестве примера в тексте словаря приведены Берлин как столица ГДР и Западный Берлин, относившиеся на тот момент к разным территориальным и социально-экономическим системам (Алаев 1983, с. 219). Перенос этого примера на другие разделенные или дублированные города-близнецы, расположенные на высоко контрастных границах, например, на Сан-Диего и Тихуану на американо-мексиканской границе хорошо иллюстрирует пересечение понятий «города-близнецы» и «агломерация». Как видно на карте и многократно отмечалось в литературе, эти города представляют собой сплошное урбанизированное пространство и по форме являются биполярной конурбацией, но функциональные связи между ними установлены лишь в некоторых сферах (Alegria 2008).

В книге «Очерки по географии городов» Ж. Божё-Гарнье и Ж. Шабо упоминание городов-близнецов¹³ встречается несколько раз. В качестве демонстрации одного из свойств конурбации – сосуществования и взаимодействия городов, развивавшихся самостоятельно и обособленно, – ученые приводят Миннеаполис и Сент-Пол (1967, с. 229). Затем раскрывая многообразие современных конурбаций, авторы говорят о «конурбациях, развивающихся в необычных условиях», а именно о конурбациях по обе стороны пролива. Здесь Ж. Божё-Гарнье и Ж. Шабо ссылаются на Хельсигёр и Хельсингборг на разных берегах пролива Эресунн (1967, с. 230), где благодаря отлаженной паромной переправе уже к середине 60-х гг. XX в. существовал заметный поток фронтальеров – «трудовых трансграничных маятниковых мигрантов» (Колосов 2016, с. 83).

На основе анализа литературы и изучения карты можно заключить, что существует несколько сценариев пространственного соотнесения городов-близнецов с агломерациями и конурбациями. Многие города-близнецы сегодня входят в состав более крупных агломераций (Зальцбург и Фрайлассинг в составе Большого Зальцбурга, Страсбург и Кель в составе Большого Страсбурга), некоторые стали ядром конурбаций (например, Киншаса и Браззавиль), другие находятся в отдалении от урбанизированных ареалов (например, Торнио-Хаппаранда). Для городов-близнецов со значительной асимметрией, один из которых стал центром агломерации, на первый план постепенно выходят взаимоотношения в рамках иерархической структуры

¹³ В русскоязычном издании книги Ж. Божё-Гарнье и Ж. Шабо термин города-близнецы переведен как «города-двойники», см. с. 229.

агломераций. В городах-близнецах, оба из которых играют роль городов-ядер одной конурбации, отношения «в паре» сохраняют особое значение, но трансформируются за счёт расширения направлений сотрудничества. Аналогичное сочетание ролей городов-близнецов, но в составе двух агломераций, находящихся в пределах разных государств, вступает в конкуренцию с идеей развития трансграничной конурбации. Для городов-близнецов в составе одной агломерации, в которых оба поселения не выполняют роли города-центра, характерно сочетание сохранения значения особых партнерских связей между собой с новыми связями в рамках агломерации. Изолированные смежные приграничные поселения можно рассматривать как города-близнецы, взаимодействие которых в процессе урбанизации осталось практически неизменным.

Города-спутники, интерурбации и города-близнецы

Для осмысления возможных отношений между городами-соседями обратимся к понятиям городов-спутников и интерурбаций. Первый термин используется для обозначения поселений, которые «развиваются возле более крупного города и связаны с ним общностью жизни населения – (достаточно интенсивным) взаимным трудовым и/или культурно-бытовым тяготением» (Давидович 1961, с. 7). В географии городов по способу возникновения города-спутники принято разделять на образованные стихийно и созданные специально по разработанным проектам (Лаппо 1997, с. 103). По доминирующему типу тяготения можно выделить города-спутники первого (с трудовым и культурно-бытовым тяготением) и второго круга (преимущественно с культурно-бытовым тяготением).

Понятие «интерурбация», сформулированное Нильсом Бушьё (Nils Björsjö), подразумевает взаимодополняющие города, каждый из которых не обеспечен всеми необходимыми видами услуг и не может обойтись без другого. Наиболее распространенным примером является возникновение рядом со старым городом «нового населенного пункта, который с ним спаривается» (Ж. Божё-Гарнье и Ж. Шабо 1967, с. 231). Для интерурбаций характерна ситуация, в которой один из городов «берёт опеку над другим, выполняя административные и торговые функции», но такие отношения обычно носят временный характер – «пока новый город не обретет всё необходимое ему оснащение» (там же, с. 231).

С одной стороны, интерурбации похожи на разделенные и дублированные города-близнецы установлением тесных связей с момента возникновения населенных пунктов. С другой стороны, в отличие от интерурбаций отношения городов-близнецов не ограничены во времени, хотя, как говорилось выше, в ряде случаев могут ослабеть в процессе интенсивного вовлечения смежных приграничных поселений во внутриагломерационные связи.

Города-спутники, возникшие независимо от города, ставшего центром агломерации, но со временем оказавшиеся втянутыми в его орбиту, похожи на соединенные города-близнецы,

поскольку усиление связей с другим городом и для тех и для других становится ключевой характеристикой их экономико-географического положения.

В паре городов-близнецов, как и между центром тяготения и городом-спутником нет жёсткого соотношения размерности, чего нельзя сказать о городах в интерурбании. Тяготение может возникнуть как между практически равновеликими городами-соседями, так и между городами с существенно различающейся людностью. В то время как асинхронность возникновения городов, входящих в интерурбацию, подразумевает существенную разницу в их людности, по крайней мере, на первых этапах развития более молодого из соседствующих городов.

Подобно агломерациям и конурбациям, города-спутники, интерурбации и города-близнецы обозначают отношения комплементарности. Однако для городов-спутников и интерурбаций дополнительным объединяющим признаком является выстраивание иерархических отношений, в которых присутствует ведущий и ведомый город. Взаимодействия городов-близнецов чаще складываются в логике горизонтальных связей без подчинения. Даже в тех случаях, когда одна из смежных ПТСЭС значительно крупнее или имеет более высокий статус (например, центра административно-территориальной единицы), явных отношений субординации не возникает. Это связано с принадлежностью городов-близнецов к разным юрисдикциям и следующей из этого ограниченности мер принуждения смежного поселения к исполнению требований, выдвигаемых более крупным городом-соседом.

Помимо сходств между городами-близнецами и городами-спутниками как явлениями, общие черты присутствуют в темах научных дискуссий при их изучении, а именно в отношении и тех и других предпринимались попытки определения «истинных» городов-спутников и городов-близнецов, вёлся поиск количественных и качественных критериев, выполнение которых будет служить гарантией соответствия поселений этим понятиям.

О «бесспорных» городах-спутниках в 1959 г. говорил В.В. Покшишевский на конференции Комиссии географии населения и городов Московского филиала Географического общества СССР (Города-спутники 1961, с. 132), что подразумевало существование городов, чья принадлежность к спутникам вызывала сомнения. Споры об уместности включения тех или иных городов в число городов-близнецов ведутся до сих пор.

В числе критериев, соответствие которым является обязательным для городов-спутников, предлагали активность участия населения в пригородном сообщении – из города-спутника в центр тяготения (Города-спутники 1961, с. 160); удаленность от центрального города на определенное расстояние; соблюдение пропорции людности между городом-спутником и центром тяготения (там же, с. 130) и др. Примечательно, что два из перечисленных критериев –

предельное возможное расстояние между поселениями и частота взаимных посещений – обсуждались в качестве критериев выявления городов-близнецов.

Основным отличием между интерурбациями, городами-спутниками и городами-близнецами является то, что морфологическая непрерывность является обязательным признаком лишь для последних (а именно для разделенных и дублированных городов-близнецов). Во второй половине XX в. существовали предложения сузить понятие городов-спутников до «более или менее значительных городов, находящихся в сфере влияния крупного города, но не слившихся с ним в непрерывную территорию, хотя и близких в отдельных случаях к слиянию» (Города-спутники 1961, с. 175). Сегодня в географии городов устоялась позиция, согласно которой сплошная жилая застройка характерна для спутников-пригородов – «прямого продолжения города-центра» (Лаппо 1997, с. 96). Расстояние между городами, входящими в интерурбацию, в литературе не определено, но обычно речь идет о городах, границы которых отстоят друг от друга на незначительную дистанцию.

Другим значимым отличием является характер связей в городах-близнецах, интерурбациях, между городами-спутниками и городом тяготения. Как следует из определения, в интерурбации взаимодействие необходимо для обеспечения жизнедеятельности жителей более молодого города. Для городов-спутников характерна «печать спутничества» (Лаппо 1997, с. 109), которая проявляется в их экономической специализации, ориентированной на удовлетворение потребностей города-центра. В городах-близнецах отношения строятся иначе. Трудовые и культурно-бытовые связи городов-близнецов редко становятся необходимой и невосполнимой основой их существования. Обычно эти связи заметны и существенны для каждой смежной ПТСЭС как с экономической точки зрения, так и как элемент самоидентификации местных жителей, выражающийся в привычности контакта со смежным зарубежным городским пространством, но не подрывают относительной самодостаточности городов-близнецов. Соседство городов-близнецов открывает новые возможности для их жителей, вносит в их жизнь разнообразие, позволяет расширять клиентскую базу учреждений сферы услуг и создает условия для интернационализации бизнеса. Однако, ввиду постоянного перераспределения контактной и барьерной функций границы органы МСУ городов-близнецов нацелены на развитие взаимовыгодного сотрудничества, не подрывающего конкурентоспособность каждой ПТСЭС.

В ряде случаев между городами-близнецами в процессе их развития устанавливались отношения тяготения. Это происходило в ситуации межгосударственных союзов и прозрачности государственных границ. В качестве примера можно привести Ивангород, который при характеристике советского периода иногда рассматривается как город-спутник Нарвы (Zhurzhenko 2011, p. 75).

С позиции исследователя, общим для всех пяти рассмотренных понятий – городов-близнецов, агломераций, конурбаций, интерурбаций и городов-спутников – является необходимость их комплексного изучения с привлечением широкого круга источников и методов исследования (картографических, статистико-математических и социологических).

Города-побратимы и города-близнецы

В ходе развития международного сотрудничества и в результате процесса деволуции всё большее число городов стало поддерживать диалог с зарубежными партнерами. По признаку активного участия во внешних связях города-близнецы иногда сравнивают (и даже путают) с городами-побратимами. Этому в частности способствует то, что в британском варианте англоязычного перевода эти термины омонимичны¹⁴.

Согласно толковому словарю Т.Ф. Ефремовой, города-побратимы, или породнённые города, – это «города различных стран, установившие непосредственные дружеские связи для укрепления взаимопонимания между народами» (2000). В современной форме побратимство городов появилось после окончания Второй мировой войны (Колева 2012, с. 51), когда государства стремились нормализовать и укрепить двусторонние отношения путем расширения каналов народной дипломатии. Не удивительно, что в 40-50-е гг. наиболее часто побратимские связи устанавливались между городами из стран, входивших в недавно противостоявшие друг другу союзы – антигитлеровскую коалицию и нацистский блок (Brakman, Garretsen and Oumer 2015, p. 3).

Основания для выбора партнера по побратимским связям чрезвычайно разнообразны. Они варьируются от номинальных до существенных экономико-географических сходств городов, от общности или сходства их исторического развития до связей между отдельными социальными группами и конкретными личностями. Британские учёные М. Джейн, Ф. Хаббард и Д. Белл (Jayne, Hubbard, and Bell 2011, 2012), исследовавшие побратимство через призму неолиберализма, заключили, что в эпоху глобализации установление и поддержание связей между породнёнными городами рассматривается как инвестиция в создание образа глобального города за счёт демонстрации уровня города-партнера.

Отличия между городами-близнецами как историко-географическим явлением и городами-побратимами очевидны: отношения первых строятся вокруг соседства, в то время как взаимодействие вторых основано на поддержании связей на расстоянии. Взаимодействие городов-близнецов как историко-географического явления часто имеет практическую цель, а именно минимизацию негативных и максимизацию положительных последствий смежного положения. Сотрудничество большинства городов-побратимов изначально лишено

¹⁴ Для городов-побратимов в американском английском используется термин «sister cities», в то время как в британском – «twin cities» или «twinning cities» (Мишланова, Пермякова 2010, с. 50).

практического измерения и нацелено на межкультурный обмен. Хотя в тех случаях, когда города устанавливают побратимские связи с учётом общности исторического прошлого и/или сходства географического положения, формат городов-побратимов подразумевает обмен опытом по преодолению сходных вызовов в конкретных сферах (например, в управлении объектами культурного наследия, прогнозировании наводнений и пр.).

Больше сходств между городами-близнецами и городами-побратимами обнаруживается при рассмотрении городов-близнецов как формата сотрудничества. В обоих случаях взаимодействие нацелено на максимальное вовлечение населения двух городов как через установление партнерских связей на уровне организаций, так и через индивидуальные контакты. Особую роль в поддержании отношений между городами в обоих форматах выполняют местные жители и муниципальные служащие, а сотрудничество основывается на соответствующем соглашении (Cremer, de Bruin, and Dupuis 2001, p. 381). Для городов-близнецов как историко-географического явления наличие соглашений не является обязательным свойством. У многих дублированных и соединенных городов-близнецов нормативные основы сотрудничества часто отсутствуют или создаются после многолетнего взаимодействия. Исключением являются разделенные города-близнецы, большинство которых имеют соглашения о сотрудничестве. В случае относительно недавнего изменения границы и разделения городов подобные соглашения часто служили первым шагом в налаживании диалога между смежными приграничными поселениями.

При установлении побратимских связей города выбирают партнера. Аналогичной логике инициации сотрудничества – через волеизъявление местных жителей и/или органов МСУ, выступающих за взаимодействие с другим городом, – следуют конструируемые города-близнецы, хотя выбор партнера в этом случае обычно существенно ограничен или географически задан.

Отношения городов-побратимов и городов-близнецов, как правило, носят бессрочный характер, что в случае побратимства и конструируемых городов-близнецов закреплено в соглашении, а для естественных городов-близнецов следует из их смежного положения.

Сотрудничество в формате городов-близнецов и городов-побратимов включает широкий спектр действий, конечной целью которых является достижение лучшего понимания культур и поддержание дружеских отношений между различными группами населения. Традиционно и тот и другой формат подразумевают активные гуманитарные связи, обмены делегациями и совместные городские празднования.

Другим сходством является тот факт, что отношения в каждой конкретной паре городов-близнецов и городов-побратимов являются уникальными, поскольку содержание взаимодействия определяется сторонами исходя из собственных потребностей, приоритетов и историко-географических особенностей.

Согласно В. Зелинскому, побратимство предполагает «взаимность прилагаемых усилий и

получаемых выгод» для городов-партнеров (Zelinsky 1991, p. 3). Подобная установка на сопоставимый вклад сторон в сотрудничество характерен для конструируемых городов-близнецов.

Поселения, участвующие в рассматриваемых форматах сотрудничества, имеют ряд общих проблем. Города-близнецы и города-побратимы сталкиваются с ограничениями в сфере полномочий городов осуществлять внешние связи. И те и другие существуют в условиях ограниченных финансовых ресурсов, которые можно направить на поддержание взаимодействия с городом-партнером. Более того, для обоих форматов сотрудничества характерно ожидание «ощутимых результатов сотрудничества» (Jayne, Hubbard, and Bell 2011, p. 25), которые смогут оправдать в глазах налогоплательщиков расходы, понесенные для посещения или приёма делегации из города-партнера.

С другой стороны, поддержание интенсивных связей с городом-побратимом, особенно в ситуации его значительной географической отдаленности, предполагает несение более значительных затрат, что в ситуации финансовых трудностей может привести к заметному снижению интенсивности сотрудничества или его приостановке. Следовательно, города-побратимы как формат сотрудничества является более уязвимым, чем сотрудничество в формате городов-близнецов.

На практике число городов-побратимов значительно превышает число городов-близнецов разного генезиса. Практически у каждого города, входящего в состав городов-близнецов, есть породненные города. Иногда в их число входит город-сосед. В некоторых случаях поддержание побратимских связей выступает в роли восполнения прерванного сотрудничества городов-близнецов (например, в случае смены руководства одного из поселений и последующего изменения приоритетов его развития), как это произошло у Иматры после изменения руководящего состава администрации Светогорска (Mikhailova, Nemeth 2018). В случаях, когда один из городов-близнецов имеет незначительный демографический потенциал и широкую сеть породнённых городов, смежный город может ощущать своеобразную конкуренцию со стороны городов-побратимов своего соседа, например, в процессе поиска партнеров для инициации новых проектов сотрудничества. Подобная ситуация сложилась у Никеля в результате заключения новых и активизации существовавших ранее побратимских связей Киркенеса (Mikhailova 2017).

Глобальные города и города-близнецы

Особую категорию городов, привлекающую значительное внимание исследователей по всему миру, составляют глобальные города. Под ними принято понимать «постиндустриальные центры, максимально интегрированные в мировую экономику и во многом черпающие

возможности развития за счёт взаимодействия в глобальных городских сетях» (Слука, Ткаченко 2009, с. 239).

Сопоставление глобальных городов и городов-близнецов встречается в литературе реже, чем с рассмотренными выше понятиями географии городов. Во многом это связано с такими отличительными признаками глобальных городов, как их «мощный демографический потенциал» (Слука 2005, с. 74), вовлеченность в геополитические процессы за счёт сосредоточения в них штаб-квартир наиболее влиятельных международных организаций (там же, с. 80), роль центров управления мировой экономикой (там же, с. 84) с развитым сектором деловых услуг и масштабными международными пассажиро- и грузоперевозками (там же, с. 96). По этим характеристикам даже самые крупные столичные города-близнецы Киншаса и Браззавиль, Хельсинки и Таллин в сотни раз уступают общепризнанным глобальным городам – Лондону, Нью-Йорку, Парижу и Токио.

С другой стороны, в трудах лимологов неоднократно упоминались такие сходства трансграничных регионов и глобальных городов, как их активное участие в мирохозяйственных связях, зачастую крайне неоднородная структура населения с большим количеством мигрантов, сосуществование разных культур и их наложение, сочетание глобальных и локальных практик и правил (Herzog 1991; Wendl, Rösler 1999).

Немецкий исследователь Й. Дюрршмидт, автор ряда статей по идентичности жителей приграничья (в том числе жителей городов-близнецов) и глобальных городов, видит в обоих типах населенных пунктов места гибридизации, лишенные «четкой привязки к территории» (Dürtschmidt 2002, p. 125). Население городов-близнецов, особенно на границах с существенными социально-экономическими диспропорциями, часто демонстрирует «гипермобильность» (Dürtschmidt 2006, p. 254), что ведёт к «скрытой и непреднамеренной космополитизации» местных жителей. Эти качества, в большем масштабе, с пропорционально возрастающей сложностью и возникшие вследствие большего числа факторов, характерны и для глобальных городов. Значительное число внутренних и международных мигрантов отмечалось в качестве одного из типовых признаков глобальных городов ещё Дж. Фридменом в 1986 г. (Слука 2005, с. 57). При этом глобальные города, как и города-близнецы не столько служат местами аккумуляции миграционных масс, сколько выполняют функцию перераспределения входящих миграционных потоков (Слука 2009, с. 181). В глобальных городах с их высокой концентрацией различных этнических групп и распространением корпоративной культуры государство перестаёт играть роль посредника в формировании идентичности (Sassen 2000, p. 90). Транснационализация рабочей силы ведёт к возникновению в них «транснациональных идентичностей» (там же, p. 88).

Л. Херцог и К. Зон в статьях, посвященных трансграничному метрополису, называют поселения такого типа точками демографического и экономического роста, социокультурного взаимодействия, крупными транспортно-логистическими хабами, обслуживающими и частично принимающими значительные потоки товаров и услуг, рабочей силы и капитала (Herzog and Sohn 2017, p. 3). Такие урбанистические комплексы имеют благоприятные условия для извлечения выгоды из потоков глобализации и близости государственных границ (Herzog and Sohn 2014, p. 442). Конечно, лишь часть городов-близнецов можно отнести к категории трансграничного метрополиса. Из примеров, приведённых в более ранней статье Л. Херцога, к ним относятся Страсбургская агломерация, включающая города-близнецы Страсбург и Кель, и шесть городов-близнецов на американо-мексиканской границе: Сан Диего-Тихуана, Эль Пасо-Сьюдад Хуарез, Импераил Вэлли-Мексикали, МакАллен-Рейноса, Браунсвилль-Матаморос и Ларедо-Нуэво-Ларедо (Herzog 1990, p. 140).

При рассмотрении городов-близнецов меньшего размера учёные видят их сходство с глобальными городами в получении импульсов развития от сетевых взаимодействий с зарубежными партнерами. К примеру, И. Сои и П. Нуджент на основе изучения периферийных пар городов-близнецов в Африке делают вывод о том, что размер города часто не является показателем его значимости. Пары небольших смежных поселений на границах африканских государств демонстрируют включенность в мировую и двустороннюю торговлю и динамизм, обусловленный установившимися в них связями между локальным и глобальным (Soi, Nugent 2017, pp. 536-537). В статье И. Балкайте на примере городов-близнецов на тайско-мьянманской границе доказывается связь динамики развития приграничных поселений с объемами проходящих через них людских и торговых потоков (Balcaite 2018). Исследовательница проводит аналогию между городами-близнецами и глобальными городами, поскольку и те и другие выступают в роли логистических узлов, чьи центральные функции нарастают по мере увеличения обслуживаемого ими внешнеторгового оборота и транспортного сообщения.

Более существенным ограничением для сравнения городов-близнецов и глобальных городов выступает тот факт, что далеко не все города-близнецы превратились в постиндустриальные центры. Некоторые из них только начинают трансформацию, другие продолжают существовать преимущественно как промышленные центры.

Представленное выше сопоставление городов-близнецов с основными терминами системы географического изучения городов позволило конкретизировать отличительные черты объекта диссертационного исследования, обозначить многообразие и длительную историю существования этого явления. Благодаря сравнительному анализу удалось выявить ряд сходств между рассмотренными понятиями, а также обнаружить их пересечение на практике:

большинство городов-близнецов одновременно входят в какую-либо другую категорию городов. По мнению диссертанта, такое наложение категорий и меньшая распространенность городов-близнецов частично объясняет более поздний интерес к их теоретическому осмыслению.

Для формирования наиболее полного представления о городах-близнецах после содержательной характеристики этого понятия стоит обратиться к практическому воплощению этого феномена. В следующем подразделе диссертации представлена карта городов-близнецов в Зарубежной Европе, на основе анализа которой сформулированы закономерности их размещения в рассматриваемом регионе. На основе анализа литературы и картографического материала дана краткая характеристика городов-близнецов России и стран-соседей.

1.3.4. Размещение городов-близнецов в Зарубежной Европе и России

Города-близнецы хорошо видны на карте мира. Они есть в разных частях света – в Европе, Азии, Африке, Южной и Северной Америке. Некоторые из них сегодня имеют столичный статус (Киншасса-Браззавиль на границе Демократической Республики Конго и Республики Конго), другие являются региональными экономическими и политическими центрами (Фос-ду-Игуасу, Сьюдад-дель-Эсте и Пуэрто Игуасу на стыке границ Бразилии, Парагвая и Аргентины, Благовещенск и Хэйхэ на российско-китайской границе и др.), третьи, наиболее многочисленные, представляют собой приграничные города на периферии (Джурджу-Русе на румынско-болгарской границе, Ногалес (Аризона) и Ногалес (Сонора) на американо-мексиканской границе и др.).

В ходе изменения государственных границ, по мере развития высокоскоростного транспорта и инженерного дела, позволяющего «сжимать» пространство и время, число городов-близнецов продолжает возрастать. На 2018 год насчитывалось более сотни городов-близнецов, то есть более 200 городов. Но их исчерпывающего списка нет.

Один из наиболее полных списков смежных приграничных городов в Европе был представлен в 2010 г. в руководстве по совершенствованию управления конурбациями, подготовленном Ассоциацией трансграничных территорий МОТ. В нем ученые насчитывают около 60 европейских трансграничных урбанистических сетей с общим населением в 25 млн человек (Handbook on the governance of cross-border conurbations 2010, с. 12). Список городов, учтенных в этом исследовании, лишь частично соотносится со списком городов-близнецов. В частности из трёх европейских пар городов-близнецов с участием российских поселений, в нем учтены только две – Ивангород-Нарва и Светогорск-Иматра. С другой стороны, многие трансграничные агломерации (Большая Женева, Большой Лилль, Базельский метрополитенский регион и др.) не принято рассматривать в числе городов-близнецов. Примечательно, что уже в

2017 г. на сайте этой же организации общее число европейских трансграничных конурбаций было сокращено до 37 (The Transfrontier Operational Mission, <http://www.espaces-transfrontaliers.org/en/>).

На карте (см. рис. 5) отображены пятьдесят четыре примера городов-близнецов, три из которых представляют собой конурбации с тремя городами-ядрами (всего 111 городов). Перечень городов был сформирован на основании изучения таких источников, как Schultz 2002, Handbook on the governance of cross-border conurbations 2010, Janczak 2017 и статья Википедии по парным названиям приграничных городов¹⁵, с последующей проверкой встреченных примеров с точки зрения географической удалённости, исторических и современных трансграничных взаимодействий. Парные населенные пункты численностью менее 1000 человек не были включены в выборку.

На основе карты и таблицы, по которой она составлена (см. Приложение 4.1), можно сделать ряд заключений об особенностях пространственной структуры и взаимоотношений городов-близнецов в Европе. Большая часть европейских городов-близнецов имеют значительные демографические диспропорции: 52% (28 из 54) из них относятся к разным категориям людности, причем в 39% (21 из 54) случаев один из городов больше другого в три и более раз. В 42% (11 из 26) случаев городов-близнецов, относящихся к одинаковой категории людности, один город больше другого в 1,8-2,8 раза. В абсолютном значении наибольшие диспропорции в демографическом потенциале городов-близнецов существуют между Хельсинки и Таллином, соединенным городам-близнецам с регулярной паромной переправой, Брестом и Тересполем, Копенгагеном и Мальмё, Страсбургом и Келем. По относительному показателю демографическая диспропорция является наиболее существенной между Брестом и Тересполем (людность первого превышает аналогичный показатель второго более чем в 60 раз).

Относительно сопоставимыми по демографическому потенциалу являются 24% (13 из 54) европейских городов-близнецов, в которых ПТСЭС меньшего размера составляет от 40 до 50% совокупного населения городов-близнецов. Все примеры относительно равновеликих поселений относятся к категориям с наименьшей людностью: в восьми случаях численность сопоставимых смежных ПТСЭС составляет менее 10 тыс. человек, в пяти случаях – от 10 до 50 тыс. человек.

27 пар городов-близнецов расположены в Западной Европе, 11 – на границах западноевропейских стран и стран Центральной и Восточной Европы. Наконец, 16 городов-близнецов находятся на границах стран Центральной и Восточной Европы.

¹⁵ Cross-border town naming. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Cross-border_town_naming (дата обращения: 16.03.2017)

Рис. 5. Города-близнецы в Европе

Составлено автором.

Рекордсменом по числу городов-близнецов в Европе является Германия (18 примеров). Второе и третье место занимают её соседи – Франция и Польша с десятью и семью парами городов-близнецов соответственно. Отдельно стоит отметить Румынию и Болгарию, которые могут присоединиться к списку стран-лидеров по числу городов-близнецов в случае осуществления их планов по строительству трансграничных мостов и модернизации паромных переправ (Danube strategy 2012). Сегодня четыре пары румынско-болгарских придунайских городов уже являются соединенными городами-близнецами (за счет мостов или регулярной паромной переправы), ещё две ожидают своей очереди. Многие европейские страны имеют по четыре (Австрия, Бельгия,

Испания, Нидерланды, Швейцария) или по три (Венгрия, Португалия, Россия в европейской части, Словения, Чехия, Швеция) пары городов-близнецов на своих границах.

Ввиду недавних межэтнических конфликтов в приграничных городах ряда стран Балканского полуострова парные поселения на их границах не учитывались. Такие города, как Костайница и Хрватска-Костайница, Брод и Славонски-Брод на границе Боснии и Герцеговины и Хорватии или Зворник и Малый Зворник на границе Боснии и Герцеговины и Сербии, расположенные на противоположных берегах рек, принято относить к категории городов, разделенных границей. Возможно, по мере примирения сопредельных государств эти пары приграничных городов начнут играть более значимую роль в развитии межгосударственных отношений и станут использовать формат городов-близнецов, однако на данный момент их взаимодействие крайне ограничено.

По оценке В.А. Колосова и Р.Ф. Туровского, наличие «сросшихся» населенных пунктов является индикатором освоенности границы (1999, с. 39). В основном составленная карта служит подтверждением этого тезиса. Наиболее ярко эта тенденция прослеживается на немецко-французской и немецко-польской границах. Существует несколько контр-примеров – городов-близнецов на границах с низкой степенью освоенности. В их число входят города-близнецы на шведско-финляндской и российско-финляндской границах – единственные смежные поселения на этих относительно «глухих» рубежах.

Исследование городов-близнецов в России имеет непродолжительную историю, так как ранее этот тип поселений не выделялся в особую группу. С одной стороны, это связано с прозрачностью границ между республиками бывшего СССР, что на практике приводило к функционированию смежных приграничных поселений как единого целого (в качестве классических примеров можно назвать эстонско-латвийскую пару Валга-Валка или эстонско-российскую пару Нарва-Ивангород). С другой стороны, внешняя граница СССР безоговорочно рассматривалась в качестве барьера, отделяющего страну от недружественных капиталистических соседей, поэтому выдвижение трансграничных проектов сотрудничества на этом направлении было невозможно.

Распад Советского Союза отразился на динамике отношений между смежными приграничными городами. Трансформация республиканских границ в государственные привела к дезинтеграции прилегающих к ним городов-близнецов. Либерализация режима границ с Норвегией, Финляндией и Китаем, напротив, способствовала интенсификации трансграничных связей и со временем привела к началу сотрудничества некоторых приграничных населенных пунктов в формате городов-близнецов.

Отдельного перечня смежных приграничных городов вдоль российской границы, историко-географические характеристики которых соответствуют городам-близнецам, нет.

Парные приграничные поселения, соединенные между собой транспортными артериями, встречаются на границе с большинством сопредельных России государств как в европейской, так и в азиатской ее части. Однако интеграционные инициативы разных форматов декларированы в малой доле этих населенных пунктов.

На основе обобщения историко-географических сведений о приграничных поселениях вдоль государственной границы РФ была составлена карта существующих и потенциальных городов-близнецов России и стран-соседей (рис. 6). На ней изображены четыре примера поселений и муниципальных образований, сотрудничающих в формате городов-близнецов, и 36 примеров, обладающих потенциалом использования этого формата межгородского сотрудничества. Карта создавалась как ориентир, способный дать представление о размещении и людности населенных пунктов и муниципальных образований вдоль российской границы, которые имеют основания и возможности для налаживания сотрудничества в формате городов-близнецов в обозримой перспективе. Список приграничных поселений с потенциалом сотрудничества в формате городов-близнецов не является исчерпывающим, в перспективе его состав должен уточняться в процессе обсуждения с экспертным сообществом каждого трансграничного региона (прежде всего, с географами и историками).

Несмотря на предварительный характер перечня поселений с потенциалом сотрудничества в формате городов-близнецов, на его основе можно сделать ряд наблюдений. Аналогично городам-близнецам Европы большинство пар поселений, включенных в список (23 из 40), различаются по людности в два раза и более (Приложение 4.2). Наиболее выражена асимметрия в численности населения у потенциальных городов-близнецов на российско-китайской границе, где численность четырех из шести пар ПТСЭС (за исключением Благовещенска и Хэйхэ, Пограничного района Приморского края и Суйфэньхэ) различается в семь и более раз. Наиболее существенные различия в численности как в относительных, так и в абсолютных показателях характерны для пары Хабаровск-Фуюань, в которой столица Хабаровского края в 15 раз превышает по людности административный центр сопредельного приграничного городского округа КНР.

Близкими по демографическому потенциалу являются 12 из 40 примеров городов, сотрудничающих в формате близнецов или имеющие потенциал такого сотрудничества, – в них ПТСЭС меньшего размера составляет от 40 до 50% совокупного населения соседних приграничных административно-территориальных единиц. Все примеры относительно равновеликих поселений относятся к категориям с наименьшей людностью: в восьми случаях численность сопоставимых смежных ПТСЭС составляет менее 10 тыс. человек, в трёх случаях – от 10 до 50 тыс. человек.

Рис. 6. Приграничные поселения и муниципальные образования России и стран-соседей, сотрудничающие в формате городов-близнецов или имеющие потенциал такого сотрудничества

Составлено автором.

Наибольшее число потенциальных городов-близнецов среди приграничных регионов России расположены в Калининградской (пять примеров) и Псковской (четыре примера) областях. Среди стран-соседей наиболее высокое число потенциальных городов-близнецов было предложено для самых протяженных границ – с Казахстаном (семь пар приграничных муниципальных образований, центры которых удалены друг от друга на расстояние от 46 до 83 км) и Китаем (пять примеров, расстояние между которыми составляет от 16 до 68 км). В силу исторической связанности сопредельных государств и структуры расселения высокий потенциал использования формата городов-близнецов характерен для российско-украинской границы, на которой обозначены шесть пар соседних населенных пунктов, удалённых друг от друга на 2-22 км. Необходимым условием для активизации имеющегося потенциала сотрудничества на этой границе является нормализации межгосударственных отношений.

На данный момент понятие «города-близнецы» в России используется в отношении четырех пар городов, три из которых находятся в европейской части страны (Светогорск-Иматра, Ивангород-Нарва, Никель-Киркенес) и одна (Благовещенск-Хэйхэ) – в азиатской. Три из этих кейсов являются городами-близнецами по историко-географическим характеристикам: Светогорск-Иматра, Ивангород-Нарва и Благовещенск-Хэйхэ. Более того, каждая из этих пар имеет опыт сотрудничества в формате городов-близнецов, хотя его продолжительность и результаты значительно различаются. Пара Никель-Киркенес представляет собой пример относительно удаленных друг от друга приграничных городов, органы местного самоуправления которых после получения соответствующей директивы из столиц инициировали сотрудничество в формате города-близнецы. Более подробная характеристика городов-близнецов России и стран-соседей представлена во второй и третьей главах диссертации.

ГЛАВА 2. ВНУТРЕННИЕ СВЯЗИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СИСТЕМ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

2.1. Понятие, отличительные черты и типы приграничного сотрудничества

О значимости внутрисистемных связей на протяжении многих лет пишут представители разных наук – географы, экономисты и политологи. За годы разработки темы по ряду положений был достигнут междисциплинарный консенсус. К таким междисциплинарным аксиомам относится взгляд на внутрисистемные связи как на «важнейшие и самые сильные системообразующие отношения и свойства» системы (Родоман 1999, с. 95) и на существование зависимости между долей внутренних связей и целостностью системы, ее замкнутостью и обособленностью от внешней среды (Вардомский, Мироненко 1978, с. 34). Помимо центральной роли внутрисистемных связей в формировании системы ученые отмечают их информативность: внутрисистемные связи одновременно характеризуют как строение системы (статику), так и её функционирование (динамику) (Баринов 2006, с. 25).

Изучение трансграничных систем представляет собой особую концептуальную призму, которая смещает акцент с анализа смежных ПТСЭС порознь на их взаимодействие и взаимовлияние. Такой переход связан с увеличением объема и расширением спектра трансграничных межсистемных и внешних потоков под действием процесса глобализации, что в теории систем отражено в переносе центра внимания с «узлов и ядер (элементов систем) на связи между ними» (Федоров 2014, с. 77). При этом для трансграничных систем связи между ПТСЭС являются внутрисистемными связями. Ряд ученых (А.Б. Волынчук, Т.И. Герасименко, В.Я. Дегтярев, Г.Б. Жусупова, В.А. Колосов, В.С. Корнеев, К.В. Лесконцева, Г.Н. Пряхин, Я.А. Фролова) рассматривают интенсивность, продолжительность и устойчивость связей смежных приграничных систем в качестве основного различия между приграничными и трансграничными системами. У трансграничных систем эти связи должны быть «существенными для функционирования» (Федоров 2014, с. 75) каждой из смежных ПТСЭС.

В качестве рабочего определения трансграничных связей (или трансграничных взаимодействий) в диссертации используется определение С.К. Песцова, который понимает под ними «любые возможные формы и виды контактов, в которые так или иначе вовлекаются соприкасающиеся части территорий (их население, ресурсы, инфраструктура) двух и более сопредельных государств» (2016, с. 151).

Среди факторов, благоприятно воздействующих на интенсивность трансграничных связей, ученые-лимологи выделяют низкую удаленность территории страны от границы, сложную конфигурацию границ, высокий уровень экономического развития приграничных территорий, взаимодополняемость отраслевой структуры приграничных территорий, сходный этноконфессиональный состав населения (Колосов 1980, сс. 70-71), а также сочетание удаленности от

национальных рынков и приближенности к рынкам соседних стран (Попкова 2005, с. 24) и ограниченность возможностей национальных правительств решать проблемы приграничья в условиях глобализации (Fehérvolgyi, Birkner, Peter 2012, с. 75).

Значительная часть связей приграничных территорий происходит в рамках приграничного сотрудничества (далее ПС). Этот тип взаимодействия находится на стыке внешней и внутренней политики государства, одновременно являясь инструментом по развитию приграничных территорий и по выстраиванию долгосрочного партнерства по периметру границы.

2.1.1. Динамический характер приграничного сотрудничества

Динамический характер приграничного сотрудничества, его изменчивость упоминается в значительном числе работ, направленных на поиск универсального алгоритма этого процесса. Ряд авторов рассматривает приграничное сотрудничество как процесс наращивания сфер взаимодействия ПТСЭС разной размерности, ведущий к образованию на их базе трансграничной системы. Например, Г. Спэрроу выделяет четыре этапа территориальной интеграции: этап повышения физической, поведенческой, организационной и политико-административной связанности. В качестве нормы Г. Спэрроу указывает последовательное прохождение этапов, но признает, что отход от соблюдения предложенной очередности также возможен. Адаптируя эту модель для смежных приграничных городов, Ц. Шэнь пишет о стадиях экономической, институциональной и социальной интеграции и подчеркивает, что каждая из них протекает с разной скоростью и имеет разный уровень успешности (Shen 2014, pp. 139-140). Экономическая интеграция прослеживается в интенсивности торгового оборота, взаимных инвестиций и формировании трансграничных бизнес-сетей. Институциональная интеграция выражается в оказании поддержки сотрудничеству в экономической сфере, согласовании решений, которые могут оказать влияние на смежную ПТСЭС, и создании совместных органов управления для решения общих проблем. Наконец, уровень социальной интеграции можно оценить на основе изучения уровня поддержки сотрудничества городов-близнецов со стороны местных жителей, частоты и целей посещения ими сопредельной территории, восприятия её в качестве (не)знакомое пространства.

Другой блок работ направлен на описание стадий неинституционализированного диалога двух сторон. В трудах В.В. Кущенко (2004, сс. 61-66) и О.А. Пастарнаковой (2008, с. 174) стадии ПС представляют собой движение от неформальных контактов к юридически закреплённому сотрудничеству в форме осуществления совместных проектов. В диссертационном исследовании С.Н. Грибовой в качестве наиболее прогрессивной стадии приграничного сотрудничества определена стадия «создания систем согласования экономического развития сопредельных территорий» (2011, с. 19). Стадии ПС, предложенные Г.М. Федоровым, основаны на разной

интенсивности использования сетевых форм взаимодействия при реализации трансграничных проектов. Таким образом, после фиксации целей, правил и процедур осуществления приграничного сотрудничества путем подписания соответствующего соглашения, по мнению ученого, наступает стадия формирования временных сетей, а затем – создания «новых сетевых пространственных форм международной интеграции» (Федоров 2014, сс.74-75). В качестве примеров последней Г.М. Федоров называет еврорегионы, коридоры развития, трансграничные кластеры и треугольники роста.

Упомянутые варианты характеристики стадийности приграничного сотрудничества имеют следующие общие черты: 1) каждый из авторов в качестве начальной стадии ПС выделяет стадию неформальных контактов на уровня населения и органов местного самоуправления; 2) во всех рассмотренных работах присутствует стадия нормативного закрепления приграничного сотрудничества.

В развитие изучения приграничного сотрудничества как динамического стадийного процесса в диссертации предложены шесть базовых стадий (фаз) ПС: инициация сотрудничества, его институционализация, экстенсификация, интенсификация, стабильное развитие, модернизация (в некоторых случаях в качестве альтернативы может наступить фаза редукции). В качестве дополнительных фаз, которые наиболее вероятны для смежных ПТСЭС микро- и мезо- уровней, предложены стадии интеграции приграничных территорий и их постинтеграционного развития. В отличие от предыдущих попыток схематизации ПС, предложенные стадии объединяют трансграничные взаимодействия до момента его нормативно-правового оформления в одну стадию и детализируют этапы институционально структурированного диалога. Содержание, основные характеристики и предпосылки наступления каждой стадии развития приграничного сотрудничества представлены в табл. 3.

Предложенный набор стадий приграничного сотрудничества предполагает существование ритмичности в их смене. Значимость циклических ритмов элементов социально-экономических систем неоднократно подчеркивалась в трудах о циклически-волновом подходе к исследованию развития экономических, социальных и политических процессов. По словам И. Валлерстайна (2001, с. 95), эти ритмы «отражают и обеспечивают повторяемость образцов» поведения системы и «задают долгосрочные тенденции» ее динамики. В.В. Лапкин (2010, с. 12) констатирует «резкое возрастание многообразия эмпирически фиксируемых ритмов», их взаимозависимость и тенденцию к синхронизации в мировых масштабах.

Табл. 3. Стадии развития приграничного сотрудничества на местном и региональном уровне

N	Стадия приграничного сотрудничества	Предпосылки	Содержание	Основные характеристики
1	Инициация сотрудничества	Открытие границы, возможность пересечения границы жителями приграничных территорий.	Установление взаимодействия между приграничными акторами.	Установление контактов между потенциальными участниками сотрудничества; реализация первых совместных проектов сотрудничества.
2	Институционализация сотрудничества	Успешная реализация первых совместных проектов, заинтересованность в их продолжении.	Нормативно-правовая и организационная формализация трансграничного взаимодействия.	Подписание двусторонних соглашений; определение должностных лиц, ответственных за координацию приграничного сотрудничества; составление планов сотрудничества.
3	Экстенсификация сотрудничества	Переход от сотрудничества в пилотных сферах к взаимодействию на регулярной основе. Желание новых местных акторов принять участие в сотрудничестве.	Развитие трансграничного взаимодействия экстенсивным путем, через включение в него незадействованных ранее акторов.	Расширение числа и категорий участников существующих проектов сотрудничества. Расширение имеющихся проектов сотрудничества за счет привлечения новых организаций. Создание проектов в новых сферах деятельности.
4	Интенсификация сотрудничества	Неудовлетворенность от текущего формата сотрудничества, стремление к взаимодействию на более ранних этапах создания ценности.	Развитие диалога через границы интенсивным путем; придание содержанию проектов сотрудничества глубинного характера.	Трансформация имеющихся проектов сотрудничества таким образом, что их результаты представляют собой продукт, созданный общими усилиями (в отличие от обмена конечными плодами деятельности, свойственного предыдущим стадиям ПС).
5	Стабильное развитие сотрудничества	Неоднократное повторение определенных форматов сотрудничества, одобрение руководящим звеном результатов сотрудничества и процесса его осуществления.	Закрепление определенных форматов сотрудничества в качестве отработанных и привычных.	Беспроблемная реализация закрепленных форматов сотрудничества. Повышение автономности участников приграничного сотрудничества.

6.1	Модернизация сотрудничества	Ощущение истощенности старых форматов сотрудничества. Катализирующими факторами наступления модернизации или угасания приграничного сотрудничества могут выступить смена руководства приграничных муниципальных образований;	Переход на качественно новый уровень приграничного сотрудничества путем пересмотра его содержания, форм и задач.	Внесение изменений в нормативно-правовую базу трансграничного взаимодействия; корректировка стратегии развития смежных ПТСЭС; модернизация структур, ответственных за развитие ПС. Выдвижение новых ориентиров развития, в том числе инициативы координации развития смежных ПТСЭС.
6.2	Регресс/редукция сотрудничества	изменение муниципальной/ региональной/ национальной стратегии развития; изменение системы финансирования муниципальных образований .	Спад приграничного сотрудничества.	Свертывание некоторых направлений и форматов приграничного сотрудничества. Сокращение количества участников ПС.
7	Интеграция (*)	Согласие обоих смежных приграничных поселений (на уровне администраций и местного населения), при необходимости согласованное региональных и национальных властей, объединить усилия по развитию городов-близнецов.	Развитие поселений как трансграничной агломерации.	Объединение усилий и ресурсной базы для предоставления услуг населению. Совместное использование, развитие и поддержание в надлежащем состоянии объектов инфраструктуры городов-близнецов. Совместное позиционирование в процессе привлечения инвестиций и туристических потоков. Создание совместных органов управления городов-близнецов.
8	Постинтеграционное функционирование (*)	Признание пары смежных приграничных поселений в качестве городов-близнецов как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Материализация этого признания в виде роста инвестиций и туристического потока в городов-близнецов.	Достижение устойчивого развития городов-близнецов.	Оценка эффективности процесса интеграции. Поддержание статуса городов-близнецов благодаря регулярному информированию внешних и внутренних акторов о результатах их социально-экономического развития.

(*) – стадии, доступные смежным приграничным поселениям

Составлено автором.

В географических исследованиях традиция изучения циклов проявилась со второй половины XX в., когда были рассмотрены циклы развития городов Элиотта 1997 г. (понимаемые как последовательное прохождение стадий урбанизации, субурбанизации и деконцентрации) и циклы регионального развития Берга, Бернса и Клаассена 1987 г. (которым соответствует ритмичная смена «развивающегося прогресса», «сокращающегося прогресса», «углубляющейся рецессии» и «рецессии, переходящей в рост») (Доманьский, сс. 256-263).

Основанием допущения циклической динамики процесса, по Н.С. Розову, является наблюдение «двух и более «повторов» одного периода истории в развитии некоторой социальной целостности» (2010, с. 53). Применительно к приграничному сотрудничеству, таким «повтором» выступает рассмотренный набор фаз «экстенсификация – интенсификация – стабильное развитие – модернизация/редукция» (см. рис. 7). Каждому новому циклу соответствует более широкий охват направлений и форматов приграничного сотрудничества, а также более высокая интенсивность трансграничных контактов, что на рис. 7 отображено с помощью возрастающей нумерации циклов ПС.

Экстраполируя отличительные черты цикличности социальных процессов, выявленные Е.Г. Анимицей и А.Т. Тертышным (2001, с. 15), на приграничное сотрудничество, можно сделать следующие выводы: 1) развитие ПС происходит нелинейно; 2) каждый цикл развития ПС индивидуален и однороден, его структура определяется на основании единого критерия; 3) длительность циклов и фаз развития ПС объективно обусловлена.

Анализ теоретических разработок и практики свидетельствует о том, что на протяжении довольно долгого времени приграничное сотрудничество может развиваться «бескризисно». Однако окончание стадии стабильного развития является точкой бифуркации взаимодействия ПТСЭС. Следуя эволюционной парадигме (Носонов 2012, с. 39), которая является основой изучения цикличности развития территориальных систем, можно сделать вывод о том, что под действием изменений внутренней и внешней среды происходит нарушение траектории развития приграничного сотрудничества. В случае перехода в стадию модернизации приграничное сотрудничество продолжает поступательный возрастающий тренд.

В случае ослабления мотивации осуществлять приграничное сотрудничество за стадией стабильного развития наступает свертывание ряда проектов и форматов взаимодействия (на рис. 7 сценарий редукции приграничного сотрудничества отображен

пунктирной линией). Снижение уровня развития приграничного сотрудничества может остановиться в любой стадии, предшествующей фазе стабильного развития. Практика свидетельствует о том, что, несмотря на степень снижения количества и масштаба трансграничных проектов, с течением времени взаимодействующие ПТСЭС возобновляют развитие приграничного сотрудничества.

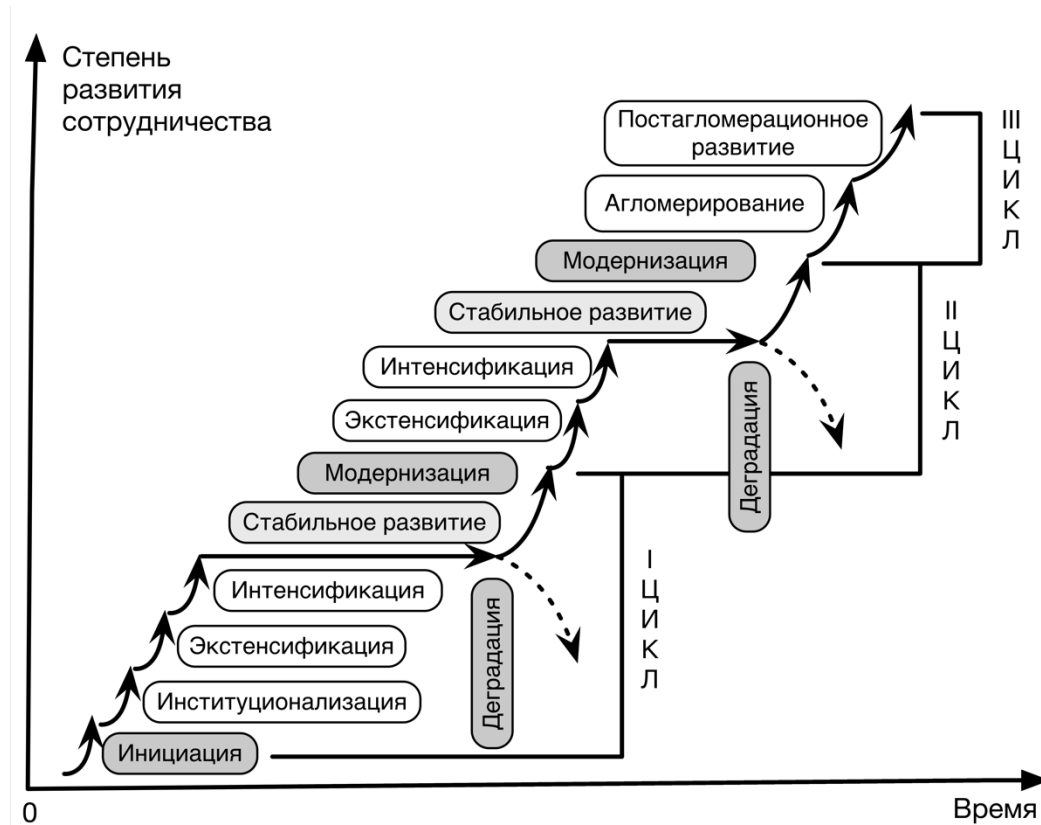

Рис. 7. Модель циклического развития ПС

Составлено автором.

Временной лаг между стадиями развития приграничного сотрудничества может варьироваться от нескольких месяцев до нескольких лет. Наиболее характерно замедление в смене стадий между периодом стабильного развития и модернизации диалога через границу. Переход на две заключительные стадии – интеграции и постинтеграционного развития ПТСЭС – может занимать несколько лет или десятилетий подготовительной работы с их населением (от привлечения местных жителей к участию в совместных мероприятиях до вовлечения в деятельность по подготовке и реализации долгосрочных совместных проектов и участия в формировании координирующих органов трансграничной системы).

Анализ стадий развития приграничного сотрудничества с точки зрения их способствования социально-экономическому развитию смежных ПТСЭС показал, что

наиболее благоприятной является стадия стабильного развития. Ее преимущество состоит в высокой стартовой позиции, сформировавшейся благодаря консолидации предшествующих восходящих тенденций развития приграничного сотрудничества. Другим аргументом в пользу выбора стадии стабильного развития в качестве оптимальной для развития приграничных территорий является объективная конечность остальных стадий, так как они опираются на исчерпаемые ресурсы. Ограниченность полномочий приграничных территорий (особенно на мезо- и микроуровне) задает лимиты стадии институционализации, определяющей нормативно-правовые основы трансграничного диалога и предмет ведения совместных координирующих органов трансграничной системы. Демографическая и организационная ограниченность препятствует непрерывному расширению числа участников приграничного сотрудничества и его направлений, что свидетельствует о существовании пределов для стадии экстенсификации. Ограниченные возможности органов местного самоуправления по пробуждению мотивации муниципальных служащих совершенствовать приграничное сотрудничество создают потенциальный барьер для интенсификации и модернизации приграничного сотрудничества. В отличие от перечисленных стадий нарушение стадии стабильного развития чаще всего вызвано проявлением таких возмущающих факторов, как изменение муниципальной, региональной или национальной стратегии развития, изменение системы финансирования приграничных территорий или смена их руководства.

Наконец, третий блок работ посвящен анализу факторов внутренней и внешней среды ПТСЭС, ускоряющих или замедляющих развитие ПС. По способу возникновения и масштабу влияния эти факторы можно подразделить на экзогенные и эндогенные.

Экзогенные факторы носят международный или глобальный характер и изменяют контекст осуществления ПС. Они представляют собой воздействия внешней среды, которые препятствуют или способствуют исполнению существующих и инициации новых проектов ПС. Примерами экзогенных факторов являются изменение двусторонних отношений сопредельных стран; экономической конъюнктуры региональных и мировых рынков, влияющих на социально-экономическое положение сопредельных стран; значительное изменение миграционных потоков, активности международных террористических или преступных группировок на территории приграничного макро-региона.

Эндогенные факторы изменений ПС связаны либо с отсутствием координации в процессе социально-экономического и нормативно-административного развития

сопредельных государств, либо с мерами гармонизации функционирования смежных ПТСЭС. В первом случае они выступают факторами сдерживания развития ПС, а во втором оказывают стимулирующее воздействие на динамику ПС. Примерами эндогенных факторов сдерживания развития ПС являются социально-экономические, организационно-административные, юридические и другие трудности, вызванные различиями в институциональных и нормативно-правовых основах, принципах социальной и экономической политики сопредельных государств. Эндогенные факторы, способствующие развитию ПС, включают переход сопредельных государств к единым стандартам – двусторонним, макрорегиональным в рамках определенного регионального интеграционного объединения или международным – в различных сферах (например, в сфере таможенного администрирования, визовой политики, труда и занятости, образования, защиты прав потребителей и др.).

Наибольшего внимания требуют эндогенные факторы, сдерживающие развитие ПС, что объясняется их рукотворным характером и необходимостью минимизации их негативного воздействия. Повсеместность их существования хорошо отражена в Уставе Ассоциации европейских приграничных регионов: «ни одно государство в Европе – в составе Евросоюза и за его пределами – *не станет изменять* свои устоявшиеся и проверенные институты и их полномочия для решения проблем приграничных регионов. Ни одно государство *не в силах гармонизировать* свое законодательство в соответствии с законодательствами всех сопредельных ему государств» (European Charter for Border and Cross-Border Regions 2011, p. 13, курсив М.Е.).

Эндогенные факторы, сдерживающие развитие ПС в России, в литературе обычно анализируются отдельно для каждого участка границы. Например, проводя оценку использования приграничного положения территорий Тихоокеанской России, П.Я. Бакланов и М.Т. Романов выделяют такие факторы, не способствующие развитию ПС, как рост диспропорций в демографических процессах и темпах экономического развития сопредельных стран (2010, с. 67). Эти тренды определяют различия в кадровой и инфраструктурной обеспеченности смежных ПТСЭС Дальнего Востока РФ и Северо-Восточных провинций КНР. На примере приграничных регионов Северо-Западного Федерального округа Г.М. Федоров показывает, что одним из специфических эндогенных факторов, сдерживающих развитие ПС в России, до недавнего времени являлось отсутствие профильного закона, регулирующего ПС (2014, с. 76), что в частности препятствовало разработке совместных схем территориального планирования смежных ПТСЭС России и стран-членов Евросоюза. Изучая приграничную

социокультурную коммуникацию в зоне нового западного пограничья России на примере Брянской, Курской и Псковской областей, С.Л. Баринов (2011) выделяет такие виды барьеров¹⁶ ПС, как институциональные и законодательные, транспортно-инфраструктурные, барьеры формирования общего информационного пространства и барьеры восприятия. Итогом действия этих барьеров, по С.Л. Баринову, стало «сильное снижение масштабов социокультурных коммуникаций по сравнению с советским периодом» и «пространственное сжатие поля коммуникаций до узких полос» вдоль трансграничных магистральных коридоров (2011, сс. 53-54).

2.1.2. Классификация приграничного сотрудничества вдоль границы России по нормативно-правовым основам его регулирования

В отличие от трансграничных связей, которые охватывают как формальные, так и неформальные взаимодействия, в европейском контексте сложилась традиция рассмотрения приграничного сотрудничества как институционально оформленной деятельности.

По периметру государственной границы России можно выделить три подхода к трактовке ПС, соответствующие трём субъектам создания источников регулирования ПС, – Совету Европы (СЕ), Содружеству Независимых Государств (СНГ) и России¹⁷. Основные различия в трактовке ПС в рамках каждого из этих подходов представлены на рис. 8.

В национальном законодательстве стран-членов СЕ, как правило, не существует нормативной основы для осуществления и развития внешних связей субнационального уровня, поэтому большая часть европейских государств в регулировании приграничного сотрудничества обращается к общеевропейским правовым актам, опирающимся на принципы международного права, и использует их в той мере, в которой они могут предложить приемлемое решение. Официальное закрепление понятия приграничного сотрудничества на территории СЕ состоялось 21 мая 1980 г., после принятия *Мадридской конвенции*. Этот международный договор трактует ПС как «любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между соседними территориальными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией двух и более договаривающихся сторон, а также заключение любых соглашений и

¹⁶ Содержательно барьеры в статье С.Л. Баринова являются эндогенными факторами, сдерживающими развитие ПС (подробнее см. Баринов 2011, с. 47).

¹⁷ Для сопоставимости анализируется исключительно совокупность нормативно-правовых актов, подготовленных на федеральном уровне.

договоренностей для достижения этих целей» в пределах полномочий территориальных сообществ и властей (ст. 1 п.1).

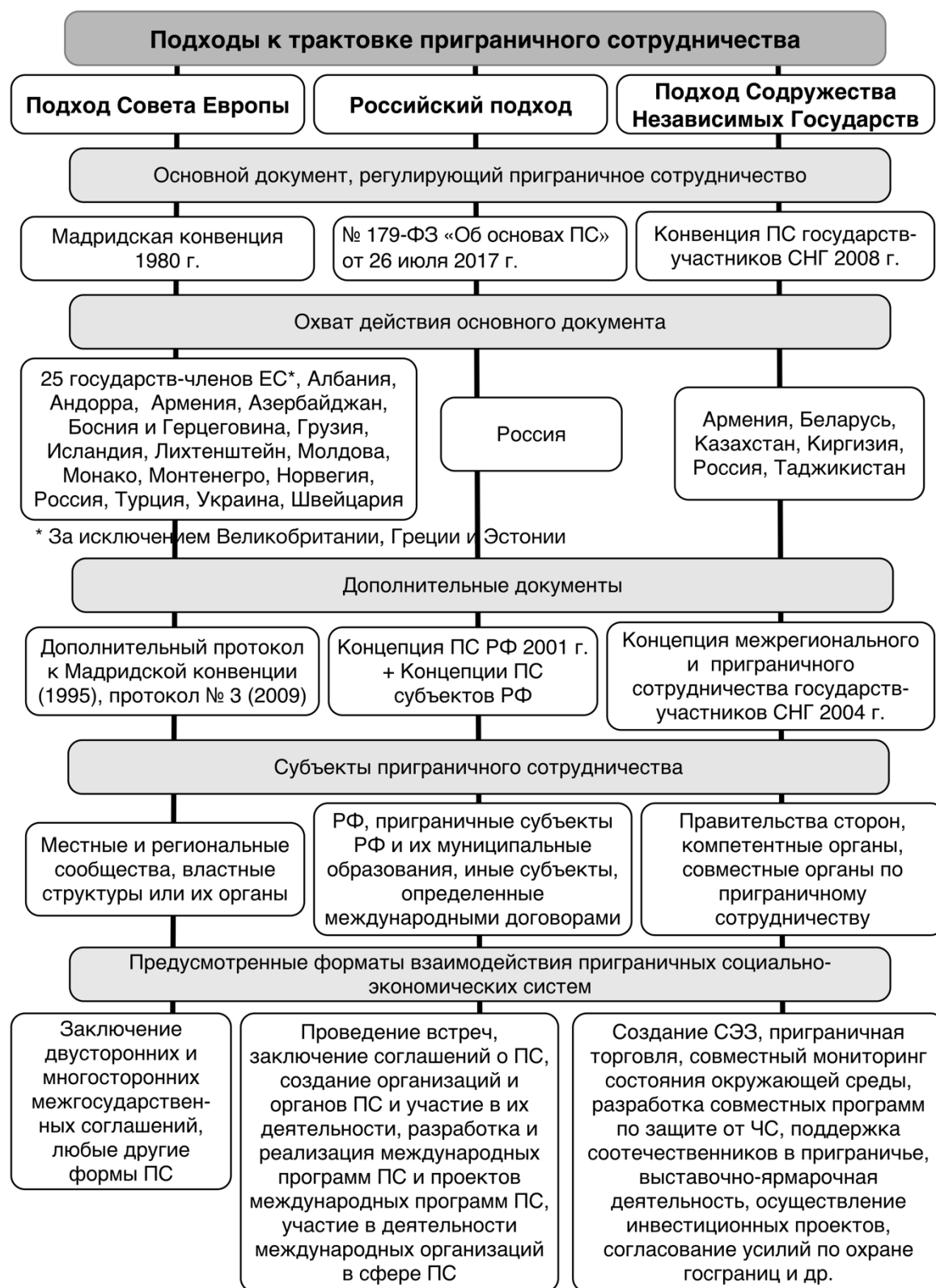

Рис. 8. Трактовка ПС разными субъектами создания источников его регулирования

Составлено автором.

Такая изначально довольно широкая формулировка ПС развивается в дальнейших положениях конвенции. Согласно им, государство должно «поощрять любую инициативу территориальных сообществ и властей» (ст. 3), «разрешать юридические, административные или технические проблемы, которые могут затруднить развитие и нормальный ход приграничного сотрудничества» (ст. 4), «проводить необходимые консультации с договаривающейся стороной», конструировать такие условия, «как если бы договаривающиеся стороны сотрудничали на национальном уровне» (ст. 5). То есть характер взаимоотношений систем управления национального и местного уровня должен всячески способствовать развитию приграничных инициатив. Данное понимание ПС считается классическим и общепринятым среди государств, ратифицировавших Мадридскую конвенцию. В случае если страна, подписавшая Мадридскую конвенцию, предпринимает попытку уточнить этот термин в рамках своего внутреннего законодательства, ее вариант определения должен быть созвучен приведенным выше принципам приграничного сотрудничества СЕ.

В России определение ПС впервые появилось в Концепции приграничного сотрудничества РФ 2001 г. В документе под этим термином понимаются «согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия РФ и сопредельных государств, повышение благосостояния населения приграничных территорий РФ и сопредельных государств, укрепление дружбы и добрососедства с этими государствами». Сравнивая это определение с приведенным в конвенции, необходимо отметить изменение в общей философии толкования ПС: внимание переносится с местных акторов и жителей приграничья как представителей ПТСЭС на интересы государства в целом, то есть на представителей системы более высокого ранга. Похожее мнение высказывает Вардомский Л.Б., заявляя, что акцент на взаимодействии властей «сужает социальную базу сотрудничества, позволяет пренебрегать интересами бизнеса и населения приграничных территорий» (2009, с. 101).

22 июля 2002 г. Россия ратифицировала Мадридскую конвенцию, то есть национальное определение ПС стало идти вразрез с положением международного документа, утвержденного российским государством. Частично изменить сложившуюся ситуацию удалось летом 2017 г. благодаря принятию федерального закона № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» от 26 июля 2017 г. На протяжении четырнадцати

лет в Государственной Думе РФ рассматривались три проекта этого закона¹⁸, в том числе с 2010 г. последний законопроект¹⁹.

Согласно ст. 2 этого закона, ПС – это «часть международных отношений Российской Федерации, международных и внешнеэкономических связей приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств». Это определение очерчивает круг участников ПС и включает ПС в состав международных отношений России, внешнеэкономических связей её регионов и муниципальных образований. В отличие от определения ПС в Мадридской конвенции, это определение не содержит ответа на вопрос, в чём состоит суть и цель ПС. Эти стороны ПС охарактеризованы в отдельных статьях закона. В частности в п. 2 ст. 5 в числе задач ПС указаны 1) содействие социально-экономическому развитию приграничных территорий; 2) повышение уровня и качества жизни их населения; 3) развитие и укрепление взаимовыгодных дружеских связей между сопредельными территориями; 4) создание обстановки доверия, взаимопонимания и добрососедства между ними и 5) условий для совместной деятельности по отдельным направлениям ПС. Представляется, что этот список может быть более кратким. Например, третья и четвертая задачи крайне близки и могут быть объединены. Сложно представить дружеские отношения сопредельных приграничных территорий, протекающие без доверия и взаимопонимания. Пятая задача идёт вразрез с подходом Совета Европы к пониманию ПС, согласно которому приграничное сотрудничество – это совместные действия представителей сопредельных территорий по ряду направлений, а не подготовка условий для этих действий. Безотносительно количества задач ПС, их перечень стоило включить в определение ПС. В таком виде нормативная дефиниция ПС позволяла бы дифференцировать, какие именно действия из международных отношений РФ, международных и внешнеэкономических связей её субъектов и муниципальных образований входят в состав приграничного сотрудничества.

¹⁸ Предыдущие проекты законов доступны для просмотра по ссылкам: 1) Проект Федерального закона № 75537-4 «О приграничном сотрудничестве», февраль 2004 г. <http://www.gosbook.ru/document/74057/74092/preview> и 2) Проект Федерального закона № 66064-5 «О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации», апрель 2008 г. <http://docs.cntd.ru/document/902135391>

¹⁹ Проект Федерального закона № 351626-5 «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» от 30.06.2010 г. <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=351626-5&02>

На уровне СНГ дефиниция ПС была утверждена в ст. 1 Конвенции приграничного сотрудничества государств-участников СНГ, принятой 10 октября 2008 г., и звучит следующим образом: «согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между приграничными территориями, заключение в соответствии с законодательством Сторон соглашений, необходимых для достижения этих целей». На первый взгляд, предложенное в конвенции СНГ толкование выглядит ближе к интерпретации СЕ, поскольку не содержит отсылок к национальным интересам сотрудничающих государств. Однако, ознакомление с дальнейшими положениями документа, ставит это предположение под сомнение. Отказ от оглашения субъектов «согласованных действий» создает иллюзию широкого понимания участников ПС. Это опровергается в ст. 3, которая, вторя Концепции приграничного сотрудничества РФ 2001 г., среди акторов ПС первостепенную роль отводит компетентным органам власти.

На основе рассмотрения определений ПС, используемых в СЕ, СНГ и России, нами было выработано собственное определение, наиболее подходящее для цели диссертационного исследования. Под приграничным сотрудничеством в диссертации понимаются *совместные действия представителей смежных ПТСЭС, направленные на создание и поддержание благосостояния их населения.*

Поскольку значительная доля практической части диссертации посвящена анализу приграничного сотрудничества в трансграничных системах мезо- и микроуровня, стоит осветить особенности правового регулирования ПС на уровне муниципалитетов. В России и в рассмотренных региональных международных организациях эта проблематика представлена в нормативных актах неравномерно.

Совет Европы первым уделил внимание теме развития внешних связей муниципалитетов, приняв в середине 60-х гг. Консультативной ассамблеей СЕ Рекомендацию по вопросам сотрудничества местных властей. После почти десятилетнего затишья доклад 1974 г. о трудностях сотрудничества между муниципалитетами в приграничных районах, подготовленный Комитетом по сотрудничеству в муниципальных и региональных вопросах, позволил вернуть вопрос регулирования ПС в повестку дня Комитета министров СЕ. Таким образом, можно заключить, что работа по созданию общеевропейского юридического документа, регламентирующего ПС, завершившаяся принятием Мадридской конвенции, была запущена благодаря желанию наладить процесс взаимодействия приграничных территорий на местном уровне.

Помимо Мадридской конвенции, нормативная база ПС муниципальных образований в Европе совершенствовалась путем принятия таких международных соглашений, как Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122 от 15 октября 1985 г. (ратифицирована РФ 11 апреля 1998 г. федеральным законом № 55), дополнительный протокол к Мадридской конвенции (ратифицирован РФ 7 октября 2009 г. федеральным законом № 169) и протокол № 3 к ней (ратифицирован РФ 28 декабря 2016 г. федеральным законом № 483). В перечисленных документах провозглашаются такие полномочия органов местного самоуправления, как:

- право вступать в объединение для защиты и продвижения общих интересов, в том числе в международное объединение органов местного самоуправления (п. 2 ст. 10 Европейской хартии местного самоуправления);
- право сотрудничать с органами местного самоуправления других государств (п. 3 ст. 10 Европейской хартии местного самоуправления);
- право осуществлять приграничное сотрудничество в пределах полномочий территориальных сообществ и властей, определяемых внутренним законодательством (п. 1 ст. 2 Мадридской конвенции);
- право создавать орган по приграничному сотрудничеству (ст. 3 Дополнительного протокола к Мадридской конвенции) или еврорегиональное объединение сотрудничества (п. 1 ст. 1 Протокола № 3 к Мадридской конвенции).

Существенным шагом в направлении развития ПС муниципальных образований на внешних границах стран-членов Шенгенской зоны стало принятие Регламента № 1931/2006 Европейского Парламента и Совета ЕС от 20 декабря 2006 г. «О правилах местного приграничного передвижения на внешних сухопутных границах государств-членов и об изменении положений Шенгенской конвенции», в котором закреплено право заключать двусторонние соглашения о 30-км безвизовом режиме для приграничных жителей стран-подписантов Шенгенской конвенции с третьими соседними странами.

Как видно на рис. 9, нормативно-правовые акты, закрепляющие основы ПС муниципальных образований России, входят в состав только части документов, регулирующих ПС РФ. Существенная поддержка нормативному закреплению порядка осуществления внешних связей отечественными муниципалитетами предусмотрена в перечисленных выше подписанных Россией международных соглашениях: в Европейской хартии местного самоуправления, Мадридской конвенции и дополнительном протоколе к ней.

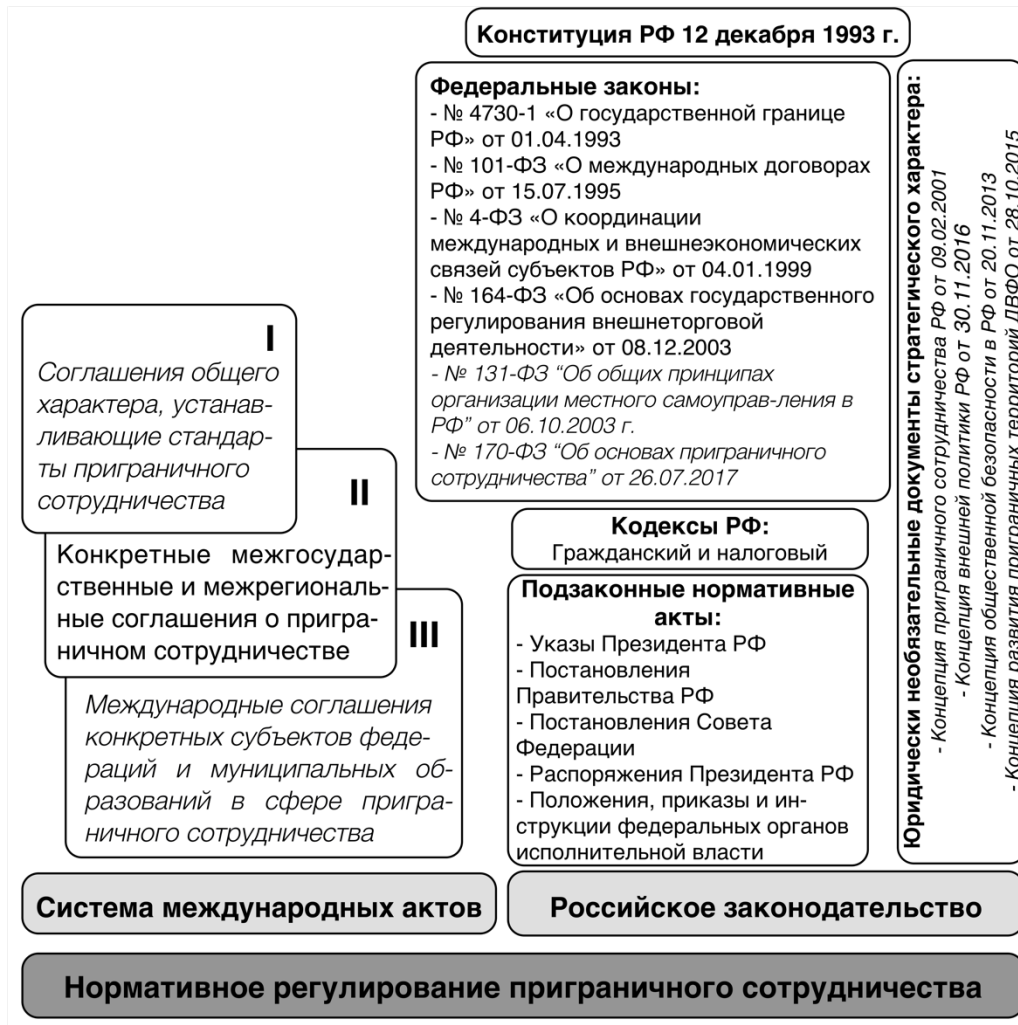

Рис. 9. Нормативное регулирование приграничного сотрудничества в России (курсивом на схеме обозначены нормативно-правовые акты, закрепляющие основы ПС муниципальных образований)

Составлено автором.

На федеральном уровне вопрос участия муниципальных образований России в ПС впервые был затронут в Концепции приграничного сотрудничества в 2001 г. Согласно п. «г» ее II раздела, органы местного самоуправления осуществляют внешнеэкономические связи с муниципальными образованиями, административно-территориальными образованиями, организациями и гражданами сопредельных государств, а также заключают с иностранными партнерами соглашения (гражданско-правовые договоры) о ПС в установленном законодательством Российской Федерации порядке. Позже право органов местного самоуправления на «осуществление международных и внешнеэкономических связей» было закреплено в перечне полномочий по решению вопросов местного значения в ст. 17 ч. 1 п. 8 федерального закона № 131-фз «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. с отсылкой на соблюдение норм

федерального законодательства РФ. Аналогичным образом, ст. 8.1 федерального закона № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 8 декабря 2003 г. устанавливает, что внешнеторговая деятельность органов местного самоуправления осуществляется в соответствии с законодательством РФ.

Принятие федерального закона № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» от 26 июля 2017 г. стало новой вехой в регулировании ПС на уровне муниципальных образований. Закон не только предусматривает муниципальные образования приграничных регионов в качестве полноправных участников ПС, но и осуществляет разграничение полномочий в сфере ПС между федеральными и региональными органами власти и органами МСУ (см. рис. 10). Учитывая, что список полномочий является открытым, приграничные муниципальные образования могут выступать с инициативой по уточнению приоритетных направлений, форм и видов ПС. Для этой цели в их распоряжении находятся два инструмента – территориальный (с помощью заключения соглашений о приграничном сотрудничестве с административно-территориальными единицами сопредельных стран) и внетерриториальный, или опосредованный (через участие в деятельности международных организаций в этой сфере).

2.1.3. Классификация приграничного сотрудничества вдоль границы России с учётом разнообразия сопредельных государств

По В.А. Колосову и Р.Ф. Туровскому, географический подход к изучению государственных границ состоит в необходимости учёта неоднородности пограничья (1999, с. 39). Разнообразие характеристик смежных приграничных территорий, а также административно-организационные, нормативно-правовые и социокультурные особенности систем более высокого ранга, в состав которых входят участвующие в приграничном сотрудничестве ПТСЭС (регионов, государств, макрорегионов, наднациональных объединений), накладывают отпечаток на понимание и осуществление ПС.

С учетом разнообразия шестнадцати государств, имеющих сухопутную границу с Россией, и особенностей торгово-экономических отношений с ними в литературе (О.Б. Александров, Л.Б. Вардомский, К.В. Верхоланцева, С.В. Голунов, С.Г. Горшенин, П.Е. Доронина, А.Ш. Миндагалиева, Е.Е. Скатерщикова, В.К. Толстов, Р.С. Ягудаев и др.) принято выделять три типа ПС по периметру российской государственной границы – европейский, постсоветский и азиатский. Как отображено в табл. 4, каждый из типов имеет свою историю формирования и содержание экономического диалога между ПТСЭС.

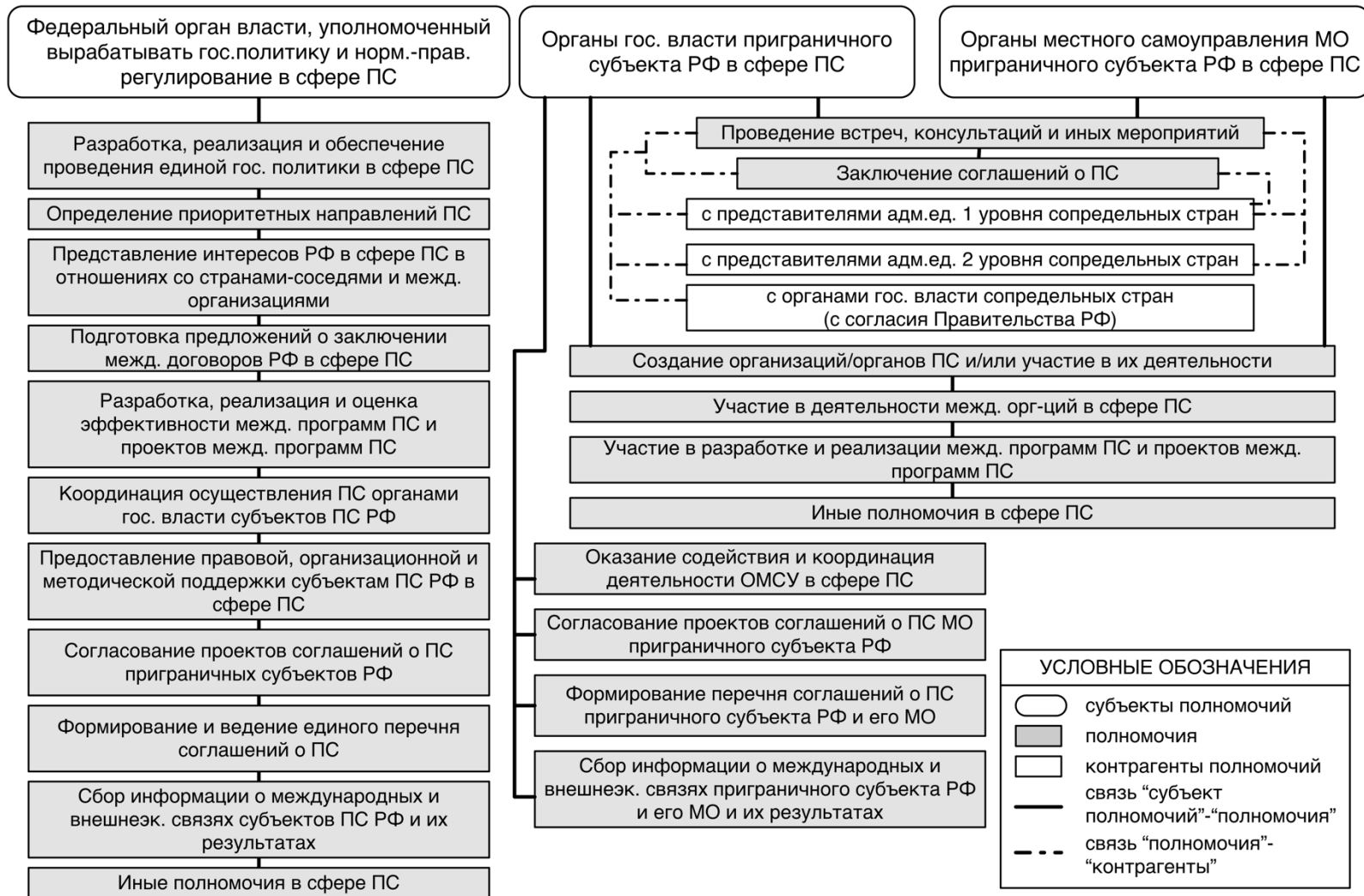

Рис. 10. Разграничение полномочий в сфере ПС между федеральными и региональными органами власти и органами МСУ согласно федеральному закону № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» от 26 июля 2017 г.

Составлено автором.

Европейский тип приграничного сотрудничества «складывался в течение семидесяти лет мира после окончания Второй мировой войны» (Миндагалиева 2006, с. 9). С российской стороны линия непосредственного соприкосновения со странами-членами Евросоюза и Норвегией проходит по территории пяти субъектов РФ, входящих в состав Северо-Западного федерального округа. Регионы, прилегающие к границе между Россией и Евросоюзом, различаются между собой по ключевым социально-экономическим показателям, почти во всех случаях соотношение этих показателей в пользу наших западных соседей.

Сотрудничество с государствами-членами ЕС реализуется на основе совместно и согласованно разрабатываемых проектов в сферах поддержки среднего и малого бизнеса, экологии, образования, культуры и туризма. При этом Евросоюз, как экономически более сильный партнер, финансировал их с начала 90-х до середины 2000-х гг. через программы технической помощи TACIS, INTERREG и PHARE (Вардомский, Скатерщикова 2002, с. 172). С 2006 г. Россия участвует в программах приграничного сотрудничества с ЕС на условиях равноправного партнерства и софинансирования (Кулик 2012, с. 22).

Постсоветский тип приграничного сотрудничества сложился на основе хозяйственных связей бывшего Советского Союза (Миндагалиева 2006, с. 10). Границы на постсоветском пространстве в своем большинстве проходят по обжитым районам: после распада СССР пограничными стали населенные пункты, находившиеся ранее на межреспубликанских рубежах (Вардомский, Скатерщикова 2002, с. 173).

В основном новое российское пограничье более развито и социально благополучно, чем сопредельные районы на постсоветском пространстве. Сильные трансграничные градиенты существуют между соседними регионами на российско-украинской границе, где на 2014 г. российские регионы по душевому ВРП (по ППС) превосходят сопредельные районы в 2-4 раза (Анисимов, Вардомский, Колосов, Герцен, Гриценко, Зотова, Себенцов 2013, с. 82).

Различия сравнительно невелики между областями российско-белорусского пограничья (Катровский, Ковалёв 2012). Однако, сельское хозяйство на российско-белорусской границе при сопоставимых природных и социальных компонентах демонстрирует более высокую интенсивность в Беларуси (Даньшин 2012), что подтверждается данными об урожайности зерновых культур и производстве молока (Морачевская 2016, с. 98).

Появление пограничных барьеров на постсоветском пространстве, с одной стороны, повысило шансы для развития отдельных секторов экономики сопредельных государств, которые в условиях существования единого народнохозяйственного комплекса СССР из-за конкуренции соседей были значительно ниже. За время суверенного существования стран и проведения рыночных реформ доля приграничных регионов в двусторонней торговле заметно возросла. Они занимают верхние строки в рейтингах регионов по двустороннему

внешнеторговому обороту. В приграничных областях появилась необходимость в создании товаропроводящих сетей на рынки соседей. Эту функцию стали выполнять совместные предприятия. Такая форма организации удобна для максимально комфортного преодоления пограничного барьера и позволяет минимизировать издержки выхода на рынки соседей.

*Азиатский*²⁰ *тип* приграничного сотрудничества характерен для субъектов РФ, сопредельных с Китаем, Монголией и КНДР. Альтернативный вариант его названия – «китайский»²¹ тип сотрудничества – свидетельствует о желании академического сообщества подчеркнуть значимость Китая как ведущего партнера в развитии приграничного сотрудничества на восточных рубежах РФ. Государства-соседи России в Северо-Восточной Азии примыкают к ней своими наименее развитыми районами, поэтому приграничная торговля с российской стороной рассматривается ими как «фактор экономического подъема» своих территорий. За 30 лет приграничных экономических связей на этом геополитическом векторе наиболее существенный рост уровня жизни произошел в «открытых приграничных городах» Китая, на территории которых с 90-х гг. действует система преференций (Рыжова 2009, с. 2).

Одна из трудностей сотрудничества азиатского типа – слабый уровень хозяйственной освоенности большинства российских территорий, непосредственно прилегающих к государственной границе. В связи с этим основными перспективными направлениями российско-китайского приграничного сотрудничества являются развитие кооперации в сфере формирования транспортной инфраструктуры и добычи полезных ископаемых (Ягудаев 2006). Кроме того, соседство с энергодефицитным Китаем, крупнейшим мировым экспортером (Колесникова 2012, с. 31), приводит к интенсификации производств электроэнергии и сдерживанию развития обрабатывающей промышленности в сопредельных с КНР субъектах ДВ РФ (Вардомский 2009, с. 160). Дополнительным препятствием для приграничного сотрудничества азиатского типа является принадлежность субъектов взаимодействий к разным культурно-цивилизационным системам (Вардомский, Скатерщикова 2002, с. 175).

²⁰ Такой позиции придерживаются К.В. Верховланцева, П.Е. Доронина, А.Ш. Миндагалиева, Р.С. Ягудаев.

²¹ Такого названия придерживаются Л.Б. Вардомский, С.В. Голунов и Е.Е. Скатерщикова.

Табл. 4. Типы приграничного сотрудничества

Европейский тип ПС	Постсоветский тип ПС	Азиатский («китайский») тип ПС
Территориальный охват		
На границе РФ со странами-членами Евросоюза и Норвегией.	На границе РФ с Беларусью, Украиной (до начала конфликта), Грузией (кроме границы с Южной Осетией и Абхазией), Азербайджаном и Казахстаном.	На границе РФ с Китаем, Монголией и КНДР.
Соотношение уровня экономического развития смежных ПТСЭС		
Российские ПТСЭС уступают смежным зарубежным ПТСЭС по ключевым социально-экономическим показателям.	Российские приграничные территории более развиты и социально благополучны, чем их казахстанские и закавказские соседи. На белорусском и на украинском (до начала конфликта) участках границы характеристики сопредельных регионов почти совпадают.	Государства-соседи России в Северо-Восточной Азии примыкают к ней своими наименее развитыми районами.
Содержание экономического диалога		
- Восприятие приграничного положения как «блага и конкурентного преимущества» в контексте привлечения европейских инвестиций, развития торговли и обмена технологиями; - Осуществление ПС в проектной форме; - Соблюдение принципа равноправного партнерства и софинансирования проектов ЕС-РФ (с 2006 г.).	- Использование хозяйственных связей бывшего Советского Союза; - Совместные предприятия как товаропроводящие сети на рынки соседей; - Высокая доля приграничных регионов в двусторонней торговле.	- Ориентация на природоресурсный потенциал сибирских и дальневосточных регионов России; - Челночная торговля.
Типичные проблемы ПС		
- Нехватка специалистов, владеющих основами проектного менеджмента, знание которого требуется для участия в международных европейских проектах ПС.	- Относительно низкий уровень развития инфраструктуры ПТСЭС; - Затруднение контактов приграничных жителей и возможностей их трудоустройства на территории сопредельной ПТСЭС.	- Слабый уровень хозяйственной освоенности территорий ДВ РФ; - Сдерживание развития обрабатывающей промышленности в сопредельных с Китайской Народной Республикой субъектах ДВ РФ.

Составлено автором по Вардомский 2009, с. 160; Вардомский, Сктерщикова 2002, сс. 171-175; Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России 2002; Кулик 2012, с. 22; Миндагалиева 2006, с.1.

Попробуем проследить различия в приграничном сотрудничестве на разных участках государственной границы России на основе приведенного выше анализа типов ПС и нормативно-правовых основ его регулирования. На рис. 11 представлена карта, которая характеризует диады границ России и её соседей одновременно по двум этим показателям.

Россия и сопредельные ей страны различаются по членству в региональных международных организациях, занимающихся регулированием ПС и влияющим на пограничный режим. Только с тремя из шестнадцати сопредельных государств Россия входит в состав двух международных региональных организаций такого рода: с Беларусью и Казахстаном в состав СНГ и ЕЭС, с Азербайджаном в состав СЕ и СНГ. Это обстоятельство частично объясняет мозаичность нормативно-правового пространства по тематике ПС вдоль российских границ. К примеру, Беларусь как государство, не являющееся членом СЕ, может присоединиться к Мадридской конвенции только в случае принятия Комитетом министров СЕ единогласного решения о направлении ей соответствующего приглашения (см. ст. 10 Мадридской конвенции). Все три протокола к конвенции открыты для присоединения исключительно для стран, ратифицировавших саму Мадридскую конвенцию. Следовательно, отсутствие у Беларуси членства в СЕ в определенной степени выступает сдерживающим фактором в унификации основ ПС между Россией и Беларусью.

Наиболее близкими к России по числу ратифицированных документов, регулирующих ПС, являются Украина (ратифицировала пять документов о ПС), а также Азербайджан и Литва (ратифицировали по четыре документа о ПС). Однако это сходство создает искаженное представление. Ратификации Мадридской конвенции и протоколов к ней соседями России на постсоветском пространстве в первую очередь связаны с их желанием выстраивать ПС по этим нормам не столько с Россией, сколько с другими сопредельными странами, в частности с сопредельными странами-членами ЕС (для Украины – с Венгрией, Польшей, Румынией и Словакией, для Литвы – с Латвией и Польшей).

На карте хорошо видно, что государственная граница России с постсоветским типом ПС не является однородной. Учитывая, что ситуация на российско-грузинской и российско-украинской границах существенно изменились после вооруженных конфликтов 2008 и 2014 гг., эти участки выделены на карте иначе, чем другие границы с постсоветским типом ПС. В результате конфликтов в 2009 г. Грузия вышла из СНГ, а с 2014 г. в Парламенте Украины периодически поднимается вопрос выхода из СНГ. В этот же год было прекращено финансирование Украиной своей доли в единый бюджет Содружества (Товт 2016). Предшествующие разногласия сторон и обозначенные события обусловили полное или частичное отсутствие ратификации Грузией и Украиной документов СНГ, касающихся ПС. Наконец, в ситуации продолжающегося политического конфликта между Россией и Украиной ратифицированные документы по ПС не используются в двусторонних отношениях, поскольку все трансграничные связи оказались прерваны (Заяц, Михайлова, Федосеев 2017).

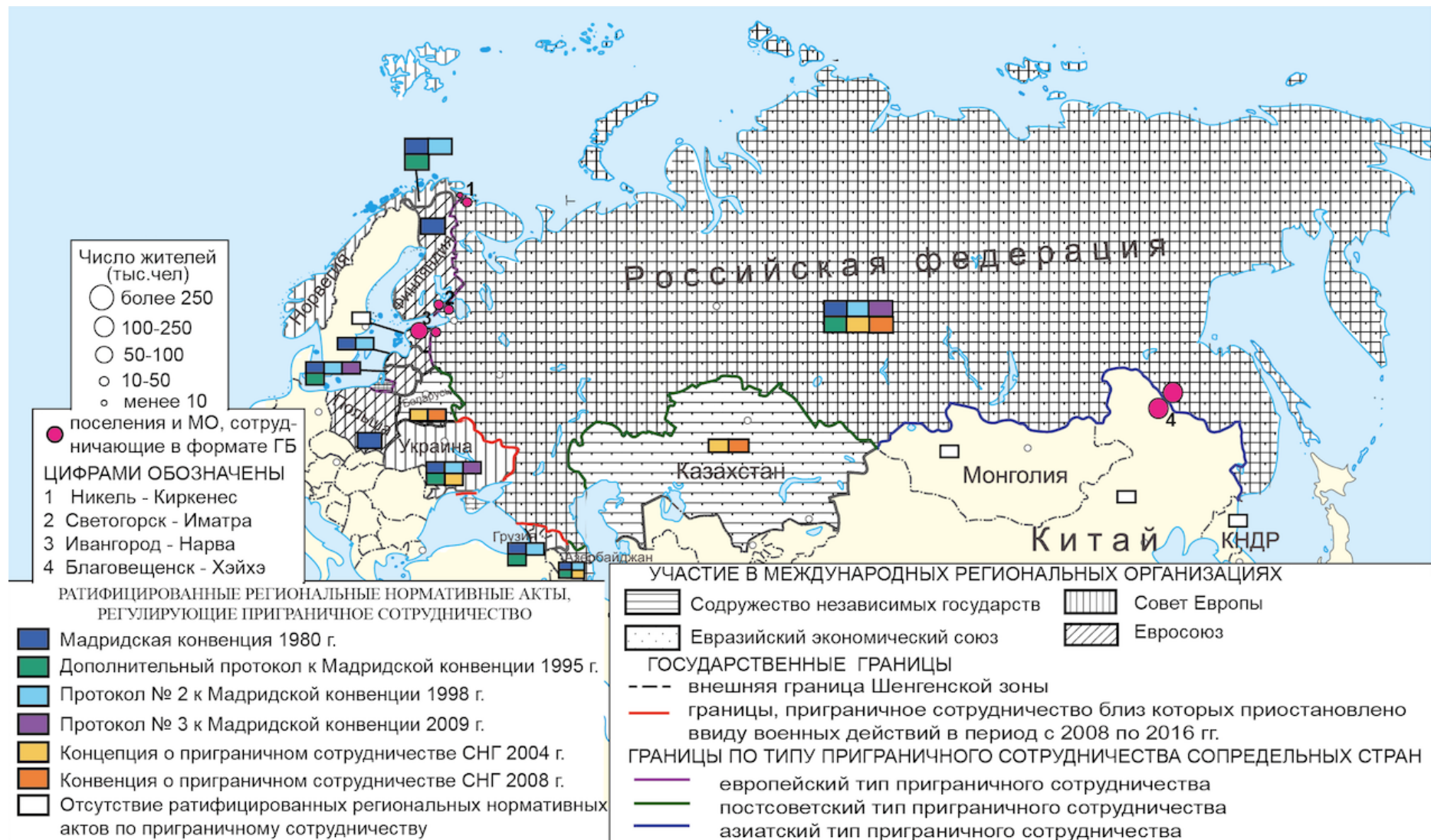

Рис. 11. Дифференциация приграничного сотрудничества по периметру государственной границы России

Составлено автором.

Другой причиной недостаточной унификации регулирования ПС России и сопредельных стран является история двусторонних отношений в каждом отдельном случае. Отказ Эстонии от подписания основополагающих документов СЕ по ПС в значительной степени определен напряженными отношениями с Россией (Boman and Berg 2007, p. 196). Хотя на практике ПС между Эстонией и Россией развивается довольно давно и относительно успешно как в двустороннем, так и в трехстороннем (с участием Латвии) формате, с точки зрения права общих нормативных основ для подобной деятельности между Россией и Эстонией не существует. Поэтому в отличие от других соседей на европейском и постсоветском участках границы, ПС с Эстонией формально не имеет регулятивной базы, подобно ПС на азиатском участке границы – с Монголией, КНР и КНДР.

Среди соседей РФ, ПС с которыми относится к европейскому типу, единые нормативные основы для создания еврорегионов существуют у России с Литвой, Норвегией и Латвией. Однако на практике партнерами России по еврорегионам на этом участке границы выступают все сопредельные страны, включая Польшу, Финляндию и Эстонию. Это демонстрирует как разрыв между нормативно-правовым регулированием ПС и его осуществлением, так и ограниченные возможности институционализации ПС даже на европейском направлении, ключевой чертой которого считается приверженность формализации процедур и договоренностей.

Несмотря на наличие трёх пар городских поселений, сотрудничающих в формате городов-близнецов, на границах с европейским типом ПС, правовые основы трансграничных взаимодействий у них не совпадают. Это обстоятельство ограничивает возможности выработки российской стороной единой или типовой стратегии по развитию сотрудничества в формате городов-близнецов.

2.2. Содержание и свойства трансграничного управления

Одним из возможных критериев рассмотрения смежных ПТСЭС в качестве единой системы в литературе выступает наличие у них совместного органа для координации связей между приграничными территориями – ассоциации, комитета, комиссии и т.п. (Корнеевец 2010, с. 30). Согласно этой логике, необходимость совместных усилий для выстраивания и поддержания баланса между секторами экономики сопредельных ПТСЭС является одной из отличительных черт трансграничных систем, а координация управления их развитием – особым видом трансграничных взаимодействий.

Как говорилось ранее, современные научные разработки в лимологии обращены к изучению возможностей использования границы в качестве ресурса для социально-экономического развития приграничных территорий (Eskilinen and Kotilainen 2005; Hansen 1977; Kolossov 2005; Scott 1999; Schulz 2002; Sohn 2013; Sohn and Lara 2013; Walther and Reitel 2013). Такой подход получил распространение как в теориях, направленных на раскрытие и использование потенциала смежных ПТСЭС, так и в концепциях, ориентированных на совместное

решение их проблем. Упомянутые теоретические разработки привели к формированию концепции управления социально-экономическим развитием трансграничных систем, или концепции трансграничного управления (англ. *cross-border governance*, далее ТГУ). Рассмотрим последовательно каждый блок теоретических предпосылок становления концепции ТГУ.

2.2.1. Совместное решение проблем как предпосылка становления трансграничного управления

Совместное решение проблем (англ. *collaborative problem solving*) означает скоординированную деятельность двух или более лиц, направленную на «трансформацию текущего состояния в желаемое» (Hesse et al. 2015, p. 39).

Исторически совместное решение проблем трансграничного характера началось со сферы природопользования и в частности с совместного использования трансграничных водоемов. Первые многосторонние организации по совместному использованию трансграничных речных бассейнов начали появляться в XIX веке. Сначала по итогам Венского конгресса 1815 г. комитет по либерализации навигации и торговли был создан на Рейне, затем в 1856 г. по итогам Крымской войны аналогичная организация была учреждена на Дунае (Wescoat 1996, p. 54). С течением времени круг вопросов, курируемых речными комиссиями, продолжал расширяться. К концу XIX в. Рейнская комиссия создала нормы, регулирующие рыболовство, гидроэнергетику и загрязнение в результате перевозки нефтепродуктов, легковоспламеняющихся, ядовитых и коррозионных грузов (Wescoat 1996, p. 62). По оценке Дж. Вескоата (1996, p. 56), основными заслугами созданных в XIX в. международных комиссий по рекам были их направленность на решение практических проблем (в том числе на отмену барьеров для прохождения судов, учёт специфики навигации при проектировании мостов, регулирование перевозок опасных грузов) и преемственность в работе (их деятельность оказывалась временно приостановленной только в ситуации серьезных межгосударственных конфликтов). Сегодня основной площадкой для сотрудничества в сфере защиты окружающей среды в бассейне Рейна выступает созданная Люксембургом, Нидерландами, Францией, Германией и Швейцарией в 1950 г. международная комиссия по защите Рейна от загрязнения. Основной заслугой этой организации стало разрешение экологического кризиса в 70-е гг. путём выработки конвенции по снижению загрязнений Рейна химикатами и её последовательного исполнения (Huisman, de Jong and Wieriks 2000, pp. 89-90).

Другим примером договорного урегулирования совместного использования трансграничных водоемов является заключение американо-канадского соглашения о трансграничных водах от 11 января 1909 г. и американо-мексиканского соглашения об использовании водотоков рек Колорадо, Тихуана и Рио Гранде от 3 февраля 1944 г. Эти двусторонние документы с участием США стали основанием для учреждения двусторонних комиссий по управлению трансграничными

водоемами на американо-канадской и американо-мексиканской границах (Blatter and Ingram 2000, с. 444). Обе комиссии выступили в роли пионеров в институционализации трансграничного управления в Новом Свете и продолжают действовать по сей день.

На международном уровне основы правового режима международных вод были заложены в Хельсинкских правилах использования вод международных рек от 20 августа 1966 г., разработанных Ассоциацией международного права. Этот документ вводит понятие «международный речной бассейн» (ст. 2), закрепляет принцип предоставления государствам бассейна равной и справедливой доли использования вод международного речного бассейна (ст. 4), а также определяет факторы для расчета данной доли (ст. 5). На основе данных правил был сформулирован бассейновый принцип управления трансграничными гидрообъектами и связанными с ним водохозяйственными системами (Gleick 1993; Newson 1997), который предполагает учет особенностей экономического, демографического и технологического развития и потребностей территорий международного речного бассейна по всему водосбору (Сидорова 2008, с. 93), то есть закладывает основы системного подхода к управлению ПТСЭС.

В развитие бассейнового принципа управления трансграничными гидрообъектами (Norman and Bakker 2008, с. 103) была выдвинута теория интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР, англ. *integrated water resources management*). Согласно определению, введенному Международным водным партнерством, ИУВР представляет собой «скоординированное развитие и управление водными, земельными и другими связанными с ними ресурсами в целях максимизации экономического и социального благополучия на справедливой основе без ущерба для устойчивого развития жизненно важных экосистем» (Hassing et al. 2009, с. 3). В 1992 г. на международной конференции по вопросам водных ресурсов и окружающей среды в Дублине международное экспертное сообщество утвердило основополагающие принципы ИУВР, наиболее значимым из которых для целей диссертационного исследования является признание необходимости применения партисипативного подхода к управлению трансграничными водными ресурсами, подразумевающего участие всех заинтересованных сторон на всех уровнях – потребителей, планировщиков и лиц, принимающих решения. Таким образом, основной вклад данной теории в формирование концепции трансграничного управления состоит в закреплении системного подхода к управлению ПТСЭС, входящими в бассейн определенного водоема, а также в партисипативном подходе к определению сторон, участвующих в управлении.

Следующим шагом после кодификации управления трансграничными водотоками и бассейнами стало развитие сотрудничества между сопредельными природоохранными зонами. Согласно определению, используемому Всемирным банком, трансграничные природоохранные зоны – это «относительно большие районы, которые пересекают границы двух и более стран,

охватывают крупные природные системы и состоят из одной или нескольких охраняемых территорий» (World Bank 1996). По состоянию на 1997 г., перечень международных смежных природоохранных систем включал 136²² кластеров особо охраняемых зон в 98 странах. Аналогичный подсчёт, произведенный в 2001 г., показал, что за шесть лет число международных смежных природоохранных систем возросло на 20% и составило 169 кластеров (Zbicz 2003, р. 24). Такая значительная динамика за такой короткий промежуток времени связана с заинтересованностью органов управления смежных приграничных особо охраняемых зон в закреплении их статуса и признании значимости трансграничных связей.

2.2.2. Вклад теорий использования общего потенциала субъектов сотрудничества в концепцию трансграничного управления

Из теоретических разработок, посвященных использованию потенциала сотрудничающих сторон, ТГУ синтезировало положения таких современных подходов как совместное управление, или соуправление (от англ. collaborative governance или co-governance), «мягкое» управление (от англ. «soft» governance) и управление конкурентным сотрудничеством (от англ. collaborative competition или co-opetition). В табл. 5 произведено сопоставление данных понятий.

Наиболее близким к ТГУ понятием является соуправление: в узком смысле трансграничное управление может определяться как совместное управление социально-экономическим развитием двух и более ПТСЭС. Однако каждая из рассматриваемых концепций оказала влияние на трансграничное управление.

Одной из особенностей трансграничного управления является необходимость согласования позиций и действий органов управления разных уровней, что соответствует принципам «мягкого» управления.

Управление развитием трансграничных систем происходит в условиях повышенной неопределенности, что подталкивает вышестоящие управленческие структуры разрабатывать для нижестоящих органов управления пособия и алгоритмы действий, способствующие своевременному ответу на вызовы внешней среды. Для центральных органов управления характерно применение таких инструментов, как подготовка модельных соглашений о приграничном сотрудничестве и предоставление инструкций по заполнению проектных заявок. Региональные органы управления чаще используют консультации по отдельным вопросам приграничного сотрудничества, актуальным для конкретного субъекта Федерации, например, по участию в двусторонних программах приграничного сотрудничества или по возможностям привлечения инвестиций из сопредельного государства.

²² В перечень включались только те территории, которые имеют официальный статус особо охраняемых природных территорий, признаны Всемирным союзом охраны природы и являются смежными или практически смежными.

Табл. 5. Сравнительный анализ понятий соуправление, «мягкое» управление, управление конкурентным сотрудничеством и трансграничное управление

СОУПРАВЛЕНИЕ	«МЯГКОЕ» УПРАВЛЕНИЕ	УПРАВЛЕНИЕ КОНКУРЕНТНЫМ СОТРУДНИЧЕСТВОМ	ТРАНСГРАНИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Сущность			
Вид управления, при котором происходит временное объединение ресурсов всех заинтересованных сторон для решения общей проблемы и/или достижения общих стратегических целей.	Вид управления, при котором высший уровень управления координирует работу нижестоящих уровней путем информационно-консультационного воздействия, а не за счет опоры на иерархию и подчинение.	Вид управления взаимоотношениями, благодаря которому конфликт интересов конкурентов трансформируется в их конкурентное преимущество.	Вид управления, при котором заинтересованные стороны (в том числе, конкурирующие) двух и более смежных приграничных территорий взаимодействуют для решения общей проблемы и/или достижения их общих стратегических целей.
Участники			
Представители гражданского общества, властных и рыночных структур.	Политико-административные структуры центрального, регионального и местного уровней управления.	Стратегические конкуренты (фирмы и территории).	Представители гражданского общества и рыночных структур, политико-административные структуры центрального, регионального и местного уровней двух и более смежных приграничных территорий.
Цели взаимодействия			
Решение общих проблем и/или достижение общих стратегических целей путем привлечения всех заинтересованных сторон (например, создание и/или укрепление совместного брэнда).	Достижение максимально скоординированной деятельности всех уровней управления при минимизации прямого вмешательства управленческих структур вышестоящих уровней в дела нижестоящих управленческих структур.	Решение общих проблем и/или достижение общих стратегических целей путем привлечения всех заинтересованных сторон (например, создание и/или укрепление совместного брэнда).	Достижение максимально скоординированной деятельности всех уровней управления при минимизации прямого вмешательства управленческих структур вышестоящих уровней в дела нижестоящих управленческих структур.
Задачи взаимодействия			

- Использовать эффект экономии от масштаба: 1) увеличить объем доступных ресурсов для решения общей проблемы; 2) улучшить качество услуг, предоставляемых населению.	- Обеспечить преемственность подходов к решению типовых проблем на центральном, региональном и местном уровнях; - Сохранить возможность поиска новых решений и инноваций у нижестоящих управленческих структур.	- Сбалансировать риски, выгоды и темпы развития сотрудничающих сторон; - Сохранить конкурентоспособность каждой из сотрудничающих сторон; - Создать условия для дальнейшего индивидуального развития каждой из сотрудничающих сторон.	- Использовать эффект экономии от масштаба; - Сбалансировать риски, выгоды и скорости развития сотрудничающих приграничных систем; - Сохранить конкурентоспособность каждой из сотрудничающих сторон; - Сохранить возможность поиска новых решений и инноваций у каждой из сотрудничающих сторон; - Сохранить преемственность в развитии приграничного сотрудничества управленческих структур вышестоящих уровней.
Принципы взаимодействия участников			
- Участие всех заинтересованных сторон; - Равное участие всех категорий участников; - Сочетание участия иерархических и сетевых организаций; - Временный характер объединения.	- Использование не «жестких» управленческих инструментов (законодательного регулирования, налогов), а их «мягких» аналогов (рекомендаций, стандартов качества, добровольных соглашений).	- Признание возможности создать ситуацию, в которой отсутствуют проигравшие; - Избегание деструктивной конкуренции; - Стремление к выстраиванию «рынка для всех участников, включая конкурентов, поставщиков и потребителей».	- Деятельность участвующих в трансграничном управлении субъектов в рамках их полномочий; - Согласование позиций и действий органов управления разных уровней, в том числе путем информационно-консультационного воздействия вышестоящих органов на нижестоящие; - Сочетание участия иерархических и сетевых организаций; - Поиск практических решений локальных проблем; - Самоорганизация участников трансграничного управления.

Составлено автором на основе анализа работ Bode and Firbank 2009, с. 326; Brandsen, Boogers and Tops 2006, с. 546; Donahue and Zeckhauser 2011, сс. 35-38; Kai 2013, с. 572; Kooiman 2003, с. 97; Hansen 2005, с. 219; Somerville, Haines 2008, с. 75; Tsujinaka, Ahmed and Kobashi 2013, с. 411; Wurzel, Zito and Jordan 2013, с. 26.

Подобно управлению конкурентным сотрудничеством, целью ТГУ является реализация совместных интересов за счет объединения ресурсов, а в число задач входит сохранение конкурентоспособности каждой из взаимодействующих систем. Решение сотрудничать принимается акторами, которые долгое время воспринимали себя и/или воспринимались другими в качестве стратегических конкурентов, но готовы отказаться от конкурентной борьбы в пользу поиска новой ниши для совместного продукта, более заметного и привлекательного на международной арене. Тезис о трудности равного распределения рисков и потенциальных выгод между участвующими сторонами, обоснованный С. Паскинелли (Pasquinelli 2013, с.13) в статье о конкурентном сотрудничестве территорий в сфере туризма, также справедлив для концепции трансграничного управления.

Для соуправления, управления конкурентным сотрудничеством и трансграничного управления характерно сочетание иерархического и сетевого, формального и неформального взаимодействия участников. В указанных видах управления рациональным стимулом к выдвижению интеграционных инициатив смежными ПТСЭС выступает стремление разделить бремя решения общих проблем за счет использования эффекта экономии от масштаба.

Наряду с перечисленными сходствами трансграничное управление имеет ряд отличительных черт, благодаря которым его нельзя считать комбинацией рассмотренных практик. В литературе названы такие свойства ТГУ, как фокусировка на поиске практических решений проблем местного масштаба (Perkmann 2007), распространенность неформальных договоренностей между его участниками, необходимость самоорганизации акторов ТГУ (Perkmann 2002), высокие требования к уровню зрелости региональных организаций государственного сектора, участвующих в ТГУ (Harguindeguy and Bray 2009), и гибкий дизайн совместных органов ТГУ (Hooghe and Marks 2010, с. 18).

Трансграничное управление имеет многоуровневую и матричную внутреннюю структуру, которая включает связи между широким спектром участников государственного, частного и некоммерческого секторов экономики. Многоуровневость ТГУ заключается в активном взаимодействии с политико-административными структурами – территориальными органами федеральных органов власти, региональными органами власти, органами местного самоуправления, чей функционал может варьироваться от курирования отдельных направлений приграничного сотрудничества до контроля результатов выполнения конкретных проектов.

Необходимость взаимодействия с политико-административной сферой обусловлена тем, что многие вопросы, определяющие возможность взаимодействия ПТСЭС с соседями (в том числе пограничный и таможенный режимы, режим посещения и пребывания на приграничных территориях и др.), находятся в компетенции центральных органов власти (в России упомянутые вопросы находятся в ведении Федеральной службы безопасности и Федеральной миграционной службы), поскольку затрагивают вопросы, связанные с государственным суверенитетом и национальной безопасностью. Частично многоуровневая структура ТГУ описана в транзакционной модели Дж. Хауза (House 1980), согласно которой в пограничье существует четыре основных уровня взаимодействия – 1) между приграничными территориями, 2) между центрами сопредельных государств, 3) центр-периферийные отношения внутри собственного государства и 4) центр-периферийные отношения с сопредельным государством.

Свойство матричной структуры ТГУ состоит в распространенности горизонтальных сетевых связей между субъектами гражданского общества и резидентами приграничья. Первые обычно представлены несколькими узкопрофильными организациями, например, ассоциациями экологов и работников сферы культуры, торгово-промышленными палатами, профсоюзами и университетами (Scott 1999, с. 608). Вторые на сегодняшний день под влиянием концепции партисипативного управления (Епинина 2012, с. 181) трансформировались из жителей управляемого пространства в стратегических партнеров органов местного самоуправления.

2.3. Специфика приграничного сотрудничества и трансграничного управления в городах-близнецах

Как отмечалось ранее (см. п. 2.1.1), одна из характеристик приграничного сотрудничества – это его динамический характер, или тенденция к изменению интенсивности взаимодействий. Наиболее явно эта черта проявляется на микроуровне приграничья – уровне сотрудничества соседних приграничных городов и в частности городов-близнецов. С одной стороны, сотрудничество городов более обозримо по сравнению с сотрудничеством регионов или государств, что позволяет с большей точностью хронологически отслеживать возникновение и угасание отдельных направлений взаимодействий. С другой стороны, поскольку контакты происходят как на официальном, так и на неофициальном уровне между двумя городскими сообществами, растёт информированность населения о приграничном сотрудничестве и

особенно людей, в чьи профессиональные обязанности входит взаимодействие с представителями смежной ПТСЭС. Данная особенность увеличивает значимость использования полевых методов исследований (особенно интервьюирования и анкетирования) для изучения ПС в городах-близнецах и повышает надёжность полученных с их помощью данных.

Хотя неформальные связи местных жителей, их осведомленность о сопредельной ПТСЭС и отношение к соседям оказывают влияние на ПС на каждом уровне приграничья, для городов-близнецов эти контакты и оценки особенно важны. Многие авторы (Bucken-Knapp 2001, p. 51; Schultz 2002, p. 9; Löfgren 2008, p. 204) отмечали, что без поддержки «снизу» инициатива сотрудничать в формате городов-близнецов не имеет будущего даже в городах, которые по совокупности историко-географических характеристик относятся к категории естественных городов-близнецов. Муниципальный уровень управления максимально приближен к населению и не может продолжительное время игнорировать недовольство или критику со стороны местных жителей по поводу расходования ресурсов (как рабочего времени, так и средств бюджета) на поддержание и развитие связей с сопредельной ПТСЭС. Я. Янчак связывает уровень вовлеченности в трансграничные взаимодействия с однородностью этносоциального состава городов-соседей (Jańczak 2017, p. 487): население скорее будет участвовать в ПС, если оно либо однородно (представители одного и того же этноса по разные стороны границы), либо в случае его гетерогенности (с каждой стороны границы этнический состав населения разнообразен и включает несколько этнических групп, проживающих по обе стороны границы, причём эти группы не обязательно имеют численное превосходство по отношению к другим).

Несмотря на значимость, относительно мало изученными остаются эндогенные факторы, сдерживающих развитие ПС между городами-близнецами. В большинстве работ, затрагивающих тему отрицательной динамики развития ПС на микро- и мезо-уровнях приграничья, эти факторы явно не выделяются. Например, в статье Я. Янчака составлена типология моделей приграничного сотрудничества городов-близнецов в зависимости от степени однородности их этнического состава и проницаемости границы (Jańczak 2017, p. 490). Как видно из схемы (см. Приложение 5²³), в городах-близнецах на «прозрачных» границах (внутри интеграционных объединений) и с единообразным (однородным или смешанным) этническим составом ПС имеет более устойчивую

²³ Приложение 5 содержит схемы ПС городов-близнецов, встреченные в литературе.

конфигурацию и вовлекает большее количество участников. То есть различия в этническом составе городов-близнецов и их расположение на границах неинтегрированных систем высшего ранга являются эндогенными факторами, сдерживающими развитие ПС смежных ПТСЭС микро- и мезо- уровней.

Одним из исключений является кандидатская диссертация Д. Коваррубиуса, в которой эндогенные факторы, сдерживающие развитие ПС между городами-близнецами, не только разделены на девять категорий (политические, стратегические, экономические, социальные, культурные, языковые и коммуникационные факторы, факторы этносоциальной гетерогенности приграничных территорий и мобильности местных жителей) (Covarrubius 2015, p. 33), но и служат критерием сравнения кейсов – городов-близнецов на американо-мексиканской и датско-шведской границах.

Работ, анализирующих эндогенные факторы, сдерживающие развитие ПС между городами-близнецами России и стран-соседей, в литературе встречено не было. Для восполнения этого пробела и конкретизации трудностей, с которыми сталкиваются смежные ПТСЭС вдоль границ РФ, в п. 3.3 произведено сравнение барьеров ПС в трёх кейсах городов-близнецов России и стран-соседей.

В значительном числе научных трудов изменчивость ПС в городах-близнецах изучалась как результат действия экзогенных факторов – последовательного усиления и ослабления барьерной и контактной функций границы, вызванного «непростыми межгосударственными отношениями» (Анищенко, Сергунин 2012, с. 30) и/или геополитическими сдвигами. После расширения Европейского Союза в 2004 г. характер границ, разделяющих многие города-близнецы континентальной Европы, изменился: одни «пары» оказались на внутренних границах стран-членов Евросоюза, другие – на его внешней границе. Первые стали рассматриваться как «лаборатории евроинтеграции» (Joenniemi and Sergunin 2011, с. 124) и образцы многостороннего сотрудничества. Города, оказавшиеся разделенными внешней границей стран Шенгенского соглашения, испытали ужесточение пограничного режима, что привело к отмене достигнутых ранее договоренностей о порядке пересечения границы местными жителями. Особенно часто трансформации доминирующей функции границы рассматривались применительно к городам-близнецам Центральной Европы. Например, Я. Янчак прослеживает влияние четырех процессов на города-близнецы – *re-/de-boundarization* (по Я. Янчаку, усиление и ослабление национального суверенитета) и *re-/de-frontierization* (увеличение и уменьшение роли приграничных территорий как контактной зоны) (Jańczak 2018). В статье М. Тамаска выделены стадии интеграции,

дезинтеграции и реинтеграции городов-близнецов на венгерско-словацкой границе, соответствующие аналогичным процессам на национальном уровне (Tamaska 2018).

Другим испытанием, с которым сталкивается всё большее количество городов-близнецов, является увеличение международного транзитного миграционного потока. В этих условиях тесные кооперационные связи и нормальное функционирование относительно небольших смежных сообществ зачастую оказываются под угрозой. Особенно легко уязвимыми в этом отношении являются соединенные города-близнецы. С одной стороны, политические организации правого толка, апеллируя к прибытию «незваных гостей», могут поставить под вопрос необходимость самой инфраструктурной связи двух городов. С другой стороны, транспортные компании, отвечающие за надёжность и регулярность перевозок по конкретному транспортному пути, могут решить направить грузовые и пассажирские перевозки по другим, более безопасным маршрутам, что приведет к экономическим потерям по обслуживанию этих потоков в соединенных городах-близнецах. Например, летом 2015 г., когда количество мигрантов и беженцев в окрестностях Кале достигло около 10 тыс. человек, датская транспортная компания «DFDS Seaways» объявила о замене одного из основных маршрутов пассажирского сообщения между Великобританией и континентальной Европой Дувр-Кале рейсом Дувр-Дюнкерк (Sheldrick and Culbertson 2015). Наконец, вовлеченность в международные миграционные процессы является дополнительной проверкой общности ценностных ориентиров жителей городов-близнецов. В п. 3.4.1. риски и механизмы ухудшения сотрудничества городов-близнецов более подробно охарактеризованы на примере Никеля и Киркенеса и проходившего через них так называемого Арктического маршрута, использовавшегося в 2015 г. ближневосточными беженцами и мигрантами, следовавшими через Россию в Северную Норвегию.

Экзогенные факторы экономического характера (например, скачки валютных курсов), в результате которых изменяется динамика ПС городов-близнецов, обычно имеют двойные последствия. Они трансформируют трансграничные потоки и приводят к необходимости реорганизации бизнеса, специализировавшегося на обслуживании прежних пассажиро- и грузопотоков. С одной стороны, ряд компаний несут значительные издержки и уходят с рынка, с другой стороны, образование новых экономических ниш ведёт к созданию новых предприятий и моделей ведения бизнеса. Жители государства, валюта которого девальвировала, оказываются ограничены в возможностях посещения города-соседа и вынуждены пересмотреть привычные ранее модели потребления. Однако, удешевление товаров и услуг вследствие девальвации

оказывает стимулирующее воздействие на рост въездных туристских потоков и создает новые рабочие места по их обслуживанию. Более детально влияние колебаний валютного курса на взаимодействия городов-близнецов разобрано в п. 3.4.2 на примере Благовещенска и Хэйхэ.

Договорное закрепление намерения выстраивать координацию в отдельных отраслях (транспорт, утилизация отходов и др.) или по целому ряду вопросов (предоставление услуг населению, охрана окружающей среды и др.) само по себе является свидетельством трансформации ПС, его переходом на качественно новый уровень. Следовательно, работы, посвященные изучению ТГУ в городах-близнецах, тоже вносят вклад в исследование динамического характера ПС. Обычно такие публикации содержат описание выдвижения инициатив ТГУ, координации действий смежных ПТСЭС и совместно достигнутых результатов.

Инициативы трансграничного управления в городах-близнецах выдвигались на протяжении нескольких последних десятилетий. В первую очередь они представляют собой институциональное оформление практик совместного решения проблем, проистекающих из смежности географического положения. Помимо объективной необходимости объединения усилий и координации действий ввиду географической близости городов-близнецов, значительную роль в распространении трансграничного управления сыграли глобальные факторы. В их числе стоит назвать усиление международной конкуренции территорий за привлечение инвесторов и налогоплательщиков (Roeber 2010), рост признания значимости местного самоуправления и перераспределение полномочий в его пользу, осознание важности устойчивого развития приграничья центральными правительствами (см. п. 1.1.2). Ещё одним стимулом эволюции ПС выступает стремление местных акторов – органов МСУ, бизнеса и жителей городов-близнецов – использовать преимущества приграничного положения. Примеры как традиционных, так и экспериментальных форматов отраслевого приграничного сотрудничества городов-близнецов приведены в Приложении 6.

С практической точки зрения ТГУ в городах-близнецах осуществляется либо через совместные рабочие группы органов МСУ, иногда с привлечением заинтересованных лиц (представителей бизнеса, НКО, местных жителей), или путём создания совместного координационного органа – отраслевого (например, в сфере образования) или общей компетенции. В п. 3.4. приведены примеры лучших практик ТГУ городов-близнецов России и зарубежной Европы, указаны потенциальные направления заимствования этого опыта парами городов вдоль государственной границы РФ.

2.3.1. Методы изучения городов-близнецов и сотрудничества между ними

Научные работы о городах-близнецах практически всегда включают изучение их взаимодействия и взаимовлияния, поскольку необходимость и неизбежность трансграничных контактов является следствием их ЭГП. Следовательно, методы изучения городов-близнецов в первую очередь состоят из способов исследования истории сосуществования смежных ПТСЭС, динамики их отношений и их восприятия извне (на уровне системы более высокого ранга) и изнутри (местным сообществом). Следствием такого разнообразия тем стало разнообразие приёмов характеристики городов-близнецов. Другой причиной множественности методов изучения смежных ПТСЭС является междисциплинарный характер литературы о городах-близнецах.

В научных кругах признана необходимость обобщения методической стороны изучения городов-близнецов (Joenniemi 2014, с. 1). На 2018 г. единственной работой, посвященной этому вопросу, остаётся статья диссертанта 2014 г. (Михайлова 2014), в которой сформулировано понятие профиля городов-близнецов (с. 55), выделены методические подходы к составлению профилей и их разновидности (с. 56). Этот подраздел диссертации использует результаты упомянутой статьи и дополняет их новыми положениями.

Под *профилем городов-близнецов* понимается совокупность количественных и качественных индивидуальных и общих характеристик смежных приграничных систем, представленная в динамике и взаимосвязи. Как объект анализа, профиль городов-близнецов имеет две отличительные черты: а) сочетание двойственности и единства рассматриваемых смежных ПТСЭС, так как профиль включает показатели, описывающие приграничные системы в отдельности и в рамках трансграничной системы; б) ограниченная совместимость показателей изучаемых ПТСЭС в силу различий в методологии учета статистических служб сопредельных стран. Составление профиля городов-близнецов является примером использования сравнительно-географического метода исследования.

При обобщении существующих описаний городов-близнецов были выделены оценочный, компаративистский, средовой, временной и фокусирующий подходы к составлению их профилей. Эти подходы различаются по ведущей задаче, которую они призваны решить, а именно: доказать или опровергнуть определенную точку зрения; сопоставить приграничные системы; рассмотреть их в связке с внешней средой и временем или изолированно от них; представить картину взаимодействия смежных ПТСЭС в конкретных сферах деятельности или по всему спектру направлений.

Названные методические подходы включают несколько подгрупп (см. табл. 6). Для удобства характеристики предложенных методических подходов ниже каждый из них представлен комплексно с его подгруппами.

Оценочный методический подход объединяет *критический* и *активистский* типы. Оба типа похожи тем, что имеют заданную цель – выстроить описание смежных ПТСЭС таким образом, который позволяет поставить под сомнение либо убедительно доказать справедливость использования в их отношении термина «города-близнецы» или альтернативных понятий. Очевидным недостатком этого подхода является его субъективность, поскольку ради доказательства собственной правоты адепт оценочного методического подхода может сознательно изъять часть информации из составляемого описания. С другой стороны, возможность использования средств художественной выразительности в тексте, написанном в канонах критического или активистского типов, делает этот подход уместным для публицистических статей или туристических брошюр.

Табл. 6. Разновидности методических подходов к подготовке профилей городов-близнецов и сфера их типичного использования

№	Методический подход	Подгруппа	Сфера использования
1	Оценочный	Критический	Публицистика.
		Активистский	Документы стратегического характера; публицистика.
2	Компаративистский	Контрастный	Публицистика; туристические брошюры.
		Уподобляющий	
		<i>Смешанный²⁴</i>	Научные статьи.
3	Временной	<i>Исторический</i>	
		Футурологический	Документы стратегического характера; публицистика.
4	Средовой	<i>Контекстный</i>	Научные статьи; документы стратегического характера.
		<i>Дискретный</i>	Научные статьи; публицистика.
5	Фокусировочный	<i>Секторальный</i>	
		<i>Обзорный</i>	
6	Комбинирование подходов	<i>Последовательное</i>	Научные статьи; документы стратегического характера; публицистика.
		<i>Параллельное</i>	

Составлено автором.

Компаративистский методический подход связан с применением метода сравнения. При *контрастном* типе в качестве основного метода подготовки профиля используется противопоставление, в то время как при *уподобляющем* типе главный

²⁴ Курсивом в таблице выделены методические подходы и их подгруппы, наиболее приемлемые для использования в научных целях.

принцип построения текста – выстраивание аналогий между смежными приграничными системами. При *смешанном (сбалансированном)* типе используются обе упомянутые техники. Слабыми сторонами первых двух типов является их избирательность (к анализу принимаются либо сходства, либо различия приграничных систем). Третий тип, напротив, отличается сбалансированностью и опорой на все значимые характеристики ПТСЭС. Однако ценой повышения надежности становится трудоемкость.

Различия компаративистского и оценочного подходов также можно продемонстрировать на примере их контрастного и критического типов. В первом случае объектом противопоставления выступают отличительные черты ПТСЭС, во втором – одна точка зрения в отношении другой. Контрастный тип ориентируется на максимально широкое освещение имеющихся различий, в то время как критический тип привлекает ту информацию, которая способна аргументировать отстаиваемую позицию.

Средовой методический подход делится на *контекстный* и *дискретный (точечный)* типы, в которых соседние ПТСЭС анализируются с учетом внешней среды или вне ее. При этом влияние внешней среды может учитываться на административно-территориальном, трансграничном, страновом, макрорегиональном и международном уровнях. Использование контекстного типа наиболее свойственно для политологических и экономических исследований, поскольку это позволяет проследить местные и/или региональные ответы на глобальные тенденции. Дискретный тип чаще встречается в трудах антропологического или социологического характера, где ученые целенаправленно сужают выборку и стремятся к детализированному анализу конкретных этнических или социальных групп. Недостатком первого типа является сложность выбора масштаба привлекаемого контекста, поскольку при перемещении с одного уровня на другой результаты анализа могут значительно различаться. Слабой стороной точечного типа является невозможность достижения на практике моделируемой изолированности от внешней среды в современном глобализирующемся мире.

Временной методический подход делится на *исторический* и *футурологический* типы. Первый ориентирован на выстраивание в хронологическом порядке хода взаимодействия смежных ПТСЭС и представление достигнутых результатов, второй делает акцент на существующем совместном потенциале и том уровне развития, который обе приграничные системы могут достичь в будущем при условии применения механизмов трансграничного управления. Неоспоримым преимуществом исторического типа выступает последовательный учет прошлого, который обеспечивает понимание истоков и динамики сотрудничества. Значительным ограничением в его использовании

является сложность сбора данных, поскольку история взаимоотношений некоторых приграничных систем насчитывает не одно столетие, а документация связей может быть рассредоточена по национальным, региональным и местным архивам по обе стороны границы. Футурологический тип привлекателен как инструмент проектирования будущего и полезен для создания стратегии развития приграничных и трансграничных систем. С другой стороны, он базируется на прогнозных переменных со средним уровнем надежности (например, прогнозы мировой добычи полезных ископаемых, уровень мировых цен на нефть и др.), подверженных изменениям в случае геополитической турбулентности или очередного скачка научно-технического прогресса.

Фокусировочный методический подход делится на *секторальный (сфокусированный)* и *обзорный (расфокусированный)* типы. Секторальный тип концентрируется на изучении одного вопроса или группы связанных вопросов таким образом, чтобы создать исчерпывающую картину по рассматриваемым темам (демографии, экономике, социальной сфере и т.д.). Отдавая предпочтение обзорному типу, автор стремится охарактеризовать ключевые сферы или все сферы, в которых ведется взаимодействие между ПТСЭС. Секторальный тип удобен при детальном анализе имеющегося сотрудничества или потенциала его развития. Обзорный тип помогает увидеть картину сотрудничества (или оценить его потенциал) в целом, то есть с учетом межсекторных позитивных и негативных экстерналий. Отсюда следует недостаток секторального типа: игнорирование взаимовлияний секторов.

Как показал анализ имеющихся в научной литературе профилей городов-близнецов, исследователи тяготеют к *комбинированию* вышеперечисленных методических подходов в соответствии с поставленной перед собой задачей. При этом комбинирование может быть *параллельным* – в этом случае несколько методических подходов (чаще всего два) используются одновременно – или *последовательным*, когда автор в ходе определения уровня социально-экономического развития городов-близнецов переключается с одного методического подхода на другой. Параллельное комбинирование свойственно для временного и компаративистского, средового и фокусировочного подходов. Наиболее распространенным сочетанием для последовательного комбинирования является чередование временного и фокусировочного подходов.

На практике профили городов-близнецов служат информационной базой для принятия управленческих решений, выработки стратегии развития и совместного позиционирования смежных ПТСЭС как единого инвестиционно и туристически

привлекательного объекта. Социальное значение профиля городов-близнецов состоит в возможности улучшения осведомленности жителей смежных приграничных поселений о среде их непосредственного проживания и о городе-соседе. Повышение информированности населения о совместном потенциале смежных ПТСЭС, в свою очередь, способствует укреплению связей приграничных систем. Следовательно, субъекты ТГУ должны быть заинтересованы в подготовке профилей городов-близнецов и их распространении среди населения.

Учитывая важность своевременного донесения адресной информации до всего спектра субъектов ТГУ, можно рекомендовать органам МСУ иметь несколько вариантов профилей городов-близнецов, ориентированных на информирование каждой категории участников ПС. Подготовка профилей городов-близнецов может осуществляться подразделениями местных администраций, курирующими ПС, или совместными органами управления городов-близнецов (при их наличии). Предполагается, что данные структуры для собственного пользования создают и обновляют наиболее полный и подробный профиль городов-близнецов, являющийся основой для создания его адресных вариантов.

Следующий этап систематизации методологических основ изучения городов-близнецов проводился на основе анализа выборки монографий и журнальных статей соответствующей тематики. Сложно дать точную оценку количества журнальных публикаций и книг, посвященных городам-близнецам, но известно, что их число значительно и превышает несколько тысяч. На запрос «приграничные города-близнецы» (border twin cities) одна из ведущих международных поисковых систем для работы с научной литературой Google Scholar находит свыше 92 тыс. изданий. Как показывает опыт, не все, но большая часть найденных публикаций так или иначе связаны с объектом диссертационного исследования. Ряд найденных работ использует города-близнецы в качестве кейсов для изучения других феноменов (например, отдельных видов заболеваний и загрязнений, распространенности отдельных видов живых организмов, случаев производственного травматизма, региональной интеграции и пр.). Такие публикации вне зависимости от их дисциплинарной принадлежности (она варьируется от медицины и биологии до экономики и политологии) обычно не содержат описания городов-близнецов и анализа их связей. Наибольшую ценность для диссертационного исследования и, в частности, анализа методологических основ изучения городов-близнецов имели публикации, в которых либо раскрываются причины использования смежных ПТСЭС в качестве кейсов для изучения других феноменов и

даётся их характеристика, либо города-близнецы и связи между ними выступают в качестве объекта изучения. Оценить совокупное число подобных публикаций довольно затруднительно. За годы подготовки диссертационного исследования (2012-2018 гг.) в библиотеке диссертанта собрано более 400 публикаций подобного рода, затрагивающих тему смежных приграничных городов на английском, испанском, немецком, норвежском, русском и финском языках. Безусловно, это лишь малая часть опубликованных материалов. Следует признать, что неохваченными остались публикации на нидерландском, польском, португальском и французском языках, а также значительное число публикаций на испанском и немецком языке и публикаций, посвященных городам-близнецам на американо-мексиканской границе.

В силу названных ограничений в работе с литературой очевидно, что проведение анализа методики изучения городов-близнецов по всем источникам на данном этапе невозможно. Ввиду этого обстоятельства было принято решение анализировать методологические основы литературы о смежных ПТСЭС на основе выборки, состоящей из 50 тематических публикаций (полный перечень представлен в Приложении 7.1). Для анализа были отобраны 1) работы авторов, которые внесли существенный вклад в изучение городов-близнецов (Alegria, Herzog, Jańczak, Joenniemi, Lundén и др.), 2) работы, рассматривающие несколько кейсов (Schultz, Soi and Nugent, Анищенко и Сергунин и др.); 3) работы, экспериментирующие с методикой анализа городов-близнецов (Aparna, Covarrubias, Tamaska, Dołzbłasz, Vergel и др.); и 4) работы, представляющие дисциплины, недавно обратившиеся к изучению городов-близнецов (Lokman, Urbansky и др.). Несмотря на учет малой доли общего числа публикаций по теме городов-близнецов, проведенный анализ позволил выявить ряд закономерностей.

Как видно из табл. в Приложении 7.2, большая часть публикаций из выборки рассматривает один кейс городов-близнецов (33 из 50; 66%). Из публикаций, рассматривающих несколько кейсов одновременно, с незначительным преимуществом лидируют публикации с двумя кейсами (5 из 50; 10%). По 4 публикации (по 8%) приходится на издания, в которых одновременно анализируются три, четыре или десять и более кейсов.

Наиболее часто (в 34 из 50 случаев; 68%) публикации посвящены дублированным городам. Они занимают первое место как среди публикаций, рассматривающих один кейс (в 19 из 33 случаев; 58%), так и среди публикаций сравнительного характера, изучающих несколько кейсов (в 15 из 17 случаев; 88%). Второе место по частоте изучения занимают разделенные города-близнецы. Они были объектом исследования в

23 случаях из 50 (46%), причём преимущественно они изучаются в сравнительном ключе (в 13 из 17 публикаций, использующих несколько кейсов; 76%). Соединенные города-близнецы рассматривались в 10 публикациях из выборки (20%), конструируемые города-близнецы – в 4 (8%). Аналогично разделенным городам-близнецам, большая часть статей о соединенных городах-близнецах (7 из 10) содержала несколько кейсов.

Относительно малая доля публикаций о соединенных и конструируемых городах связана с их недавним выделением в отдельную категорию. Работы о соединенных городах-близнецах начали появляться с начала 90-х гг. Так, в 1995 г. вышла публикация «Хельсинки-Таллин – города-близнецы. Ложь или правда?» (Terk 2012, p. 7), которая ознаменовала начало дискуссий по этой теме. Накануне и после открытия Эресуннского моста в 2000 г. фокус в обсуждении соединенных городов-близнецов сместился на Копенгаген-Мальмё. В выборке представлены публикации, рассматрившие оба этих кейса. Конструируемые города-близнецы в выборке представлены публикациями о Никеле и Киркенесе, изучение которых получило развитие после подписания органами МСУ заявления о намерении сотрудничать в этом формате в 2008 г.

Значительную распространенность публикаций о дублированных и разделенных городах-близнецах можно объяснить комбинацией ряда факторов. Во-первых, сказалась более продолжительная история их существования и их географическая распространенность (по всем континентам и в большинстве стран). Во-вторых, особую роль в осмыслении дублированных городов-близнецов сыграли смежные ПТСЭС на американо-мексиканской границе. Американо-мексиканский трансграничный регион часто рассматривается как территория, исследование которой послужило отправной точкой для выделения лимологии в самостоятельную научную дисциплину. Инициация Соединенными Штатами государственной программы по индустриализации пограничья (Border Industrialisation Programme) и последующее создание макиладор²⁵ выступило стимулом изучения социально-экономических процессов, происходящих по обе стороны границы. Города-близнецы часто использовались в качестве единиц исследования, наиболее удобных для сравнения.

Большая часть публикаций из выборки опирается на данные полевых

²⁵ Макиладора (от исп. *maquiladora*) – компания, действующая в рамках специального таможенного режима, осуществляющая производство (сборку и/или переработку) компонентов, временно ввезенных на территорию Мексики, а затем экспортируемых в другие страны, главным образом, в США (Костюнина 2008, с.17).

исследований (30 из 50; 60%), зачастую с использованием двух и более методов (18 из 30; 60%). Наиболее распространенным методом полевых исследований в выборке являлся метод интервьюирования (использовался в 21 публикации из 50). В число других распространенных полевых методов вошли включенное наблюдение (в 14 публикациях), анкетирование (в 10) и фотодокументация (в 7). Единожды в публикациях использовались такие методы, как устный социологический опрос и работа в местных и региональных архивах. Такая распространенность использования полевых данных при изучении городов-близнецов в целом соответствует традициям привлечения эмпирических данных в лимнологических исследованиях (Kolossoy 2005, p. 608; Paasi 2005, p. 669).

С другой стороны, число публикаций, не привлекающих данные полевых исследований, также весьма велико – 20 из 50 (или 40%). В первую очередь это связано с дисциплинарной принадлежностью публикаций: преимущественно они имеют экономическую и политологическую направленность и опираются на методы, принятые в этих областях знаний – анализ временных рядов показателей социально-экономического развития, анализ документов и вторичных источников. Среди других причин отказа от проведения полевого этапа исследования стоит выделить специфику исследовательской задачи, трудности, связанные с поиском финансирования для проведения полевых исследований (особенно в случае изучения нескольких кейсов), и личные предпочтения авторов.

Большинство публикаций сочетало полевые методы с «неполевыми», многие публикации использовали несколько «неполевых» методов. Среди «неполевых» методов изучения городов-близнецов, зафиксированных в статьях и монографиях из выборки, наиболее часто использовались метод интерпретации текстов, в частности анализа документов, количественные, картографический и сравнительно-географический методы. Рассмотрим особенности применения каждого из них.

При анализе документов авторы чаще всего прибегали к толкованию соглашений разного уровня, создающих основы для взаимодействия сторон; стратегий, конструирующих представление о будущем трансграничного региона и в частности городов-близнецов; планов их реализации, содержащих установки на конкретные действия, и пр. Единожды встречались такие методы, как медиа-анализ, анализ маркетинговых материалов и архитектурных проектов.

В случае использования количественных методов авторы чаще всего привлекали данные о демографии, торговом обороте и местных предприятиях городов-близнецов. В

отдельный блок количественных методов изучения смежных ПТСЭС стоит выделить обобщение результатов анкетирования.

Ограничением использования количественных методов является недостаточное количество статистических данных о микроуровне приграничья и низкий уровень совместимости статистики политически и экономически неинтегрированных сопредельных государств. Желая решить эту проблему, ряд авторов вводит новые показатели, расчёт которых опирается на доступную информацию. Например, в статье П. Ганстера и К. Коллинса используются такие показатели, как частота сменяемости мэров и частота обмена делегациями (Ganster, Collins 2017).

Картографический метод использовался в девяти публикациях из выборки (18%). В пяти из них построение карт проводилось с привлечением данных полевых исследований, в четырёх – с использованием социологических методов. В частности в трёх публикациях использовался метод построения ментальных карт²⁶, в одной статье карта была составлена по результатам интервьюирования. Копии карт из статей, включенных в выборку литературы, по которой были систематизированы методы изучения городов-близнецов, размещены в Приложении 8. Ниже представлена краткая характеристика встреченных в выборке картографических материалов и сделанных на их основе выводов. В ряде случаев диссертант дополнил заключения авторов статей собственными.

В работе Х. Шульц на карте отображена выборка анализируемых в статье городов-близнецов. Карта не содержит дополнительной информации (например, о людности или продолжительности существования смежных ПТСЭС), поэтому её анализ в тексте работы ограничен упоминанием репрезентативности выборки: в неё были включены 18 из 48 перечисленных в докладе городов-близнецов (Schultz 2002, p. 7), расположенных в разных частях Европы (Северной, Западной, Восточной и Южной) и на разных типах границ (внутренних и внешних границах ЕС, а также за его пределами).

Я. Янчак продолжил заложенную Х. Шульц традицию сравнительных исследований городов-близнецов в Европе. В выборку литературы были включены две последние работы этого учёного. В первом случае (Приложение 8, карта 2) Я. Янчак рассматривает 24 примера городов-близнецов по всей Европе. Во второй статье изучение ограничено 14 городами-близнецами Центральной Европы (Приложение 1, карта 3). В обоих случаях смежные ПТСЭС анализируются с точки зрения возраста и

²⁶ Ментальная карта - способ визуализации «представлений, возникающих в сознании, и соотносимых с территорией» (Замятина 2011, с. 61).

характера границ, на которых они располагаются: в статье 2017 г. относительно границ Евросоюза, в статье 2018 г. – по отношению к границам региона изучения. На основе анализа карты и истории образования городов-близнецов в Европе, Я. Янчак называет такую пространственно-историческую особенность их расположения, как постепенное смещение мест их образования в ходе исторического процесса с запада на восток (Jańczak 2017, p. 481). В статье по центральноевропейским городам-близнецам польский исследователь на примере взаимоотношений ПТСЭС определяет вектор изменения ведущей функции границы и выявляет три закономерности. Во-первых, в городах-близнецах на восточной границе центральноевропейского региона (на внешней границе Евросоюза) происходит процесс усиления барьерной функции границы. Во-вторых, в городах-близнецах на границах между странами Центральной Европы чередуется доминирование контактной и барьерной функции. Первый тренд связан с реализацией программ сотрудничества и введением режима прозрачных границ после присоединения стран Центральной Европы к Шенгенскому соглашению. Вторая тенденция объясняется как националистическими настроениями политических элит и их желанием укрепить присутствие национальной идентичности в приграничье, так и отсутствием готовности к стиранию границ у жителей городов-близнецов, в истории которых существовали значительные конфликты. В-третьих, в городах-близнецах на западной границе Центральной Европы (на границе со странами Западной Европы) ведущую роль играет контактная функция границы ввиду политического курса на примирение сопредельных государств, взятого западными соседями, и желания восточных соседей продемонстрировать сначала готовность к вступлению в Евросоюз, а затем соответствие статусу страны-члена ЕС.

Подобно предыдущим работам, в статье М. Дебицки и М. Тамаска рассматривается несколько кейсов, а картографический материал имеет задачу представить города-близнецы в сравнительном ключе. С другой стороны, в отличие от Я. Янчака и Х. Шульц, авторы «спускаются» на уровень города и выборочно отображают городские пространства. Объектами анализа М. Дебицки и М. Тамаска стали пограничные реки, мосты, исторические кварталы городов, железная дорога и зелёные зоны. Кроме того, схемы содержат информацию о длине мостов, что позволяет судить о времени, необходимом на их пешеходное пересечение и следующую из этого (не)возможность восприятия местными жителями городов как единого пространства. Совместив картографический метод и анализ истории городского планирования, авторы заключили, что степень разрозненности городского пространства разделенных городов-

близнецов часто определяется не столько шириной русла пограничной реки, сколько масштабной перепланировкой после разделения когда-то единой городской системы на части (Dębicki, Tamaska 2014, p. 14). Дополнительным подтверждением усиления барьерной функции границы и ориентации на дистанцирование или даже изоляцию от города-соседа в разделенных городах-близнецах служит доминирование зеленых зон по обе стороны реки (там же, p. 15). По схемам М. Дебицки и М. Тамаска можно сделать ещё один вывод – о неравномерности расположения исторических кварталов в разделенных городах: в двух кейсах исторические кварталы существуют только на одном берегу реки, в третьем – площадь исторических кварталов одного города значительно превышает их площадь на противоположном берегу реки, что является следствием разделения.

В магистерской диссертации Э. Вергеля представлен полимасштабный анализ городов-близнецов на бразильско-колумбийской границе. Автор исследует три уровня: уровень смежных ПТСЭС; районов города, прилегающих к пограничной реке Сан Антонио, притоку Амазонки, и трущобных кварталов, вытянувшихся вдоль этой реки. Каждый уровень исследования иллюстрирован картами. Квалификационная работа Э. Вергеля посвящена изучению одного кейса, что сказалось на ведущей задаче картографирования: авторские карты нацелены на максимально точную передачу данных и демонстрируют детальное изучение городов-близнецов.

Первым аналитическим картографическим материалом по теме городов-близнецов в диссертации Э. Вергеля является группа карт, отображающих динамику роста смежных ПТСЭС с 1950-х по 2000 гг. (Vergel 2006, p. 34). На основе сопоставления карт автор заключает, что непрерывная жилая застройка возникла между городами-близнецами к 1990 г., до этого периода приречная территория была заселена только с бразильской стороны границы. Расширение площади городов, в первую очередь, с колумбийской стороны, приблизило границы регулярной жилой застройки к территориям, подверженным затоплению, на которых со временем возникли неформальные трущобные кварталы. Их расположение отмечено на общей карте бассейна реки Сан Антонио (Vergel 2006, p. 37), которая даёт возможность оценить дистанцию между регулярной жилой застройкой и неформальными кварталами. Особый интерес вызывают карты самих трущобных кварталов, на которых на основе времени возникновения самостроя и особенностей планировки выделены пять ареалов с однотипными постройками. Планировка построек каждого типа отражена на схемах

(Vergel 2006, pp. 54-56). Карты Э. Вергеля, за исключением тех, что раскрывают динамику урбанизации, были составлены автором по результатам полевых исследований.

Другой пример карты городов-близнецов, составленной по результатам полевых исследований, находим в статье С. Долзблаш и А. Рачик. На основе наблюдений и опроса персонала польские исследователи классифицировали 836 учреждений сферы услуг по уровню открытости бизнеса в отношении жителей сопредельного государства (Dołzbłasz, Raczyk 2012, p. 353). Учреждения считались ориентированными на клиентов из сопредельного государства в случае 1) наличия вывески и 2) информационных материалов (ценников, раздаточных материалов, визиток, меню, информационных знаков) на языке сопредельного государства; 3) возможности оплаты в валюте сопредельного государства; 4) наличия базового уровня владения языком сопредельного государства у персонала торговых точек. Благодаря применению картографического метода С. Долзблаш и А. Рачик выявили следующие закономерности в расположении бизнеса, ориентированного на клиентов из сопредельного государства: 1) учреждения сферы услуг сосредоточены в центрах городов и вдоль основных транспортных путей; 2) более значительную ориентацию на обслуживание клиентов из сопредельного государства продемонстрировали предприятия сферы услуг с польской стороны границы. Принимая во внимание, что выборка учреждений сферы услуг в статье была практически сплошной (в исследовании не учитывался лишь тот бизнес, который ведётся в частных квартирах, не имеет вывесок и входа с улицы), подавляющее большинство учреждений сферы услуг с польской стороны имеет высокий уровень открытости бизнеса в отношении немецких клиентов; 3) строительство второго моста между городами-близнецами, соединившего центр немецкого города с польской стороной, стало импульсом для открытия бизнеса, ориентированного на клиентов из сопредельного государства, в непосредственной близости от него; 4) с польской стороны границы после строительства второго моста новый бизнес, ориентированный на предоставление услуг немцам, локализовался вдоль участка набережной между двумя мостами, тем самым соединив центры городов и заложив основы становления непрерывного предпринимательского пространства.

Следующие три публикации использовали метод построения ментальных карт. В каждом случае карты создавались непосредственно жителями городов-близнецов. Согласно Д. Пококу, ментальные карты содержат объекты, которые информант считает ключевыми, использует и ценит. Следовательно, отсутствие каких-либо объектов на схематичных картах не означает незнание об их существовании, а скорее говорит о том,

что этот объект не воспринимается в качестве значимого (Рососк 1979, р. 284). В двух из трёх публикаций (Апарна 2013 и Тамаска 2017) ментальные карты выступали основным материалом исследования. В этих работах авторы анализировали как объекты, помещённые на карту, так и те, что не были на ней отображены. В двух случаях (Апарна 2013 и Бийе 2014) ментальные карты создавались жителями только одной ПТСЭС, что выступает ограничением для экстраполяции полученных данных.

В статье Ф. Бийе произведен анализ образа современного города у жителей Благовещенска и Хэйхэ. В качестве изучаемых параметров выступали горизонтальность и вертикальность как два противоположных варианта организации пространства. В этой публикации автор демонстрирует две ментальные карты, созданные российскими студентами, в качестве иллюстрации приверженности жителей российского берега реки Амур к горизонтальным структурам (Бийе 2014, сс. 88-89). Действительно, обе схемы противопоставляют устройство улиц городов-близнецов и подчеркивают решётчатое устройство улиц Благовещенска.

В магистерской диссертации К. Апарны основное внимание уделено анализу повседневных маршрутов жителей городов-близнецов, их роли в восприятии американо-мексиканской границы и формировании идентичностей. Исследовательницей были получены и интерпретированы ментальные карты 21 жителя Тихуаны. Для дальнейшего анализа эти карты были сгруппированы в четыре категории: 1) не отображающие границу, 2) визуализирующие границу как элемент социального пространства Тихуаны; 3) изображающие границу как часть двух приграничных регионов или 4) одного трансграничного региона. Содержание каждой карты рассматривалось в комплексе с описанием социокультурного портрета информанта, привлечением данных интервью и релевантных выдержек из лимнологических исследований.

В Приложении 8 размещена карта № 15 из диссертации К. Апарны. Она вошла в четвертую категорию ментальных карт и имеет подзаголовок «Граница перемещений» (2013, pp. 189-195). Карта отображает типичные повседневные маршруты её составительницы и включает такие объекты, как собственный дом, школа сына (в Тихуане), дом матери (в Сан Диего), места проведения досуга (парки, кинотеатр), приобретения товаров и услуг (магазины, салон красоты). Две части трансграничного региона для информанта являются единым повседневным пространством. Пересечение границы не обозначено явно, оно следует из рассказа, сопровождавшего изготовление схемы. Рассказ, как и ментальная карта не содержат упоминаний о барьерности границы, трудностях, связанных с её пересечением в последние годы, что объясняется наличием

у информанта статуса постоянного резидента США. Побережье Тихого океана, международная трансграничная трасса и пограничная полоса – три объекта, символизирующие непрерывность и общность пространства по обе стороны границы.

В статье М. Тамаска анализируемые автором ментальные карты представлены выборочно и описываются в совокупности. Исследователь отмечает, что жители чешского приграничного города (меньшего по размеру и более молодого) более подробно отображали смежное поселение, чем их соседи-поляки. На картах, составленных жителями польского поселения, пограничная река часто помещалась на краю листа, а данные о городе на противоположном берегу могли вовсе отсутствовать. Чешско-польская граница обозначена на меньшинстве собранных ментальных карт. В случае обозначения границы информанты обычно указывали бывший пограничный пункт пропуска. На основе обобщения частоты изображения городских объектов на ментальных картах жителей городов-близнецов М. Тамаска составил «результатирующую» карту, отображающую «знакомые» пространства, служащие местами встреч жителей городов-соседей (Tamaska 2017). Эти пространства расположены вдоль оси, соединяющей исторические и торговые районы городов.

Как говорилось ранее, стержневым методом большинства публикаций о смежных ПТСЭС является сравнительно-географический, по результатам которого создается профиль городов-близнецов. Изучение выборки подтверждает этот тезис: профили городов-близнецов содержат 45 из 50 публикаций (90%).

Четыре из пяти статей, в которых отсутствует профиль смежных ПТСЭС, рассматривают несколько кейсов (от 3 до 24). Основное внимание в них уделено сопоставлению городов-близнецов, поэтому их характеристика представлена через сравнение. Одна из пяти публикаций без профиля изучаемых в ней городов-близнецов представляет собой магистерскую диссертацию с экспериментаторской методологией (Arapa 2013), в которой нет последовательного описания кейса. Характеристика исследуемых поселений даётся отрывочно в процессе анализа данных интервью.

Большинство публикаций из выборки комбинировали два (22 из 45; 49%) или три (14 из 45; 31%) методологических подхода при составлении профиля городов-близнецов. Один подход использовался в 7 из 45 публикаций (16%). Наиболее распространенным видом комбинирования в выборке было параллельное комбинирование (26 из 45; 58%). Чаще всего авторы одновременно сочетали исторический, обзорный и контекстный подходы. Последовательное комбинирование

использовалось в 12 из 45 публикаций (27%), чаще всего с его помощью совмещали контекстный и обзорный подходы.

Подводя итоги проведенной систематизации методологических основ литературы о городах-близнецах, в дальнейшем при изучении этого феномена рекомендовано: 1) проводить сравнительные исследования с рассмотрением двух и более кейсов; 2) сочетать полевые и «камеральные» методы сбора информации о городах-близнецах; 3) в качестве отправной точки составлять профиль городов-близнецов с помощью комбинации обзорного и контекстного методических подходов, что помогает наиболее полно осветить объекты анализа.

2.3.2. Профили городов-близнецов России и стран-соседей

Становление сотрудничества в формате городов-близнецов на границе России происходило индивидуально в каждом из четырех случаев. Ниже в хронологическом порядке представлены основные направления и результаты трансграничных взаимодействий в каждой паре поселений. Для сравнения некоторые историко-географические и демографические сведения об изучаемых городах-близнецах России и стран-соседей представлены в табл. 7.

Табл. 7. Сводная характеристика пар городов на российской границе, использующих формат сотрудничества города-близнецы

№	Населенные пункты	Год основания	Население, тыс.чел (2016)	Дистанция между центрами городов	Тип генезиса	Характер государственной границы
1	Светогорск	1945 ²⁷	15,9	7 км автотрассы	Разделение и дублирование	Расположены на границе РФ и стран Шенгенского соглашения (с 2001 г. ²⁸)
	Иматра	1948	28			
2	Ивангород	1492	10,5	162 м реки Нарова (по автомобильному мосту Дружбы)	Дублирование	Расположены на границе РФ и стран Шенгенского соглашения (с 2007 г.)
	Нарва	1240	59,4			

²⁷ Предшественник Светогорска финский город Энсо был основан в 1887 г.

²⁸ Здесь и ниже в таблице в скобках указан год вступления в силу Шенгенского соглашения на границе России со сопредельным государством.

3	Никель	1944 ²⁹	12,5	54 км автотрассы	- (возникнов ение независимо друг от друга)	Расположены на границе РФ и стран Шенгенского соглашения (с 2001 г.)
	Киркенес	1862	3,5			
4	Благовещенск	1856	220	700-750 м реки Амур	Дублирова ние	Расположены на границе РФ и КНР, с 2004 г. установлен безвизовый режим для въезда россиян в Хэйхэ
	Хэйхэ	1980 ³⁰	210			

Составлено автором по материалам официальных сайтов городов, данным и наблюдениям, собранным в ходе полевых исследований.

Подготовленные аналитические описания не только позволяют оценить особенности использования формата городов-близнецов на границе России и составить общую картину об отечественном воплощении этого глобального явления, но и могут служить ориентиром при составлении профилей смежных ПТСЭС в будущем. С точки зрения формы, характеристика каждого кейса является примером параллельного комбинирования исторического, контекстного и обзорного подходов к составлению профилей городов-близнецов.

Подготовленные профили смежных поселений на границах России, сотрудничающих в формате городов-близнецов, в значительной степени опираются на вторичные источники, более детальный анализ трёх из рассматриваемых кейсов с привлечением данных полевых исследований приведён в третьей главе диссертации, где представлена попытка периодизации ПС Никеля-Киркенеса, Светогорска-Иматры и Благовещенска-Хэйхэ.

Светогорск и Иматра

На протяжении девяти лет, когда Финляндия оставалась единственной сопредельной России страной-членом Евросоюза (1995-2004 гг.), органы МСУ Светогорска и Иматры активно использовали уникальность географического положения подведомственных им территорий как единственного места тесного соприкосновения России и ЕС. Именно с этой парой поселений связано возникновение русскоязычных

²⁹ В период финского владения областью Петсамо (территорией современного Печенгского района) в 1936 г. было основано поселение Колосйоки, также известное как Никкели. В результате перехода Петсамо под юрисдикцию СССР Колосйоки был преобразован в поселок городского типа Никель.

³⁰ Согласно экспозиции музея городского планирования г. Хэйхэ, история этого приграничного населенного пункта насчитывает более ста лет.

эквивалентов термина «twin cities» – «города-близнецы» и «двойной город». Кроме того, эти поселения выступили в роли инициаторов создания Европейской ассоциации городов-близнецов, тем самым положив начало институционализации движения городов-близнецов в Европе.

Светогорск и Иматра расположены в южной части российско-финляндской границы на берегах реки Вуоксы, их центры удалены друг от друга на 7 км. В границах, приближенных к современным, города существуют после окончания Второй мировой войны, по результатам которой часть территории Финляндии, включая индустриальный центр Энсо, вошла в состав Советского Союза. После смены юрисдикции город был переименован в Светогорск, местное финское население перемещено вглубь Финляндии, а опустевшие дома заняты советскими переселенцами из других регионов СССР.

В период с 1945 по 1971 гг. пересечение границы между Светогорском и Иматрой было невозможно ввиду отсутствия пункта пропуска. Ситуация изменилась в 1971 г., когда финские компании, в частности компания «Финстрой», приняли участие в реконструкции Светогорского целлюлозно-бумажного комбината (Eskilinen and Kotilainen 2005). Ввиду необходимости перемещения финских рабочих через границу был открыт пункт пропуска, который продолжал функционировать и после завершения финскими специалистами строительных работ в городе-соседе.

В 1989 г. для сопровождения финских и иностранных туристов на территории Светогорска и для оказания услуг русским туристам в Иматре и ее регионе было создано совместное советско-финское предприятие «Свейма». При этом въезд на территорию Финляндии и России был безвизовым, по приобретенным в «Свейма» турпутевкам (Гусева 1989). Тем самым было положено начало так называемому «ностальгическому» туризму пожилых финнов на территорию бывшего проживания. Учитывая, что ранее привилегия пересечения границы принадлежала исключительно официальным делегациям, поездки по турпутевкам «Свейма» стали первой возможностью посещения города-соседа для более широкого круга лиц.

Либерализация приграничного режима в 1990-е гг. послужила толчком для приграничной торговли. Население городов-соседей активно пользовалось ценовыми и ассортиментными различиями. С этого момента помимо органов контроля, призванных следить за соблюдением безопасности, граница стала источником дохода для новых категорий населения – индивидуальных предпринимателей и владельцев небольших коммерческих компаний.

Движимые желанием упорядочить существующие отношения, в 1993 г. руководители органов местного самоуправления Иматры и Светогорска заключили договор о сотрудничестве, охватывающий такие сферы как экономика, образование, культура, охрана окружающей среды, молодежный и спортивный обмен. Воспринимая это соглашение в качестве основы взаимодействия, представители городов подписывали ежегодные протоколы к нему, в которых детализировались мероприятия, планируемые на предстоящий год. Так было положено начало прямым партнерским отношениям организаций и творческих коллективов двух городов.

Катализирующим фактором расширения сотрудничества Светогорска и Иматры в конце 1990-х стало продвижение идеи применения формата сотрудничества «городов-близнецов» на российско-финской границе. В 2000 г. Светогорском и Иматрой были подготовлены кратко- и долгосрочная стратегии взаимодействия в рамках городов-близнецов, что стало свидетельством признания межмуниципального сотрудничества в качестве одного из приоритетных направлений развития обеих территорий. На протяжении последующих шести лет итоги и перспективы развития диалога между городами-соседями ежегодно обсуждались на тематических семинарах.

Наиболее распространенными формами взаимодействия стали организация совместных семинаров по обмену опытом и информацией в различных сферах и реализация совместных проектов по решению проблем, имеющих по обе стороны границы. За время проведения семинаров и осуществления проектов возросло число жителей приграничных городов, знакомых с жизнью по другую сторону границы и более внимательных к соседям.

Одним из существенных достижений, направленных на создание и поддержание трансграничного стиля жизни, стало закрепление возможности велосипедного пересечения границы. В связи с реализацией этой договоренности с 2009 г. в Светогорске был открыт пункт проката велотранспорта, обслуживающий местных жителей и туристов. Одним из результатов принятых мер стало облегчение пересечения границы для велосипедистов за счет сокращения времени ожидания при прохождении паспортного и таможенного контроля.

Проведение муниципальной реформы с российской стороны границы привело к ухудшению координации сотрудничества городов-соседей. После десятилетия муниципальной самостоятельности, в 2006 г. Светогорск входит в состав Выборгского района. В 2010 г. по решению референдума муниципалитет объединяется с пгт. Лесогорский. Увеличение числа обслуживаемого населения и подведомственной территории сократило организационные возможности Светогорской администрации и послужило причиной ликвидации существовавшего в ней ранее сектора

внешнеэкономических связей. В результате этих административных и организационных преобразований количество совместных мероприятий и проектов между Светогорском и Иматрой, координируемых органами местного самоуправления, стало сокращаться, а сотрудничество в формате городов-близнецов потеряло былую приоритетность.

На 2018 г. приграничное сотрудничество двух городов не вернулось на достигнутый ранее (в 2000-2005 гг.) уровень взаимодействия и слаженности в работе. Однако, неформальные связи местных жителей двух городов сохранились. Многие светогорцы продолжают посещать Иматру в качестве места проведения досуга – для участия в культурных мероприятиях, использования спортивных площадок, встреч с друзьями и родственниками. Для жителей Иматры посещение Светогорска чаще связано с приобретением табачно-алкогольной продукции и автомобильного топлива или с транзитом в направлении более крупных городов – Выборга и Санкт-Петербурга.

Ивангород-Нарва

Пара городов Ивангород-Нарва часто привлекала внимание исследователей и заслужила репутацию эталонного по историко-географическим характеристикам примера городов-близнецов: города-крепости расположены на противоположных берегах реки Нарова, на протяжении семи столетий неоднократно объединялись в рамках одного государства и вновь оказывались по разные стороны границы.

На протяжении большей части XVII-XX вв. (в том числе на протяжении почти трёх столетий в составе российского государства) эти населенные пункты существовали как связанный сначала оборонительный, затем торгово-промышленный комплекс и являлись одной административной единицей с 1920 по 1944 гг., когда Ивангород входил в состав Эстонии и был частью города Нарва (Тооде 2007, с. 73). В советское время у городов была единая система снабжения электричеством, телефонной связи, общественного транспорта и водоочистки (Анищенко и Сергуни 2012, с.32).

Распад Советского Союза привел к росту барьерности российско-эстонской границы и к дезинтеграции приграничных поселений. Переход от плановой экономики к рыночной нанёс существенный ущерб предприятиям обоих городов. В новых условиях большинство из них оказались неконкурентоспособными и были закрыты, что привело к росту безработицы. Неудивительно, что в начале 90-х гг. среди местных жителей значительное распространение получила теневая экономика – перепродажа товаров на другой стороне границы. Таким образом, вовлеченность населения в неформальные предпринимательские сети, возникшие благодаря росту ценовых различий, помогла преодолеть кризисное время экономической трансформации. «Челноки» на российско-эстонской границе по-прежнему существуют. Согласно публикациям одного из ведущих новостных порталов Прибалтики, в 2017 г.

основным промыслом является перенос нарвиянами в Россию продуктов и непродовольственных товаров для последующей реализации преимущественно в Санкт-Петербурге (Новостной портал Delfi.ee 2017 а и 2017 б).

В советский период значительная часть ивангородцев работала на предприятиях Нарвы в текстильной и мебельной промышленности. Сегодня фронтальеров в Нарве и Ивангороде практически не осталось. Основной поток приходится на нарвлян, работающих на открывшемся в 2010 г. в Ивангороде корейском заводе «Йура корпорейшн РУС» по производству электрических распределительных систем для корейских автомобилей Hyundai Motors Company. На 2012 г. на заводе были трудоустроены 200 жителей Нарвы (Ашихмин 2012).

В отличие от других пар городов-близнецов России и стран-соседей, для которых характерна этническая разделенность, Нарва и Ивангород имеют относительно однородный этнический состав – русское население проживает по обе стороны границы. Согласно данным нарвской администрации, на начало 2017 г. доля русских составляла 83% от общей численности горожан, только 4% населения являлись эстонцами. Неудивительно, что социальные (родственные, дружеские и профессиональные) связи между жителями двух сторон границы довольно сильны.

48% нарвлян имеют эстонское гражданство, 21% – российское и 14% являются владельцами так называемого «серого» паспорта – документа, выдаваемого эстонскими властями и закрепляющего статус негражданина Эстонии³¹. Каждой из этих категорий соответствует различная степень сложности пересечения российско-эстонской границы и соответственно различные контуры пространства, в котором решаются типичные рутинные жизненные задачи – получение государственных услуг, трудоустройство, проведение досуга и др. Например, для обращения в учреждение здравоохранения владельцы «серых» паспортов обычно посещают Ивангород, поскольку на них распространяется действие системы обязательного медицинского страхования РФ, в рамках которой некоторые виды медицинской помощи на территории России предоставляется им бесплатно (Lundén & Zalamans 2002, Колосов и Бородулина 2006).

С момента вхождения Эстонии в ЕС в 2004 г., пара городов Ивангород-Нарва, подобно Светогорску и Иматре, стала зоной непосредственного контакта России и Евросоюза. С одной стороны, это привело к ужесточению требований к процедуре выдачи виз, с другой – открыло доступ к новым возможностям, в том числе к участию в

³¹ Статус негражданина регулируется «Законом об иностранцах» Эстонской Республики от 09.12.2009. Большинство владельцев «серых» паспортов составляют бывшие граждане Советского Союза, проживавшие на территории Эстонии на момент распада СССР и позже не получившие эстонского гражданства.

программах ЕС, предусматривающим финансирование проектов приграничного сотрудничества, в качестве административной единицы страны-члена Евросоюза.

Как Светогорск и Иматра, Ивангород и Нарва входят в состав Европейской ассоциации городов-близнецов. Представители обоих городов многократно участвовали в мероприятиях по обмену опытом между городами-близнецами на внутренних и внешних границах Евросоюза.

Для Ивангорода и Нарвы характерна высокая степень институционализации их отношений. В 1999 г. и 2006 г. между органами местного самоуправления двух городов были подписаны соглашения о сотрудничестве. Совместные действия Ивангорода и Нарвы планируются на среднесрочную перспективу, что закрепляется в программах приграничного сотрудничества. Нынешняя программа рассчитана на 2015-2025 гг., является вторым документом такого типа и продолжением предыдущей программы 2007-2013 гг.

Российско-эстонские города-близнецы довольно успешны в привлечении внешнего финансирования для совместной проектной деятельности. В значительной степени это связано с активной позицией нарвской администрации и отработанными навыками проектного менеджмента её сотрудников. Наиболее крупными проектами последних лет стали международные проекты «EstRusFortTour» 1 и 2, благодаря которым в частности удалось обновить инфраструктуру комплекса двух крепостей – Замкового парка в Нарве и дороги, ведущей в Ивангородскую крепость. На протяжении нескольких лет стороны обсуждают возможность строительства общего аквапарка в пограничной зоне, создание единого комплекса причалов в устье р. Наровы и водного туристического маршрута по этой реке, развитие промышленной зоны Нарвы и бизнес-инкубатора Ивангорода, оборудование сети велодорожек в Нарве и Ивангороде, установление энергосберегающего освещения центральных улиц как Нарвы, так и Ивангорода, но эти инициативы пока не реализованы.

Благовещенск и Хэйхэ

Благовещенск и Хэйхэ расположены в верхнем течении реки Амур в восточной секции российско-китайской границы. После наводнения 2013 г. оба населенных пункта провели берегоукрепительные работы, в результате которых русло реки сузилось, то есть города стали ближе к линии границы, пролегающей по середине фарватера реки, и друг к другу. Сегодня кратчайшее расстояние между островом Большой Хэйхэ и набережной Благовещенска составляет чуть менее 700 метров³². С точки зрения генезиса и развития населенных пунктов, этот кейс стоит отнести к образованию городов-близнецов путём

³² Замер произведен с помощью сервиса Google maps от набережной реки Амур у Триумфальной арки г. Благовещенска до береговой линии острова Большой Хэйхэ.

дублирования. В литературе пока не установлено, являлось ли возникновение населенного пункта на территории Хэйхэ результатом желания противопоставить его Благовещенску (скорее, нет). Однако процесс становления Хэйхэ как урбанизированного ядра в конце 90-х гг. и усиление его центральных функций в отношении прилегающей территории одноименного городского округа произошли благодаря близости к Благовещенску, единственному центру субъекта Российской Федерации, расположенному непосредственно на границе. Таким образом, по совокупности историко-географических черт Благовещенск и Хэйхэ являются естественными городами-близнецами.

В конце 80-х годов с Благовещенска был снят статус закрытого города. Благодаря этому началась бартерная торговля с китайскими соседями, в ходе которой происходили первые встречи благовещенцев с жителями противоположного берега реки Амур. Это общение было спонтанно и продиктовано в первую очередь необходимостью жителей Амурской области обеспечить свое существование в условиях дефицита промышленных товаров. Открытие пункта пропуска через границу и установление паромной переправы дало старт челночной торговле. Для многих жителей приграничья, задействованных в «сером» импорте, граница стала источником заработка и первичного накопления капитала. Сегодня доля индивидуального предпринимательства в челночном бизнесе невелика, большая часть приходится на отлаженные сети с многозвенной структурой «собственник товара» – «организатор перевозки груза» – «подставные лица, перевозящие товар» (Журавская 2011).

В развитие соглашения между правительствами двух стран о безвизовых групповых туристических поездках, подписанного в 2000 г., на китайском берегу Амура постепенно была создана инфраструктура для приема туристов из РФ. Российский берег начал проявлять интерес к повышению своей туристической привлекательности для китайских потребителей значительно позже. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 2011 г., когда Министерство внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства Амурской области разработало «Концепцию развития города Благовещенска как международного российско-китайского центра конгрессно-выставочной деятельности». Более существенные изменения в индустрии гостеприимства произошли в 2014 г., когда в связи укреплением юаня по отношению к рублю туристический поток через Амур значительно увеличился. На 2017 г. многие торговые центры, фирменные магазины и предприятия общественного питания, расположенные в центре Благовещенска, стали сопровождать русскоязычные обозначения (вывески, подписи товаров на витринах, информационные брошюры) переводом на китайский язык.

Отсутствие бесперебойного круглогодичного способа сообщения между двумя городами вопреки их объективной географической близости остается наиболее

существенным барьером для развития их взаимоотношений. Большую часть года Благовещенск и Хэйхэ не имеют мостового перехода, основным видом пересечения границы в сезон навигации является паромная переправа и суда на воздушной подушке в период межсезонья. С зимы 2011-12 года после ледостава Амура стороны организуют понтонный мост, в эти дни пересечение границы возможно на автобусе. Паромы, суда на воздушной подушке и автобусы находятся в ведении российской компании-монополиста, что приводит к относительно высокой цене на поездку в Китай, не коррелирующей с себестоимостью перевозок.

С 2016 г. после тридцатилетних переговоров началось возведение автомобильного мостового перехода между городами. Планируется, что строительство будет окончено к 2019 г., но, учитывая опыт реализации подобного проекта между Нижнеленинским и Тунцзяном, надежность такого прогноза невысока.

Сотрудничество Благовещенска и Хэйхэ включает ряд мероприятий исключительно неэкономического характера. В их числе ежегодный заплыв через реку Амур, обмен делегациями детей накануне Дня защиты детства 1 июня и делегациями женщин в преддверии Международного женского дня 8 марта. В 90-е гг. завязалось сотрудничество местных газет «Амурская правда» и «Хэйхэ жибао». На протяжении последнего двадцатилетия китайская сторона проявляет интерес к сотрудничеству в формате обмена делегациями, рекламой и статьями о Китае. Наиболее активно совместная работа проходила в середине 2000-х, когда в течение нескольких месяцев в обоих изданиях выходили рубрики, составленные из материалов редакций-партнеров. В 2007 г. на базе Благовещенского государственного педагогического университета был создан первый в России Институт Конфуция, заслуживший высокую профессиональную репутацию как на Дальнем Востоке, так и в Государственной канцелярии по распространению китайского языка при правительстве КНР. Одним из его ведущих партнеров является университет Хэйхэ, специализирующийся на подготовке кадров, владеющих русским языком. С 2010 г. университеты двух городов в сотрудничестве с Харбинским университетом проводят ежегодную международную конференцию «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества».

Согласно опрошенным китайским экспертам, автором инициации сотрудничества в формате городов-близнецов был видный китайский журналист и консультант Ван Чжигань (Wang Zhigan), который посетил город в 2005 г. и порекомендовал муниципальным властям Хэйхэ наименование «города-близнецы» для позиционирования на рынке внутрикитайских туристических дестинаций. Позже этот термин обрел новый слоган «две страны, один город» и в 2006-2007 гг. формат городов-близнецов был предложен российской стороне, однако, на тот момент не нашел

поддержки (Михайлова 2014, с. 510). В планах развития городского округа Хэйхэ понятие «города-близнецы» фигурирует с 2005 г. (Mikhailova & Wu 2016, с. 9).

С российской стороны интерес к сотрудничеству в формате городов-близнецов был артикулирован в 2011 г., когда правительством Амурской области была выдвинута инициатива по созданию совместной рекреационной зоны «Города-близнецы». Её первостепенным структурным элементом считают возведение трансграничной канатной дороги, которая смогла бы обеспечить быстроту, удобство и бесперебойность пересечения границы. В ситуации ограниченности ресурсов, сложности привлечения инвестиций в Северо-Восточной Азии и начала работ по строительству моста в декабре 2016 г., перспективы этого проекта остаются неясными.

Никель-Киркенес

По совокупности историко-географических характеристик Никель и Киркенес нельзя отнести к естественным городам-близнецам. Эти небольшие арктические поселения по разные стороны российско-норвежской границы были основаны независимо друг от друга, долгое время развивались преимущественно в связи с разработкой месторождений руд цветных металлов и были ориентированы на национальные экономики. Дистанция между Никелем и Киркенесом составляет 54 км, которые в среднем можно преодолеть в течение часа, не считая времени, затраченного на прохождение границы. Учитывая особенности системы расселения в условиях Крайнего Севера и относительно высокую обеспеченность легковыми автомобилями в Мурманской области и в Норвегии³³, сегодня это расстояние воспринимается местными жителями как незначительное³⁴, а населенные пункты считаются соседними. С другой стороны, признание значимости соседства Никеля и Киркенеса происходило постепенно, с разной скоростью с российской и норвежской стороны границы.

Формально отношения между приграничными поселениями были оформлены в 1973 г., когда было подписано соответствующее соглашение, но первые контакты произошли раньше – в 60-е гг., когда центральные правительства Норвегии и СССР согласовали совместное строительство гидроэлектростанций на трансграничной реке Паз.

С момента открытия российско-норвежской границы взаимодействие между жителями и организациями Никеля и Киркенеса получило новые возможности. Одними из первых партнерские связи были установлены по линии библиотек. За более, чем 30

³³ На 2016 г. по обеспеченности легковыми автомобилями Мурманская область занимала 10-ое место в рейтинге субъектов РФ с показателем 321 автомобиль на 1000 человек. В Норвегии обеспеченность легковыми автомобилями составляет свыше 400 единиц на 1000 человек.

³⁴ Для сравнения расстояние, замеренное по автотрассе, от Киркенеса до регионального центра губернии Финнмарк г. Вадсё составляет 182 км, а от Никеля до Мурманска – 186 км.

лет сотрудничества библиотекари Печенгского района и коммуны Сёр-Варангер опробовали такие формы взаимодействия, как обмен коллекциями книг, выставками, идеями и лучшими практиками.

Со временем между приграничными муниципальными образованиями устоялся календарь регулярных совместных массовых культурных и спортивных мероприятий, наиболее значимыми из которых являются встречи в рамках празднования освобождения Заполярья и Финнмарка от фашистских захватчиков в Никеле и Киркенесе, Дня Победы 9 мая в Печенгском районе, Дня Конституции Норвегии 17 мая в Киркенесе, традиционный лыжный пробег «Лыжня дружбы» (проводится с 1994 г.), маршрут которого проходит через территорию России, Норвегии и Финляндии вокруг места стыка границ трех государств, товарищеские турниры по хоккею с шайбой, футболу и плаванию.

Идея сотрудничества Никеля и Киркенеса в формате городов-близнецов поступила от министерства иностранных дел Норвегии в 2008 г. и вскоре была закреплена в совместном заявлении Печенгского района Мурманской области и коммуны Сёр-Варангер губернии Финнмарк. Отношение к этому формату как к проекту, то есть как к временному явлению, сыграло негативную роль в его результативности. По мнению экспертов (Figenschou 2011, Mikhailova 2017), за девять лет сотрудничества в формате городов-близнецов итоги совместных действий выглядят довольно скромно.

Среди немногих конкретных результатов можно назвать введение системы планирования сотрудничества соседних муниципальных образований путем составления ими планов мероприятий с горизонтом планирования на два предстоящих года и начало проведения ежегодных Дней приграничного сотрудничества в 2011 г. По словам мэра коммуны Сёр-Варангер, это мероприятие является главным достижением взаимодействия норвежской стороны и Печенгского района последних лет. Кроме того, проведение Дней приграничного сотрудничества в Никеле закрепило признание значимости соседства Никеля и Киркенеса на региональном уровне, поскольку организатором этого регулярного форума для обсуждения актуальных местных проблем выступает министерство экономического развития Мурманской области.

Нововведением сотрудничества в формате города-близнецов стали такие мероприятия, как передвижные семинары, в ходе которых участники в одном автобусе пересекали границу, что создавало возможность для неформального общения и тестирования единства пространства между поселениями, а также творческие лаборатории, на которых в рабочих группах обсуждались новые проекты на краткосрочную и долгосрочную перспективы. Стороны пробовали включить в сотрудничество тех акторов, которые ранее не имели опыта взаимодействия с коллегами из сопредельного

муниципального образования, – волонтерские организации, музеи, отделы записи актов гражданского состояния. Названия многих привычных мероприятий и обменов, существовавших до 2008 г., были дополнены упоминанием сотрудничества Никеля и Киркенеса как городов-близнецов. Некоторые ученые (Figenschou 2011), предполагали, что эта тактика являлась подготовкой к подаче заявки на финансирование из ЕС, где подобные инициативы других приграничных городов (например, Торнио и Хапаранды на финско-шведской границе или описанных выше Светогорска и Иматры) получали финансовую поддержку. Действительно, в плане сотрудничества Печенгского района и коммуны Сёр-Варангер на 2014-2015 гг. в качестве одной из задач указана подача заявки на вхождение в Европейскую ассоциацию городов-близнецов, однако на данный момент эта задача осталась не выполнена и не вошла в план сотрудничества на 2016-2019 гг.

Значительное влияние на укрепление неформальных связей между приграничными жителями оказало вступление в силу Соглашения об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Королевства Норвегии в мае 2012 г. Эта договоренность предоставляет местному населению право оформить удостоверение приграничного жителя, владельцам которого разрешено находиться в рамках безвизовой 30-км зоны сроком до 15 дней. На май 2017 г. 3250 (8,7%) жителей Печенгского района и 6300 (свыше 60%) жителей коммуны Сёр-Варангер получили данное удостоверение (Staalesen 2017). Из статистики следует, что удостоверение приграничного жителя стало более востребованным среди норвежцев, что способствовало увеличению потока жителей Сёр-Варангера в приграничный Печенгский район для покупки товаров (в том числе бензина, продовольствия и стройматериалов) и проведения досуга (посещения салонов красоты, суши-бара и других ресторанов).

Положительная динамика трансграничных связей на российско-норвежской границе была приостановлена в 2014-2015 гг. сначала девальвацией рубля, которая привела к падению исходящего туристического потока из России, а затем возникновением так называемого Арктического миграционного пути – транзитного миграционного потока беженцев из Ближнего Востока, Азии и Африки, следовавших из России в Норвегию в 2015 г.

На официальном уровне между Печенгским районом и коммуной Сёр-Варангер в 2015-2017 гг. происходило постепенное снижение приоритетности сотрудничества в формате городов-близнецов, что проявилось в усилении ориентации норвежской стороны на трехсторонний формат приграничных связей с участием финской общины

Инари³⁵ и в расширении сети российских городов-партнеров Киркенеса. С 2015 г. произошла активизация взаимодействия Киркенеса с Североморском, в 2017 г. побратимские связи были установлены с Мурманском. Другим подтверждением ослабления интереса к сотрудничеству в формате городов-близнецов является отсутствие его упоминания в плане сотрудничества Печенгского района и коммуны Сёр-Варангер на 2016-2019 гг.

После распада СССР одни приграничные города (Благовещенск, Никель, Светогорск) получили доступ к более открытой границе, в то время, как другие (Ивангород) понесли существенные социально-экономические потери в связи с дезинтеграцией бывших советских республик. Ориентация на выстраивание партнерских отношений с городом-соседом стала стратегией выживания приграничных поселений в период транзита от плановой к рыночной экономике и зачастую способствовала усилению их центральных функций в отношении прилегающей территории. Неудивительно, что со временем каждая из этих пар приграничных городов вдоль государственной границы РФ предприняла попытку сотрудничества в формате городов-близнецов. В каждом из четырех рассмотренных кейсов формальные взаимодействия на уровне органов местного самоуправления и подведомственных им организаций дополнены неформальными связями между местными жителями, что важно для успеха и устойчивости сотрудничества в формате городов-близнецов. В двух из четырех кейсов, где этот формат начал терять поддержку на уровне местных администраций (в Светогорске-Иматре и Никеле-Киркенесе), именно низовые взаимодействия позволяют сохранить достигнутый уровень связей и служат доказательством успешного перехода сотрудничества городов-близнецов из исключительно административной инициативы в разряд повседневных поведенческих и коммуникативных практик.

В России в настоящий момент города-близнецы являются недоиспользованным инструментом пространственного и социально-экономического развития территории. Основными ограничениями увеличения числа городов-близнецов вдоль российской границы являются чрезмерно закрытый пограничный режим, отсутствие механизма локальной либерализации визового режима для приграничных жителей и низкое качество трансграничной инфраструктуры (в частности дорожного покрытия и пунктов пропуска). Эти факторы ведут к росту временных издержек на пересечение границы и нивелируют преимущество географического соседства, то есть выступают в роли

³⁵ По материалам интервью с представителем администрации коммуны Сёр-Варангер в 2016 г.

экономического и психологического барьера, препятствующего развитию трансграничной экономической кооперации и увеличению трансграничных потоков. Учитывая многососедское положение России, привлечение института парадипломатии и в частности сотрудничества в формате городов-близнецов на каждой диаде границ могло бы способствовать формированию положительного образа страны и укреплению горизонтальных связей независимо от противоречий, существующих в двусторонних межправительственных отношениях.

В ситуации непростых отношений с Западом и роста приоритетности партнерства с Китаем, самой динамично растущей экономикой мира, можно предположить, что наибольший потенциал для использования сотрудничества в формате городов-близнецов в текущей геополитической обстановке характерен для российско-китайской границы (см. рис. 2). Особенно стоит отметить Хабаровск и Фуюань, ближайшие к ставшему в 2005 г. трансграничным острову Большой Уссурийский. С учётом утверждения рекреационной направленности освоения острова и возможного создания на нём трансграничного туристского продукта, эти города, несмотря на их статусную асимметрию и разновеликость, имеют возможность капитализировать своё приграничное положение за счёт кооперации в обслуживании туристских потоков. За 2014-2018 гг. стороны сделали первые шаги в оптимизации трансграничного сообщения (см. Приложение 9). Китайской стороной было организовано чартерное авиасообщение с Хабаровском. Российская сторона планирует открытие второго речного вокзала в Хабаровском районе, что позволит сократить расстояние с 68 км до 23 км, а время в пути с двух часов до 45 минут.

ГЛАВА 3. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ ГОРОДОВ-БЛИЗНЕЦОВ РОССИИ И СТРАН-СОСЕДЕЙ

3.1. Структура полевого этапа исследования и методы его проведения

Основной задачей эмпирической части исследования являлось изучение динамического характера приграничного сотрудничества на примере городов-близнецов России и стран-соседей, выявление в их взаимосвязях общих и особенных черт путём сравнения пар городов, выбранных в качестве кейсов, между собой и с зарубежными примерами городов-близнецов, описанными в литературе.

За годы подготовки диссертации (2012-2018 гг.) автор провела серию полевых исследований на трёх участках государственной границы РФ – российско-норвежском, российско-финляндском и российско-китайском. Каждый полевой выезд способствовал сбору эмпирического материала, характеризующего города-близнецы на границе России. Ввиду ограничений по объёму диссертации, а также вследствие стремления к её содержательному единству и связанности, в третьей главе анализируются три блока полевых исследований – 2013, 2016 и 2017 гг.

Отечественный опыт приграничного сотрудничества городов-близнецов изучался на примере шести смежных ПТСЭС, рассматриваемых на уровне административно-территориальных единиц низового уровня: Печенгского района Мурманской области (Россия) и коммуны Сёр-Варангер губернии Финнмарк (Норвегия), муниципального образования «Светогорское городское поселение» Выборгского района Ленинградской области (Россия) и уезда Иматра региона Юго-Восточная Карелия (Финляндия), городского округа Благовещенск Амурской области (Россия) и городского округа Хэйхэ³⁶ провинции Хэйлунцзян (Китай). Перечисленные три пары смежных ПТСЭС, в которых проводились полевые исследования, расположены на государственных границах с существенным языковым барьером и участвуют в реализации совместных проектов приграничного сотрудничества, одним из которых является инициация сотрудничества в формате городов-близнецов. Из других пар городов на российской границе, которые официально называют себя городами-близнецами, полевые методы не применялись для исследования только Ивангородского городского поселения Кингисеппского муниципального района Ленинградской области (Россия) и городского муниципалитета Нарвы уезда Ида-Вирумаа (Эстония), поскольку им посвящено гораздо большее число отечественных и зарубежных публикаций.

³⁶ В диссертации рассматривается не весь городской округ, а его урбанизированное ядро.

Полевые исследования 2013 г.: задачи и методы

Первоначальный замысел полевого этапа исследования состоял в сборе материалов для изучения направлений, форматов и динамики сотрудничества городов-близнецов. Сбор эмпирических данных проводился в феврале-декабре 2013 г. во всех шести городах и состоял из интервьюирования специалистов, имеющих опыт участия в приграничном сотрудничестве в рамках своей профессиональной деятельности (далее – экспертов приграничного сотрудничества), с последующей обработкой результатов одного из кейсов в системе количественного анализа качественных данных DeDoose (версия 7.0.23), из проведения анкетирования местных жителей городов-близнецов и включенного наблюдения в каждом из кейсов.

Анализируя канву исторических событий сегодня, можно заключить, что 2013 г. был временем, наиболее подходящим для изучения внутрисистемных процессов в смежных ПТСЭС и динамики развития их как единой системы (см. п. 3.2). На границах европейского типа этот год являлся завершением промежутка относительно стабильной геополитической обстановки и конструктивного двустороннего диалога России с Норвегией и Финляндией. В отношениях с Китаем в 2013 г. начался процесс политического сближения на фоне устойчивого роста товарооборота и при ещё сильной российской валюте. Такое состояние внешней среда благоприятно сказывалось на отношениях городов-близнецов. Ответы интервьюируемых и респондентов демонстрировали их сосредоточенность на внутренней жизни городов-близнецов и их связях. В 2014 г. геополитическая напряженность и изменения макроэкономических показателей кардинально трансформировали контекст трансграничных взаимодействий. Следовательно, оценки, собранные в 2013 г., в некоторой степени являются уникальным эмпирическим материалом, содержащим наиболее оптимистичные прогнозы и ориентацию на длительное бескризисное сотрудничество. Эти особенности собранного материала делают возможным выявление и сопоставление ключевых эндогенных проблем, сдерживающих ПС на разных участках государственной границы России (п. 3.3).

По результатам интервьюирования в 2013 г. были получены 53 полуструктурированных глубинных интервью с экспертами приграничного сотрудничества (подробнее распределение интервью и анкет по кейсам см. в табл. 8). По роду деятельности интервьюируемые являлись муниципальными служащими (34%), работниками бюджетной сферы (учреждений образования, культуры и здравоохранения – 32%), представителями бизнеса (21%) и СМИ (13%). Интервью проводились на русском и английском языках.

Разработанная для диссертационного исследования типовая структура интервью включала три тематических блока: оценку значимости и динамики приграничного сотрудничества смежных ПТСЭС; личный опыт участия в нем и обзор существующих проблем.

На основании собранных интервью была разработана система кодов для программы DeDoose. Она представляет собой логически структурированные и иерархически выстроенные семантические узлы, частотность употребления которых подсчитывалась программным обеспечением (перечень кодов, использовавшихся в диссертации, помещен в Приложении 10). Помимо рассмотрения динамического характера ПС в городах-близнецах, результаты контент-анализа в системе DeDoose использовались для проведения диагностики существующих у приграничных муниципальных образований Российской Федерации проблем в реализации приграничного сотрудничества (см. раздел 3.3).

Табл. 8. Распределение интервью и анкет, собранных в 2013 г., по кейсам диссертации

№	Кейсы		Количество полученных	
	Граница	Населенные пункты	интервью	анкет
1	Россия	Никель	11	24
	Норвегия	Киркенес (норвежцы)	10	32
		Киркенес (русские)	2	13
2	Россия	Светогорск	10	48
	Финляндия	Иматра (финны)	7	26
		Иматра (русские)	1	10
3	Россия	Благовещенск (русские)	8	52
		Благовещенск (китайцы)	1	0
	Китай	Хэйхэ	3	10
И т о г о :			53	215

Составлено автором.

По результатам анкетирования со случайной выборкой, проведенного среди жителей городов-близнецов в 2013 г., было получено 215 анкет. Помимо российской стороны границы, опрос проводился на территории сопредельных зарубежных ПТСЭС. В Киркенесе и Иматре анкеты предоставлялись респондентам на их родном языке – норвежском, финском и русском. Китайские респонденты отвечали на вопросы анкеты на русском языке. В связи с высокими требованиями к знанию русского языка, число опрошенных в Хэйхэ составило 10 человек, что ограничивает возможности использования данных, полученных в этом городе. Ввиду относительно небольшого размера выборки, результаты опроса не предназначены для комплексного обобщения. Вместе с тем, они помогают составить представление о взаимоотношениях социальных групп смежных приграничных поселений.

Анкета (ее образец представлен в Приложении 11) состояла из открытых и закрытых вопросов, структурированных по пяти тематическим блокам: личное участие в приграничном сотрудничестве, его восприятие и оценка, ожидания и предложения, отношение к смежной ПТСЭС, осведомленность о концепции городов-близнецов (некоторые результаты анкетирования представлены в Приложении 12).

Полевые исследования 2016 и 2017 гг.: мотивация, задачи и методы

Изменения макро-факторов в 2014-2015 гг., формирующих фон приграничного сотрудничества и косвенно влияющих на его приоритетность во внутренней и внешней политике страны, поставили под вопрос возможность рассмотрения взаимодействия городов-близнецов вне внешней среды. В числе геополитических факторов, повлиявших на динамику ПС вдоль российских границ за последние четыре года, необходимо назвать кризис в Украине, «похолодание» в отношениях с государствами-членами ЕС и Норвегией, военные операции против «Исламского государства», в том числе вмешательство в гражданскую войну в Сирии и последующий пик миграционного кризиса в Европе. Среди геоэкономических факторов серьезными потерями для России и её приграничных регионов обернулись падение цен на нефть, введение санкций и контрсанкций со странами Запада, двукратная девальвация рубля с последующим повышением стоимости проектов ПС и перераспределением трансграничных потоков по периметру государственной границы РФ, а также внеплановые расходы, связанные с интеграцией Крыма и проведением военных операций за рубежом.

Ввиду этих событий последующие полевые выезды были направлены в первую очередь на оценку влияния макро-факторов на города-близнецы. Для изучения арктического миграционного маршрута была совершена экспедиция в Никель и Киркенес. Затем для сбора материалов по адаптации городов-близнецов к изменениям туристских потоков и в частности к увеличению въездного потока китайских туристов в Россию проведено полевое исследование в Благовещенске и Хэйхэ³⁷. Эти примеры были выбраны для подробного изучения как наиболее яркие и одновременно универсальные – в силу постоянного расширения географии международных миграционных потоков и очагов валютных кризисов в эпоху глобализации. В первом случае в смежных ПТСЭС сложилась ситуация гуманитарного кризиса, получившая

³⁷ Полевой выезд в Благовещенск и Хэйхэ проводился совместно с к.г.н., ст.н.с. Института Дальнего Востока РАН И.Г. Чубаровым и являлся одним из этапов проекта «Постреформенная трансформация национальной урбанистической системы: сравнительное исследование России и Китая» в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых ученых – кандидатов наук №МК-2007.2017.6

широкий международный резонанс и ставшая дестабилизирующим фактором не только для связей городов-близнецов, но и для многолетнего Баренцева сотрудничества. Во втором случае колебания валютного курса создали необходимость адаптироваться к новым экономическим реалиям и заново выстраивать систему трансграничных грузо- и пассажиропотоков, тем самым наглядно продемонстрировав риски и возможности, связанные с использованием границы как ресурса.

В одну из экспедиций в Киркенес ранней осенью 2015 г. диссертанту довелось пересекать российско-норвежскую границу вместе с ближневосточными искателями убежища. На тот момент тема нарастающего транзитного международного миграционного потока в высоких широтах поднималась в СМИ буквально несколько раз и ещё не воспринималась как потенциальный источник серьезных разногласий в российско-норвежских отношениях. С этого момента начался сбор материалов по этой теме – сначала удаленно, затем непосредственно в городах-близнецах. В октябре 2016 г. в Никеле и Киркенесе и летом 2017 г. в Москве были собраны интервью с 12 экспертами – лицами, вовлеченными во взаимодействие с искателями убежища в силу своих профессиональных обязанностей или ввиду своей гражданской позиции. В число интервьюируемых вошли муниципальные служащие, журналисты и представители гражданского общества. Четверо интервьюируемых на момент исследуемых событий проживали в Никеле, шестеро в Киркенесе, двое были сотрудниками зарубежных СМИ, работавшими по обе стороны границы.

Основной задачей полевого исследования было определение степени и форм воздействия международного миграционного транзита в Арктике на взаимоотношения Никеля и Киркенеса. Для этого были выполнены следующие блоки работ: 1) с помощью контент-анализа публикаций СМИ и собранных интервью была восстановлена событийная канва, связанная с функционированием арктического миграционного коридора³⁸; 2) на основе анализа интервью и дискуссий в социальных сетях были систематизированы основные представления о лицах, следовавших по арктическому миграционному коридору, распространенные среди жителей городов-близнецов; 3) на основе анализа экспертных интервью определены основные последствия кризисной ситуации, возникшей ввиду международного миграционного транзита, для связей городов-близнецов.

³⁸ Ввиду ограничений объема диссертации блок 1 не представлен в п. 3.4.1, с ним можно ознакомиться в публикации (Mikhailova 2018).

Задачей полевого исследования в Благовещенске и Хэйхэ в апреле 2017 г. было выявление стратегий частных предприятий и городских администраций, направленных на адаптацию к изменившимся туристским потокам. Аналитическая часть подготовительного этапа экспедиции состояла в сборе и анализе данных по динамике курсов валют и статистики пересечений границы за 2012-2017 гг. Во время полевого выезда основное внимание было уделено включенному наблюдению, нацеленному на фиксирование используемых методов привлечения посетителей из сопредельного государства, расположения и отраслевой принадлежности организаций, ориентированных на обслуживание жителей страны-соседа. Дополнительным источником для выявления изменений в городской среде, связанных с колебанием валютного курса, стали экспертные интервью.

Полевой выезд 2017 г. проводился совместно с к.г.н., ст.н.с. Института Дальнего Востока РАН И.Г. Чубаровым, благодаря помощи которого удалось расширить спектр используемых в диссертационном исследовании китайскоязычных материалов. В частности в ходе экспедиции удалось взять интервью у экспертов из Хэйхэ, не владеющих русским языком; проанализировать рекламные материалы благовещенских предприятий, выпускаемые на китайском языке.

При обработке материалов, собранных в экспедициях 2016 и 2017 гг., был применен картографический метод. Для кейса Никеля и Киркенеса его использование позволило визуализировать глобальные причины сложившейся в городах-близнецах кризисной ситуации, вызванной международным миграционным транзитом. В случае российско-китайского кейса картографический метод позволил выявить некоторые пространственные закономерности в структуре бизнеса Благовещенска, ориентированного на привлечение клиентов из сопредельного государства. Составленную карту по Благовещенску и Хэйхэ следует рассматривать как продолжение традиции географического изучения бизнес-стратегий предприятий сферы услуг в городах-близнецах, рассмотренную в п. 2.3.1 на примере статьи С. Долзблэш и А. Рачик (Dołzbłasz, Raczyk 2012).

3.2. Динамический характер приграничного сотрудничества в оценках жителей городов-близнецов на примере Светогорска и Иматры

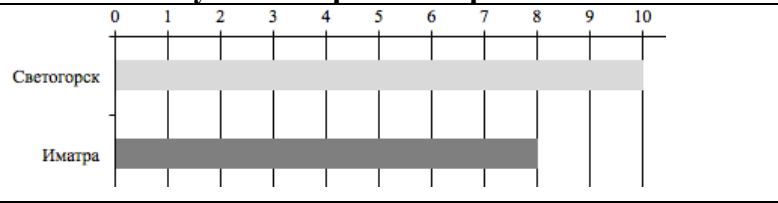
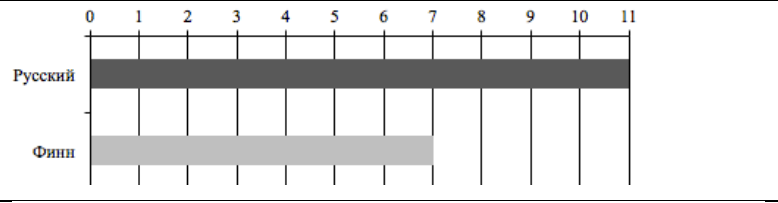
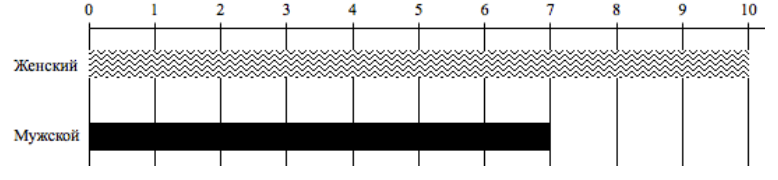
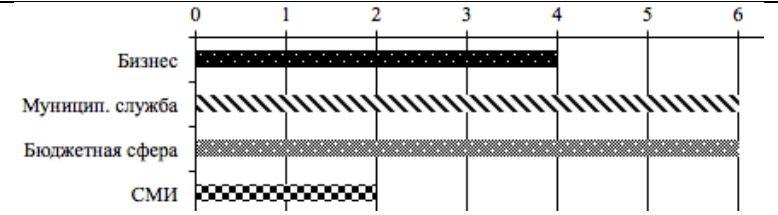
Доказательство динамической природы ПС, понимаемой как способность испытывать периоды подъема и спада, проводилось методом контент-анализа интервью в системе DeDoose. Для количественного анализа результатов интервью, собранных в 2013 г., был выбран кейс Светогорск-Иматра. Во-первых, интервьюируемые в смежных

ПТСЭС на российско-финляндской границе составили около 90% местного экспертного сообщества по приграничному сотрудничеству. Во-вторых, по совокупности социально-демографических показателей эта группа информантов является наиболее сбалансированной и репрезентативной (см. табл. 9).

Согласно разработанной системе кодов DeDoose, экспертные оценки приграничного сотрудничества состояли из трех компонентов: 1) высказываний о его стадиальности, 2) оценки успешности трансграничных взаимодействий на момент проведения интервью, а также 3) определения периода, воспринимаемого в качестве наиболее успешного для ПС городов-близнецов.

К семантическому узлу «направленность ПС» были отнесены высказывания, содержащие упоминание преимущественности приграничного сотрудничества, изменения в его динамике и содержании. Ключевыми словами для кода «изменение динамики приграничного сотрудничества» являлись сопоставления динамики ПС во времени по принципу противопоставления «раньше – теперь», упоминания перехода на новый этап/уровень и, наоборот, констатация деградации ПС. Данный код был присвоен высказываниям 80% интервьюируемых, причем 39% опрошенных экспертов упоминали изменчивость ПС два и более раз.

Табл. 9. Социально-демографические характеристики экспертов ПС, выступивших в роли интервьюируемых по кейсу Светогорск-Иматра

Место жительства	 Светогорск: 10 Иматра: 9	55% и 45%
Национальность	 Русский: 11 Финн: 5	61% и 39%
Пол	 Женский: 10 Мужской: 8	55% и 45%
Род деятельности	 Бизнес: 4 Муницип. служба: 6 Бюджетная сфера: 6 СМИ: 2	22%, 33%, 33% и 12%

Составлено автором.

Высказывания, затрагивающие тему непрерывности ПС и его временной протяженности (включающей отсылки к длительному предшествующему опыту взаимодействия и/или к ориентации на долгосрочное продолжение сотрудничества), были отнесены к семантической категории «преемственность ПС». Эта категория была задействована при кодировании 11 цитат, 8 из которых принадлежат работникам бюджетной сферы Светогорска и Иматры.

Наконец, упоминания направлений приграничного сотрудничества, взаимодействие по которым прекратилось или приостановлено, включались в категорию «утраченные направления ПС». Было выделено 9 высказываний, соответствующих данному коду, авторами 5 из которых являются муниципальные служащие.

О каждом из кодов семантического узла «направленность ПС» чаще высказывались граждане РФ – 57% цитат по изменчивости ПС, 61% цитат по преемственности ПС и 64% цитат об утраченных направлениях ПС принадлежат экспертам из Светогорска.

На основе данных кейса Светогорск-Иматра была построена матрица соотношения компонентов направленности ПС (рис. 12). Визуализация позволяет сделать вывод о том, что интервьюируемые, упоминая динамическую природу ПС, чаще обращались к перечислению утраченных направлений сотрудничества (наиболее высокую частотность употребления данных категорий показало профессиональное сообщество журналистов и муниципальных служащих). Таким образом, происходит отмирание некоторых направлений сотрудничества, которое трактуется как естественный процесс. Можно предположить, что некоторые направления сотрудничества, работа по которым была приостановлена, не соответствуют стадии развития ПС, на которой находится пара городов, – то есть либо опережают уровень его развития, либо являются устаревшими и требуют замены/обновления.

С другой стороны, частота обращения к теме преемственности приграничного сотрудничества не связана с принятием или отрицанием динамики ПС или с упоминанием утраченных направлений ПС, поскольку максимальное число упоминаний преемственности встречается у работников бюджетной сферы и СМИ, которые демонстрируют разную частотность обращения к другим компонентам направленности ПС. Первые умеренно часто упоминают изменчивость ПС и не называют утраченных направлений сотрудничества, то есть трактуют преемственность как стабильность, отсутствие потрясений. Высказывания представителей СМИ получили высокие баллы по упоминанию всех категорий направленности ПС. Можно предположить, что для них

преемственность является дополнением динамичности ПС: отказываясь от одних направлений сотрудничества, парные ПТСЭС сохраняют другие и применяют предшествующий опыт в подборе новых форматов взаимодействия.

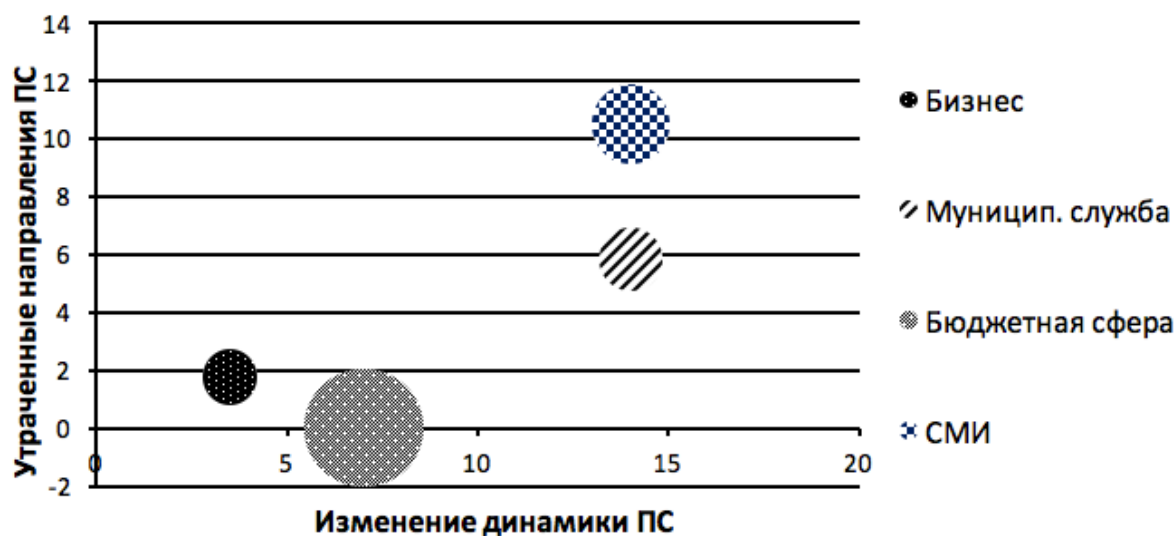

Рис. 12. Матрица А. Соотношение частотности упоминания трех аспектов направленности ПС – изменения его динамики (X), утраченных направлений ПС (Y) и преемственности ПС (размер кругов)

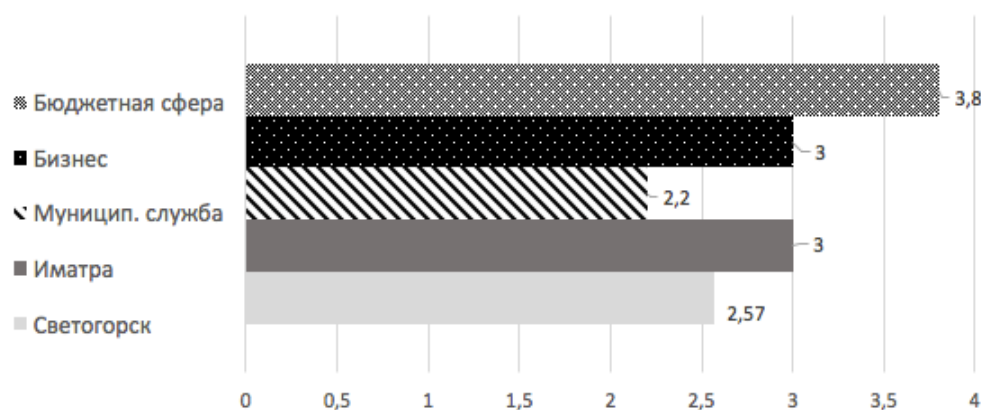
Составлено автором.

Анализ высказываний, содержащих итоговую оценку приграничного сотрудничества между Светогорском и Иматрой, показал, что, с одной стороны, интервьюируемые признают снижение формализованной кооперационной активности в виде совместных проектов. С другой стороны, интервьюируемые отмечают, что сотрудничество перешло на уровень децентрализованных контактов между жителями ПТСЭС. Одновременность процесса сжатия приграничного сотрудничества и его качественной трансформации свидетельствует об изменчивости развития ПС и демонстрирует поведение смежных ПТСЭС в точке бифуркации под воздействием внешних факторов (в том числе включения в состав муниципального образования «Светогорское городское поселение» муниципального образования «Лесогорское городское поселение» в 2010 г., смены главы администрации и главы МО и ротации кадров (по материалам сайта МО «Светогорское городское поселение» Выборгского района Ленинградской области), а также в связи с увеличением числа и силы связей между городами-близнецами за счет сетевой организации трансграничных контактов местных жителей.

Цитатам из интервью, содержащим итоговую оценку приграничного сотрудничества между Светогорском и Иматрой, были присвоены веса от 0 до 7 в соответствии с их смысловыми акцентами. Оценочные высказывания содержат комментарии об изменениях в вовлеченности местных жителей в ПС, интенсивности и результативности взаимосвязей

(см. Приложение 13). Полученные итоговые оценки имеют значительный разброс (см. рис. 13), что обусловило довольно низкий результат средней оценки, рассчитанной для всей совокупности высказавшихся по этому поводу интервьюируемых (она составила 2,8 балла). 20% интервьюируемых воздержались от оценки. Ввиду этого полученные итоговые оценки были структурированы по роду деятельности и месту жительства интервьюируемых, что позволило сделать следующие выводы:

- (1) Местные эксперты, проживающие в Иматре, более положительно оценивали развитие приграничного сотрудничества (средняя оценка – 3 балла). 67% высоких оценок (4 и 5 баллов) были выставлены экспертами из Иматры. Основным аргументом в пользу такой оценки являлось положительное восприятие трансформации приграничного сотрудничества из диалога, координируемого органами местного самоуправления, в неформальные сетевые взаимодействия населения смежных ПТСЭС.

Общее количество оценок	Значения оценки					Разброс
	Min	Max	Mean	Mode	Median	
14	0	5	2,8	4	3	5

Рис. 13. Значения итоговой оценки развития ПС на декабрь 2013 г. для кейса Светогорск-Иматра

Составлено автором.

- (2) Муниципальные служащие высказывались наиболее критично в отношении текущего уровня ПС: 80% их оценок располагались в диапазоне от 0 до 2 баллов. Такой скептический настрой основывался как на констатации сокращения числа проектов и направлений ПС, курируемых органами местного самоуправления, так и неудовлетворенности их результатами. Другой причиной низких оценок было названо нарушение совместной работы над выдвижением и осуществлением трансграничных инициатив, произошедшее после смены мэров Светогорска и Иматры.

- (3) Наиболее высокие и однородные оценки текущего уровня развития ПС были выставлены работниками бюджетной сферы: 4 из 5 оценок составили 4 балла. В качестве обоснования такой оценки использовались доводы о длительности и стабильности сотрудничества, что частично пересекается со вторым выводом по матрице А, согласно которому работники бюджетной сферы оказались лидерами по упоминанию преимущественности сотрудничества. В качестве дополнительного аргумента был назван успешный обмен опытом между администрациями городов-близнецов в проведении городских фестивалей и благоустройстве. Эксперты указывали, что благодаря географической близости, возможности велосипедного пересечения границы сотрудничество Светогорска и Иматры имеет больший потенциал, чем взаимодействие двух соседних более крупных, но более удаленных друг от друга приграничных городов на российско-финляндской границе – Выборга и Лаппеенранты.

Код «расцвет сотрудничества» был применен интервьюируемыми 9 раз, 6 из которых он использовался для кодирования высказываний финских экспертов. В 5 случаях наиболее успешный период ПС связывался с деятельностью конкретных личностей – мэров городов, советников по внешним связям, муниципальных служащих, курирующих ПС в определенной сфере. По 2 раза время расцвета сотрудничества было определено как время наибольших организационных возможностей муниципальных администраций (их сильного кадрового состава, наличия необходимых полномочий) и взаимного интереса к развитию трансграничных связей. Употребление кода «расцвет сотрудничества» косвенным образом свидетельствует о динамической природе приграничного сотрудничества, поскольку он предполагает наличие предшествующей фазы подъема и последующего спада ПС.

Отдельный семантический узел был создан в системе кодов DeDoose для анализа отношения экспертов ПС к инициативе развития межмуниципального сотрудничества в формате городов-близнецов. Как видно на рис. 14, на уровне экспертов ПС положительное отношение к сотрудничеству в формате городов-близнецов между Светогорском и Иматрой встречается наиболее часто (15 упоминаний в поддержку и 9 упоминаний против). Хотя скептические настроения получили распространение по обе стороны границы и во всех рассматриваемых сферах деятельности, было выявлено три категории интервьюируемых, среди которых доминирует скорее отрицательное отношение к инициативе «городов-близнецов», а именно представители бизнес-сообщества Светогорска, работники бюджетной сферы и СМИ Иматры.

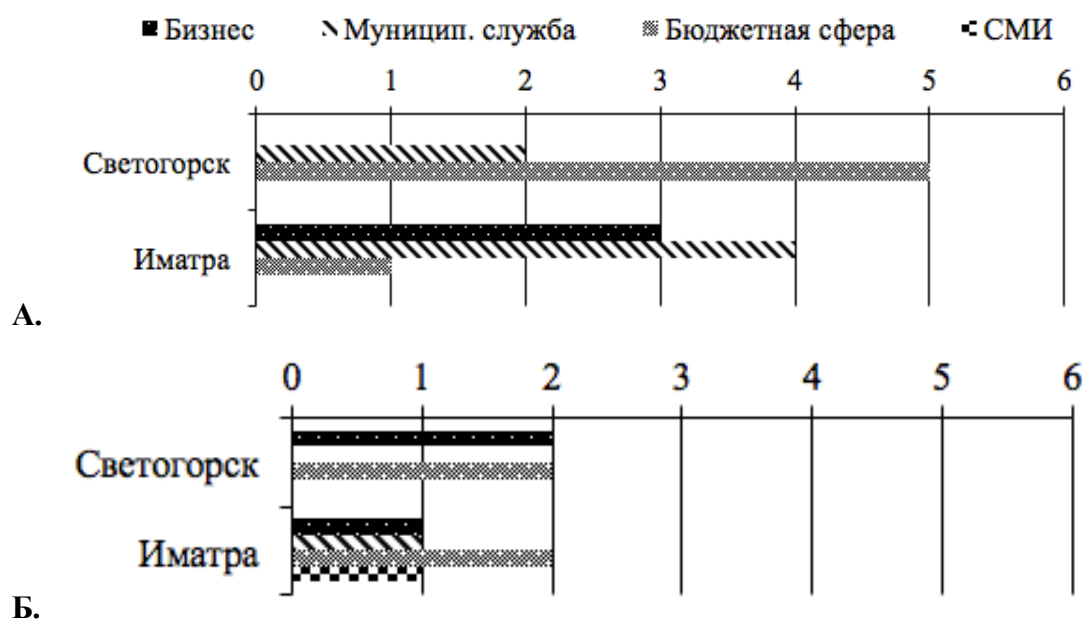

Рис. 14. Распределение высказываний об отношении к инициативе сотрудничества в формате городов-близнецов в Светогорске и Иматре (А – Скорее положительное отношение; Б - скорее отрицательное отношение)
Составлено автором.

Поскольку сотрудничество в формате городов-близнецов предполагает координацию действий акторов смежных ПТСЭС, необходимо иметь сторонников данной инициативы по обе стороны границы. В Светогорске и Иматре интервьюируемые высказались в поддержку сотрудничества в формате городов-близнецов практически равное количество раз (7 и 8 соответственно).

Во всех трех кейсах сотрудничество в формате городов-близнецов выступает в роли стратегического выбора и потенциального сценария развития долгосрочных отношений ПТСЭС. Принятие или непринятие этого формата можно рассматривать как готовность к изменению приграничного сотрудничества или сопротивление ему. В качестве подтверждения данного заключения представлена матрица Б на рис. 15, на которой отображено соотношение частотности упоминания изменчивости ПС и положительного/отрицательного отношения к сотрудничеству в формате городов-близнецов. Две социальные группы, наиболее часто упоминавшие изменчивость ПС, – представители СМИ и муниципальные служащие – совпадают с социальными группами, чья позиция в отношении сотрудничества в формате городов-близнецов была наиболее однородной.

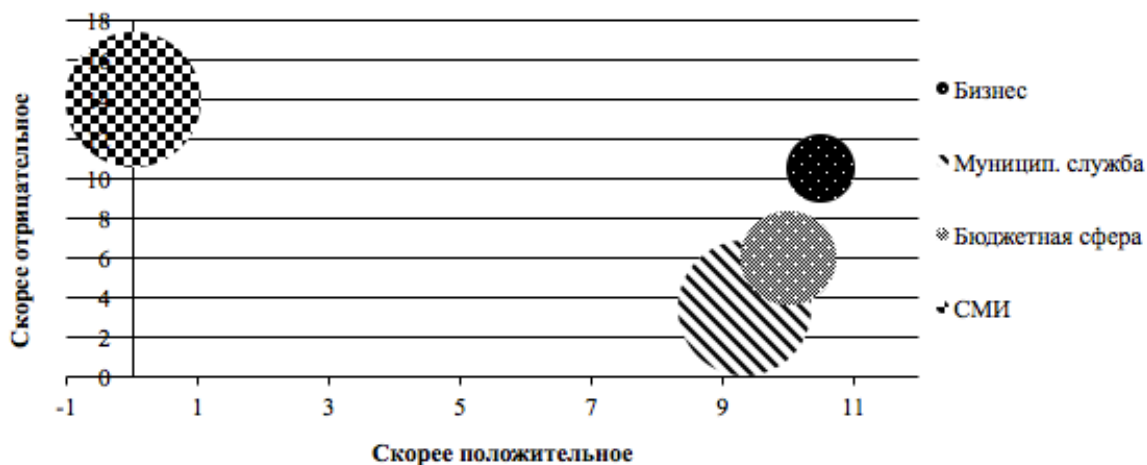

Рис. 15. Матрица Б. Соотношение частотности упоминания изменчивости ПС (размер кругов) и высказывания положительного/ отрицательного отношения к инициативе сотрудничества в формате «городов-близнецов»

Составлено автором.

На основе приведенного выше анализа упоминаний семантических кодов в интервью с экспертами приграничного сотрудничества Светогорска и Иматры было доказано, что:

- 1) приграничное сотрудничество – это динамический процесс (80% интервьюируемых высказались о его изменчивости);
- 2) диалог смежных ПТСЭС проходит через периоды активизации и затухания.

Данные положения свидетельствуют о наличии повторяющихся стадий подъема и спада ПС и дают эмпирические основания предположить циклическую природу приграничного сотрудничества городов-близнецов. В диссертации проделана попытка выделения циклов ПС Никеля-Киркенеса, Светогорска-Иматры, Благовещенска-Хэйхэ. Критерии отнесения событий приграничного сотрудничества к стадиям его развития изложены в Приложении 14, периодизация и характеристика стадий ПС представлена в табл. 10. Ввиду относительно небольшого опыта регулярного сотрудничества этих приграничных поселений (чуть менее 30 лет с момента открытия границы), диссертант подчеркивает необходимость дальнейшего тестирования выдвинутой гипотезы о цикличности приграничного сотрудничества в трансграничных системах локального уровня, поскольку верификация цикличности социально-экономических процессов в территориальных системах требует более продолжительного наблюдения.

Табл. 10. Анализ стадий приграничного сотрудничества для Никеля-Киркенеса, Светогорска-Иматры, Благовещенска-Хэйхэ

СТАДИЯ		ВРЕМЯ ЕЕ ПРОХОЖДЕНИЯ	ХАРАКТЕРИСТИКА
Никель-Киркенес			
Ц И К Л I	Инициация	с 1960-х гг.	Совместное строительство гидроэлектростанций на трансграничной реке Паз. Встреча представителей художественных школ и библиотек двух муниципальных образований (1978) ³⁹ . Обмен делегациями библиотекарей (1983) ⁴⁰ . Проведение пилотных уроков русского языка в Киркенесе и норвежского языка в Никеле (1988-89) ⁴¹ .
	Институционализация	1973 – 1993 гг.	Подписание соглашения о сотрудничестве между Печенгским районом и коммунной Сёр-Варангер (1973). Подписание Киркенесской декларации, образование БЕАР (1993).
	Экстенсификация	1993 – 1998 гг.	Подключение к приграничному сотрудничеству общеобразовательных учреждений, учреждений дошкольного и дополнительного образования, муниципальных больниц, СМИ ⁴² , центров занятости населения ⁴³ .
	Интенсификация	1998 – 2003 гг.	Проведение ежегодных выставок детских рисунков «Россия и Норвегия глазами детей» (с 2001-2003 гг.). Организация регулярных курсов русского языка в центре повышения квалификации Киркенеса.
	Стабильное развитие	2003 – 2005 гг.	Установление регулярного календаря совместных мероприятий: встречи в рамках празднования освобождения Заполярья и провинции Финнмарк в Никеле и Киркенесе, Дня Конституции Норвегии 17 мая в Киркенесе.
	Модернизация	2005 – 2006 гг.	Переход на сотрудничество в рамках проектной деятельности. Введение в администрации Печенгского района должности советника по приграничному сотрудничеству (2005-2006 гг.) ⁴⁴ . Запуск проекта «Соседи и друзья» между учреждениями дошкольного образования (2006) ⁴⁵ .
	Институционализация	2006 – 2011 гг.	Подписание совместного заявления о сотрудничестве муниципального образования Печенгский район Мурманской области и коммуны Сёр-Варангер губерния Финнмарк в рамках проекта «Города-близнецы» (2008). Подписание соглашения о развитии дружественных связей между муниципальным образованием Печенгский район Мурманской области и коммунной Сёр-Варангер (2011). Разработка планов приграничного сотрудничества на два года. Подписание

³⁹ Интервью с Зинаидой Горюшко, директором Художественной школы пгт Никель. 24.06.2013, 39 мин. Никель.

⁴⁰ Интервью с Хильдур Ойкас, директором библиотеки Сёр-Варангера. 22.03.2013. Киркенес. 58 мин.

⁴¹ Интервью с Унни Сильднес, 27.02.2013. Киркенес.

⁴² Интервью с Ранди Андерсен, редактором газеты «Sør-Varanger Avis». 21.03.2013. 95 мин. Киркенес.

⁴³ Интервью с Кристианом Йохансеном, руководителем отдела трудоустройства Норвежского Агентства труда и благосостояния, 26.03.2013. 72 мин. Киркенес.

⁴⁴ Интервью с Унни Сильднес, 27.02.2013. Киркенес.

⁴⁵ Интервью с Маргаритой Чивиль. 25.06.2013. 43 мин. Никель.

Ц И К Л П *			соглашения об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий РФ и Норвегии (2010).
	Экстенсификация	2008 – 2011 гг.	Обновление системы трансграничного взаимодействия по линии спорта и преподавателей школ (2008). Вовлечение в приграничное сотрудничество служб регистрации населения ⁴⁶ .
	Интенсификация	2011 – 2013 гг.	Проведение семинаров по обмену опытом руководителей учреждений дошкольного образования (2010-2012) ⁴⁷ . Проведение в Никеле ежегодных Дней приграничного сотрудничества (с 2011). Участие в имплементации соглашения об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Королевства Норвегии (2011-2012). Подготовка предложений для внесения в текст второй Киркенесской декларации (2013).
	Стабильное развитие	2013 г. – 2014 г.	Создание в сети Интернет групп «Grenseboer» and «Russwege» для электронного общения приграничных жителей в социальной сети Facebook ⁴⁸ . Учреждение клуба жителей российско-норвежского приграничья «Диалог» (апрель 2014).
	Редукция	2015 г. – апрель 2016 г.	Привлечение муниципальных служащих и сотрудников НГО, курирующих приграничное сотрудничество, в работе с транзитным миграционным потоком, приостановка текущих проектов сотрудничества, сокращение числа совместных мероприятий. Снижение пересечений границы в 2015 г. на 30% к уровню 2014 г. Строительство пограничного ограждения с норвежской стороны границы (весна 2016 г.).
	Модернизация	май 2016 г. – н.вр.	Подписание нового плана сотрудничества двух муниципальных образований на 2016-19 гг. Учреждение рабочей группы по разработке трансграничного туристского продукта (июнь 2016 г.). Акцент на сотрудничество в сфере экологии, транспорта и связи на VII Днях приграничного сотрудничества (октябрь 2017 г.).
Светогорск-Иматра			
Ц И К Л I	Инициация	1971 – 1992 гг.	Участие финских компаний в реконструкции Светогорского целлюлозно-бумажного комбината (1971 г. – к. 80-х гг.). Создание совместного советско-финского предприятия «Свейма» (1989). Установка финнами в Светогорске датчиков для измерения уровня загрязнения воздуха и начало проведения систематических наблюдений экологической обстановки в Светогорске сотрудниками отдела охраны окружающей среды администрации г. Иматра (ориентировочно 1990-1991) ⁴⁹ .

⁴⁶ Интервью с Еленой Ивановой. 24.06.2013. 15 мин. Никель.

⁴⁷ Интервью с Маргаритой Чивиль. 25.06.2013. 43 мин. Никель.

⁴⁸ Интервью с Унни Сильднес, 27.02.2013. Киркенес.

⁴⁹ Интервью с Арто Ахоненом, сотрудником отдела охраны окружающей среды администрации г. Иматра. Иматра. 28.11.2013. Иматра. 45 мин.

Ц И К Л П	Институционализация	1992-1993 гг.	Подписание соглашения о сотрудничестве между Светогорском и Иматрой. Подготовка плана приграничного сотрудничества между городами.
	Экстенсификация	1993 – 1997 гг.	Установление сотрудничества между образовательными учреждениями, центрами социальной адаптации населения, предпринимателями, краеведами Светогорска и Иматры.
	Интенсификация	1997 – 1999 гг.	Начало самопозиционирования Светогорска и Иматры в качестве «двойного города» (1997) ⁵⁰ . Учреждение ежегодного международного фестиваля искусств «Вуокса» (1998) (Андронов 2010).
	Стабильное развитие	1999 – 2000 гг.	Организация проведения ежегодного российско-финского семинара по педагогике для представителей школ приграничных муниципальных образований ⁵¹ . Осуществление проекта с привлечением финансирования ЕС по расширению перечня показателей мониторинга экологической обстановки в Светогорске (1998-2000) ⁵² .
	Модернизация	2000 – 2002 гг.	Подготовка кратко- и долгосрочной стратегий взаимодействия двух смежных приграничных городов (2000). Присвоение пункту пропуска статуса международного автомобильного пункта пропуска (2002).
	Экстенсификация	2002 – 2004 гг.	Предоставление жителям приграничных муниципальных образований права велосипедного пересечения границы.
	Интенсификация	2004 – 2009 гг.	Активное участие в международном проекте «Сеть городов-близнецов» и в деятельности Ассоциации городов-близнецов (2004-2007). Переход пункта пропуска на круглосуточный режим работы (2006). Выдвижение инициативы «Трансграничный город Северного измерения» (2006-2008) («Northern Dimension Cross Border City» 2015). Направление музейной выставки «Яски», подготовленной городским музеем Иматры, в Светогорск (2008-2009) ⁵³ . Проведение ежегодных семинаров по организации сотрудничества Светогорска и Иматры (до 2006).
	Стабильное развитие	2009 – 2010 гг.	Прохождение финскими специалистами стажировок в Светогорске по направлению реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями (2007-2009). Проведение семинаров для социальных работников по обмену опытом в сфере обслуживания пожилых людей (2007-2009) ⁵⁴ . Проведение ежегодного трансграничного велопробега между Светогорском и Иматрой.
	Редукция	2010 – 2017 гг.	Упразднение отдела внешних связей в администрации Светогорска. Сокращение перечня направлений сотрудничества при подписании ежегодных протоколов.

⁵⁰ Интервью с Валерием Богдановым, бывшим специалистом по внешним связям администрации Светогорска. Светогорск. 01.08.2013. 77 мин.

⁵¹ Интервью с Ириной Ивановой, директором школы № 1. 29.11.2013. Светогорск. 36 мин.

⁵² Интервью с Арто Ахоненом, сотрудником отдела охраны окружающей среды администрации г. Иматра. Иматра. 28.11.2013. Иматра. 45 мин.

⁵³ Интервью с Людмилой Лисовой, краеведом. Светогорск. 29.11.2013. 67 мин.

⁵⁴ Интервью с Еленой Крыловой, директором центра «Добро пожаловать!». Светогорск. 28.05.2013. 52 мин.

			Смена мэра в г. Иматра (2017 г.). Разработка и запуск по инициативе администрации г. Иматра приложения для отслеживания ситуации на границе на пункте пропуска Светогорск-Иматра (февраль 2018 г.) ⁵⁵ . Подготовка межправительственного договора о строительстве велодорожки «Госграница-Светогорск» в рамках проекта «Адаптация новых подходов развития велосипедного транспорта и велосипедных маршрутов между Россией и Финляндией» (апрель 2018 г.) ⁵⁶ .
**	Модернизация	2017 г. – н.вр.	
Благовещенск-Хэйхэ			
Ц И К Л I	Инициация	к. 80-х гг.	Снятие с Благовещенска статуса закрытого города, начало приграничной торговли.
	Экстенсификация	1990-1992 гг.	Расширение круга участников челночной торговли. Начало сотрудничества местных газет «Амурская правда» и «Хэйхэ жибао» ⁵⁷ .
	Интенсификация	1992-1994 гг.	Присуждение Хэйхэ статуса «открытого города» (1992), выразившееся в создании зоны приграничного экономического сотрудничества, увеличении пропускной способности пункта пересечения границы и учреждении приграничной торговой зоны. Разрешение безвизового въезда на территорию Хэйхэ для граждан России (1994).
	Стабильное развитие	1994-2000 гг.	Рост масштабов приграничной торговли. Развитие в Хэйхэ индустрии гостеприимства, ориентированной на российского туриста.
	Модернизация	2000 - 2002 гг.	Подписание соглашения между правительствами РФ и КНР о безвизовых групповых туристических поездках (2000). Учреждение Представительства МИД России в г. Благовещенске (2002). Проведение ежегодного заплыва «Дружба» между Благовещенском и Хэйхэ (2001) (Заплыв дружбы 2014).
Ц И К Л II	Интенсификация	2002-2009 гг.	Пилотное использование национальных валют в двусторонних банковских переводах на территории Благовещенска и Хэйхэ (2002). Подготовка местными газетами рубрик на основе материалов партнерской редакции о жизни города-соседа. Создание в Благовещенском государственном педагогическом университете Института Конфуция (2007). Достижение договоренности об установке понтонного моста между Благовещенском и Хэйхэ после ледостава Амура. Нарастивание в Хэйхэ индустрии гостеприимства, ориентированной на китайского туриста. Проведение в Хэйхэ фестиваля «Лето городов-близнецов» (2007).
	Стабильное развитие	2009 – 2011 гг.	Проведение ежегодной международной конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» на базе Благовещенска, Хэйхэ и Харбина (с 2010). Регулярная

⁵⁵ Фонтанка.fi. Мэр Иматры: Для приграничного города самое важное – инфраструктура. URL: <http://fontankafi.ru/articles/37714/> (дата доступа: 04.05.2018)

⁵⁶ Администрация МО «Светогорское городское поселение». Велодорожке – быть! URL: <http://www.mo-svetogorsk.ru/about/info/news/4744/> (дата доступа: 05.05.2018)

⁵⁷ Интервью с Еленой Павловой, главным редактором «Амурской правды». Благовещенск.

Ц И К Л ш			установка понтонного моста между Благовещенском и Хэйхэ после ледостава Амура (с 2011). Организация ежегодного заплыва через реку Амур, обмена делегациями детей накануне праздника «День защиты детства» 1 июня, и делегациями женщин в преддверии международного женского дня 8 марта.
	Модернизация	2011 – 2013 гг.	Выдвижение Правительством Амурской области инициативы по созданию совместной рекреационной зоны «Города-близнецы». Подготовка Концепции развития города Благовещенска как международного российско-китайского центра конгрессно-выставочной деятельности. Разработка нового туристского логотипа Благовещенска.
	Институционализация	2013 – 2015 гг.	Открытие на территории Хэйхэ «Муниципального центра международного сотрудничества» г. Благовещенска (2013), его преобразование в некоммерческое партнерство в 2015 г. Подписание межправительственного соглашения о строительстве трансграничной канатной дороги между Благовещенском и Хэйхэ (2015).
	Интенсификация	2016 г. – н.вр.	Работы по строительству моста (с декабря 2016 г.). Проведение ежегодного хоккейного матча на р. Амур между командами Благовещенска и Хэйхэ (2017 и 2018 гг.). Разработка новых туристских продуктов в округе Хэйхэ и Амурской области для увеличения потока китайских туристов (туризм для пожилых, посещение космодрома «Восточный»). Проведение центром «Интерплюс» г. Хэйхэ экспресс-курсов по ведению Интернет-торговли в Китае для представителей малого и среднего бизнеса Благовещенска (2016 г.). Гармонизация графика работы таможни Благовещенска и Хэйхэ (май 2018 г.)

Примечание: * – начало цикла III в приграничном сотрудничестве Никеля и Киркенеса; ** – начало цикла III в приграничном сотрудничестве Светогорска и Иматры

Несмотря на указанное ограничение, проделанная работа по соотнесению сформулированного во второй главе набора стадий ПС и практического опыта реализации приграничного сотрудничества позволяет сделать ряд выводов.

- 1) Приграничное сотрудничество городов-близнецов России и стран-соседей на различных участках границы развивается по разным сценариям и с разными темпами, однако его динамика укладывается в предложенные шесть базовых стадий приграничного сотрудничества – инициацию, институционализацию, экстенсификацию, интенсификацию, стабильное развитие, модернизацию или редукцию.
- 2) Различия в последовательности прохождения стадий, выявленные в рассмотренных кейсах, не противоречат циклической природе приграничного сотрудничества. По словам Н.С. Розова, фазы цикла общественных процессов «не обязательно должны составлять правильную кольцевую структуру» (2010, с. 54), возможны альтернативные контуры циклической динамики. Начиная со второго цикла наиболее распространенным контуром приграничного сотрудничества городов-близнецов является последовательное прохождение стадий экстенсификации – интенсификации – стабильного развития – модернизации.
- 3) Частота прохождения стадии институционализации зависит от принципов и традиций ПС на конкретном участке границы. Например, для приграничного сотрудничества европейского типа характерно регулярное обращение к фазе институционализации, поскольку страны-члены ЕС и Норвегия склонны к договорному закреплению развития трансграничного диалога. На российско-китайской границе стадия институционализации приграничного сотрудничества наступает спустя более длительный период – на третьем цикле развития ПС, поскольку в целом для азиатского типа приграничного сотрудничества свойственны неформальные сетевые взаимодействия.
- 4) Пропуск одной из фаз подъема – экстенсификации или интенсификации – приводит к укороченному контуру цикла ПС. Причиной пропуска стадии экстенсификации может стать отсутствие желания у местных акторов, не задействованных в сотрудничестве, принять в нем участие или отсутствие не задействованных в ПС акторов. «Перепрыгивание» стадии интенсификации может быть обусловлено удовлетворенностью участников ПС текущими форматами сотрудничества, их ориентацией на поддержание устоявшихся направлений и форм взаимодействия, что приводит к более раннему наступлению стадии стабильного развития ПС.

- 5) В силу разноскоростного перехода из одной стадии в другую в разных сферах деятельности временные рамки стадий могут накладываться. В рассмотренных кейсах подобная ситуация возникала дважды. Наложение стадий инициации и институционализации сотрудничества I цикла у Никеля и Киркенеса было обусловлено затяжным характером их прохождения, трехступенчатостью выработки нормативно-организационных основ взаимодействия (на муниципальном, региональном и макрорегиональном уровнях) и затрудненностью продолжения проектной работы после первых контактов в условиях доминирования барьерной функции границы. Более позднее пересечение стадий институционализации и экстенсификации II цикла развития приграничного сотрудничества связано с совершенствованием нормативно-организационных основ сотрудничества на двух уровнях – на межмуниципальном и двустороннем национальном, а также с параллельным началом претворения в жизнь договоренностей, достигнутых в ряде сфер деятельности (спорт, образование, обслуживание населения и др.).
- 6) Несмотря на различные даты инициации трансграничных контактов Никель-Киркенес, Светогорск-Иматра и Благовещенск-Хэйхэ на начало 2010 г. прошли по два цикла развития приграничного сотрудничества. Это сходство свидетельствует о значимости общегосударственных условий для выстраивания диалога через границу. Например, «зависание» в стадии инициации и институционализации I цикла сотрудничества Никеля-Киркенеса и Светогорска-Иматры (для обоих городов-близнецов длительность этих стадий составила более 20 лет) было вызвано отсутствием нормативно-правовой регламентации осуществления внешних связей на муниципальном уровне, финансовой и организационной поддержки подобных инициатив органов МСУ с российской стороны границы.
- 7) Различная продолжительность пребывания в одних и тех же стадиях в рамках разных циклов развития ПС связана с такими изменениями внешней среды городов-близнецов, как приоритеты территориального развития систем высшего порядка (регионального, национального и макрорегионального уровней), ведущие задачи внутренней и внешней политики сопредельных государств, доминирующая функция границы и конъюнктура мировых рынков. В условиях преобладания контактной функции границы происходит сжатие сроков прохождения стадий развития приграничного сотрудничества. В ситуации использования смежных ПТСЭС региональными и национальными органами государственной власти в качестве экспериментальных площадок развитие ПС может приобретать скачкообразный

характер ввиду предоставления приграничным территориям экономических преференций или дополнительных ресурсов на пилотные интеграционные проекты. Негативная динамика оптовых цен на сырье и энергоносители зачастую оказывает стимулирующее воздействие на развитие приграничного сотрудничества, если экономике одной из сторон ПС свойственна экспортно-сырьевая направленность, поскольку реализация совместных экономических проектов ПС (в частности совместное туристское позиционирование) воспринимается как действенный способ диверсифицировать источники местного бюджета.

- 8) Наименьшее количество стадий развития ПС (десять) было пройдено Благовещенском и Хэйхэ. Несмотря на то, что по широте спектра направлений и глубине проектов сотрудничества эти города отстают от городов-близнецов на европейском участке границы, диалог Благовещенска и Хэйхэ стал первым примером приграничного сотрудничества, вступившего в III цикл. Причиной тому послужило «перепрыгивание» одних стадий, тяготение к быстрому прохождению других и произошедшая в последние годы активизация риторики и действий государственных структур России по осуществлению «поворота на Восток»⁵⁸.

3.3. Эндегенные барьеры сотрудничества городов-близнецов России и стран-соседей

Для выявления общего и особенного в содержании и восприятии существующих барьеров в осуществлении ПС были выбраны семь блоков эндогенных факторов, способных оказывать сдерживающее воздействие на ПС, а именно:

- управленческие (ограниченность полномочий участников ПС, разная выгодность, низкая приоритетность сотрудничества и зависимость его динамики от конкретных личностей);
- коммуникационные (отсутствие общего трансграничного информационного поля и затрудненность доступа к информации о смежной приграничной территории, отсутствие информационно-консультационной поддержки акторам ПС со стороны органов местного самоуправления, разобщенность информационно-аналитической и информационно-просветительской работы сопредельных муниципальных образований);

⁵⁸ См. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. и общие положения Концепции развития приграничных территорий ДВ РФ от 28 октября 2015 г.

- кадровая обеспеченность (нехватка человеческих ресурсов, неудовлетворенность по поводу кадровой укомплектованности);
- финансовая обеспеченность (ограниченные финансовые возможности муниципальных образований);
- инфраструктурная обеспеченность (низкое качество пограничной инфраструктуры, её недостаточная пропускная способность);
- языковой барьер;
- визовый барьер.

Как показал контент-анализ глубинных интервью с местными экспертами ПС Светогорска и Иматры, россияне упоминали проблемы ПС в 2,5 раза чаще, чем их коллеги из Финляндии (светогорцам принадлежат 72% цитат, соотносящихся с данным кодом). Как видно на рис. 16, представители всех рассматриваемых сфер деятельности смежных ПТСЭС называли факторы, препятствующие успешной совместной работе. Особенно примечателен практически однородно высокий уровень частотности упоминаний проблем ПС экспертами из Светогорска. В Иматре наиболее активно на тему проблем ПС высказывались муниципальные служащие и работники бюджетной сферы.

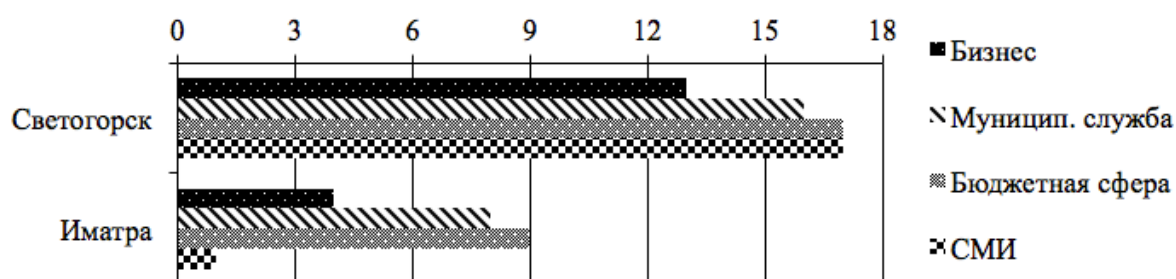

Рис. 16. Соотношение количества цитат, соответствующих коду «проблемы ПС», в интервью с экспертами из Светогорска и Иматры
Составлено автором.

Наиболее часто высказывания экспертов касались управления – данный код был присвоен 36% (31 упоминание) общего числа упоминаний проблем, причем эксперты из Светогорска обращались к этой теме в 3,7 раза чаще, чем из Иматры. Из спектра управленческих проблем интервьюируемые из России наиболее часто упоминали ограниченность полномочий участников ПС (9), разная выгодность ПС для его участников (7), отсутствие времени на ПС (7) и зависимость динамики ПС от конкретных личностей (6). Как видно на рис. 17, наиболее часто на тему проблем в области управления высказывались муниципальные служащие двух городов, работники бюджетной сферы и представители СМИ Светогорска.

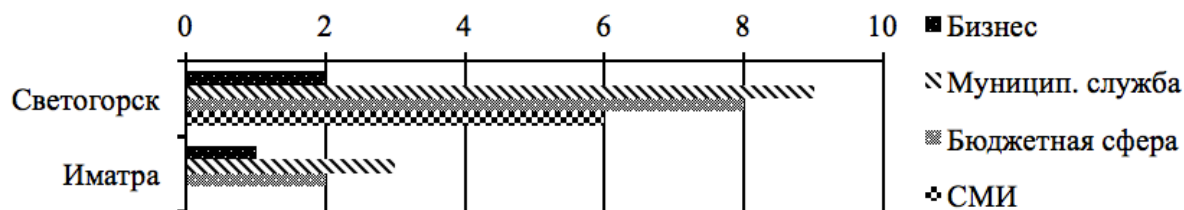

Рис. 17. Соотношение количества цитат, соответствующих коду «проблемы в области управления», в интервью с экспертами из Светогорска и Иматры

Составлено на основе результатов анализа интервью с экспертами ПС в программе DeDoose.

Второе место по частотности упоминаний заняли кадровые и коммуникационные проблемы: к данным темам эксперты двух городов обращались по 22 раза. Более часто светогорцы высказывались о коммуникационных проблемах. 70% цитат экспертов из Светогорска по теме коммуникационных проблем касались отсутствия общего трансграничного информационного поля, разобщенности информационно-аналитической и информационно-просветительской работы Светогорска и Иматры. На практике эти проблемы выражаются в трудностях поиска информации о смежной приграничной территории. Интервьюируемые работники бюджетной сферы наиболее часто упоминали такой компонент коммуникационных проблем, как отсутствие информационно-консультационной поддержки со стороны администрации.

Судя по частоте упоминаний нехватки человеческих ресурсов экспертами из Иматры, эта проблема воспринимается ими как наиболее существенная. Неудовлетворенность кадровой укомплектованностью наиболее часто высказывали муниципальные служащие и работники бюджетной сферы двух городов, а также представители СМИ Светогорска (рис. 18).

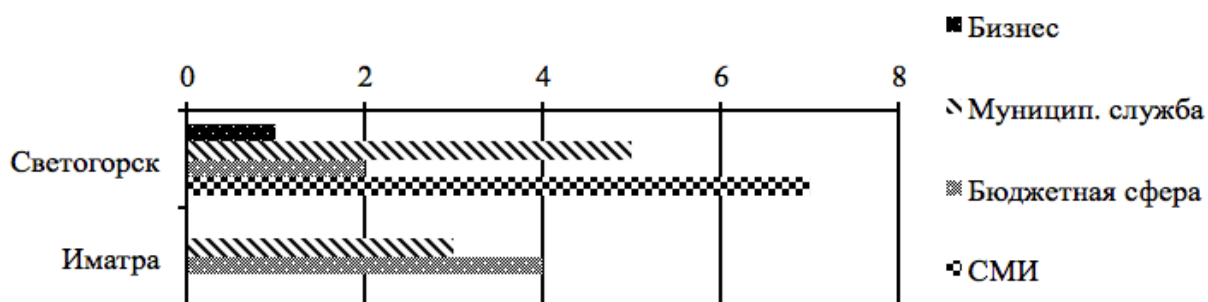

Рис. 18. Соотношение количества цитат, соответствующих коду «нехватка человеческих ресурсов» как проблемы ПС, в интервью с экспертами из Светогорска и Иматры

Составлено на основе результатов анализа интервью с экспертами ПС в программе DeDoose.

Упоминание различных проявлений инфраструктурной барьерности границы в качестве препятствия для ПС встречается 18 раз, при этом 46% цитат принадлежат

представителям бизнес-сообщества. Главной проблемой, на их взгляд, является низкое качество пограничной инфраструктуры. Высказывания о финансовых проблемах встречались в два раза чаще у экспертов из Светогорска, в частности у муниципальных служащих и работников СМИ.

Проблемы ПС, упоминавшиеся респондентами всех шести приграничных населенных пунктов, отражали культурные и административные различия сопредельных государств, сложность пересечения границы и неравенство распределения выгод от ПС. Были выявлены проблемы ПС, воспринимаемые как острые на определенных участках границы. Примером таких проблем для российско-норвежской границы является сложная экологическая обстановка, связанная с деятельностью завода «Печенганикель». Специфическое препятствие для ПС между Благовещенском и Хэйхэ – отсутствие мостового перехода между двумя берегами реки Амур.

Кроме того, развитие приграничного сотрудничества сдерживает относительно низкий уровень участия населения в ПС. Его значение, рассчитанное на основе данных анкетирования жителей шести приграничных МО, прилегающих к государственной границе РФ, составило 37,4% от общего числа респондентов (подробнее см. рис. 19). Учитывая, что ряд местных жителей отказался принять участие в анкетировании, можно предположить, что реальный уровень участия в ПС ниже рассчитанного показателя.

Сопоставив наблюдения Я. Янчака (см. сс. 90-91) о существовании зависимости между этническим составом городов-близнецов, доминирующей функции границы и характером приграничного сотрудничества, относительно низкий уровень участия в ПС в городах-близнецах России и стран-соседей нельзя назвать неожиданным. Как показано на рис. 11, все города-близнецы России и стран-соседей расположены на границах экономически, политически и нормативно неинтегрированных систем высшего ранга, то есть на границах с довольно выраженной барьерностью. Кроме того, три из четырёх городов-близнецов на границе России (кроме Ивангорода и Нарвы) имеют различный этнический состав. После открытия государственной границы в конце 80-х гг. в каждом из трёх зарубежных соседних городов образовалась незначительная русскоязычная диаспора, но её роль в развитии ПС между городами-близнецами на 2018 г. варьируется от нейтральной до негативной (подробнее см. п. 3.3, Mikhailova 2017). Таким образом, как этнический состав городов-близнецов России и стран-соседей, так и характер границ, на которых они расположены, выступают эндогенными факторами сдерживания развития ПС между ними.

Вы участвовали в мероприятиях приграничного сотрудничества?

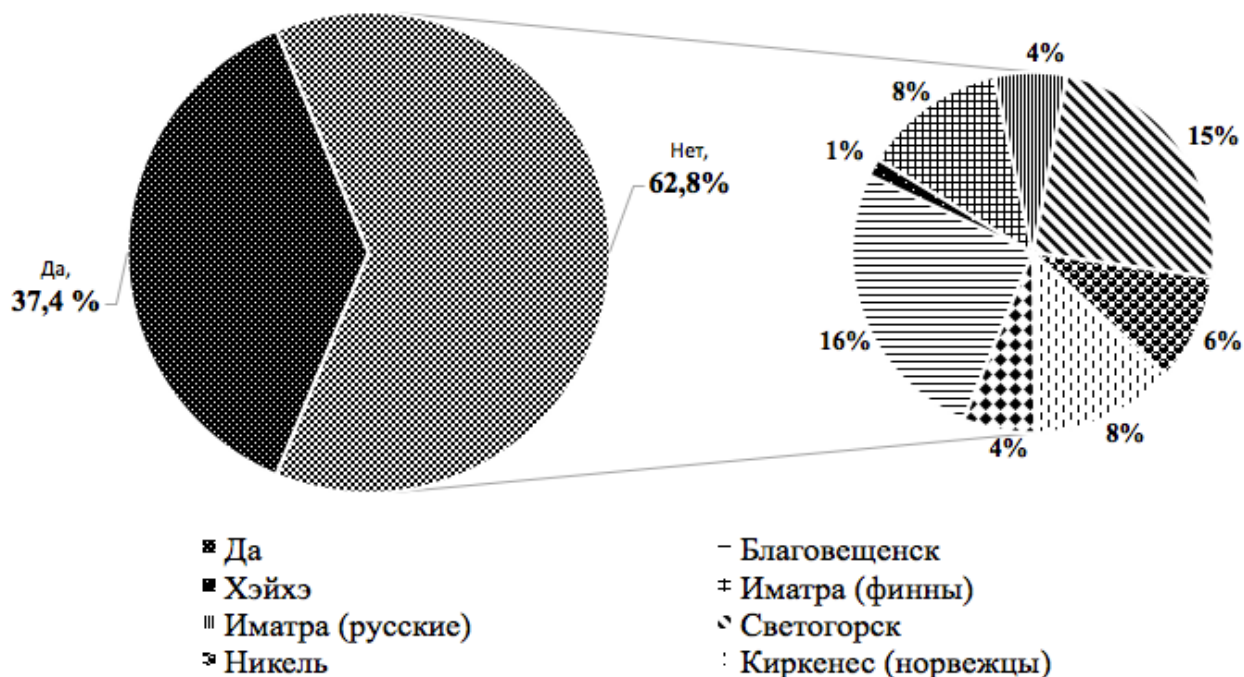

Рис. 19. Оценка участия в приграничном сотрудничестве местных жителей Никеля-Киркенеса, Светогорска-Иматры и Благовещенска-Хэйхэ

Составлено на основе результатов анализа анкетирования местных жителей в трех парах смежных приграничных городов.

Частота упоминания языкового и визового барьера на трех участках границы варьировалась от кейса к кейсу и в зависимости от уровня вовлеченности информанта в ПС: интервьюируемые из экспертного сообщества реже высказывались на тему трудности получения виз, чем местные жители. Наиболее часто визовый барьер упоминался на российско-финляндской границе, что объясняется отсутствием договоренностей о безвизовом пересечении границы местными жителями, в то время, как на российско-норвежской границе и на рассматриваемом участке российско-китайской границы такие договоренности действуют. Упоминание языкового барьера чаще встречается в данных по кейсам Никель-Киркенес и Благовещенск-Хэйхэ. Различия в оценке значимости языкового барьера частично проясняются благодаря анализу интервью, собранных в Светогорске и Иматре, в которых российские эксперты говорят об отсутствии языкового барьера ввиду использования переводчиков, зачастую предоставляемых финской стороной. То есть в этом кейсе преодоление языкового барьера возложено на одну из сторон сотрудничества, в связи с чем сторона, не участвующая в устранении данного препятствия ПС, не воспринимает языковой барьер как проблему.

Анализ результатов анкетирования позволил выявить такую проблему приграничного сотрудничества, как отсутствие сбалансированности между его направлениями (экономическим, гуманитарным и инфраструктурным), а также между формами его осуществления (регулярными и проектными). Как видно из табл. 11, гуманитарное сотрудничество воспринимается респондентами во всех трех кейсах в качестве наиболее успешного направления взаимодействия. Стоит обратить внимание на высокую оценку совместных мероприятий в области культуры и спорта на изучаемом участке российско-китайской границы, что отчасти противоречит характеристике азиатского типа приграничного сотрудничества (см. подробнее с. 78). Анализ ответов респондентов из Благовещенска и Хэйхэ показал, что 12 из 18 опрошенных, отметивших результаты сотрудничества в области культуры и спорта, основным итогом взаимодействия назвали студенческий обмен, открытие Института Конфуция в БГПУ и проведение совместных конференций. Такое внимание сфере образования и науки определяется социальной ролью ряда респондентов: в Хэйхэ большинство опрошиваемых являлось студентами Хэйхэского университета, в Благовещенске одна пятая анкет была заполнена студентами Благовещенского государственного педагогического университета.

Экономический результат ПС упоминался респондентами достаточно часто только в Благовещенске и Хэйхэ – 65,4% респондентов, отмечавших итоги сотрудничества, говорили о развитии торговли и туризма. Наиболее редко о влиянии ПС на экономическое развитие приграничных территорий говорили жители Светогорска и Иматры.

Лидером по частоте упоминаний совершенствования пограничной инфраструктуры как значимого итога ПС стали Светогорск и Иматра (это направление названо 37,5% респондентов). В Благовещенске и Хэйхэ, напротив, ни один из опрошенных не отметил сотрудничество в сфере инфраструктуры в качестве эффективного.

Известно, что проектные формы приграничного сотрудничества свойственны европейскому типу приграничного сотрудничества (подробнее см. с. 77). Полученные данные в некоторой степени подтверждают это положение: успешная реализация проектов ПС упоминается в качестве итога взаимодействия приграничных территорий в 4 раза чаще респондентами из Светогорска и Иматры и в 2,5 раза чаще респондентами из Никеля и Киркенеса, чем респондентами из Благовещенска и Хэйхэ. Даже в рассматриваемых кейсах на российско-финляндской и российско-норвежской границах упоминание проектной деятельности значительно уступает упоминанию регулярных

мероприятий приграничного сотрудничества (в 4 и 6 раз соответственно). Такой относительно низкий уровень упоминания проектной деятельности как успешной формы ПС может быть обусловлен двумя факторами: 1) недостаточно активным её использованием в Светогорске-Иматре и Никеле-Киркенесе и/или 2) недостаточным информационным сопровождением проектов.

Табл. 11. Направления и формы приграничного сотрудничества, отмеченные в качестве наиболее успешных

	Направления и формы приграничного сотрудничества							
	Регулярные совместные мероприятия в области культуры и спорта		Экономическое развитие приграничных территорий		Улучшение пограничной инфраструктуры		Совместная проектная деятельность	
	N*	%**	N	%	N	%	N	%
Никель-Киркенес	18	60 %	7	23,3 %	1	3,3 %	3	10 %
Светогорск-Иматра	20	62,5 %	3	9,4 %	12	37,5 %	5	15,6 %
Благовещенск-Хэйхэ	18	69,2 %	17	65,4 %	-	-	1	3,9 %
Итого	56	63,6 %	27	30,7 %	13	14,8 %	9	10,2 %

*N – число упоминаний в полученных данных анкетирования

** - доля от общего числа опрошенных по каждому кейсу

Составлено на основе результатов анализа анкетирования местных жителей Никеля-Киркенеса, Светогорска-Иматры, Благовещенска-Хэйхэ.

Сопоставление текущего состояния приграничного сотрудничества с возможным спектром его направлений позволило выявить те из них, которые не получили должного использования на отдельных участках границы: экономическое ПС неразвито в Светогорске и Иматре; сотрудничество в сфере инфраструктуры требует интенсификации в Благовещенске и Хэйхэ, Никеле и Киркенесе; применение проектных форм ПС может быть усилено во всех кейсах и в особенности в Благовещенске и Хэйхэ.

Несколько вопросов анкеты были направлены на установление уровня осведомленности населения смежных ПТСЭС о сотрудничестве в формате городов-близнецов. Согласно полученным данным, представленным в табл. 12, наиболее высокий уровень осведомленности демонстрируют жители городов-соседей на российско-финляндской границе. Такой результат связан с тем, что Светогорск и Иматра были первым примером использования этого формата на границах России (см. сс. 109-112), а сам термин города-близнецы получил распространение как в ежегодных планах приграничного сотрудничества смежных ПТСЭС, так и в местных СМИ.

Табл. 12. Уровень осведомленности о сотрудничестве в формате городов-близнецов

	Сталкивались ли Вы с понятием ГБ?	Знаете ли Вы другие пары ГБ?	Сколько пар ГБ правильно назвал респондент?
Никель	37 (53,6%)	8 (11,6%)	4
Киркенес (русские)			6
Киркенес (норвежцы)			2
Светогорск	60 (71,4%)	24 (28,6%)	17
Иматра (русские)			0
Иматра (финны)			12
Благовещенск	39 (62,9%)	10 (16,13%)	4
Хэйхэ			4
Итого	136 (63,26%)	42 (19,53%)	49

Составлено автором.

Наибольшее значение показателя осведомленности респондентов о других парах городов-близнецов (на уровне 28,6%) также было зафиксировано у опрошенных из Светогорска-Иматры. Такой результат, вероятно, обусловлен ролью Светогорска и Иматры в качестве инициаторов институционализации движения городов-близнецов в Европе. Уровень осведомленности респондентов в Благовещенске-Хэйхэ в 1,7 раза, а в Никеле-Киркенесе в 2,4 раза ниже, чем в Светогорске-Иматре. Тем не менее, несмотря на относительный перевес, даже на российско-финляндской границе более двух третей респондентов не знают о существовании других городов-близнецов и опыте их взаимодействия. Анализ числа упомянутых пар городов-близнецов показал, что большая часть осведомленных респондентов приводила по одному примеру (среднее значение городов-близнецов, названных одним респондентом, составляет 1,17).

Вызывает интерес выбор приводимых примеров. Для жителей Благовещенска и Хэйхэ характерно обращение как к азиатским примерам смежных ПТСЭС, которые образуют урбанизированный континуум⁵⁹, так и к другим парам смежных ПТСЭС на российско-китайской границе (Гродеково/Владивосток⁶⁰ и Суйфэньхэ, Биробиджан и Хэган). На практике эти муниципальные образования на российско-китайской границе еще не приступили к выстраиванию отношений в формате городов-близнецов или к развитию интеграционных инициатив по нескольким направлениям, однако ввиду своей

⁵⁹ Вьентьян (Лаос) – Нонгкхай (Таиланд), Сингапур – Джохор (Малайзия), Гонконг – Шэньчжэнь (Китай).

⁶⁰ Населенные пункты указаны так, как они были указаны в анкетах.

географической близости обладают потенциалом активизации трансграничной кооперации.

Респонденты из российско-норвежского и российско-финляндского пограничья обратились в основном к европейским примерам⁶¹. Жители Светогорска чаще других называли Нарву-Ивангород (6 упоминаний). Финские респонденты из Иматры наиболее часто приводили в пример Торнио-Хаппаранду на финляндско-шведской границе (7 упоминаний). Жители Никеля и Киркенеса в числе примеров сотрудничающих ПТСЭС называли Нарву-Ивангород (3 упоминания), Светогорск-Иматру и Торнио-Хаппаранду (по 2 упоминания).

Представленные результаты позволяют оценить уровень осведомленности населения городов, выбранных в качестве кейсов, об опыте сотрудничества в формате городов-близнецов в РФ и за рубежом как довольно ограниченный. На разных участках границы используются различные точки отсчета: респонденты из Благовещенска и Хэйхэ ориентируются на азиатские примеры трансграничного взаимодействия, опрошенные в Светогорске-Иматре и Никеле-Киркенесе – на западноевропейские и североамериканские образцы ПС смежных городов.

Несмотря на упомянутую гетерогенность проблем ПС, были определены следующие общие трудности приграничного сотрудничества муниципального уровня: ограниченные финансовые возможности муниципалитетов, несбалансированность направлений ПС и недостаточный уровень осведомленности жителей о проектах ПС.

На основе результатов контент-анализа интервью с экспертами ПС в Светогорске и Иматре детализировано содержание таких блоков проблем ПС, как трудности в сфере управления и коммуникации. Первый блок включает ограниченность полномочий участников ПС, разная выгодность от ПС для сопредельных муниципальных образований, отсутствие времени на ПС и зависимость динамики ПС от конкретных личностей. Среди проблем в сфере коммуникации названы отсутствие общего трансграничного информационного поля и следующая из него затрудненность доступа к информации о смежной приграничной территории, отсутствие информационно-консультационной поддержки акторам ПС со стороны органов местного самоуправления, разобщенность информационно-аналитической и информационно-просветительской работы сопредельных муниципальных образований.

⁶¹ За исключением четырех случаев: дважды респонденты из Светогорска упомянули Благовещенск-Хэйхэ и дважды назвали Миннеаполис и Сент-Пол, смежные американские муниципальные образования, которые считаются родоначальниками словосочетания «города-близнецы».

3.4. Влияние факторов внешней среды на сотрудничество городов-близнецов России и стран-соседей

3.4.1. Воздействие международного транзитного миграционного потока на сотрудничество Никеля и Киркенеса

В 2015 г. в страны Европейской экономической зоны прибыло более 1,2 млн просителей убежища (EUROSTAT 2016), что во многом определило политические дискуссии того времени как между странами-членами ЕС, так и с сопредельными государствами, не участвующими в этом объединении. Спасаясь от военных конфликтов и бедности, беженцы и мигранты из разных точек планеты, более половины из которых были из Сирии, Афганистана и Ирака, следовали в Евросоюз. Основные транзитные миграционные маршруты проходили через Южную Европу и предполагали пересечение Средиземного моря. В поисках недорогих и безопасных путей в ЕЭС количество миграционных маршрутов продолжало возрастать. Одним из новых коридоров стал путь, следующий через северо-запад России в направлении северной Норвегии и Финляндии. Этот маршрут, позже названный журналистами арктическим, был самым северным способом достижения беженцами и мигрантами стран Шенгенской зоны. Норвежский «рукав» арктического коридора проходил через Никель и Киркенес.

За первые восемь месяцев 2015 г. власти Норвегии приняли около 150 прошений о предоставлении убежища (в 15 раз больше, чем в 2014 г.) от лиц, въехавших на территорию страны через МАПП Борисоглебский-Стурскуг (Абельсен и Треллевик 2016). На тот момент эти цифры не привлекли внимания региональных и национальных правительств. Однако с наступлением осени поток мигрантов и беженцев увеличился. В дни максимальной загруженности этого миграционного коридора – с 27 октября по 14 ноября 2015 г. – через Борисоглебский-Стурскуг ежедневно следовало более сотни граждан третьих стран, намеренных просить убежище в Норвегии. Транзитный миграционный поток через российско-норвежскую границу был остановлен 29 ноября после достижения двусторонней договоренности об отказе в пересечении границы лицам, не имеющим документов для въезда на территорию Шенгенского зоны (Nilsen 2015). За этим шагом последовала интенсификация использования финляндского «рукава» арктического миграционного маршрута.

Как видно на рис. 20, основными странами происхождения арктических беженцев и мигрантов были Сирия, Афганистан, Ирак и Иран. При этом национальный состав лиц, следовавших по арктическому миграционному коридору, был крайне

разнообразен и включал представителей более 20 государств (The Local 2016), в том числе граждан Египта, Индии, Китая, Непала, Туниса, Шри-Ланки и Эфиопии. Многие из иностранных граждан, въехавших в Норвегию через МАПП Борисоглебский-Стурскуг и подавших прошение о предоставлении убежища, владели русским языком и имели опыт, иногда многолетний, проживания в России. Это обстоятельство послужило поводом для выдвижения рядом политиков и СМИ Финляндии и Норвегии обвинений в адрес России в ведении гибридной войны против её североевропейских соседей (подробнее см. Mikhailova 2017, pp. 293-294). Несмотря на то, что позже сотрудники норвежского Института Фритьофа Нансена доказали беспочвенность подобных высказываний (Мое, Rowe 2016, p. 80), этот инцидент нанёс существенный вред атмосфере межрегионального доверия в Баренцевом регионе – одному из главных результатов двадцатилетнего сотрудничества в БЕАР (Johannessen 2013).

Неожиданное возникновение международного миграционного потока застало приграничные муниципальные образования врасплох. По обе стороны границы не хватало мест для размещения беженцев и мигрантов, с норвежской стороны границы наблюдалась нехватка полицейских для составления протоколов допросов вновь прибывших, в пограничном пункте пропуска Стурскуг возникали перебои с водоснабжением. С российской стороны границы группой мигрантов и беженцев, состоящей из молодых мужчин численностью около ста человек⁶², была предпринята попытка марша в сторону границы. Расстояние в 30 км от Никеля до пункта пропуска искатели убежища, утомленные ожиданием и настроенные любой ценой попасть в Норвегию, предполагали преодолеть пешком, что не только противоречило правилам пребывания, установленным в данной пограничной зоне, но и несло значительный риск здоровью мигрантов и беженцев, не имеющих снаряжения и экипировки, необходимых для ночёвки в открытой местности в экстремальных погодных условиях поздней осени Заполярья. По словам мэра Никеля того времени, для перехвата группы и её возвращения обратно в Никель были привлечены «пограничники, полиция и силы гражданской обороны» (Абельсен и Треллевик 2016).

⁶² Численность группы варьируется в зависимости от источника: Nilsen 2015 говорит о группе более 80 человек, Абельсен и Треллевик 2016 упоминают о 120 участниках марша к границе.

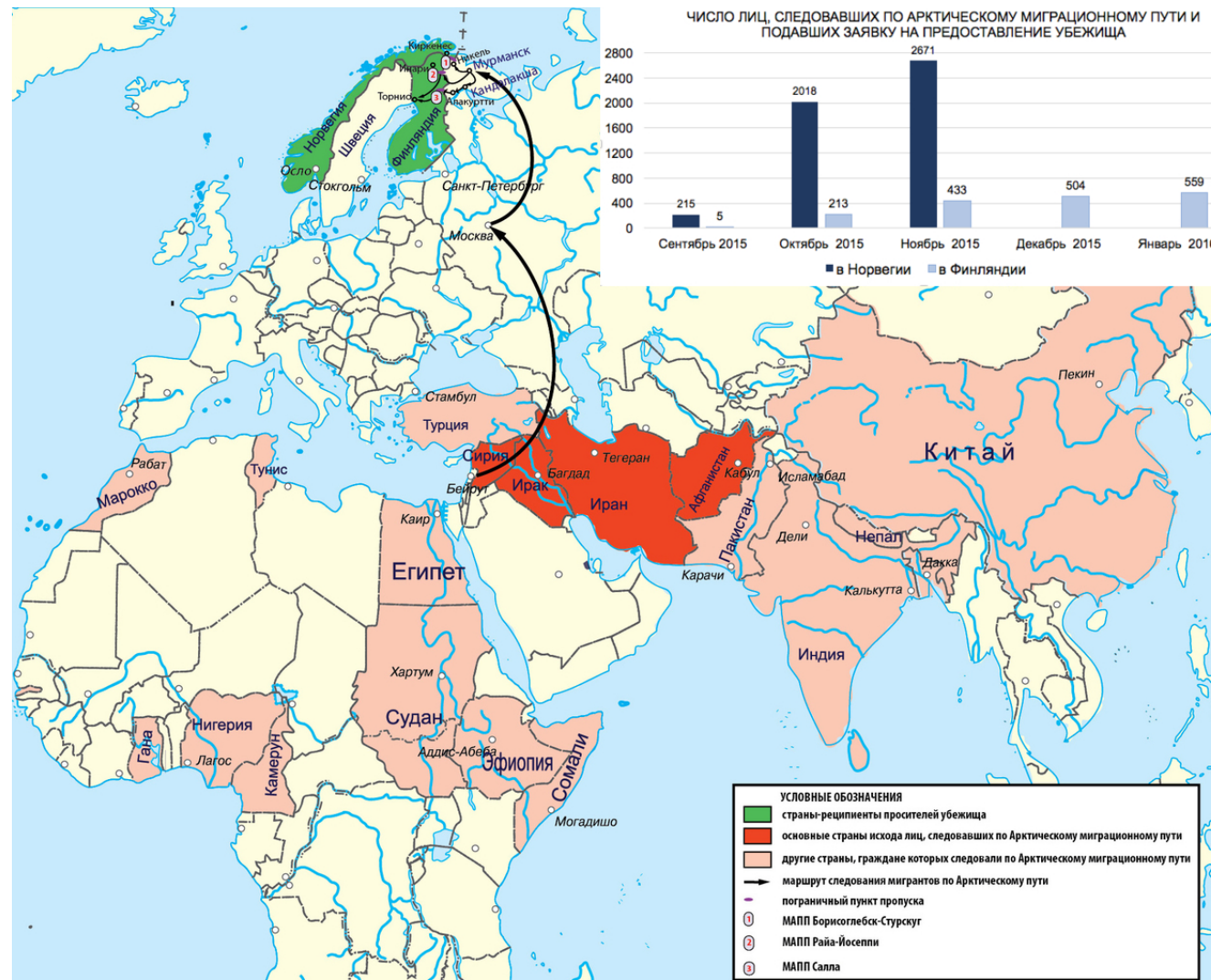

Рис. 20. Арктический миграционный коридор, существовавший в 2015-2016 гг.

Составлено автором по материалам СМИ (The Independent Barents Observer, The Local, NRK). Данные о потоке арктических мигрантов через российско-финляндскую границу приведены по Virkunnen and Piipponen 2017.

Период наиболее активного использования арктического миграционного коридора искателями убежища (сентябрь-декабрь 2015 г.) совпал со снижением числа мероприятий приграничного сотрудничества. Контакты местных администраций Никеля и Киркенеса и их жителей с активной гражданской позицией (многие из которых являются активными участниками трансграничных взаимодействий) в значительной степени были сокращены ввиду загруженности делами, связанными с приёмом мигрантов и беженцев. С норвежской стороны границы многие муниципальные служащие (в том числе председатель российско-норвежского клуба «Диалог») были освобождены от исполнения своих основных обязанностей и направлены работать в центре временного размещения мигрантов и беженцев. Такая перестановка приоритетов для решения кризисной ситуации значительно затрудняла проведение регулярных мероприятий ПС и делала невозможными новые трансграничные инициативы.

Под действием рассмотренного экзогенного фактора города-близнецы, рассматриваемые в диссертации как частный случай трансграничных систем, по ряду показателей продемонстрировали асимметричную реакцию. Прежде всего, сталкиваясь с одним и тем же вызовом международной миграции, органы МСУ каждой из смежных ПТСЭС самостоятельно выстраивали меры по взаимодействию с лицами, следовавшими по арктическому коридору. Во-первых, это связано с разными ролями российского и норвежского приграничных муниципальных образований, что ограничивало возможности их кооперации. Печенгский район воспринимался мигрантами и беженцами как заключительный этап продолжительного транзита из страны исхода в страну убежища, в то время как Сёр-Варангер был финальной точкой маршрута, своего рода воротами в страну убежища. Ведущие задачи органов МСУ смежных ПТСЭС были определены указанными ролями в миграционном транзите. Основными задачами органов МСУ Печенгского района являлись контроль за ситуацией и минимизация рисков её перехода в разряд чрезвычайных, а также предотвращение инцидентов между арктическими мигрантами и беженцами и местными жителями. Пребывание на территории российского приграничного муниципального образования лиц, следовавших в Норвегию по арктическому миграционному маршруту, рассматривалось как потенциальный источник угроз – эпидемиологической, террористической и гуманитарной (понимаемой как обеспечение сохранности жизни и здоровья мигрантов и беженцев). В Сёр-Варангере прибытие просителей убежища не рассматривалось в контексте вопросов безопасности, приток мигрантов и беженцев накладывал на коммуну обязательства по их приёму. В первые месяцы функционирования арктического миграционного коридора участие муниципалитета было минимальным: прибывавших мигрантов и беженцев на самолётах отправляли в Осло для оформления прошения о предоставлении убежища. В сентябре, когда в день прибывало 10-20 просителей убежища, стало очевидно, что Сёр-Варангеру необходим центр их временного размещения. В короткие

сроки в центре Киркенеса был развёрнут лагерь для мигрантов и беженцев вместимостью 150 человек, управление которым было поручено муниципалитету. В ноябре ввиду несоответствия предельной вместимости центра числу прибывающих по арктическому коридору лиц вместо него был запущен новый центр приёма мигрантов и беженцев вместимостью 600 человек, управлением которого занималась частная компания «Него». Помимо управления центром временного пребывания мигрантов и беженцев в течение семи недель 2015 г., органы МСУ Сёр-Варангера предоставляли медицинскую помощь всем нуждающимся в ней арктическим мигрантам и беженцам, организовывали посещение занятий в начальной школе для детей просителей убежища и уход за прибывшими несовершеннолетними.

Во-вторых, по мере эскалации кризисной ситуации органы МСУ смежных ПТСЭС действовали в рамках национальных практик и норм, предусмотренных в подобных ситуациях, и обращались за помощью к профильным ведомствам своих стран. Сёр-Варангер тесно взаимодействовал с Управлением по делам иммиграции, в центрах приёма беженцев в Киркенесе работали представители «гражданской обороны» Норвегии (Sivilforsvaret). В Печенгском районе в период наиболее интенсивного использования арктического миграционного коридора еженедельно проводились заседания координационного совета с участием представителей МЧС и ФСБ России.

В-третьих, дополнительным фактором, препятствующим согласованным действиям городов-близнецов, стало, с одной стороны, ухудшение двусторонних отношений России и Норвегии, а с другой – необходимость преодоления конфликтных ситуаций между приграничными ПТСЭС и национальными центрами. Нагнетаемые в СМИ антимиграционные настроения в Норвегии и Финляндии, как и образ России в качестве инициатора гибридной войны, стимулировали рост поддержки усиления барьерной функции восточной границы этих стран. На российско-норвежской границе эти настроения материализовались в возведенном весной 2016 г. пограничном ограждении 3,5 м в высоту и 200 м в длину, обошедшимся Норвегии в 4 млн норвежских крон. Это решение было крайне негативно воспринято как жителями Финнмарка и Сёр-Варангера, так и их соседями с российской стороны границы.

Более того, приграничные муниципальные образования имеют разный опыт входящих и транзитных миграционных потоков. По словам одного из интервьюируемых, вовлеченного в работу с иммигрантами Сёр-Варангера на протяжении последних семи лет, коммуна ежегодно принимает на постоянное жительство около 100 лиц, получивших статус беженца в Норвегии, имеет развитую многоступенчатую систему адаптации иммигрантов (как все муниципальные образования Норвегии) и полиэтнический состав населения. В 10-тысячном Сёр-Варангере проживают представители более 70 национальностей.

Как справедливо отмечали информанты в Никеле и Киркенесе, в отличие от Сёр-Варангера Печенгский район имеет довольно однородный этнический состав с преобладанием русского населения и небольшими долями украинцев, белорусов, армян и азербайджанцев. Ограниченный опыт сосуществования с представителями различных национальностей частично объясняет определенную враждебность жителей российского порубежья в отношении мигрантов и беженцев, следовавших по арктическому коридору. До 2014 г. Печенгский район не имел опыта приёма мигрантов, а до возникновения арктического миграционного коридора под «беженцами» в российском Заполярье априори понимались украинские беженцы. С июля 2014 г. в Мурманскую область и в частности в Печенгский район начали прибывать беженцы с Восточной Украины. К январю 2016 г. по региону их численность составила 5285 человек, 6% (308 человек) из которых в качестве нового места жительства выбрали приграничье. Однако заботливый приём, оказанный жителями Мурманской области и Печенгского района в 2014-2015 гг. беженцам с Восточной Украины (Змеева и Сулейманова 2015), не повторился в отношении лиц, следовавших по арктическому миграционному маршруту, поскольку последние воспринимались местным населением как «не наши».

Анализ моделей поведения и вербальных оценок, связанных с присутствием арктических мигрантов и беженцев на территории городов-близнецов, свидетельствует о существенных различиях в восприятии транзитного миграционного потока их жителями. В коммуне Сёр-Варангер типичной моделью поведения было участие в уходе за вновь прибывшими искателями убежища в рамках должностных обязанностей или в составе волонтерских организаций (Nilsen 2016). Ведущую роль в координации добровольческого движения играла группа активистов «Беженцы, добро пожаловать в Арктику» (Refugees Welcome to the Arctic, далее RWTA), северное подразделение национальной организации содействия беженцам. На основе анализа газетных публикаций и интервью с активистами RWTA были определены следующие ключевые направления работы этой организации:

- 1) проведение акций протеста (эти акции преимущественно проводились в январе 2016 г. и сопровождалось требованиями улучшения условий содержания мигрантов и беженцев в центрах временного размещения, защиты права на предоставление убежища и соблюдения процедуры рассмотрения каждого запроса на убежище);
- 2) привлечение внимания СМИ к неправомерному рассмотрению запросов на предоставление убежища;
- 3) организация социальных и культурных мероприятий для беженцев и искателей убежища, способствующих их лучшей адаптации к норвежскому обществу;
- 4) помощь с переводами, заполнением документов и с поиском адвокатов, специализирующихся на апелляции в случае негативного ответа на прошение о статусе беженца.

Несмотря на то, что значительная часть мероприятий RWTA проводилась в коммуне Сёр-Варангер, эта организация скорее действует на макрорегиональном или национальном уровне. Количественно это можно проследить по соотношению сторонников этой организации. RWTA, как другие норвежские волонтерские ассоциации близкой направленности, не предполагает членства. Единственным способом оценить социальную базу RWTA является анализ одноименной группы в социальной сети Facebook⁶³, основной открытой коммуникационной платформы этой организации. На конец 2017 г. число подписчиков сообщества RWTA составляло 3,8 тыс. человек, что в 8 раз превосходило число подписчиков сообщества «Беженцы, добро пожаловать в Финнмарк» и в 33 раза число подписчиков сообщества «Беженцы, добро пожаловать в Киркенес». По словам активистов организации, в первые и одновременно самые напряженные месяцы существования RWTA (с января 2016 г.) из 20 активистов, работающих «круглыми сутками», только четверо проживали в Киркенесе.

С российской стороны границы местные жители воспринимали лиц, следовавших по арктическому миграционному коридору, «не как беженцев, а как иммигрантов, направляющихся в Норвегию», достаточно обеспеченных для покрытия расходов на проживание и перемещение. Неудивительно, что с возникновением транзитного миграционного потока в Мурманской области начали действовать теневые структуры, предоставляющие мигрантам и беженцам необходимые им услуги по стоимости, значительно (в 5-30 раз) превышающей стоимость аналогичных услуг для местных жителей. Наиболее востребованными из них были проезд из аэропорта в Никель и от Никеля в направлении границы, размещение в Никеле (в единственном на то время отеле или в посуточно арендуемых квартирах) и приобретение велосипедов⁶⁴.

Некоторые жители Печенгского района приносили искателям убежища, ожидавшим своей очереди на пересечении границы в гостинице Никеля, горячие обеды, однако это были единичные случаи. Большая часть никельчан избегали прямых контактов с лицами, следующими по арктическому миграционному коридору. На основе анализа публичных дискуссий в одной из популярных российских социальных сетей⁶⁵ в период с сентября 2015 г. по февраль 2016 г. был сделан вывод о скорее негативном восприятии арктических мигрантов и беженцев населением Печенгского района. О них высказывались с опаской («Мало кто из них беженец... Не удивлюсь, если там полно боевиков»), непониманием («Беженцы не хамят и в золоте не ходят»), осуждением («Беженцами могут быть женщины, дети и немощные старики. Все остальные

⁶³ Refugees Welcome to the Arctic. URL: <https://www.facebook.com/refugeeswelcometotheartic/>

⁶⁴ Согласно классификации пограничных пунктов пропуска, погранпереход Борисоглебский-Стурскуг является автомобильным пунктом пропуска, следовательно его пересечение возможно исключительно на механических средствах передвижения (не пешком). С августа 2015 г. полиция Сёр-Варангера стала выписывать штрафы водителям, соглашавшимся перевезти искателей убежища через границу, подозревая их в извлечении материальной выгоды от оказания таких услуг (The Local 2015). С этого момента единственным возможным легальным способом пересечения российско-норвежской границы для арктических мигрантов стало использование велосипеда.

⁶⁵ Здесь и далее цитаты жителей Печенгского района из группы «Никель, Заполярный, Печенга. Доска объявлений».

должны защищать свои страны до последнего») и даже завистью («Беженцы рвутся к щедрым норвежским пособиям и живут лучше нас»). Материалы интервью демонстрируют аналогичный спектр оценок арктических мигрантов. Таким образом, неожиданная проверка общности ценностных ориентиров жителей городов-близнецов стала не менее серьезным испытанием, чем преодоление гуманитарного кризиса в каждой из ПТСЭС.

3.4.2. Воздействие колебаний валютного курса (2014-2016 гг.) на сотрудничество Благовещенска и Хэйхэ

На графике динамики курса валют (рис. 21) видно, что наиболее выраженные продолжительные повышательные тренды валютных колебаний курса юаня к рублю произошли с июля 2014 г. по январь 2015 г., когда курс вырос практически в два раза с 5,8 до 11,2 рублей за юань, и с апреля 2015 г. по январь 2016 г., когда валюта КНР повторно укрепилась по отношению к рублю, продемонстрировав рост в 1,4 раза с 8,3 до 11,5 рублей за юань. Среднемесячный курс в 2015 и 2016 гг. составил 9,87 и 9,97 рублей за юань, что по сравнению с недавним курсом на уровне 4,9-5,2 рублей за юань в 2012-2013 гг. стало существенным потрясением для экономических связей ПТСЭС Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР.

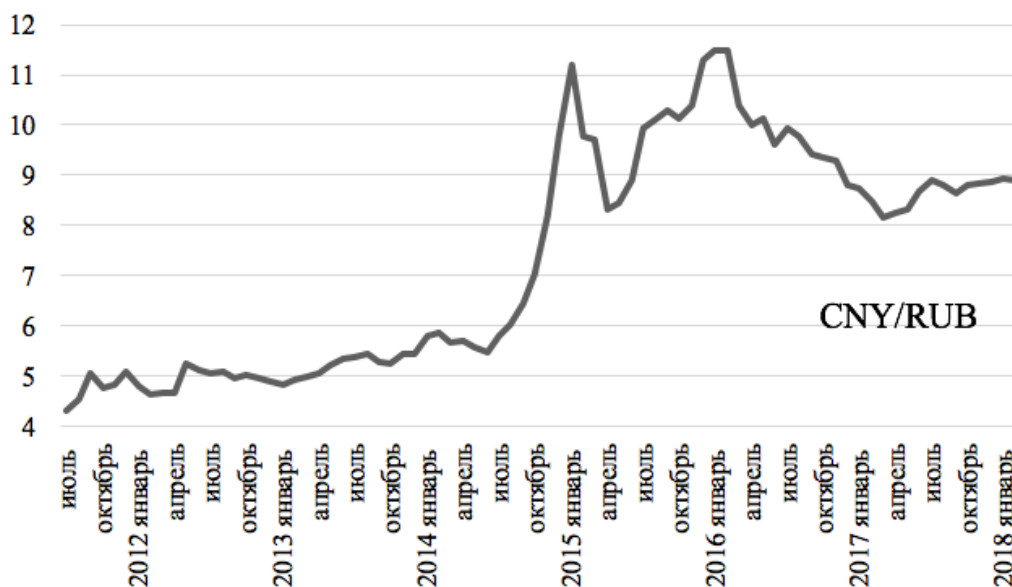

Рис. 21. Колебания курса юаня к рублю в 2011-2018 гг.

Составлено по базе данных Центрального Банка РФ «Динамика официального курса китайского юаня», URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/ (дата обращения: 10.07.2018).

Колебания курса валют незамедлительно сказались на объемах въездных и выездных туристских потоков. Согласно статистике безвизовых поездок туристских групп за 2008-2016 гг., предоставленной Министерством внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства Амурской области, въездной поток из КНР стал превышать выездной поток с 2013 г. Рис. 22 свидетельствует о том, что значения долей туристских потоков, направляющихся в Китай из

Амурской области и пребывающих из Китая, за последние годы поменялись местами: если в 2008 г. на выездной поток в КНР приходилось 88,5 пересечений границы между Благовещенском и Хэйхэ в составе туристских групп, в 2017 г. 88,5% пересечений составляют туристы из Китая. По данным газеты «Амурская правда», наиболее часто Благовещенск посещают жители провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, Гуандун, Хэбэй (Астафьева 2017).

Крестообразный график, представленный на рис. 23, демонстрирует абсолютные значения туристских потоков. По нему видно, что хотя рост въездного потока из КНР в Благовещенск происходил практически непрерывно с 2008 г. (за исключением незначительного снижения в 2013 г. по сравнению с уровнем 2012 г.), рост последних лет был более динамичным. В 2016 г. число китайских туристов, въехавших в Благовещенск по безвизовому каналу, более, чем в два раза превысило их число, достигнутое в конце первого повышательного тренда 2008-2012 г. При этом общее число пересечений российско-китайской границы по безвизовому каналу через Благовещенскую таможню за 2008-2016 гг. сократилось практически на 10 тыс. поездок. По словам представителей Благовещенской таможни, «золотые» времена, когда в год границу пересекало около миллиона человек, миновали»⁶⁶. Из семи теплоходов в навигационный сезон 2016 г. использовались только три.

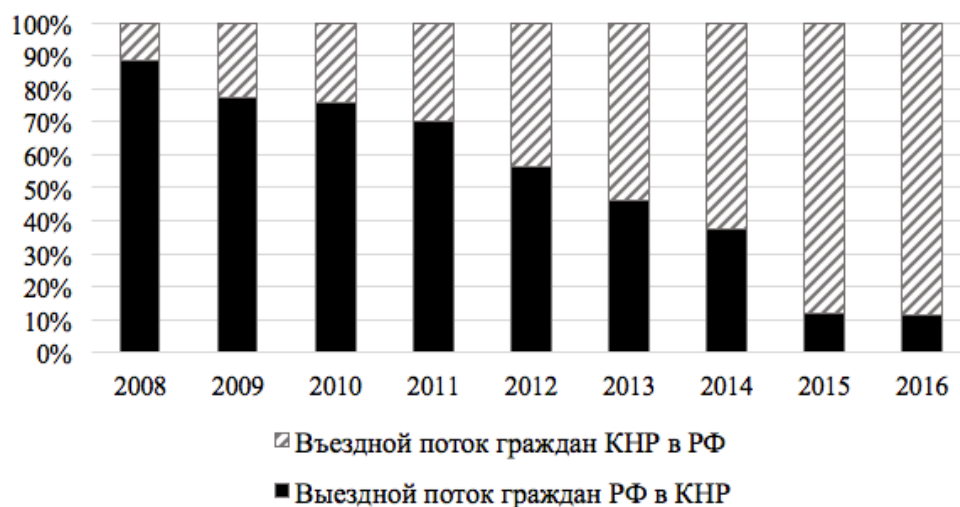

Рис. 22. Изменение долей въездных и выездных безвизовых туристских поездок, зарегистрированных на Благовещенской таможне за 2008-2016 гг.

Составлено по данным, предоставленным Министерством внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства Амурской области.

Одним из следствий роста потока китайский туристов стало увеличение попыток контрабанды. За 2016-2017 гг. Благовещенской таможней были предотвращены 11 попыток вывоза

⁶⁶ Из-за китайских туристов таможня Благовещенска станет работать до позднего вечера // Амур. инфо. 2016, 29 июля. URL: <http://www.amur.info/news/2016/07/29/114073>

незадекларированной валюты на общую сумму свыше 2,5 миллионов рублей, цель вывоза валюты китайцами состоит в её перепродаже согражданам, направляющимся в Россию (Лукин 2017).

В результате значительных и резких изменений курса валют паритет их покупательной способности оказался нарушен, ввиду чего граждане сопредельных России стран, в том числе КНР, начали скупать в приграничных российских городах импортные брендовые товары. Перераспределение ролей покупателей и продавцов между жителями российского и китайского берегов Амура осенью 2014 г. было встречено нежеланием амурчан принимать новую реальность, в которой «привычно воспринимаемый небогатым, с ограниченными потребностями китайский «малый брат» вдруг стал покупать элитные товары, ставшие малодоступными для русского «большого брата» (Рыжова, Журавская 2015, с. 213).

Однако в условиях падения платежеспособности местного населения представители бизнеса Благовещенска быстро отреагировали на рост спроса со стороны китайских туристов. По данным российской компании интернет-рекрутмента HeadHunter, с 2014 г. число вакансий для кандидатов со знанием китайского языка на рынке труда Амурской области выросло в четыре раза⁶⁷. К 2017 г. многие торговые центры, фирменные магазины и предприятия общественного питания, расположенные в центре Благовещенска, установили вывески, обеспечили информацию о ценах, выпустили брошюры на китайском языке. Именно китаеязычные рекламные материалы, собранные в ходе экспедиции в Благовещенск в апреле 2017 г., стали основой изучения адаптации городов-близнецов к изменениям туристских потоков.

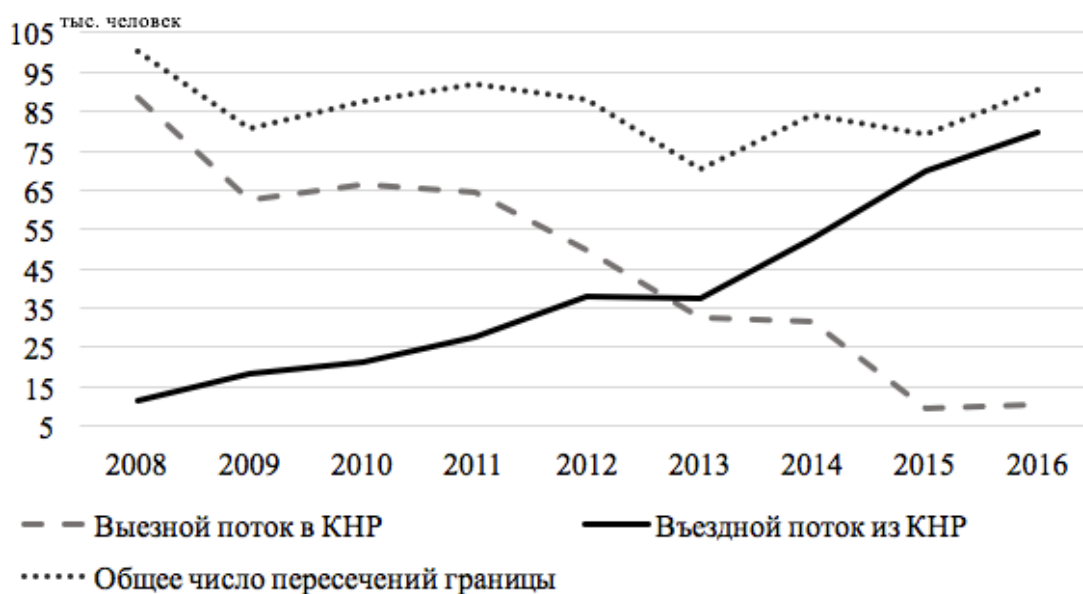

Рис. 23. Динамика въездных и выездных безвизовых туристских поездок, зарегистрированных на Благовещенской таможне за 2008-2016 гг.
Составлено автором.

⁶⁷ В Амурской области стали чаще искать работников, знающих китайский язык // Амур. инфо. 2016, 17 ноября.
URL: <http://www.amur.info/news/2016/11/17/118057>

В ходе полевого выезда 2017 г. было собрано восемь рекламных проспектов на китайском языке, пять из которых представляют собой флаеры отдельных магазинов или торговых центров, три других брошюры являются подборками объявлений разных организаций. Эти материалы были собраны в гостиницах, торговых центрах и музеях Благовещенска.

Одна из листовок с использованием китайского языка содержит информацию о городском велопрокате Благовещенска, который является филиалом китайской компании. Инициатива организации велопроката в столице Приамурья была высказана губернатором Амурской области зимой 2015 г. во время переговоров с китайской стороной⁶⁸ и была поддержана крупным китайским инвестором – китайской сетью общественного велопроката «Чанчжоу Юань» (Changzhou Youan Public Bicycle System). Для управления сетью общественных велосипедов в Благовещенске была зарегистрирована её дочерняя организация – «Сервисная компания ЮнАнь Благовещенск».

Пользование велопрокатом требует оформления карты клиента, которая действует в системах велопроката этой компании в 170 городах Китая. Офис продаж компании расположен в центре Благовещенска, в гостинице «Зея». На буклете велопроката указано, что проект осуществляется при поддержке городской администрации. Примечательно, что в качестве фотографии города в буклете использован вид Благовещенска, запечатленный из Хэйхэ.

Первый сезон велопроката осенью 2015 г. длился всего месяц, в течение которого карты клиента велосети оформили 30 человек⁶⁹. За второй сезон, длившийся с середины апреля по сентябрь 2016 г., услугами велопроката воспользовались около 200 человек⁷⁰. В третий сезон, проходивший с мая по октябрь 2017 г., было оформлено 150 карт, в том числе часть из них гражданами КНР⁷¹. Установить общее количество пользователей велосети по материалам СМИ невозможно, поскольку на зимнее время некоторые пользователи сдают оформленные карты для возврата депозита и оформляют их заново накануне открытия нового сезона. Несмотря на довольно скромные показатели использования общественных велосипедов благовещенцами и гостями города, на сайте компании «Чанчжоу Юань»⁷² организация велопроката в Благовещенске указана в числе успешных проектов. Такая позиция объясняется тем, что проект создания городской велосети в Благовещенске изначально рассматривался китайской компанией как социальный (Сиянова 2015).

⁶⁸ В мэрии рассказали подробности организации общественных велоточек в Благовещенске // ПортАмур, 2015, 10 мая. URL: <http://portamur.ru/~w22OD>

⁶⁹ Дебютный сезон общественных велосипедов подходит к концу // Амурская служба новостей, 2015, 20 октября. URL: <https://asn24.ru/news/society/13792/>

⁷⁰ Общественные велосипеды исчезли со стоянок в Благовещенске // Амурская служба новостей, 2016, 29 октября. URL: <https://asn24.ru/news/society/30753/>

⁷¹ В этом году в Благовещенске общественные велосипеды угоняли несколько раз // Амурская служба новостей, 2017, 24 октября. URL: <https://asn24.ru/news/sport/42887/>

⁷² Youan Technology Co. URL: <http://en.ibike668.com/>

На 2017 г. в Благовещенске функционировали 12 велостоянок, семь из которых находятся непосредственно на или неподалёку от набережной, три велостанции значительно отдалены от остальных, две размещены в центре города вблизи популярных (в частности, среди граждан КНР) торговых центров.

Другой рекламный проспект с объявлениями на китайском языке был составлен и напечатан региональным российским издательским домом, специализирующимся на издании газеты бесплатных объявлений. На его страницах размещено 21 объявление, направленное как на привлечение клиентов, так и на поиск китайских и российских партнеров. Наиболее часто в объявлениях фигурируют такие товары, как янтарь и ювелирные изделия, золото, вино, обувь, мёд, меха, натуральная косметика и лекарства.

Особую ценность для исследования составила распространяемая в городе на момент экспедиции гастрономическая карта Благовещенска на китайском языке, изготовленная в 2015 г. Амурской гильдией кулинаров и рестораторов по инициативе Министерства экономического развития Амурской области. Этот печатный путеводитель по национальным кухням столицы Приамурья включает объявления 26 ресторанов, кафе и кофеен. Многие заведения предлагают развлекательную программу – караоке (с выбором песен на китайском языке), вокальные и инструментальные музыкальные представления, танец живота, стриптиз. Ряд объявлений содержит указание на особенности интерьера ресторанов и продажу сувениров.

Другая листовка с несколькими объявлениями значительно превосходила остальные анализируемые брошюры по уровню владения китайским языком и по маркетинговой подаче материала, ориентированной на китайских клиентов. Кроме того, этот рекламный флаер был снабжен китайским номером телефона. По совокупности этих характеристик было сделано предположение о том, что эта листовка была подготовлена китайцами. Среди её отличительных черт стоит назвать наличие слогана в стихотворной форме⁷³; купонов, предъявление которых гарантирует скидку; указание информации о наличии иллюстрированного меню на китайском языке при описании ресторанов; указание сайта авторов брошюры (bl-open.com), снабженного логотипом (Триумфальная арка Благовещенска) и слоганом («Расширяя границы»). К каждому из 10 рекламируемых заведений прилагалась мини-картосхема с двумя-тремя ориентирами. В числе таких объектов-ориентиров в китайской листовке использовались достопримечательности (драмтеатр), центральные места (площадь и улица Ленина), торговые центры, в которых сосредоточены магазины, ориентированные на китайских клиентов (ТЦ Мега, Амурская ярмарка), наиболее популярные среди китайских туристов отели – гостиница «Азия», самое высокое здание Благовещенска и собственность одного из крупных китайских бизнесменов, и гостиница «Зея».

⁷³ «Путешествуй по Благовещенску, покупай, покупай, покупай; купоны на скидку применяй, применяй, применяй» (перевод И.Г. Чубарова).

На апрель 2017 г. гостиница «Зея» не только использовалась как место расположения офиса «Сервисной компании ЮнАнь Благовещенск» и распространения информационных брошюр на китайском языке, но и имела собственный рекламный проспект на китайском, в котором она представлена «лучшим выбором для тех, кто приезжает с бизнес-целями» и «одним из самых высоких зданий Благовещенска, из которого открывается вид на оба берега Амура».

На основе изучения рекламных брошюр на китайском языке были выявлены следующие маркетинговые приёмы предприятий сферы услуг Благовещенска, применяемые для привлечения китайских клиентов и продвижения своих товаров и услуг:

1. составление объявлений с позиции принимающей стороны и гостеприимных соседей (в брошюрах граждане КНР чаще всего называются «гости» и «друзья из Китая»);
2. использование привычных для китайцев каналов информирования (QR-кодов, мессенджера WeChat) и способов привлечения посетителей (скидок и купонов);
3. в случае специализации предприятия на продаже товаров из России – акцентирование их качества, пользы для здоровья, долгого срока службы, статусности их приобретения;
4. использование красных и желтых цветов в оформлении объявлений;
5. использование фотографий рекламируемого товара и магазина (как торговой площади, так и входа), использование картосхем и перечисление брендов.

На основе упомянутых выше рекламных материалов путём анализа 61 объявления, а также на основе привлечения данных сайта [vхэйхэ.ру](http://vheihe.ru/) (<http://vheihe.ru/>), ориентированного на сопровождение русских туристов в Хэйхэ, материалов интервью и СМИ, позволивших определить круг организаций с регулярными активными трансграничными контактами с городом-соседом, была составлена карта Благовещенска и Хэйхэ (рис. 24).

Китайская сторона освещена на карте в меньшей степени, чем российская, что обусловлено ведущей задачей полевого выезда 2017 г. – изучением стратегий адаптации учреждений сферы услуг Благовещенска к увеличившемуся потоку туристов из КНР, а также особенностями организации учреждений сферы услуг Хэйхэ. Китайский бизнес в Хэйхэ образует несколько кластеров – крупных торговых центров и длинных торговых улиц, на которых расположены сотни небольших торговых точек и гостиниц, некоторые из них находятся на втором этаже, поэтому картографирование городского пространства на уровне организаций затруднено. В краткосрочной перспективе местные предприниматели понесли значительные убытки ввиду резкого сокращения потока туристов из России и снижения их покупательной способности. Ряд организаций Хэйхэ обанкротились и закрылись, другие были вынуждены формировать новую специализацию – продажу русских товаров местным и приезжим китайцам. Эти перемены можно диагностировать методом наблюдения, но желательна проверка методом экспресс-интервью с работниками торговых точек, что требует привлечения нескольких

китаистов. В рамках диссертационного исследования подобную работу провести не представлялось возможным.

Составленная карта подтверждает приведённый во второй главе диссертации вывод С. Долзблаш и А. Рачик о том, что учреждения сферы услуг, ориентированные на клиентов из сопредельного государства, сосредоточены в центрах городов-близнецов и вдоль основных транспортных путей. Применительно к Благовещенску и Хэйхэ местами концентрации таких организаций являются набережные, районы возле пассажирских портов, две магистральные улицы Благовещенска – ул. 50 лет Октября и ул. Ленина.

Рис. 24. Предприятия сферы услуг Благовещенска и Хэйхэ, ориентированные на клиентов из сопредельного государства

Составлено автором.

Однако по Благовещенску видно, что предприятия сферы услуг, ориентированные на клиентов из сопредельного государства, постепенно выходят за пределы этих районов. Два из восьми торговых центров, в которых группируется бизнес, ориентированный на китайских

клиентов, расположены на значительном отдалении как от порта, так и от центра города. Примечательно, что эти торговые центры по их ассортименту и оформлению уникальны и были созданы или существенно расширены после девальвации рубля в связи с увеличением въездного потока китайских туристов. Один из этих торговых центров является крупным отделением федеральной сети супермаркетов. Открытый в 2017 г., он изначально был снабжен вывесками на китайском языке на всей площади торгового зала в 7 тыс. м². С высокой вероятностью можно предположить, что открытие супермаркета таких размеров в 220-тысячном Благовещенске связано с соседством с Хэйхэ и ростом въездного потока туристских групп из КНР. Второй торговый центр традиционно выступал местом шопинга китайских туристов. В 2016 г. после открытия в нем третьей очереди его площадь увеличилась с 80 до 110 тыс. м². В брошюре на китайском языке новые площади, стилизованные под архитектуру XIX века, сочетающую «элементы старого Благовещенска, Венеции, Одессы и Санта-Барбары», описываются как «широкие площади и уютные улицы, освещенные старинными фонарями», тем самым выступая в роли дополнительного стимула посещения отдаленного ТЦ.

По сходной методике были составлены карты ориентации предприятий сферы услуг на клиентов из сопредельного государства в Хабаровске и Фуюане (см. Приложение 15). Эти города не сотрудничают в формате городов-близнецов, но испытали аналогичные процессы девальвации рубля и увеличения туристского потока из Китая. При сравнении карт видно, что:

а) число предприятий, использующих маркетинговые приёмы, ориентированные на клиентов из Китая, выше в Благовещенске, чем в Хабаровске, несмотря на то, что по людности столица ДВФО почти в три раза превосходит столицу Приамурья;

б) предприятия сферы услуг Хабаровска, ориентированные на клиентов из Китая, преимущественно расположены точно вдоль главных транспортных магистралей (ул. Муравьева-Амурского, ул. Карла Маркса), в редких случаях группируются в мини-кластеры по два-четыре предприятия;

в) Фуюань уступает Хэйхэ как по численности населения, так и по числу предприятий, ориентированных на российских туристов. Имеющиеся предприятия, регулярно размещающие рекламные материалы о себе на русском языке, образуют кластер в центре города.

Можно заключить, что в отличие от Благовещенска и Хэйхэ, где предприятия, специализирующиеся на обслуживании клиентов из сопредельного государства, встречаются на значительном удалении от центра города, в Хабаровске⁷⁴ и Фуюане наблюдается большее тяготение к центральным зонам. Рассмотрение двух пар приграничных поселений, в том числе не использующих формат сотрудничества города-близнецы, с одной стороны, подтвердило тезис Д. Арреола и Дж. Куртиса о том, что центральные районы приграничных городов являются «термометрами трансграничной динамики» (Arreola and Curtis 1993). С другой стороны, сравнение Благовещенска-Хэйхэ и Хабаровска-Фуюаня подтверждает вывод Ф. Лара-Валенсия и С. Долзблаш

⁷⁴ Имеется в виду правобережная часть Центрального района Хабаровска в границах, указанных в чертеже планировки территории от 02.02.2010 г.

о том, что высокая специализация предприятий на обслуживании клиентов из сопредельного государства наиболее отчетливо проявляется в городах-близнецах (Lara-Valencia and Dołzbłasz 2018).

В правом нижнем углу рис. 24 указано примерное расположение места строительства моста через Амур. Возведение автомобильного мостового перехода в районе Благовещенска началось в конце 2016 г. после тридцатилетних двусторонних переговоров. Планируется, что строительство будет окончено в 2019 г. По данным интервью, одним из наиболее обсуждаемых вопросов между Благовещенском и Хэйхэ сегодня является вопрос предоставления русским и китайским туристам права передвижения на личных автомобилях на противоположном берегу Амура.

Из приведенных выше примеров изменения городской среды Благовещенска, произошедших с 2014 г., следует, что такой экзогенный фактор, как валютные колебания (а именно девальвация рубля) оказал стимулирующее воздействие на социокультурное и экономическое развитие города. Увеличилось число предприятий, ориентированных на обслуживание клиентов из КНР, расширился перечень используемых ими маркетинговых приёмов, с увеличением числа вывесок на китайском языке и организацией общественного велопроката преобразовался облик города. Расширение сегмента китайских туристов в общем объеме рынка Благовещенска привело к адаптации предприятий сферы услуг и сформировало новый запрос на рынке труда Благовещенска.

3.5. Сопоставление отечественных и зарубежных инициатив развития трансграничного управления в городах-близнецах

Результаты анализа интервью 2013, 2016 и 2017 гг. с экспертами ПС трёх пар городов-близнецов России и стран-соседей свидетельствуют о низком уровне осведомленности о лучших практиках приграничного сотрудничества, используемых на других участках границы РФ и за ее пределами. С учётом необходимости восполнения этого пробела в диссертации была поставлена задача выявления передового опыта ТГУ, который может быть использован смежными ПТСЭС (в частности городами-близнецами) вдоль государственной границы России.

Для изучения зарубежных инициатив развития трансграничного управления на местном уровне было решено обратиться к опыту городов-близнецов зарубежной Европы как к наиболее успешным примерам ТГУ. Результативность их взаимодействия обусловлена политической волей, активной позицией общественных организаций и созданием системами высшего ранга финансовых и институциональных механизмов для воплощения инициатив ТГУ. В качестве кейсов были выбраны города, расположенные на границах между странами-членами Евросоюза с существенным языковым барьером. В число кейсов вошли Ирун (Испания) – Фуэнтеррабия (Испания) – Андай (Франция); Франкфурт-на-Одере (ФРГ) – Слубице (Польша); Хаппаранда (Швеция) – Торнио (Финляндия). Справочные сведения о рассматриваемых зарубежных кейсах помещены в Приложении 16, профили рассматриваемых зарубежных городов-близнецов представлены в Приложениях 17.1-17.3. Отечественные наработки в сфере ТГУ были систематизированы на основе интервью, собранных в ходе экспедиций 2013, 2016 и 2017 гг.

Результатом проделанной работы стала библиотека лучших практик ТГУ, наиболее подходящих для применения в российских реалиях. Их краткая характеристика и потенциальное использование смежными приграничными территориями вдоль границы России представлены в табл. 13. Для сопоставления успешных отечественных и зарубежных инициатив трансграничного управления в городах-близнецах были выбраны три классификационных критерия – потенциал применения в России, субъект реализации и масштаб воздействия (см. рис. 25). Описанные примеры лучших практик ТГУ различаются по потенциалу применения в российских реалиях: часть из них в российских условиях вызывает интерес скорее с организационной точки зрения – как алгоритм воплощения конкретной инициативы или организационный приём для совершенствования имеющегося сотрудничества городов-близнецов.

Другая часть инициатив ТГУ заслуживает внимания и по форме, и по содержанию. Эту категорию лучших практик можно классифицировать по сфере применения на инициативы экономической или социальной направленности, в сфере культуры и образования или городского благоустройства. Как видно в табл. 14, комплексно отображающей произведенную классификацию в разрезе отечественных и зарубежных лучших практик ТГУ, некоторые из них относятся к нескольким сферам применения одновременно.

По субъектам реализации рассмотренные инициативы ТГУ варьируются от мер местного уровня до шагов, требующих участия региональных, национальных и наднациональных гражданских и властных структур. Во многих примерах лучших практик ТГУ решение о возможности их претворения в жизнь принималось на вышестоящих уровнях управления или согласовывалось с ними (в соответствии с особенностями разграничения полномочий в каждой из стран). Разделение субъектов реализации инициатив ТГУ на лиц, принимающих решения, и исполнителей наиболее заметно в вопросах, касающихся изменения режима пересечения границы (6 и 9), использования территории, непосредственно примыкающей к границе (Д), создания совместных органов и учреждений – как отраслевых (Б), так и общей компетенции (В). Управленческие и общественные структуры регионального уровня чаще всего участвуют в инициативах ТГУ городов-близнецов в тех случаях, когда стороны заинтересованы в расширении числа субъектов сотрудничества (Ж, 3, 1 и 11). Другим случаем привлечения управленческих и общественных структур регионального/национального уровня для реализации инициатив ТГУ является сотрудничество организаций регионального/национального подчинения, расположенных в городах-близнецах (Б). В рассмотренных примерах наднациональные структуры были задействованы трижды и заключались во взаимодействии с международными экспертами (1), со структурами ЕС (6) и с Ассоциацией европейских городов-близнецов (8).

По масштабу воздействия лучшие практики делятся на локальные, нацеленные на преобразование двухсторонних и/или международных (глобальных) связей и отношений. Влияние на двусторонние отношения рассмотренных инициатив ТГУ выражалось в создании условий для наращивании потенциала двустороннего экономического и гуманитарного сотрудничества за счет организации совместных мероприятий (А), создания общего конкурентного преимущества в сфере образования (Б) или территориального планирования (З),

Табл. 13. Лучшие практики развития трансграничного управления в городах-близнецах, эффективно используемые в России и за рубежом

Содержание практики		Потенциальное использование
Зарубежный опыт		
Франкфурт-на-Одере- Слубице		
А	Совместное проведение Немецко-польского фестиваля культуры на реке Одер в 1992 г., 23-их международных Ганзейских дней нового времени в 2003 г. и фестиваля науки Европы под председательством Польши в 2013 г.	Привлечение международного внимания путем совместного участия смежных ПТСЭС в борьбе за проведение на их территории политических, культурных, спортивных и иных мероприятий актуально для Никеля и Киркенеса (совместная борьба за проведение международных мероприятий по теме Арктики), Ивангорода-Нарвы (за статус «культурная столица Европы»), Благовещенска-Хэйхэ (за проведение мероприятий по теме взаимоотношений России-КНР).
Б	Трансформация немецкого университета во Франкфурте-на-Одере в Европейский университет, одно из подразделений которого – Коллегиум Полоникум – находится на противоположном берегу реки Одра, в польском городе Слубице.	Совместное макрорегиональное позиционирование приграничных муниципальных образований в сфере образования возможно в городах-близнецах на российско-норвежской и российско-китайской границах, а именно формирование в Никеле филиала Мурманского государственного гуманитарного университета, создание на его основе модульных курсов, доступных для изучения студентами филиала Арктического университета Норвегии в Киркенесе. На базе Благовещенска и Хэйхэ возможно формирование образовательного консорциума по педагогике, изучению русского и китайского языков.
Торнио-Хаппаранда		
В	В 1987 г. Хаппаранда и Торнио учредили организацию «Ботническая провинция» (Provincia Bothniensis), главными достижениями которой стало создание совместной языковой школы; налаживание сотрудничества пожарной и спасательной служб, служб скорой помощи и др.	Учреждение совместного органа управления, включающего равное количество представителей обеих ПТСЭС, чьей обязанностью является повышение комплиментарности экономик и социальной сферы приграничных муниципальных образований рекомендуется Благовещенску и Хэйхэ, Никелю и Киркенесу, Светогорску и Иматре, Ивангороду и Нарве.
Г	В 2005 г. Хаппаранда и Торнио произвели ребрендинг своей территории и начали проводить ее совместный маркетинг. В целях привлечения и оперативного консультирования путешественников в 2013 г. был открыт совместный информационно-туристский центр.	Создание единого туристического бренда и информационно-туристского центра смежных приграничных муниципальных образований применимо повсеместно.

Д	Был разработан и к 2008 г. реализован совместный проект трансформации городского ландшафта в непосредственной близости от шведско-финляндской границы, включавший возведение мебельного торгового центра «ИКЕА», нескольких отелей и клуб для гольфа.	Благовещенску и Хэйхэ, Светогорску и Иматре, Никелю и Киркенесу стоит проработать возможности создания на приграничной территории совместных объектов инфраструктуры.
Е	В г. Хаппаранда финны, работавшие на юге Швеции и позже переехавшие на север, составляют особую категорию жителей. Переезд в шведско-финляндское приграничье помогает им сохранить в полном объеме социальные услуги и выплаты, полагающиеся им как резидентам Швеции, и поддерживать связи с родственным культурно-языковым сообществом.	Учитывая значительное количество россиян, работающих в КНР и Норвегии, Хэйхэ и Киркенес имеют потенциал создания комфортной среды для их переезда в пожилом возрасте. Так, российские соотечественники имели бы возможность проживания в привычных за годы трудовой эмиграции условиях и поддерживать более тесные культурно-бытовые связи с Россией. Работающие в России выходцы из КНР, Беларуси и Азербайджана, в свою очередь, могут проявить интерес к проживанию в приграничных муниципальных образованиях РФ, сопредельных со страной их происхождения.
Ирун-Фуентеррабья - Андай		
Ж	С 2013 г. провинции Гипускоа и Лабурдан учредили премию «еКор», ежегодно присуждаемую организациям, внесшим вклад в экономическое развитие территории путем ПС.	Учреждение и регулярное проведение вручения награды «За вклад в развитие ПС» среди физических и юридических лиц приграничных муниципальных образований применимо повсеместно.
З	На базе смежных приграничных муниципальных образований на испанско-французской границе был образован «еврогород» Сан-Себастьян – Байонна.	Подключение к ПС крупных соседних городов и переход к формату «урбанизированного континуума» может быть успешным для городов Выборг-Светогорск-Иматра-Лаппеенранта и Мурманск-Никель-Киркенес-Вадсё.
Отечественный опыт		
Никель - Киркенес		
1	Инициатива апробации сотрудничества в формате городов-близнецов в Никеле и Киркенесе была выдвинута экспертами в сфере международных отношений.	Взаимодействие органов МСУ с научно-исследовательскими центрами по теме сотрудничества смежных ПТСЭС применимо повсеместно.
2	Отдельные секторальные соглашения о сотрудничестве имеют такие организации, как учреждения дошкольного образования, библиотеки, муниципальные больницы, центры занятости населения, музыкальные школы.	Налаживание прямых контактов и проектов сотрудничества между представителями одного профессионального сообщества смежных ПТСЭС применимо повсеместно.
3	С 2008 г. в Никеле и Киркенесе стали проводиться передвижные семинары и творческие лаборатории.	Использование формата передвижных семинаров, на которых участники совместно пересекают границу и проводят обсуждения по обе стороны границы, применимо повсеместно.

4	В 2014 г. была учреждена организация приграничных жителей «Российско-норвежский клуб «Диалог», которая проводит мероприятия социокультурного характера по обе стороны границы (совместные празднования общих и национальных праздников – Нового года, Пасхи, Дня космонавтики, Дня независимости Норвегии, совместные туристические походы или велопробеги), тем самым способствуя расширению и укреплению неформальных контактов местных жителей.	Практика создания объединений приграничных жителей для установления и укрепления культурно-бытовых и профессиональных связей является универсальной и заслуживает заимствования на всех диадах границ России для любых ПТСЭС, в особенности для городов-близнецов.
Светогорск-Иматра		
5	В 2000 г. Светогорском и Иматрой были подготовлены краткосрочная и долгосрочная стратегии взаимодействия.	Разработка совместной стратегии развития сопредельных приграничных муниципальных образований была бы полезна Ивангороду-Нарве, Никелю-Киркенесу, Благовещенску-Хэйхэ. Обновление стратегии требуется Светогорску-Иматре.
6	Разрешение велосипедного пересечения границы для местных жителей Светогорска и Иматры.	Выделение из общего потока лиц, пересекающих границу, жителей приграничья и упрощение для них процесса пересечения границы (в том числе за счет разрешения велосипедного пересечения границы) рекомендовано на тех международных пограничных пунктах пропуска, где значительное число пересечений приходится на нерезидентов приграничья.
7	Отмечая удобство самостоятельного пересечения границы, группа местных жителей Светогорска выступила с предложением обустроить пешеходный маршрут через границу. С 2008 г. это пожелание отражено в плане сотрудничества городов-соседей.	Получение обратной связи в виде замечаний и предложений по реализуемым проектам и об инициации новых проектов от участников сотрудничества и еще не вовлеченных акторов применимо повсеместно.
8	Светогорск и Иматра активно участвовали в процессе институционализации движения городов-близнецов в Европе. В 2004-2007 гг. эти смежные приграничные муниципальные образования выступили в роли локомотивов проекта ЕС «Сеть городов-близнецов» и в создании Ассоциации городов-близнецов.	Расширение информированности о зарубежном опыте ТГУ на муниципальном уровне путем участия в международных ассоциациях, представляющих интересы смежных приграничных территорий (в том числе Mission Opérationnelle Transfrontalière), применимо для всех смежных приграничных муниципальных образований.
Благовещенск-Хэйхэ		
9	Присуждение Хэйхэ статуса «открытого торгового города» и разрешение безвизового пребывания на его территории для жителей Амурской области, а затем и граждан России в целом.	Проведение тестовой либерализации визового режима в одностороннем порядке может возыметь экономический результат на российско-финляндской границе в Светогорске и Иматре.

10	Открытие в 2013 г. на китайском берегу реки Амур представительства муниципального предприятия «Муниципальный центр международного сотрудничества» г. Благовещенска, направленного на консультирование граждан и организаций РФ и КНР.	Открытие на территории города-соседа представительства местной администрации (например, «Центра международного сотрудничества»), направленного на консультирование граждан и организаций обоих сопредельных государств, может быть использовано городами приграничных регионов на российско-китайской границе – Биробиджаном, Владивостоком, Хабаровском.
11	Проведение центром «Интерплюс» г. Хэйхэ в 2016 г. экспресс-курсов по ведению Интернет-торговли в Китае для представителей малого и среднего бизнеса Благовещенска.	Практика проведения обучающих семинаров для предпринимателей применима и результативна на всех диадах границ России, причём имеет смысл в обоих направлениях: как для представителей малого и среднего бизнеса России, так и для их коллег из сопредельных государств. Встраивание бизнеса в Интернет-торговлю Китая привлекательно для всех регионов Забайкалья и Дальнего Востока РФ. С целью минимизации расходов площадками проведения таких мероприятий для заинтересованных лиц могли бы выступить города-близнецы Благовещенск-Хэйхэ и Забайкальск-Маньчжоули.

Составлено автором.

совместного решения общих проблем (Д, Е), упрощения или снятия барьеров экономического взаимодействия путем либерализации визового режима (9) или развития компетенций, необходимых для ведения бизнеса в сопредельном государстве (11). Воздействие классифицировалось как глобальное в тех случаях, когда инициативы ТГУ вели к повышению конкурентоспособности организаций-партнеров (городов, вузов, предпринимателей) на международном уровне (А, Б, 11).

Рис. 25. Классификация лучших практик ТГУ городов-близнецов

Составлено автором.

Переходя от характеристики многообразия выделенных лучших практик ТГУ к их сопоставлению по месту применения, мы обращаемся к табл. 14. Размещенная в ней система буквенных кодов наглядно демонстрирует, насколько отличаются инициативы ТГУ в России и за рубежом. В то время как подавляющее большинство зарубежных лучших практик ТГУ (7 из 8) рекомендованы для использования в российских условиях как по форме, так и по содержанию, большинство отечественных наработок ТГУ (8 из 11) заслуживают внимания исключительно с точки зрения формы. Все выявленные зарубежные практики ТГУ представляют собой принципиально новые инициативы взаимодействия городов-близнецов, алгоритм реализации которых требует изучения приграничными муниципальными образованиями РФ. На 2017 г. аналогичную характеристику можно дать только половине подобранных отечественных примеров. Вторая половина является улучшающими мерами, направленными на совершенствование существующих направлений ПС.

Табл. 14. Сопоставление выделенных лучших практик ТГУ

	Лучшие практики ТГУ																		
Классификационные критерии	Зарубежные								Отечественные										
	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Потенциал передачи опыта	СФ	СФ	СФ	СФ	СФ	СФ	СФ	Ф	Ф	Ф	Ф	СФ	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	СФ	СФ
Организационная форма	Ал	Ал	Ал	Ал	Ал	Ал	Ал	Ал	Ал	ОП	ОП	ОП	ОП	Ал	ОП	Ал	Ал	Ал	Ал
Сфера применения	КиО	КиО	Эк	Эк	Б	Соц	Эк					КиО						Эк	Эк
	Эк		Соц		Эк	Эк	КиО					Соц							
			КиО			КиО													
Субъект реализации	МН	МРН	М(Н)	М	МН	МН	МР	МР	МРН НН	М	М	М	М	Н (НН)	М	МН (НН)	Н	МРН	МН
Масштаб воздействия ⁷⁵	ДвМ/н	ДвМ/н	Л	Л	Дв	Дв	Л	Дв	М/н	Л	Л	Л	Л	Л	Л	М/н	Дв	Л	Дв

Расшифровка сокращений: Ал – алгоритм воплощения принципиально новой инициативы ТГУ, ОП – организационный приём для совершенствования имеющегося сотрудничества городов-близнецов; Эк – экономика, Соц – социальная сфера, КиО – культура и образование, Б – городское благоустройство; М – местные, Р – региональные, Н – национальные, НН – наднациональные управленческие и общественные организации; Л – локальный, Дв – двусторонний, М/н – международный (глобальный) масштаб воздействия.

Составлено автором.

⁷⁵ Все рассмотренные инициативы ТГУ предпринимались в городах-близнецах, поэтому все они оказывают воздействие на локальный уровень. В целях определения различий между лучшими практиками локальный масштаб указан только в тех случаях, когда инициатива ТГУ не влияла на связи и отношения систем высшего ранга.

В городах-близнецах России и стран-соседей инициативы ТГУ в большей степени осуществлялись с краткосрочным горизонтом планирования для решения конкретных проблем или устранения барьеров. Зарубежные меры ТГУ, напротив, имели долгосрочный характер (А-В и З) и исходили из необходимости создать совместное преимущество городов-близнецов или предупредить активизацию имеющихся потенциальных вызовов внешней среды. Отечественные лучшие практики ТГУ являются примерами тактических решений, в то время как рассмотренные мировые практики представляют собой набор стратегических альтернатив, реализацию которых желательно производить поэлементно.

Одним из малочисленных сходств отечественных и зарубежных выделенных лучших практик является их отраслевая принадлежность: большая часть инициатив ТГУ имела экономическую направленность (6 из 7 зарубежных и 2 из 3 отечественных практик ТГУ, содержание которых рекомендовано для использования в российских реалиях). Второе место среди зарубежных практик заняли инициативы ТГУ в сфере культуры и образования, к этой категории можно отнести 5 из 7 примеров.

На первый взгляд, другим сходством является практически сплошное участие местных управленческих и общественных организаций в реализации инициатив ТГУ как в России, так и за рубежом. Однако это сходство является скорее формальным. В большинстве зарубежных лучших практик ТГУ местные структуры привлекались как активный партнер, играющий важную роль как на стадии продумывания конкретной инициативы, так и при претворении её в жизнь. Отечественные лучшие практики при наличии субъектов реализации инициативы ТГУ нескольких типов обычно сохраняли разделение на лиц, принимающих решение, и исполнителей. 5 из 11 отечественных и 1 из 8 зарубежных мер были воплощены исключительно силами местных акторов сотрудничества. Вследствие ограниченных полномочий муниципальных образований России шаги, предпринятые на местном уровне для развития ТГУ, являлись организационными приёмами по улучшению имеющихся направлений сотрудничества и не приносили нового импульса во взаимодействие городов-близнецов (2-5, 7). Зарубежная лучшая практика ТГУ, реализованная при участии исключительно местных акторов (Г), напротив, является примером самостоятельной генерации идеи развития сотрудничества городов-близнецов и её воплощения.

5 из 8 зарубежных инициатив ТГУ и 2 из 11 отечественных воздействовали на двусторонние отношения, что свидетельствует о разнице в позиционировании смежных ПТСЭС в России и за рубежом. Иностранные города-близнецы путем осуществления крупномасштабных проектов вступают в борьбу за межнациональное и международное признание, стремятся занять значимое место в двусторонних отношениях сопредельных стран. Отечественные города-соседи продолжают действовать локально и не проецируют на себя роль новых центров двустороннего сотрудничества.

По две зарубежных и отечественных инициативы ТГУ влияли на систему глобальных связей и отношений, однако и здесь заметно содержательное различие в оказываемом воздействии. Зарубежные лучшие практики трансформировали глобальные экономические и культурно-образовательные сети (А и Б), вносили вклад в перераспределение потоков товаров и услуг. Основной вклад отечественных лучших практик является скорее теоретически-концептуальным. С одной стороны, он заключается в апробации сценария привлечения международного экспертного сообщества для оценки возможности сотрудничества в формате городов-близнецов. Никель и Киркенес стали первым в мире примером использования подобного сценария (1). С другой стороны, участие Светогорска-Иматры (как и Ивангорода-Нарвы) в Ассоциации европейских городов-близнецов способствовало развитию международного движения городов-близнецов и росту его международного признания (8). Эти две инициативы ТГУ свидетельствуют о начале постепенной трансформации самовосприятия приграничных территорий России, их желании и готовности представлять свои интересы на двустороннем и глобальном уровнях.

Для обмена опытом городов-близнецов на границе России и приграничных муниципальных образований РФ в целом, изучения и адаптации ими отечественных и зарубежных передовых практик ТГУ рекомендуется инициировать создание Ассоциации приграничных муниципальных образований РФ. Учреждение этой Ассоциации будет способствовать как распространению передового опыта ТГУ на местном уровне, так и консолидации позиции приграничных муниципальных образований России, в частности городов-близнецов. Наиболее приемлемым способом создания Ассоциации представляется ее учреждение при общероссийской общественной организации «Всероссийский Совет местного самоуправления».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировой опыт показывает, что последовательная региональная политика по развитию приграничных территорий и меры, направленные на поддержание контактной функции границы, способствуют перераспределению торговых, финансовых, инвестиционных, трудовых, туристских и других потоков в пользу приграничья. Одним из инструментов развития порубежья является использование ресурса приграничного сотрудничества. В диссертационном исследовании этот вид внешних связей рассмотрен применительно к смежным приграничным муниципальным образованиям, в частности городам-близнецам. Ниже представлены основные выводы, сделанные в ходе проделанной работы.

1. С учётом эволюции понимания контактной функции приграничья в диссертации выделены три типа интерпретации его роли: символическая, инструментальная и ценностная, для каждой из которых характерны свои задачи и формы приграничного взаимодействия. Разные интерпретации приграничья сосуществуют и сочетаются. На большинстве участков государственной границы РФ получили распространение символическое и инструментальное восприятие контактной функции приграничья. Ценностная интерпретация встречается в редких случаях, а именно в некоторых документах стратегического планирования еврорегионов с участием России (Баренц-региона, еврорегионов «Карелия» и «Балтика»).

2. На основе сопоставления трансграничных систем с другими территориальными социально-экономическими системами были выделены их системообразующие и специфические свойства, а именно целостность, иерархичность, историчность, структурность, устойчивость, адаптивность, способность к саморазвитию, синергичность, полиядерность, подверженность воздействиям внешней среды. Отличительными свойствами структуры трансграничных систем являются полимасштабность и существенные различия между элементами системы – приграничными административно-территориальными единицами разного уровня.

3. Предложена классификация трансграничных систем локального и регионального уровня по параметрам внутренней и внешней среды, которая может использоваться при планировании приграничного сотрудничества. Используемые критерии включают охват, количество, административную симметричность и степень интегрированности структурных элементов трансграничных систем, степень их социокультурной и этноконфессиональной однородности, положение относительно политических и экономических интеграционных объединений (систем высшего порядка).

4. На основе обобщения литературных источников по смежным приграничным городам показано, что термин города-близнецы используется представителями разных научных дисциплин и является наиболее распространенным среди понятий-аналогов. Следуя системному подходу к изучению территориальных структур, диссертант предложил определять города-близнецы как открытые динамические социально-экономические территориальные системы, элементами которых являются приграничные города (приграничные муниципальные образования), сосуществующие в

рамках различных экономических, административных, институциональных и социокультурных пространств сопредельных государств. На основе сравнительного анализа городов-близнецов и других понятий географического изучения городов (агломераций, интерурбаций, городов-спутников, городов-побратимов, глобальных городов) сделан вывод, что на практике большинство городов-близнецов относятся к одной из перечисленных категорий городов (чаще всего к агломерациям и городам-побратимам). Этот факт наравне с меньшей распространенностью городов-близнецов объясняет более поздний интерес к их теоретическому осмыслению.

5. Установлено, что среди городов-близнецов на государственных границах следует различать два вида: *«естественные»*, т.е. историко-географические города-близнецы и *«конструируемые»* путем целенаправленного использования одноименного формата межгородского сотрудничества. Для городов-близнецов, сформировавшихся естественным путем, ключевое значение имеет их географическое положение относительно государственной границы и друг друга, история образования и сосуществования. Отличительные черты конструируемых городов-близнецов – институциональные, экономические, психологические – формируются в процессе взаимодействия и изменяются с течением времени. Перечисленные свойства естественных и конструируемых городов-близнецов свидетельствуют о невозможности их выделения исключительно по признаку местоположения. Наделение смежных городов статусом близнецов требует изучения их возникновения и/или характера современных связей. Предложенное деление способствует завершению многолетних научных споров о «настоящих» городах-близнецах. Число городов-близнецов каждого вида постоянно меняется под воздействием трёх процессов: 1) трансформации линий или режима государственных границ, 2) создания новой или совершенствования имеющейся трансграничной инфраструктуры, «сжимающей» расстояние между поселениями, и 3) распространения сотрудничества в формате городов-близнецов как одного из проявлений парадипломатии.

6. Города-близнецы расположены в Европе, Азии, Африке, Южной и Северной Америке. В их числе встречаются как государственные и региональные столицы, так и приграничные периферийные населенные пункты. Расстояние между центрами естественного сформировавшихся городов-близнецов обычно крайне незначительно. Расстояние между конструируемыми городами-близнецами варьируется в зависимости от плотности населения и доступных средств передвижения и составляет 10-15 км в густонаселенных районах и 50-90 км в районах с низкой людностью или в условиях создания нового инфраструктурного элемента (туннеля или моста).

7. На 54 примерах смежных поселений численностью более 1000 человек (всего 111 городов) рассмотрены особенности размещения городов-близнецов в Европе. Половина из них (27 городов-близнецов) расположены в Западной Европе, 11 – на границах западноевропейских стран и стран Центральной и Восточной Европы, 16 городов-близнецов находятся на границах стран Центральной и Восточной Европы. Рекордсменом по числу городов-близнецов в Европе является Германия (18 примеров). Второе и третье место занимают её соседи – Франция и Польша с десятью и семью парами городов-близнецов соответственно. В перспективе в случае осуществления планов по модернизации

паромных переправ и строительству трансграничных мостов Румыния и Болгария могут присоединиться к списку стран-лидеров по числу городов-близнецов. Большинство европейских городов-близнецов сильно различается по численности населения: в 39% случаев один из городов больше другого в три и более раза. Относительно сопоставимы по демографическому потенциалу (т.е. город меньшего размера составляет от 40 до 50% совокупного населения городов-близнецов) чуть меньше четверти европейских городов-близнецов. Все примеры относительно равновеликих поселений относятся к категориям с наименьшей людностью (менее 10 тыс. человек или от 10 до 50 тыс. человек).

8. Для создания представления о возможностях сотрудничества в формате городов-близнецов вдоль границы России составлена карта, отображающая поселения, использующие этот формат взаимодействия (четыре пары) и имеющие потенциал для налаживания сотрудничества в формате городов-близнецов в обозримой перспективе (36 пар). Аналогично городам-близнецам Европы большинство пар поселений, включенных в список (23 из 40), различаются по людности в два раза и более. Асимметрия в численности населения потенциальных городов-близнецов особенно заметна на российско-китайской границе. Рекордсменами по числу потенциальных городов-близнецов среди приграничных регионов России являются Калининградская и Псковская области (с пятью и четырьмя парами потенциальных городов-близнецов соответственно).

9. Научные публикации о городах-близнецах получили распространение примерно с 50-х гг. XX в. За это время основными предметами исследования выступали история смежных поселений, динамика их отношений, их восприятие извне и изнутри (местным сообществом). Для определения методических основ изучения городов-близнецов были проанализированы 50 тематических публикаций, включающих ключевые работы по городам-близнецам, работы с экспериментальной методикой, с использованием нескольких кейсов и в рамках дисциплин, представители которых недавно обратились к изучению городов-близнецов. Несмотря на учет малой доли общего числа публикаций по теме городов-близнецов, проведенный анализ позволил выявить ряд закономерностей. Подтвердилась гипотеза о том, что ключевым методом исследования является сравнительно-географический, по результатам которого создается профиль городов-близнецов. Под ним понимается совокупность количественных и качественных индивидуальных и общих характеристик смежных приграничных систем, представленная в динамике и взаимосвязи. В большинстве публикаций из выборки полевые методы сочетались с «неполевыми», во многих публикациях использовалось несколько «неполевых» методов. Наиболее распространенными методами полевых исследований в выборке являлось интервьюирование (использовалось в 21 публикации), включенное наблюдение (в 14), анкетирование (в 10) и фотодокументация (в 7). Среди «неполевых» методов наиболее часто использовались метод интерпретации текстов (в частности анализа соглашений, стратегий и планов их реализации), количественные методы (с привлечением данных о демографии, торговом обороте и местных предприятиях городов-близнецов) и картографический метод. В случае использования картографического метода карты обычно строились на основе данных полевых исследований, в частности путем составления ментальных карт городов-близнецов. В дальнейшем

при изучении городов-близнецов рекомендовано 1) проводить сравнительные исследования с анализом двух и более кейсов; 2) сочетать полевые и «камеральные» методы сбора информации о городах-близнецах; 3) в качестве отправной точки составлять профиль городов-близнецов с помощью комбинации обзорного и контекстного методических подходов, что помогает наиболее полно осветить рассматриваемые объекты.

10. В развитие взгляда на внутренние связи трансграничных систем локального уровня как на наиболее значимые отношения, определяющие целостность системы в диссертации, рассмотрены две разновидности таких связей – приграничное сотрудничество и трансграничное управление. Под приграничным сотрудничеством предложено понимать совместные действия представителей смежных приграничных территорий, направленные на создание и поддержание благосостояния их населения. Трансграничное управление определено как вид управления, при котором заинтересованные стороны (в том числе конкурирующие) двух и более смежных приграничных территорий взаимодействуют для решения общей проблемы и/или достижения их общих стратегических целей. Становление трансграничного управления представлено как результат эволюции понимания контактной функции границы и осознания самоценности устойчивого развития трансграничных территориальных систем. На основе сопоставления трансграничного управления с другими похожими видами управления территорией, а именно с совместным управлением, «мягким» управлением и управлением конкурентным сотрудничеством, сформулированы его отличительные черты, в том числе фокусировка на поиске практических решений проблем местного масштаба; распространенность неформальных договоренностей между его участниками; необходимость самоорганизации акторов трансграничного управления; высокие требования к уровню зрелости региональных организаций государственного сектора, участвующих в трансграничном управлении; гибкий дизайн совместных органов трансграничного управления; активное взаимодействие с политико-административными структурами.

11. На основе анализа правовой базы приграничного сотрудничества России и её соседей систематизирована и дополнена типология этого вида внешних связей вдоль границ РФ, сделан вывод о мозаичности нормативно-правового регулирования в этой сфере. Фрагментарность правового поля по периметру границы обусловлена тем, что Россия и сопредельные страны различаются по членству в региональных международных организациях, занимающихся регулированием ПС и влияющим на пограничный режим. Несмотря на расположение трёх пар городских поселений, сотрудничающих в формате городов-близнецов, на границах с европейским типом приграничного сотрудничества, правовые основы трансграничных взаимодействий между ними не совпадают. Это обстоятельство ограничивает возможности выработки российской стороной единой или типовой стратегии по развитию сотрудничества в формате городов-близнецов.

12. Дана комплексная характеристика нормативного регулирования приграничного сотрудничества муниципальных образований России с учётом положений федерального закона № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» от 26 июля 2017 г. Сделан вывод о том, что приграничные муниципальные образования получили два инструмента по уточнению приоритетных

направлений, форм и видов приграничного сотрудничества – территориальный (с помощью заключения соглашений о приграничном сотрудничестве с административно-территориальными единицами сопредельных стран) и внетерриториальный, или опосредованный (через участие в деятельности международных организаций в этой сфере).

13. С целью совершенствования предшествующих попыток схематизации стадийности приграничного сотрудничества выдвинута и доказана гипотеза о шести базовых стадиях приграничного сотрудничества в трансграничных системах локального уровня, включающих инициацию, институционализацию, экстенсификацию, интенсификацию, стабильное развитие, модернизацию или редукцию. В отличие от существующих в литературе подходов, сфокусированных на трансграничных взаимодействиях до нормативно-правового закрепления сотрудничества, предложенные стадии описывают развитие институционально оформленного диалога. В качестве стадии приграничного сотрудничества, наиболее способствующей социально-экономическому развитию смежных ПТСЭС, определена стадия стабильного развития. Верификация гипотезы произведена в два этапа: 1) путём изучения изменчивости приграничного сотрудничества по материалам интервьюирования местных экспертов Светогорска и Иматры с последующей обработкой результатов в системе количественного анализа качественных данных DeDoose (версия 7.0.23); 2) на основе сопоставления выделенных стадий приграничного сотрудничества и периодизации взаимодействия городов-близнецов России и стран-соседей. Высокая частотность упоминания изменчивости приграничного сотрудничества экспертным сообществом свидетельствует о том, что взаимодействие городов-близнецов проходит через периоды подъема и спада и, следовательно, является стадийным процессом. Соотнесение практического опыта приграничного сотрудничества в городах-близнецах на российско-норвежской, российско-финляндской и российско-китайской границах подтвердило применимость и достаточность выдвинутых шести генерализованных фаз приграничного сотрудничества для описания закономерностей его развития.

14. Факторы, воздействующие на внутренние связи трансграничных систем, подразделены по способу возникновения и масштабу влияния на экзогенные и эндогенные. Экзогенные факторы носят международный или глобальный характер и изменяют контекст приграничного сотрудничества. Примерами экзогенных факторов являются изменение двухсторонних отношений сопредельных стран; экономической конъюнктуры региональных и мировых рынков, влияющих на социально-экономическое положение сопредельных стран; значительное изменение миграционных потоков, активности международных террористических или преступных группировок на территории приграничного макрорегиона. Эндогенные факторы связаны с отсутствием координации социально-экономического развития, правового регулирования и административного устройства сопредельных государств.

15. На основе результатов качественного и количественного анализа материалов интервью с экспертами приграничного сотрудничества и опроса населения городов-близнецов в ключевых районах сделан вывод о разнородности эндогенных факторов, сдерживающих развитие

приграничного сотрудничества на различных участках государственной границы РФ. Общими для трёх кейсов определены такие факторы, как ограниченные финансовые возможности, несбалансированность направлений (экономического, гуманитарного и инфраструктурного) и форм взаимодействия (регулярных и проектных), низкий уровень осведомленности населения о приграничном сотрудничестве. Сопоставление текущего состояния внутренних связей городов-близнецов с их возможным спектром позволило выявить сферы сотрудничества, которые не получили должного развития на отдельных участках границы: экономическое сотрудничество неразвито в Светогорске и Иматре; сотрудничество в сфере инфраструктуры требует интенсификации в Благовещенске и Хэйхэ, Никеле и Киркенесе; применение проектных форм приграничного сотрудничества может быть усилено во всех городах-близнецах России и стран-соседей, в особенности в Благовещенске и Хэйхэ.

16. На основе результатов контент-анализа интервью с экспертами в Светогорске и Иматре детализировано содержание управленческих и коммуникационных проблем приграничного сотрудничества. Первый блок включает ограниченность полномочий участников ПС, разную выгодность участия в ПС для сопредельных муниципалитетов, отсутствие времени на ПС и зависимость динамики ПС от конкретных личностей. Среди проблем в сфере коммуникации названы отсутствие общего трансграничного информационного поля и следующая из него затрудненность доступа к информации о смежной приграничной территории, отсутствие информационно-консультационной поддержки акторам ПС со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, разобщенность информационно-аналитической и информационно-просветительской работы сопредельных муниципальных образований.

17. Влияние экзогенных факторов на связи городов-близнецов рассмотрено на примере международного миграционного транзитного потока и колебаний валютного курса, поскольку эти факторы одновременно универсальны (ввиду непрерывного расширения географии валютных кризисов и международных миграционных потоков в эпоху глобализации) и наиболее значимы для городов-близнецов России и стран-соседей в 2014-2016 гг.

18. В результате внезапного появления арктических мигрантов и беженцев на территории Никеля и Киркенеса их связи были нарушены, что привело к снижению относительной системной целостности этих городов-близнецов. Органы местного самоуправления приграничных муниципальных образований действовали в рамках национальных практик и норм. Местные жители демонстрировали разное восприятие вызова международной миграции. Для приграничных жителей Норвегии были характерны сострадание и гражданская самоорганизация для помощи вновь прибывшим искателям убежища; среди жителей российского приграничья распространились алармистские настроения и ориентация на предоставление услуг арктическим мигрантам. Такое расхождение связано с ограниченным опытом сосуществования с представителями различных национальностей и приёма мигрантов с российской стороны границы.

19. Валютные колебания 2014-2016 гг. деформировали сложившиеся ранее пассажиро- и грузопотоки между Благовещенском и Хэйхэ. Для столицы Приамурья девальвация рубля привела к росту числа предприятий, ориентированных на обслуживание клиентов из КНР, и используемых ими маркетинговых приёмов, что сформировало новый запрос на рынке труда Благовещенска и преобразовало городской ландшафт за счёт увеличения числа вывесок на китайском языке. Резкое сокращение потока туристов из России и снижение их покупательной способности привело к значительным убыткам предпринимателей из Хэйхэ, ориентированных на приём российских туристов, и подтолкнуло их к смене специализации на обслуживание внутренних туристских потоков Китая.

20. Сопоставление отечественного и зарубежного опыта трансграничного управления в городах-близнецах позволило выявить качественные различия в позиционировании и планировании сотрудничества. Во-первых, зарубежные города-близнецы ведут борьбу за межнациональное и международное признание путем использования синергетического эффекта при реализации крупномасштабных проектов, стремятся занять значимое место в двусторонних отношениях сопредельных стран. Отечественные города-близнецы преимущественно действуют локально, не примеряют на себя роль новых центров двустороннего сотрудничества. Во-вторых, зарубежные инициативы ТГУ имеют долгосрочный характер, направлены на создание совместного преимущества городов-близнецов или предупреждение активизации потенциальных вызовов внешней среды. В городах-близнецах России и стран-соседей инициативы ТГУ осуществляются с краткосрочным горизонтом планирования для решения конкретных проблем или устранения барьеров. Одним из малочисленных сходств отечественных и зарубежных выделенных лучших практик является их экономическая направленность.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений, одним из которых является относительно короткий опыт сотрудничества в трансграничных системах вдоль границ России, который в среднем составляет около 30 лет. Наличие стадиальности, периодов спадов и подъёмов в приграничном сотрудничестве городов-близнецов позволяет предположить его циклический характер, однако верификация этой гипотезы требует анализа динамики взаимодействий на более длительном временном отрезке.

Значимую роль в доказательстве гипотезы о шести базовых стадиях приграничного сотрудничества в трансграничных системах локального уровня сыграли экспертные оценки, собранные в 2013 г. Для устранения одномоментности экспертных оценок сбор эмпирических данных по теме изменчивости приграничного сотрудничества стоит провести повторно. Регулярный мониторинг экспертных оценок в этой сфере будет способствовать формированию более точного представления о характере развития приграничного сотрудничества как непрерывного исторического процесса.

Другим ограничением является недостаточная репрезентативность выборки при проведении анкетирования населения городов-близнецов (по количеству полученных анкет и ввиду невозможности соблюдения принципа проведения анкетирования на родном языке респондентов в городе Хэйхэ). Следовательно, одним из перспективных направлений

исследований является анкетирование с репрезентативной выборкой в городах-близнецах России и стран-соседей, на родном языке респондентов. Увеличение выборки позволит расширить перечень методов анализа полученных результатов и, в частности, акцентировать внимание на использовании количественных методов обработки данных.

Несмотря на перечисленные ограничения, представленные положения диссертации позволяют решить поставленные перед началом исследования задачи и реализовать цель исследования.

Список литературы

Нормативно-правовые документы

1. Конституция Российской Федерации : офиц. текст [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 12.05.2016)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : [федер. закон: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.: по состоянию на 8 июня 2016 г.] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 08.06.2016)
3. О государственной границе Российской Федерации: [закон от 01.04.1993 № 4730-1: принят Гос. Думой 1 апр. 1993 г.: по состоянию на 5 апр. 2016 г.] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 05.04.2016)
4. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: [федеральный закон от 04.01.1999 № 4-ФЗ: принят Гос. Думой 4 янв. 1999 г.: по состоянию на 5 апр. 2016 г.] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 05.04.2016)
5. О международных договорах Российской Федерации: [федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ: принят Гос. Думой 15 июля 1995 г.: по состоянию на 12 мая 2016 г.] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 12.05.2016)
6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: [федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ: принят Гос. Думой 6 окт. 2003 г.: по состоянию на 12 мая 2016 г.] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 12.05.2016)
7. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: [федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ: принят Гос. Думой 8 дек. 2003 г.: по состоянию на 9 апр. 2016 г.] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 09.04.2016)
8. Об основах приграничного сотрудничества [федеральный закон от 26.07.2017 № 179-ФЗ: принят Гос. Думой 14 июля 2017 г.: по состоянию на 9 апр. 2018 г.] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 09.04.2018)
9. О ратификации Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей: [федеральный закон от 22.07.2002 № 91-ФЗ: принят Гос. Думой 22 июля 2002 г.: по состоянию на 9 апр. 2016 г.] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 09.04.2016)
10. О ратификации Дополнительного протокола к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей: [федеральный закон от 07.10.2008 № 169-ФЗ: принят Гос. Думой 7 окт. 2008 г.: по состоянию на 9 апр. 2016 г.]

- [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 09.04.2016)
11. О ратификации Европейской хартии местного самоуправления: [федеральный закон от 11.04.1998 № 55-ФЗ: принят Гос. Думой 11 апр. 1998 г.: по состоянию на 9 апр. 2016 г.] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 09.04.2016)
 12. О заключении Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о строительстве, эксплуатации, содержании и обслуживании канатной дороги через реку Амур (Хэйлунцзян) на участке российско-китайской государственной границы между городами Благовещенск (Российская Федерация) и Хэйхэ (Китайская Народная Республика): [распоряжение Правительства РФ от 20.08.2015 № 1623-р] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2016).
 13. О правилах местного приграничного передвижения на внешних сухопутных границах государств-членов и об изменении положений Шенгенской конвенции: [регламент Европейского Парламента и Совета ЕС от 20.12.2006 № 1931/2006] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2016).
 14. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве приграничных сообществ и властей [конвенция Совета Европы от 21.05.1980 ETS № 106] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2016).
 15. Дополнительный протокол к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей: [протокол Совета Европы от 09.11.1995 ETS № 159] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2016).
 16. Протокол № 3 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, касающегося европейских региональных объединений сотрудничества (ЕвРОС) [протокол Совета Европы от 16.11.2009 CETS № 206] [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД России – URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 13.05.2016).
 17. Европейская хартия местного самоуправления [хартия Совета Европы от 15.10.1985 ETS № 122] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2016).
 18. Конвенция приграничного сотрудничества государств-участников СНГ: [конвенция Содружества Независимых Государств от 10.10.2008] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2016).
 19. Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств: [решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 15.09.2004] [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых

- актов и других документов Содружества Независимых Государств— URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#k> (дата обращения: 19.04.2016).
20. Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа: [распоряжение Правительства РФ от 28.10.2015 № 2193-р] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2016).
 21. Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации: [распоряжение Правительства РФ от 09.02.2001 № 196-р] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2016).
 22. Концепция внешней политики РФ (утв. Президентом РФ 30.11.2016) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2018).
 23. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20.11.2013) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2018).
 24. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Королевства Норвегия от 02.11.2010 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс»: Законодательство: Версия Проф. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2016).
 25. Об утверждении Концепции развития города Благовещенска до 2020 года [постановление мэра города Благовещенска от 11.07.2008 № 2164] [Электронный ресурс] // АО «Кодекс»: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации – URL: <http://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 13.05.2016).
 26. Декларация по итогам встречи глав правительств стран-членов СБЕР: [декларация Совета Баренцева/Евроарктического региона от 04.06.2013] [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД России – URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 13.05.2016).
 27. Закон об иностранцах от 09.12.2009 [Электронный ресурс] // Eesti Õigusbüroo OÜ. Законодательство Эстонии на русском языке. – URL: <https://www.juristaitab.ee/> (дата обращения: 13.05.2018).
 28. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о распространении практики упрощенного пропуска граждан Российской Федерации в торговые комплексы в г.г. Хэйхэ и Суйфэнхэ, действующие по китайскую сторону российско-китайской границы, в форме обмена нотами от 2 июня 1999 года // Бюллетень международных договоров. 1999. № 11.
 29. Хельсинские правила использования вод международных рек от 20 августа 1966 г. [Электронный ресурс] // АО «Кодекс»: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации – URL: <http://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 13.05.2016).
 30. European Charter for Border and Cross-Border Regions. New version [Электронный ресурс] // Association of European Border Regions Official webpage. – URL: http://www.aebr.eu/files/publications/110915_Charta_EN_clean.pdf (дата обращения: 18.07.2016)

31. Treaty regarding utilization of waters of Colorado and Tijuana Rivers and of the Rio Grande. 03.02.1944. USA – Mexico. 59 Stat. 1219. [Электронный ресурс] – URL: <http://ibwc.state.gov/Files/1944Treaty.pdf> (дата обращения: 19.03.2016)
32. Treaty relating to boundary waters between the United States and Canada. 11.01.1909. USA – Great Britain, 36 Stat. 2449 [Электронный ресурс] – URL: http://www.ijc.org/en_/BWT (дата обращения: 29.03.2016)

Литература на русском языке

33. Агеева М. Мэр Лаппеенранты впервые посетил Светогорск // Вуокса. 2000. № 32 (187). С. 2.
34. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
35. Александров О.Б. Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада. М.: Изд-во МГИМО (У) МИД России, 2005. 136 с.
36. Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: СПбГУ, 2007. 467 с.
37. Анимца Е.Г., Тертышный А.Т. Региональное развитие в контексте циклично-волновой методологии // Известия Уральского государственного экономического университета. 2001. № 4. С. 13-23.
38. Анисимов А.М., Вардомский Л.Б., Колосов В.А., Герцен А.А., Гриценко А.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. и др. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4 (21). С. 76–96.
39. Анищенко А.Г., Сергунин А.А. Города-близнецы: новая форма приграничного сотрудничества в Балтийском регионе? // Балтийский регион. 2012. № 1 (11). С. 27-38.
40. Арсентьева И.И. Приграничные регионы в системе национальной безопасности России (на примере Забайкальского края) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 108. С. 191-198.
41. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.
42. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 60-71.
43. Бакланов П.Я., Тулохонов А.К. (ред.) Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 610 с.
44. Баринов В.А. Теория систем и системный анализ в управлении организациями М. : Финансы и статистика, 2006. 848 с.
45. Баринов С. Л. Барьеры приграничных социокультурных коммуникаций в зоне нового западного пограничья России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2011. № 1. С. 45-54.
46. Бедюхова С.М., Беляев А.В., Кондратов М.В. Челябинская агломерация: постановка проблемы // Малые и средние города России: социокультурная и экономическая роль в развитии страны: труды всерос. науч.-практич. конф. преподавателей вузов, ученых и специалистов. Челябинск: Центр оперативной полиграфии «Violitprint», 2012. С.10-19.
47. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. Волгоград: НОФМО, 2002. 572 с.
48. Божё-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов. М.: Изд-во «Прогресс», 1967. 424 с.

49. Болотов Д.А., Межевич Н.М., Шураев В.В. Приграничное (международное) сотрудничество в системе межмуниципального взаимодействия. Спб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2005. 118 с.
50. Бородин Т.Л., Волкова И.Н., Гриценко А.А., Баринов С.Л. Приграничные территории России и Украины: общая история и разделенное настоящее (географические подходы) // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). М.: Институт географии РАН, МАРС, 2008. С.266-288.
51. Бредникова О., Воронков В. Граница и реструктурирование социального пространства (случай Нарвы-Ивангорода) // Кочующие границы. Сб. статей по материалам международного семинара (Нарва, 12-16 ноября 1998) / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова. СПб.: ЦНСИ, 1999. Труды. Вып. 7.
52. Буторина О.В. Понятие региональной интеграции: новые подходы. Космополис: Альманах. 2005. № 3 (13). С.136-145.
53. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
54. Вардомский Л.Б., Скатерщикова Е.Е. Внешнеэкономическая деятельность регионов России: учебное пособие для вузов / Под ред. В.Г. Глушковой. М.: АРКТИ, 2002. 320 с.
55. Вардомский, Л.Б., Мироненко, Н.С. К проблеме изучения границ экономико-географических систем // Географические границы / Под ред. Б.Б. Родомана, Б.М. Эккеля. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 38-46.
56. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
57. Верхованцева К.В. Опыт участия российских регионов в европейских трансграничных пространствах (на примере еврорегиона «Карелия») // Власть. 2009. № 3. С.70-73.
58. Верхованцева К.В. Развитие современного трансграничного сотрудничества России и стран Европы: сравнительный анализ. Дис. ... канд. полит. наук. М.: РУДН, 2009. 177 с.
59. Волынчук А.Б. Трансграничный регион: теоретические основы геополитического исследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4 С. 49-55.
60. Волынчук А.Б., Фролова Я.А. Регион как форма трансграничности // Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / науч. ред. П.Я. Бакланов; М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 115-130.
61. Ганзей С.С. Трансграничные геосистемы Юга Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток: Дальнаука, 2004. 231 с.
62. Герасименко Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. СПб.: 2005. 235 с.
63. Герасименко Т.И., Лапаева М.Г. Формирование трансграничных регионов как пространственно-временной результат трансграничного взаимодействия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 2. С. 298-302.
64. Горкин А.П. (отв. ред.). Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
65. Города-спутники. Сб. ст., М., 1961.

66. Горшенин С.Г. Приграничье: этапы внешнеэкономической модернизации. М.: Новелла, 2009. 186 с.
67. Грибова С.Н. Развитие приграничных регионов России: методология и практика. Автореф. дис. ... докт. экон. наук. Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. технол. ун-т, 2011. 402 с.
68. Гусева И. «Свейма» – совместное предприятие // Советский рабочий. 1989. № 44-45. С. 1.
69. Давидович. Города-спутники. Сб. ст., М., 1961.
70. Даньшин А.И. Сельскохозяйственный потенциал районов-аналогов Беларуси и России // Географические науки в обеспечении стратегии устойчивого развития в условиях глобализации: мат. межд. науч.-практ. конф. / Под ред. И.И. Пирожника. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. С. 225-227.
71. Дегтярёв В.Я., Жусупова Г.Б., Пряхин Г.Н. Новые пространственные формы межгосударственной экономической интеграции // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 36. С. 85-91.
72. Доманьский Р. Экономическая география: динамический аспект. М.: Изд-во «Новый хронограф». 2010. 376 с.
73. Доронина П.Е. Приграничное сотрудничество в Российской Федерации: особенности публично-правового регулирования. Архангельск: Поморский университет, 2009. 160 с.
74. Елманова Д. «Медленные города» как стратегия регионального развития на примере городов Бельгии // Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте: материалы международной научной конференции (Грозный, 20-25 сентября 2016 г.) / Под общей ред. А.Г. Дружинина. 2016. С. 218-224.
75. Елохов А.М. Город как объект управления // Вестник Пермского университета. 2011. № 3. С. 78-86.
76. Епинина В.С. Партиципативный механизм в публичном управлении: системный подход // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского Института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 180-184.
77. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000.
78. Журавская Т.Н. «Серый импорт» на российско-китайской границе: что нового? // Электронный журнал «Экономическая социология». 2011. Т12. №5. С. 54-71.
79. Замятина Н.Ю. Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Международный журнал исследований культуры. 2011. №4 (5). С.60-68.
80. Заяц Д. В., Михайлова Е. В., Федосеев А. И. Пограничье России, Белоруссии и Украины в новых геополитических условиях: взаимодействие в политической сфере // Современные подходы к изучению экологических проблем в физической и социально-экономической географии. Сборник статей X-й Международной молодёжной школы-конференции Института географии РАН. М.: Изд-во 11-й ФОРМАТ, 2017, с. 26-33.
81. Змеева О.В., Сулейманова О.А. «Север Подставил плечо»: размещение и трудоустройство украинских «Братьев» в Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 27. С. 7-28.
82. Иваницкий В.П., Привалов Н.Г., Привалова С.Г. Свойства и классификации социально-экономических систем // Сибирская финансовая школа. 2012. № 1. С.3-8.

83. Ильина И.Н., Михайлова Е.В. Движущие факторы формирования трансграничного сообщества на российско-китайской и российско-финляндской границах // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2015. № 1 (36). С. 151-160.
84. Каганский В.Л. Вопросы о пространстве маргинальности // Новое литературное обозрение. 1999. № 37.
85. Каганский В.Л. Ситуация границы и логико-семиотические типы границ // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 4 (21). С. 5-27.
86. Казаченко Л.Д. Регион как социально-экономическая система // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 1. С. 135-142.
87. Кайсто В. Двойной город Иматра - Светогорск. Опрос общественного мнения 2007 г. // В. Кай-сто, Н. Нартова. Лаппеенранта: Технический университет Лаппеенранты, Институт Южной Карелии, 2008. Вып. 7. 167 с.
88. Катровский А.П., Ковалёв Ю.П. (ред.) Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен. Смоленск: Универсум, 2012. 288 с.
89. Кожин В.А., Егоршин А.П. Управление социально-экономической системой. Нижний Новгород: НИМБ, 2009. 288 с.
90. Колева З. И. Побратимство как культурно-социальная практика, влияющая на формирование социального пространства города // Вестник СамГУ. 2012. №8.1. С. 50-54.
91. Колесникова Т.В. Инновационная составляющая китайской экономики // Экономический журнал. 2012. № 28. С. 31-39.
92. Колосов В.А. Политическая география. Проблемы и методы. М.: 1988. 190 с.
93. Колосов В.А. Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России? // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 83-93.
94. Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Барьерная функция российских границ // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 5. С. 8-20. DOI:10.15356/0373-2444-2016-5-8-20
95. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. 2-е изд., испр. и доп. 305 с.
96. Колосов В.А., Бородулина Н.А. Российско-эстонская граница: барьеры восприятия и приграничное сотрудничество // Псковский регионологический журнал. 2006. № 1. С. 145-157.
97. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия АН. Серия географическая. 1997. №5. С. 106-113.
98. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Типы новых российских границ // Известия АН. Серия географическая. 1999. №5. С. 39-47.
99. Кондратьева Н.Б. Регионы России и Европейского Союза на пути к строительству Общего экономического пространства. М.: Ин-т Европы РАН: Изд-во «Русский сувенир», 2008. 112 с.
100. Корнеевец В.С. Классификация приграничных регионов России // Региональные исследования. 2010. №4. С. 48-53.
101. Корнеевец В.С. Международные транснациональные и трансграничные регионы: признаки, особенности, иерархия // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 1. С. 27-34.

102. Корнеевец В.С. Транснациональные и трансграничные регионы как специфические формы территориальной организации общества. Автореферат дис. ... докт. геогр. наук. СПб.: СПбГУ, 2010. 40 с.
103. Костюнина Г.М. Промышленно-производственные зоны в зарубежной практике (на примере Мексики) // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 9. С. 13–22.
104. Кулик С.А. Россия-Европейский союз: о развилках «стратегического партнерства» М.: Институт современного развития, 2012. 170 с.
105. Кущенко В. В. Особые режимы внешнеэкономической деятельности: право и практика: учебно-практическое пособие. М.: Книжный мир, 2004. 127 с.
106. Лапкин В.В. Проблемы моделирования политического развития // Циклы политического развития: прогностический потенциал / Отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 10-28.
107. Лаппо Г.М. География городов: учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. 476 с.
108. Лесконцева К.В. Интерпретация понятия «трансграничный регион» через призму современной социологической методологии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 8. С. 60-70.
109. Лесконцева К.В., Романова Н.П. Трансграничный регион: эволюция теоретико-методологических подходов // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 6. С. 95-105.
110. Маергойз И.М. Географическое учение о городах. М.: Наука, 1987. 117 с.
111. Манаков А.Г. Влияние пограничного положения Псковской области на социокультурные ориентиры населения региона // Балтийский регион. 2010. № 2 (4). С. 112–121.
112. Межевич Н.М. Приграничное сотрудничество и практика деятельности Еврорегионов на Северо-Западе России и в Республике Беларусь. СПб.: Изд-во «Левша», 2009. 262 с.
113. Миндагалиева А.Ш. Цели, формы и методы приграничного сотрудничества российских регионов со странами СНГ (на примере Казахстана). Дис. ... канд. полит. наук. М.: Дипломат. акад. МИД РФ, 2006. 206 с.
114. Михайлова Е.В. Благовещенск и Хэйхэ: «города-близнецы» как туристический территориальный бренд // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат-лы IV междунаrod. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 14–19 мая 2014 г.) / Отв. ред. Д.В. Буяров и Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. № 4. С. 506-512.
115. Михайлова Е.В. Формирование терминологического аппарата в сфере изучения трансграничных территориальных образований // Вестник Астраханского государственного технического университета, Серия Экономика. 2015. № 2. С. 7-16.
116. Михайлова Е.В. Эндогенные проблемы приграничного сотрудничества «городов-близнецов» // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 109-117.
117. Мишланова С. Л., Пермякова Т. М. «Города-побратимы» в разных лингвокультурах – «Братья» или «Сёстры»? // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. №3. С.46-51
118. Балацкий О.Ф., Бельшев Д.В., Гурман В.И., Дейссенберг Х. Моделирование социально-эколого-экономической системы региона / Под ред. В.И. Гурмана, Е.В. Рюминой. М.: Наука, 2003. 175 с.

119. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией регионов России. Дис. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2013. 196 с.
120. Морачевская К. А. Соотношение приграничного и периферийного положения в социально-экономическом развитии российско-белорусского приграничья // Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы. / Под ред. В.А. Колосова и А.Б. Володина. М., 2016. С. 97-105.
121. Немирова Г.И. Финансовое обеспечение экономического развития приграничного субъекта РФ. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 137 с.
122. Носонов А.М. Концептуальные основы циклического развития // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 36-47.
123. Носонов А.М. Теоретические и методологические аспекты исследования цикличности территориальных систем сельского хозяйства // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 3. С 300-310.
124. Пастарнакова О. А. Становление приграничного сотрудничества как социального института. Дис. ... канд. социол. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2008. 198 с.
125. Песцов С.К. Приграничные и трансграничные регионы // Введение в исследование границ. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 145-162.
126. Пивоваров Д.В. Граница // Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2015. С.144-147.
127. Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья. Смоленск: 2005. 304 с.
128. Родоман Б.Б. Основные типы географических границ // Географические границы / Под ред. Б.Б. Родомана, Б.М. Эккеля. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 20-32.
129. Розов Н.С. Развитие циклических механизмов и перспективы социально-политической динамики России // Циклы политического развития: прогностический потенциал / Отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. М. : ИМЭМО РАН, 2010. С. 54-71.
130. Ромахина Ю. М. К вопросу о миграционных процессах в дальневосточном федеральном округе //Власть. 2012. №. 6. С. 70-82.
131. Рыжова Н.П. Феномен городов-близнецов в контексте трансграничных миграционных процессов (на примере Благовещенска и Хэйхэ) // Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Науч. ред. С. В. Голунов. М.: Аспект Пресс, 2008. С.184-203.
132. Рыжова Н.П. Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // Проблемы Дальнего Востока, 2009. №4. С. 59-74.
133. Рыжова Н.П., Журавская Т.Н. Трансграничный шопинг на российско-китайской границе: кризис, перформативность и восприятие «себя» //Этнические рынки в России: пространство торго и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 202-213.
134. Савоскул М.С. Формирование и эволюция российско-германской транснациональной миграционной системы. Дис. ... докт. геогр. наук. М.: МГУ, 2016. 404 с.
135. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 599 с.
136. Сидорова Л. Государства Центральной Азии: проблемы совместного использования трансграничных водных ресурсов // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1(55). С. 92-103.
137. Слука Н. А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005. 167 с.

138. Слuka Н. А. Геодемографические феномены глобальных городов. Смоленск: Ойкумена, 2009. 317 с.
139. Слuka Н. А., Ткаченко Т. Х. Глобальные города: особенности индустриального развития //Изменения в пространственной организации промышленности мира: вторая половина XX в.-начало XXI в. 2009. С. 239-256.
140. Сыченкова Е.В. Развитие внешнеэкономических связей в Евро-Арктическом регионе //Регионализация и глобализация: общественные процессы в России и на Европейском Севере в XX-XXI веках. Сб. науч. статей. Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова 2007. С. 245-255.
141. Толстов В.К., Осадчая О.П., Ремизов Д.В. Приграничное сотрудничество: опыт, проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2008. 175 с.
142. Тооде А. Нарвская и Ивангородская крепости. Нарва: Издательство Нарвской горуправы, 2007. 87 с.
143. Федоров Г.М. Приграничное положение как фактор стратегического и территориального планирования в российских регионах на Балтике // Балтийский регион. 2014. № 3. С. 71-82.
144. Философская энциклопедия (в пяти томах). Т. 1: А - Дидро. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1960. 504 с.
145. Чернова О.М. Система исследовательской работы учителей МОУ «СОШ№ 1 г. Светогорска» по изучению родного края //Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. №. 12.
146. Чубаров И.Г., Михайлова Е.В. Проблемы преодоления периферийности российско-китайского трансграничья // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 88-105.
147. Шувалов В.Е. Понятие границы и эффекта пограничности и их место в экономико-географических исследованиях. Дис. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 1979.
148. Ягудаев Р.С. Приграничное сотрудничество в системе международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: политико-правовой аспект. Дис. ... канд. полит. наук. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2006. 174 с.
149. Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб.: НОРМА, 2007. 280 с.

Интернет-ресурсы на русском языке

150. Абельсен Т., Треллевиk А. Российский мэр: утверждения о гибридной войне — грубая ошибка [Электронный ресурс] // ИноСМИ, 22.04.2016. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160422/236254011.html> (дата обращения: 17.03.2017).
151. Андронов Д. По волнам фестиваля «Вуокса» [Электронный ресурс] // Газета «Выборг». Выборг: № 185 (17540), 2015. URL: <http://www.gazetavyborg.ru/article.php?table=events&item=62684081> (дата обращения: 23.05.2016)
152. Ассоциация «Некоммерческое партнерство «Центр международного сотрудничества и содействия субъектам малого и среднего предпринимательства, развитию инноваций города Благовещенска» [Электронный ресурс] URL: <https://www.npcms.net/ru> (дата обращения: 12.04.2016)
153. Астафьева Е. В июле в Приамурье приехали 22 тысячи китайских туристов [Электронный ресурс] // Амурская правда. 2017, 8 августа. URL: <https://ampravda.ru/2017/08/08/076435.html> (дата обращения: 18.05.2018)

154. Ашихмин Е. Питерские «корейцы» помогают эстонской Нарве [Электронный ресурс] //Eesti Media 2012 <http://rus.postimees.ee/792988/piterskie-koreysy-pomogayut-estonskoj-narve>
155. Би-порт, 2009. Европейская модель сотрудничества приграничных территорий «City-twins» применима к новой модели отношений между Никелем и Киркенесом в формате «Города-близнецы». [Электронный ресурс] URL: <http://www.b-port.com/news/item/30456.html>
156. В Благовещенске создано Некоммерческое партнерство «Центр международного сотрудничества и содействия субъектам малого и среднего предпринимательства, развитию инноваций города Благовещенска» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Амурской международной выставки-форума «АмурЭкспоФорум». URL: <http://www.amurexpo.info/news/2015-08-08-271.html> (дата обращения: 14.04.2016)
157. Всероссийский совет местного самоуправления [Электронный ресурс] URL: <http://www.vsmsinfo.ru/> (дата обращения: 04.03.2016)
158. Выезд российских туристов в Китай [Электронный ресурс] // Агентство по туризму Амурской области. 2014. URL: <http://www.amurvisit.ru/article/2780> (дата обращения: 14.04.2016)
159. Глава муниципалитета Владимир Кобелев и мэр Хэйхэ Чжан Эньлян [Электронный ресурс] // Благовещенская городская дума. URL: <http://v2.blagduma.ru/news/2013-07-11> (дата обращения: 08.04.2016)
160. Заплыв дружбы [Электронный ресурс] // Агентство по туризму Амурской области. URL: <http://www.amurvisit.ru/event/4104.html> (дата обращения: 13.05.2016)
161. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-финляндских переговоров [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. Официальный сайт. 2016, март. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51551> (дата обращения: 03.05.2016)
162. Каскад Пазских ГЭС [Электронный ресурс] : Официальный сайт компании ТГК-1. URL: <http://www.tgc1.ru/?id=167> (дата обращения: 10.04.2016)
163. Кузьмина Е. Благовещенск и Хэйхэ побывали в Маньчжурии [Электронный ресурс] //Амурская правда. 2011. № 92. URL: <http://www.ampravda.ru/2011/05/26/030351.html> (дата обращения: 09.06.2016)
164. «Лето городов-близнецов» пройдет в Хэйхэ // ТВ Город [Электронный ресурс] URL: http://tvgorod.ru/2375-%C2%ABLeto_gorodov-bliznecov%C2%BB_projdet_v_Xejxe.html (дата обращения: 11.05.2016)
165. Лукин В. Китайцы тайно вывозят из Приамурья миллионы рублей. Зачем они это делают? [Электронный ресурс] // Амурская правда, 2017, 25 июля. URL: <https://ampravda.ru/2017/07/25/076206.html> (дата обращения: 13.05.2018)
166. Мурзина К. Автобусы в Хабаровске сделали удобными для китайских туристов [Электронный ресурс] // Восток Медиа, 2017, 27 июля. URL: <https://vostokmedia.com/news/city/27-07-2017/avtobusy-v-habarovske-sdelali-udobnym-dlya-kitayskih-turistov> (дата обращения: 27.09.2017)
167. Отчет лаборатории геополитических исследований за 2015 г. [Электронный ресурс]. Институт географии РАН. 28 с. URL: <http://geopolitic.igras.ru/wp-content/uploads/2016/03/2015.pdf> (дата обращения: 18.02.2016)

168. Официальный сайт МО «Светогорское городское поселение». [Электронный ресурс]
URL: <http://www.svetogorsk-city.ru>
169. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] URL: www.gks.ru (дата обращения: 19.04.2014)
170. Подписано соглашение о строительстве канатной дороги и моста Благовещенск – Хэйхэ [Электронный ресурс] // BezFormata.Ru. URL: <http://blagoveshensk.bezformata.ru/listnews/dorogi-i-mosta-blagoveshensk-hejhe/37359798/> (дата обращения: 08.04.2016)
171. Приграничное сотрудничество в фокусе [Электронный ресурс] // Программа Приграничного Сотрудничества в рамках Европейского Инструмента Соседства и Партнёрства «Карелия». Официальный сайт. 2014, сентябрь. URL: <http://www.kareliaenpi.eu/ru/component/content/category/62?layout=blog&start=15> (дата обращения: 18.02.2015)
172. Романова Н. Берега роста [Электронный ресурс] // «МК на Амуре», 14.03.2013 <http://blag.mk.ru/article/2013/03/14/825671-beregarosta.html> (дата обращения: 19.03.2013)
173. Сиянова В. Велосипед за 10 рублей: как действует система электронного проката двухколесного транспорта [Электронный ресурс] // Амурская правда, 2015, 12 сентября. URL: <https://ampravda.ru/2015/09/12/60505.html> (дата обращения: 08.02.2016)
174. Таможня Финляндии 2016. Статистика по транспорту через сухопутные границы Финляндии 2011-2016 гг. [Электронный ресурс]: Helsinki, Centre for Economic Development, Transport and Environment. – 65 с. – URL: http://www.tulli.fi/fi/suomen_tulli/julkaisut_ja_esitteet/Ulkomaankaupan_tilastojulkaisut/seurant-araportit/tiedostot/maarajojen_liikennetilasto.pdf (дата обращения: 11.03.2016)
175. Товт А. Нужно ли Украине выходить из СНГ. Аргументы за и против [Электронный ресурс] // Страна UA. 12.10.2016. URL: <https://strana.ua/articles/analysis/35663-ukraina-uhodit-iz-sng.html> (дата обращения: 30.12.2017)

Литература на иностранных языках

176. Adey P. Facing airport security: affect, biopolitics, and the preemptive securitisation of the mobile body // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2009. №27 (2). P. 274-295.
177. Alegría T. ¿ Existen las metrópolis transfronterizas?: El caso de Tijuana/San Diego // *Ciudades en la frontera. Aproximaciones críticas a los complejos urbanos transfronterizos*. 2008. P. 129-165.
178. Anderson J., O'Dowd L. Borders, Border Regions and Territoriality: Contradictory Meanings, Changing Significance // *Regional Studies*. 1999. № 33 (7). P. 593-604.
179. Aparna K. 2013 Re-mapping the U.S.-Mexico Border: High Agency, Everyday Region-making, and Lived Spaces of the U.S.-Mexico Border in Tijuana. Master thesis. Radboud University, Nijmegen. 261 p.
180. Arando S., Navarro M. and Peña I. Cross-border business networks: the case of the Basque Eurocity Corridor. // *Entrepreneurship, industrial location and economic growth*, 2007. P. 205-229.
181. Arreola D. Border-City Idée Fixe // *Geographical Review*. 1996. № 86 (3). P. 356–69.
182. Arreola D. D., Curtis J. R. The Mexican border cities: Landscape anatomy and place personality. Tucson: University of Arizona Press, 1993. 258 p.
183. Asher A.D. In the laboratory of Europe: governing the «Europe of regions» on the Polish/German frontier. European Union Center of the University of Illinois at Urbana-Champaign, 2004. 22 P.

184. Asher A.D. Inventing a city: cultural citizenship in 'Slubfurt' // *Social Identities*. 2012. № 18 (5). P. 497-520.
185. Balcaite I. Flows making places, borders making flows: the rise of Mae Sot-Myawaddy hub in the Thai-Burmese borderland // Garrard J. and Mikhailova E. (eds.) *Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time*. Abingdon: Routledge, 2018. P. 301-312.
186. Blatter J. From 'Spaces of Place' to 'Spaces of Flows'? Territorial and functional Governance in Cross-Border Regions in Europe and North America // *International Journal of Urban and Regional Research*. № 28 (3). P. 530-548.
187. Blatter J., Ingram H. States, markets and beyond: Governance of transboundary water resources // *Natural Resources Journal*. 2000. P. 439-473.
188. Bode I., Firbank O. Barriers to co-governance: examining the «chemistry» of home-care networks in Germany, England and Quebec // *The Policy Studies Journal*. 2009. № 37 (2). P. 325-351.
189. Boman J. and Berg E. Identity and Institutions Shaping Cross-border Co-operation at the Margins of the European Union // *Regional and Federal Studies*. 2007. № 17. P. 195–215.
190. *Borders and Border Regions in Europe & North America* / P. Ganster, J.W. Scott, A. Sweedler, W. Dieter-Eberwein (Eds.). San Diego: University of San Diego Press. 1997. 376 p.
191. *Borderlands: comparing border security in North America and Europe*. / E. Brunnet-Jailly (ed.). University of Ottawa Press. Ottawa, 2007. 406 p.
192. Brakman S., Garretsen H., Oumer A. Town Twinning and German City Growth // *Regional Studies*. 2016. № 50 (8). P. 1420-1432.
193. Brandsen T., Boogers M., Tops P. Soft Governance, Hard Consequences: The Ambiguous Status of Unofficial Guidelines // *Public Administration Review*. 2006. № 66. (4). P. 546-553.
194. Bucken-Knapp G. Just a train-ride away, but still worlds apart: Prospects for the Øresund region as a binational city // *GeoJournal*. 2001. № 54 (1). P. 51-60.
195. Buursink J. The binational reality of border-crossing cities // *GeoJournal*. 2001. № 54. P. 7-19.
196. Buursink J., Ehlers N. The binational city of Eurode // *ERSA conference papers*. 1999. URL: <http://www-sre.wu-wien.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa99/Papers/a255.pdf> (дата обращения: 09.06.2016)
197. Christaller W. *Central place in Southern Germany*. Englewood Cliffs. 1996. 230 p.
198. Covarrubias D. Analyzing how a Social Base Impacts Economic Development and Competitiveness Strategies in a Cross-border Context: the Case of Region Laredo // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. C. 1-20.
199. Covarrubius D. Bridging the socio-economic gap: integrating cross-border regions through compating different worlds – region Laredo, Aquitaie-Euskadi and Öresund. Ph.D. Dissertation. University of Deusto, 2015. 276 p.
200. Cremer R. D., De Bruin A., Dupuis A. International Sister-Cities: Bridging the Global-Local Divide // *American Journal of Economics and Sociology*. 2001. № 60 (1). P. 377-401.
201. Dear M.J., Leclerc G., Berelowitz J. *Postborder City: Cultural Spaces of Bajaalta California*. University of Southern California. New York: Routledge, 2003. 306 P.
202. Dębicki M., Doliński W. A Look across the River at Frankfurt-Oder and Its Inhabitants: Stereotypes and Liking in the Polish-German Divided Town in View of Social Geography // *Sociální studia/Social Studies*. – 2017. – T. 14. – №. 1.

203. Dębicki M., Tamaska D. M. Laboratories of Integration: Divided Twin Towns at River Borders in the Visegrad Countries and Germany // *Socio. hu. Social Science Review. Special Visegrad Issue*. 2014. T. 2. P. 1-20.
204. Del Biaggio C. Investigating regional identities within the pan-Alpine governance system: the presence or absence of identification with a «community of problems» among local political actors // *Environmental science and policy*. 2015. № 49. P. 45-56.
205. Dolińska K., Niedźwiecka-Iwańczak N. German Neighbours from Across the River—Insiders? Strangers? Others? // *Sociální studia/Social Studies*. 2017. T. 14. №. 1.
206. Dołzbłasz S. and Raczyk A. Tranborder openness of companies in a divided city: Zgorzelec/Görlitz case study. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 2012, vol. 103(3), p. 347-361.
207. Donahue J.D., Zeckhauser R.J. Collaborative governance: private roles for public goals in turbulent times. Princeton University Press, 2011. 296 P.
208. Durrschmidt J. “They’re Worse Off Than Us”: The Social Construction of European Space and Boundaries in the German/Polish Twin-City Guben-Gubin // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2002. №9 (2). P. 123-150.
209. Dürschmidt J. So near yet so far: Blocked networks, global links and multiple exclusion in the German–Polish borderlands // *Global Networks*. 2006. № 6 (3). P. 245-263.
210. Ehlers G. A. N. The binational city Eurode: The social legitimacy of a border-crossing town. – Aachen: Shaker, 2007.
211. Ehlers N. The utopia of the binational city // *GeoJournal*. 2001. Vol. 54, no. 1. P. 21–32.
212. Eskilinen H., Kotilainen J. A vision of a Twin City: exploring the only case of adjacent urban settlements at the Finnish-Russian border // *Journal of Borderlands Studies*. 2005. № 20. P. 31-46.
213. Expertising governance for transfrontier conurbations. Handbook on the governance of cross-border conurbations. *UrbAct*. 2010. 142 P.
214. Fehérvölgyi B., Birkner Z., Peter E. The trans-border co-operation as the successful realization of the ‘glocal’ philosophy. // *Deturope – The Central European Journal of Regional Development and Tourism*. 2012. № 4. P. 71-92.
215. Figenschou A. The Twin Cities of Petchenga Rayon and Sør-Varanger Municipality. Master Thesis. The Faculty of Humanities. University of Oslo. 2011.
216. Form W.H., D’Antonio W.V. Integration and cleavage among community influentials in two border cities. *American sociological review*. 1959.
217. Fors B. S. The Prospects for the Development of a Barents Identity Region // *Encountering the Changing Barents – Research Challenges and Opportunities*. Rovaniemi: University of Lapland, Arctic Centre. 2010. P. 44-50.
218. Freeman T. W. The Conurbations of Great Britain. Manchester University Press, 1959.
219. Ganster P., Collins K. Binational Cooperation and Twinning: A View from the US–Mexican Border, San Diego, California, and Tijuana, Baja California // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. №32 (4). P. 497-511.
220. Geddes P. City in evolution. London: Williams and Norgate Ltd, 1915.
221. Gleick P. Water and conflict, fresh water resources and international security // *International Security*. 1993. № 18. P. 79-112.
222. González X. O. Cross-border cooperation in Cerdanya (Spain-France border) // *Boletín de la Asociación de Geógrafos Españoles*. 2013. № 62. P. 435-440.

223. Häkli J. Boundaries of trust: building a transnational space in Haparanda-Tornio // Social capital and urban networks of trust. 2009. C. 205-232.
224. Hansen K. Representative government and network governance. In need of 'co-governance': Lessons from local decision making on public schools in Denmark // Scandinavian Political Studies. 2005. № 28(3). P. 219-237.
225. Hansen N. Border regions: a critique of spatial theory and a European case study // The Annals of Regional Science. 1977. № 11 (1). P. 1-14.
226. Harguindeguy J.-B., Bray Z. Does cross-border cooperation empower European regions? The case of INTERREG III-A France – Spain // Environment and Planning C: Government and Policy. 2009. № 27 (4). P. 747-760.
227. Hassing J., Ipsen N., Clausen T. J., Larsen H., Lindgaard-Jørgensen P. Integrated Water Resources Management in Action // UNESCO. 2009. P. 22.
228. Haugseth P. Tvillingbysamarbeid i den norsk-russiske grensesonen // Viken. A. and Fors, BS (eds.), Grenseliv, Tromsø: Orkana forlag. – 2013.
229. Heddebault O. The Bi-national Cities of Dover and Calais // GeoJournal, 54, 1, 2001. P. 61-71.
230. Heikkilä M. Editorial: Testing the Barents identity // Barents Studies 2014. Supplementary issue.
231. Heliste P., Kosonen R. and Loikkanen K. 'Kaksoiskaupunkeja vai kaupunkipareja? Tapaustutkimukset: Helsinki-Tallinna, Tornio-Haaparanta, Imatra-Svetogorsk'. 2004.
232. Herzog L. Cross-national urban structure in the era of global cities: the US-Mexico transfrontier metropolis // Urban Studies. 1991. №28 (4). P. 519-533.
233. Herzog L. Where North Meets South: Cities, Space and Politics on the U.S.-Mexico Border. Austin, TX: Center for Mexican American Studies, University of Texas, 1990.
234. Herzog L., Sohn C. The co-mingling of bordering dynamics in the San Diego–Tijuana cross-border metropolis // Territory, Politics, Governance. 2017. DOI: 10.1080/21622671.2017.1323003
235. Herzog L., Sohn C. The cross-border metropolis in a global age: A conceptual model and empirical evidence from the US–Mexico and European border regions // Global Society. – 2014. №28 (4). P. 441-461.
236. Hesse F. et al. A framework for teachable collaborative problem solving skills // Assessment and teaching of 21st century skills. Springer, Dordrecht, 2015. P. 37-56.
237. Hooghe L., Marks G. Types of multi-level governance // European Integration online Papers (EIoP). 2001. № 5 (11). 32 P.
238. House J. W. The frontier zone: a conceptual problem for policy makers // International Political Science Review. 1980. № 1 (4). P. 456-477.
239. Huisman P., De Jong J., Wieriks K. Transboundary cooperation in shared river basins: experiences from the Rhine, Meuse and North Sea // Water Policy. 2000. № 2 (1-2). P. 83-97.
240. Hønneland G. Identity formation in the Barents Euro-Arctic region // Cooperation and Conflict. 1998. № 33 (3). P. 277-297.
241. Izotov, A. Constructing (Un)familiarity: Role of Tourism in Identity and Region Building at the Finnish–Russian Border / A. Izotov, J. Laine // European Planning Studies. 2013. № 21. P. 93-111.
242. Jańczak J. Central European Cross-border Towns: An Overview. // Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time. J. Garrard, E. Mikhailova (eds.). World Urban Studies Series. Routledge, 2018. P. 203-216.
243. Jańczak J. Town Twinning in Europe. Understanding Manifestations and Strategies // Journal of Borderlands Studies. 2017. T. 32. №. 4. P. 477-495.

244. Jauhiainen J. S., Pikner T. Narva-Ivangorod: Integrating and disintegrating transboundary water networks and infrastructure. *Journal of Baltic Studies*, 2009, vol. 40, № 3. P. 415–436.
245. Jayne M., Hubbard P., Bell D. Worlding a city: twinning and urban theory // *City*. 2011. № 15 (1). P. 25-41.
246. Jayne M., Hubbard P., Bell D. Twin cities: territorial and relational geographies of 'worldly' Manchester // *Urban Studies*. 2013. № 50 (2). P. 239-254.
247. Jelen I., Scharr K., Steinicke E. The Case of Gorizia/Gorica: A Sequence of Missed Geo-political and Geo-economic Opportunities // *Sociální studia/Social Studies*. 2017. T. 14. № 1.
248. Joenniemi P. City-twinning as Local Foreign Policy: The Case of Kirkenes-Nickel. CEURUS EU-Russia paper, 2014, no. 15.
249. Joenniemi P., Sergunin A. When two aspire to become one: city-twinning in Northern Europe // DIIS Working Paper 2009. № 21. Copenhagen: Danish Institute for International studies.
250. Joenniemi P., Sergunin A. City-Twinning in Northern Europe: Challenges and Opportunities // *A Research Journal of International Studies*. 2011. Vol. 22. P. 120–131.
251. Joenniemi P., Sergunin A. Kirkenes-Nikel: Catching a Second Wind of Twinning? // *Arctic Yearbook*. 2013. 20 p.
252. Kai G. Co-governance among the ethnic-national communities: a new proposition on the ethnic-national politics // *Asian Ethnicity*. 2014. № 14 (4). P. 571-573.
253. Kaisto V. City Twinning from a Grassroots Perspective: Introducing a Spatial Framework to the Study of Twin Cities // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. T. 32. № 4. P. 459-475.
254. Kane L.O., Ominsky A. Twin Cities: a pictorial history of Saint Paul and Minneapolis. Minnesota Historical Society press, St. Paul. 1983. 304 p.
255. Kolossov V. Theorizing Borders. *Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches* // *Geopolitics*. 2005. № 10. P. 606-632.
256. Kooiman J. *Governing as Governance*. London: Sage Publication, 2003. 264 P.
257. Kotilainen J., Prokhorova E. Company towns on the border: the post- Soviet transformation of Svetogorsk and Kostomuksha // *The EU-Russia Borderland: new contexts for regional co-operation* / H. Eskilinen, I. Liikanen, J.W. Scott (eds.). Routledge, 2013. P. 151-166.
258. Lara-Valencia F., Dołzblasz S. Border-city Pairs in Europe and North America: Spatial dimensions of integration and separation // *Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time*. J. Garrard, E. Mikhailova (eds.). World Urban Studies Series. Abingdon: Routledge, 2018. P. 176-190.
259. Lipott S. The Model of Cross-Border Cooperation in the Torne Valley Region. // *Lex Localis – Journal of Local Self-Government*. P. 283-296.
260. Lokman, K. 2014. Contested terrain: in search of Niagara. // *Monu. Magazine on urbanism* № 20. P. 70-77.
261. Lundén T., Zalamans D. Local co-operation, ethnic diversity and state territoriality – The case of Haparanda and Tornio on the Sweden-Finland border // *GeoJournal*. 2001. № 54. P. 33-42.
262. Lundén T., Zalamans D. 'National Allegiance' and Spatial Behaviour in Baltic Boundary TwinTowns, "Journal of Baltic Studies", XXXIII/2, 2002, 177-198.
263. Lundén T. On the Boundary: About humans at the end of the territory. Huddinge: Södertörns högskola. 2004. 232 P.
264. Löfgren O. Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia // *European Urban and Regional Studies*. – 2008. – T. 15. – № 3. – P. 195-209.

265. Lösch A. *The Economic of Location*. New Haven: Yale University Press, 1954. 558 P.
266. Martinez O. *The Dynamics of Border Interaction: New approaches to border analysis* // *World Boundaries* / C. H. Schofield (ed.). London: Routledge Publishing, 1994. № 1: Global Boundaries. P. 1-15.
267. Matthiesen U., Bürkner H.-J. Antagonistic Structures in Border Areas: Local Milieu and Local Politics in the Polish-German Twin City Gubin/Guben. *GeoJournal*. – 2001. – № 54. – P.43–50.
268. Matthiessen C. W. The Öresund Area: Pre-and post-bridge cross-border functional integration: the bi-national regional question // *GeoJournal*. 2005. №61 (1). P. 31-39.
269. Mikhailova E. Are refugees welcome to the Arctic? Perceptions of Arctic migrants at the Russian-Norwegian borderland // *How to Deal with Refugees?* / G. Besier, K. Stoklosa (Eds.). Berlin: LIT Verlag, 2018. P. 183-200.
270. Mikhailova E. City twinning on the Russian-Norwegian border: from neighbours to twin cities and back // *Border Bites* No. 7. October 2017. URL: http://cafs.kyushu-u.ac.jp/borders/reports/border_bites
271. Mikhailova E. Collaborative problem solving in cross-border context: learning from paired local communities along the Russian border // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. DOI: 10.1080/08865655.2016.1195702
272. Mikhailova E., Németh S. Impacts of town-twinning on the communities of Imatra and Svetogorsk through different fields of cross-border cooperation // *Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time*. J. Garrard, E. Mikhailova (eds.). World Urban Studies Series. Abingdon: Routledge, 2018. P. 272-287.
273. Mikhailova E., Wu C.-T. Ersatz Twin City Formation? The Case of Blagoveshchensk and Heihe. *Journal of Borderlands Studies*. 2016. DOI: 10.1080/08865655.2016.1222878
274. Moe A., Rowe L. Asylstrømmen fra Russland til Norge i 2015: Bevisst russisk politikk? // *Nordisk Østforum*. 2016. №30 (2). P. 80–97.
275. Nelles J., Durand F. Political rescaling and metropolitan governance in cross-border regions: comparing the cross-border metropolitan areas of Lille and Luxemburg // *European Urban and Regional Studies*. 2014. № 21 (1). P. 104-122.
276. Newson M. *Land, water and development: Sustainable management of river basin systems*. London Routledge 1997. P. 460.
277. Nilsen T. Barents roadmap towards visa-freedom // *Barents Review* 2012. Barents Borders: Delimitation and internationalization. The Norwegian Barents Secretariat. Kirkenes, 2012. P. 31-44.
278. Norman E.S., Bakker K. Transgressing Scales: Water Governance Across the Canada–U.S. Borderland // *Annals of the Association of American Geographers*. 2008. № 99 (1). P. 99-117.
279. Nyseth T., Viken A. Kirkenes: A Town for Miners and Ministers // *Place Reinvention: Northern Perspectives*. Farnham: Ashgate. 2009. P. 53-71.
280. Paasi A. Boundaries as social processes: Territoriality in the world of flows // *Geopolitics*. – 1998. № 3 (1). P. 69-88.
281. Paasi A. Bounded spaces in a ‘borderless world’: border studies, power and the anatomy of territory // *Journal of Power*. 2009. № 2 (2). P. 213-234.
282. Paasi A. Generations and the ‘development’ of border studies // *Geopolitics*. 2005. № 10. (4). P. 663-671.
283. Paasi A. *Territories, boundaries, and consciousness: The changing geographies of the Finnish-Russian boundary*. J. Wiley & Sons, 1996. 353 p.

284. Pacheco F. J. L., López-Nórez A. 2012. Cross-border collaboration in border twin cities: lessons and challenges for Ciudad Juarez-El Paso and Frankfurt (Oder)/Slubice. Ciudad Juarez. 78 p.
285. Pasquinelli C. Competition, cooperation and co-opetition: unfolding the process of inter-territorial branding // *Urban Research & Practice*. 2013. № 6 (1). P. 1-18.
286. Perkmann M. Policy entrepreneurship and multi-level governance: a comparative study of European cross-border regions // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 2007. № 25 (6). P. 861-879.
287. Perkmann M. Euroregions. Institutional entrepreneurship in the European Union // *Globalization, regionalization and Cross-Border regions* / M. Perkmann, N.-L. Sum (eds.). Palgrave Macmillan UK. 2002. P. 103-124.
288. Pikner T. Reorganizing Cross-Border Governance Capacity: The Case of the Helsinki – Tallinn Euregio // *European Urban and Regional Studies*. 2008. №15 (3). P. 211-227.
289. Pocock D. C. D. The contribution of mental maps in perception studies // *Geography*. 1979. P. 279-287.
290. Roeber J. Towards an Ever-Closer Region? Explaining Administrative Cross-Border (Non-) Cooperation from the Vantage Point of Lake Constance // *EGPA study group on regional and local government*. 2010. 34 P.
291. Rogova A. Chicken is not a bird, Kirkenes is not abroad. Borders and territories in perception of the population in a Russia-Norwegian borderland // *Journal of Northern Studies*. 2009. № 1. P. 31-42.
292. Rumford C. Social policy beyond fear: the globalization of strangeness, the 'War on Terror', and 'Spaces of Wonder' // *Social Policy & Administration*. 2008. №42 (6). P. 630-644.
293. Rumford C. Towards a multiperspectival study of borders // *Geopolitics*. 2012. №17(4). P. 887-902.
294. Sassen S. The global city: strategic site/new frontier // *American studies*. 2000. № 41(2/3). P. 79-95.
295. Schulz H. Twin Towns on the Border as Laboratories of European Integration. Frankfurter Institut für Transformationsstudien Discussion Paper 4/02, Frankfurt (O), 2002. 75 p.
296. Scott J.W. European and North American Contexts for Cross-border Regionalism // *Regional Studies*. 1999. № 33 (7). P. 605-617.
297. Shen J. Not quite a twin city: Cross-boundary integration in Hong Kong and Shenzhen // *Habitat International*. 2014. T. 42. P. 138-146.
298. Sohn C. The Border as a Resource in the Global Urban Space: A Contribution to the Cross-Border Metropolis Hypothesis // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2013. № 38 (5). P. 1697-1711.
299. Sohn C., Lara F. Borders and Cities: Perspectives from North America and Europe // *Journal of Borderlands Studies*. 2013. № 28 (2). P. 181-190.
300. Soi I., Nugent P. Peripheral Urbanism in Africa: Border Towns and Twin Towns in Africa // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. № 32 (40). P. 535-556.
301. Somerville P., Haines N. Prospects for local co-governance // *Local Government Studies*. 2008. №34 (1). P. 61-79.
302. Sparrow G. San Diego–Tijuana: Not quite a binational city or region // *GeoJournal*. 2001. T. 54. №. 1. P. 73-83.
303. Staalesen A. Modernization and cooperation // *Barents Review* 2012. Barents Borders: Delimitation and internationalization. The Norwegian Barents Secretariat, Kirkenes. 2012. P. 45-58.

304. Stokłosa K. Twin Towns in Eastern Europe: on the way from bordering to the cross-border identity? //Opilowska E., Kurcz Z., Roose J. (eds.) *Advances in European Borderlands Studies*. Berlin: Nomos Verlag, 2017. P. 307-315.
305. Suopanki P. *HapparandaTornio*. 2015. P.15.
306. Tamáska M. D. Divided twin towns in heads: Milieus of urban spaces. Case study of Český Těšín/Cieszyn // *Advances in European Borderlands Studies*. Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2017. P. 371-398.
307. Tamáska M.D. Spatial portrait of twin towns on the Danube // Garrard J. and Mikhailova E. (eds.) *Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time*. Abingdon: Routledge, 2018. P. 191-202.
308. Tambi S. The Contemporary Development of the Concept of the Twin Cities: The Case of Cross-Border Cooperation between Narva and Ivangorod. Master thesis. Tartu Ülikool, 2016.
309. Terk E. Twin-City in Making: integration scenarios for Tallinn and Helsinki capital regions. – Tallinn University Estonian Institute for Futures Studies. – Tallinn. 2012
310. Tsujinaka Y., Ahmed S. and Kobashi Y. Constructing co-governance between government and civil society: an institutional approach to collaboration // *Public Organization Review*. 2013. № 13(4). P. 411- 426.
311. Urbansky S. A Very Orderly Friendship: The Sino-Soviet Border under the Alliance Regime, 1950-1960 // *Eurasia Border Review*. 2012. T. 3. №. Special Issue. P. 33-52.
312. van Houtum H. An overview of European geographical research on borders and border regions // *Journal of Borderlands Studies*. 2000. № 15 (1). P. 56-83.
313. van Houtum H. The geopolitics of borders and boundaries // *Geopolitics*. 2005. №10 (4). P. 672-679.
314. Valeri M. So Close, So Far. National Identity and Political Legitimacy in UAE-Oman Border Cities // *Geopolitics*. 2017. P. 1-21.
315. Vergel E. Twin Cities in Amazonian Transnational Borders, an Appropriate Cross Border Approach for Squatter Settlements on flood pronelands located on border's fringe: The Case Study of Leticia and Tabatinga. University of Rotterdam, Rotterdam. 2006.
316. Viken A., Brynhild G., Nyseth T. Kirkenes: An Industrial Site Reinvented as a Border Town // *Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies*. 2008. № 25 (1). P. 22-44.
317. Virkkunen J. Foodscapes in Central Asian Migrants in Russia // *Migration bridges in Eurasia. The materials of the V International conference "Labour migration in the Russian Federation: the prevention of forced labour, the promotion of social-economic development, improvement regulation"* / S.V Ryazantsev (ed.). Moscow: Econ-inform, 2013. P. 296—302.
318. Virkkunen J., Piipponen M. Refugees Crossing the Russian-Finnish Border. Paper presented at the workshop on 'Rebordering the Nordic World' Malmö University, 26-28 April 2017.
319. Walther O., Reitel B. Cross-border Policy Networks in the Basel Region: The Effect of National Borders and Brokerage Roles // *Space and Polity*. 2013. № 17 (2). P. 217-236.
320. Wendl T., Rösler M. Introduction: frontiers and borderlands. The rise and relevance of an anthropological research genre // *Frontiers and borderlands: Anthropological perspectives*. 1999. P. 1-27.
321. Wingerd M., Garrard J. St. Paul and Minneapolis – the Iconic twins? // Garrard J. and Mikhailova E. (eds.) *Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time*. Abingdon: Routledge, 2018.
322. World Bank. Mozambique. Transfrontier conservation areas pilot and institutional strengthening project. Washington, DC, 1996.

323. Wurzel R.K.W., Zito A., Jordan A., Zimin D. From government towards governance? Exploring the role of soft policy instruments. // German Policy Studies. 2013. № 9 (2). P. 21-48.
324. Zbicz D. C. Imposing Transboundary Conservation // Journal of Sustainable Forestry. 2003. №17 (1-2). P. 21-37, DOI: 10.1300/J091v17n01_03
325. Zelinsky W. The twinning of the world: sister cities in geographic and historical perspective // Annals of the Association of American Geographers. 1991. № 81 (1). P. 1-31.
326. Zhurzhenko T. Borders and memory // Wastl Walter D. (Hg.): The Ashgate Research Companion to Border Studies. Aldershot: Ashgate. 2011. P. 63-84.
327. Zimmerbauer K. Unusual regionalism in Northern Europe: the Barents Region in the making // Regional Studies. 2013. № 47 (1). P. 89-103.

Электронные ресурсы на иностранных языках

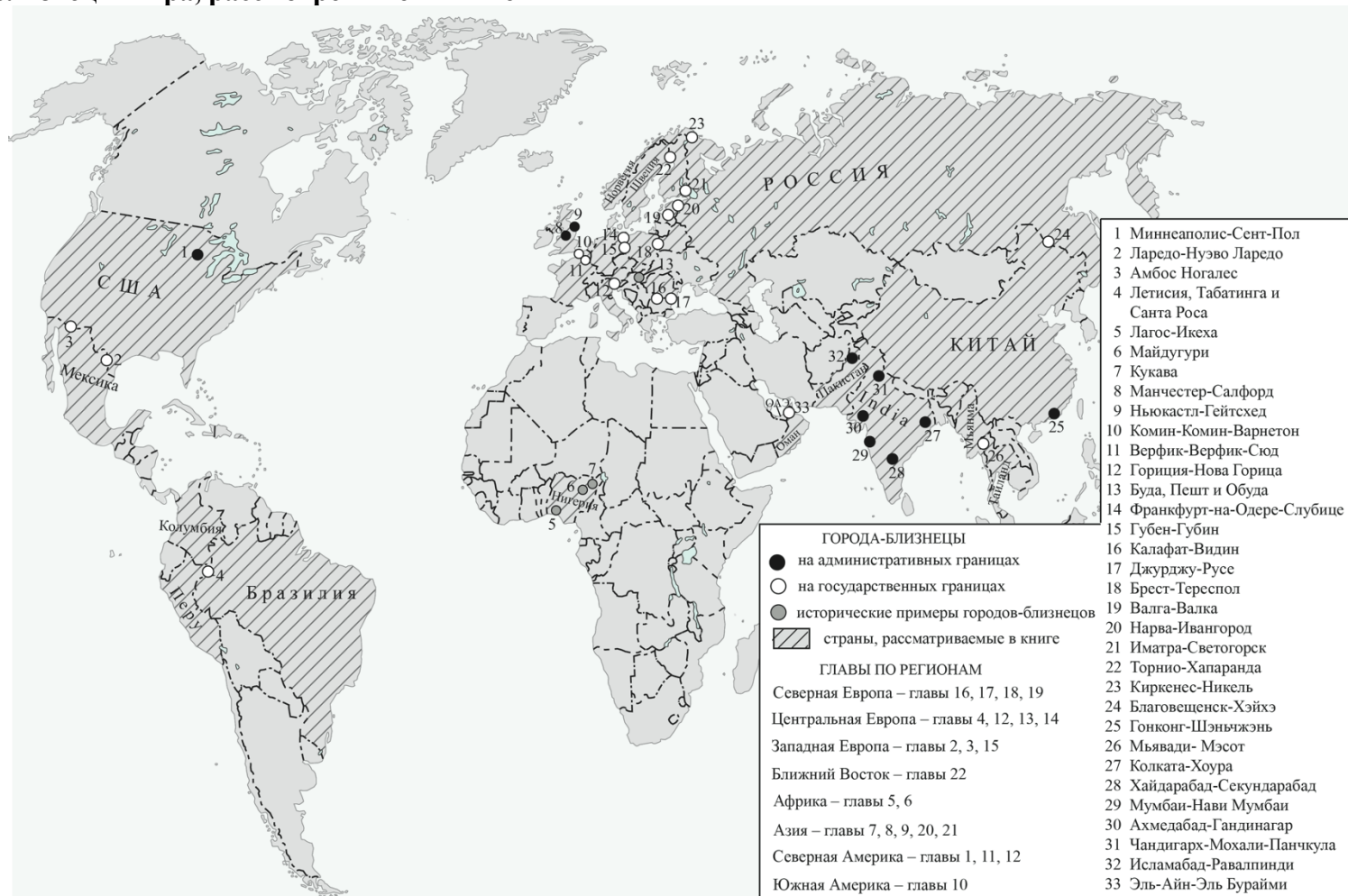
328. Arctic Centre Research Projects [Электронный ресурс] URL: http://www.arcticcentre.org/EN/RESEARCH/Projects/Research-projects#Sustainable_completed (дата обращения: 09.06.2016)
329. Doppelstadt Frankfurt (Oder) – Slubice [Электронный ресурс] // Frankfurt (Oder). Официальный сайт. URL: frankfurt-oder.eu/en/slubice.html
330. Eurociudad Vasca [Электронный ресурс] URL: <http://www.eurociudad.org/> (дата обращения: 09.06.2016)
331. Frankfurt-Slubice Kooperationszentrum. 2013. [Электронный ресурс] URL: frankfurt-slubice.eu/article,en,35,history_of_cooperation.html (дата обращения: 20.09.2016)
332. Johannessen F. Kirkenes II Declaration signed [Электронный ресурс] // Norden, June 6, 2013. <http://www.norden.org/en/news-and-events/news/kirkenes-ii-declaration-signed> (дата обращения: 04.02. 2017).
333. Nilsen T. Extreme pollution from nickel plants [Электронный ресурс] // Barents Observer. 2013. URL: <http://barentsobserver.com/en/nature/2013/02/extreme-pollution-nickel-plants-26-02>
334. Nilsen T. Nickel-pollution in first talks after political freeze [Электронный ресурс] // The Independent Barents Observer. 2015. URL: <http://www.thebarentsobserver.com/ecology/2015/12/nikel-pollution-first-talks-after-political-freeze>
335. Nilsen T. Border citizens with warm support to migrants in freezing cold // The Independent Barents Observer. 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://thebarentsobserver.com/en/borders/2016/01/border-citizens-warm-support-migrants-freezing-cold>
336. «Northern Dimension Cross Border City» [Электронный ресурс] URL: <http://www.crossbordercity.com/In-English/Projects> (дата обращения: 04.05.2016)
337. Population Statistics Portal [Электронный ресурс]. URL: citypopulation.de. (дата обращения: 01.07.2018)
338. Staalesen A. Migrants still try to make it from Russia to Norway [Электронный ресурс] // The Independent Barents Observer, March 1, 2017, <https://thebarentsobserver.com/en/borders/2017/03/migrants-still-try-make-it-russia-norway> (дата обращения: 30.03.2017).
339. Statistisk sentralbyrå [Электронный ресурс] URL: <http://www.ssb.no/> (дата обращения: 15.05.2016)

340. The Finnish Border Guard [Электронный ресурс] URL: <http://www.raja.fi/> (дата обращения: 09.06.2016)
341. The Local. "Syrians cross Norway's Arctic border on bicycles," August 27, 2015, [Электронный ресурс] URL : <https://www.thelocal.no/20150827/syrians-crossing-norway-border-on-bicycles> (дата обращения: 08.03.2017).
342. The Local. "Norway to stop returning migrants to Russia by bike," January 14, 2016, [Электронный ресурс] URL: <https://www.thelocal.no/20160119/norway-to-stop-returning-migrants-to-arctic-russia-by-bike> (дата обращения: 20.03. 2017).
343. The Mission Opérationnelle Transfrontalière [Электронный ресурс] URL: <http://www.espaces-transfrontaliers.org/en/the-mot/about-the-mot/> (дата обращения: 15.05.2016)
344. Universitat Viadrina Frankfurt (Oder) [Электронный ресурс] URL: <https://www.europa-uni.de> (дата обращения: 22.08.2015)
345. YLE. Feasibility study for Helsinki-Tallinn tunnel to wrap up this year. February 2017. [Электронный ресурс] URL: http://yle.fi/uutiset/osasto/news/feasibility_study_for_helsinki-tallinn_tunnel_to_wrap_up_this_year/9458362 (дата обращения: 22.01.2018)

Приложение 1.

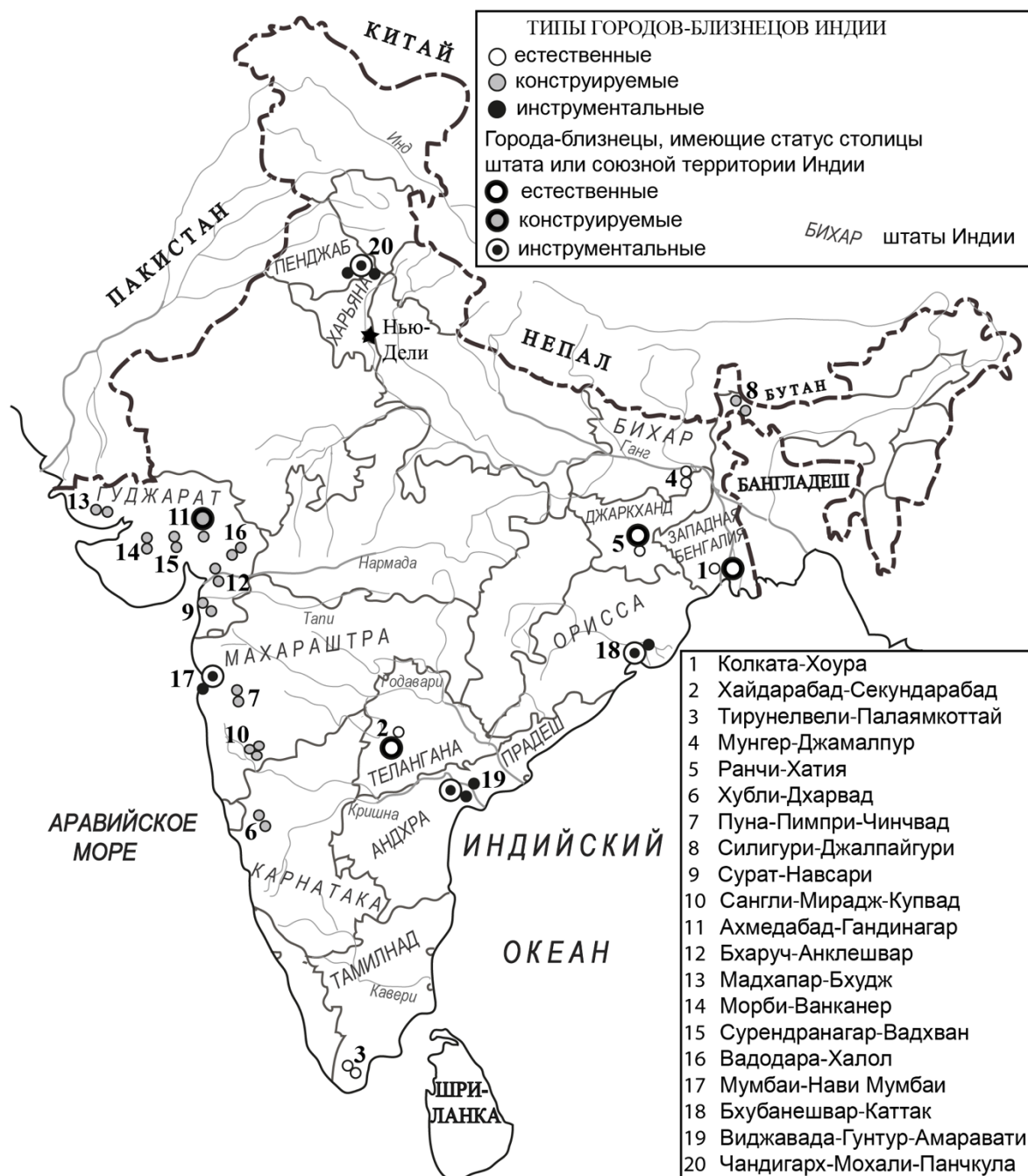
Карты Михайловой Е., подготовленные для коллективной монографии
«Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time»⁷⁶

1) Города-близнецы мира, рассмотренные в книге

⁷⁶ «Города-близнецы: история местных сообществ, границ и отношений» (вольный перевод М.Е.).

2) Индийские города-близнецы на административных границах (карта основывается на публикации Garrard, Mikhailova 2018)

3) Города-близнецы на государственных границах в Центральной Европе (карта основывается на публикации Jańczak 2018)

Приложение 2.

Полимасштабный анализ плотности населения российско-китайского трансграничья (РКТ)

В научной литературе и СМИ сопредельные ПТСЭС на российско-китайской границе часто противопоставляются по демографическим и экономическим показателям. Причём в большинстве случаев такое противопоставление производится на макроуровне приграничья – уровне приграничных регионов. Однако в ситуации сравнения территорий общей площадью более 3,5 млн км² и населением в 95 млн человек использование административного подхода к определению рамок российско-китайского трансграничного региона создаёт искажённую картину и провоцирует спекуляции (Чубаров, Михайлова 2017, с. 91). На китайские провинции, граничащие с Россией, приходится 94,5% населения макроуровня трансграничья. По показателю плотности населения они опережают сопредельные субъекты РФ примерно в 17 раз. Получаемое соотношение, явно демонстрирующее превосходство южного соседа по демографическому потенциалу, удобно для обоснования необходимости поддержания барьерности российско-китайской границы. Неудивительно, что представление показателей развития приграничных территорий России и Китая на макроуровне довольно распространено в работах, затрагивающих тему государственной безопасности, для иллюстрации «демографического давления» «перенаселенного» Северо-Востока Китая на «пустеющую» Сибирь и Дальний Восток России из-за «нехватки жизненного пространства» (Арсентьева 2009, с. 195; Ромахина 2012, с. 19).

На основе демографических показателей 2015-2016 гг. были уточнены параметры плотности населения для каждого уровня РКТ (см. таб. А). Использование мезо- и микроуровней изучения РКТ позволяет сконцентрировать внимание на территориях, прилегающих к границе (см. рис. 2). При анализе первого мезоуровня РКТ во внимание принимаются лишь 25,6% территории и 19,9% населения макроуровня трансграничного региона. Переход на низовой уровень административно-территориального деления по обе стороны границы (мезоуровень 2) позволяет сократить объект изучения до 16,4% территории и 6,1% населения макроуровня РКТ.

Основной особенностью микроуровня российско-китайского трансграничного региона является его концентрация: этот уровень включает 5,8% территории и 3,9% населения макроуровня РКТ. Существенное сужение площади РКТ (в 2,8 раза меньше территории мезоуровня 2) при относительно незначительном изменении его численности (в 1,6 раза меньше аналогичного показателя мезоуровня 2) связано с тем, что многие низовые административно-территориальные единицы, имеющие действующий пограничный пункт пропуска, являются городскими округами – местами компактного проживания значительной части населения. Примечательно, что на микроуровне РКТ плотность населения его российской части всего на 20% ниже плотности китайской стороны (15,5 чел/км² против 19,4 чел/км²) и в пять раз выше плотности населения российской части макроуровня РКТ (15,5 чел/км² против 2,96 чел/км²).

Табл. А. Сопоставление некоторых показателей российской и китайской частей РКТ с учётом его многоуровневой структуры

		Площадь, тыс. км ²	Население, тыс. чел.	Плотность, чел./км ²
1	Макроуровень РКТ	3586,00	95752,90	26,70
	ПТСЭС _{макро} РФ	49,70%	5,51%	2,96
	ПТСЭС _{макро} КНР	50,30%	94,49%	50,16
2а	Мезоуровень РКТ 1	918,72	19041,4	20,73
	ПТСЭС _{мезо1} РФ	34,05%	10,68%	6,5
	ПТСЭС _{мезо1} КНР	65,95%	89,32%	28,07
2б	Мезоуровень РКТ 2	568,82	5873,9	10,33
	ПТСЭС _{мезо2} РФ	54,99%	34,62%	6,5
	ПТСЭС _{мезо2} КНР	45,01%	65,38%	15,00
3	Микроуровень РКТ ⁷⁷	207,70	3745,30	18,03
	ПТСЭС _{микро} РФ	35,24%	30,33%	15,52
	ПТСЭС _{микро} КНР	64,76%	69,67%	19,40

Составлено автором.

Представление о различиях демографического потенциала российской и китайской частей РКТ существенно меняется при переходе с макроуровня на мезоуровень 1, в рамках которого по численности населения российская сторона уступает китайской в 8,4 раза. Второй мезоуровень в сравнении с другими уровнями РКТ характеризуется минимальной диспропорцией демографического потенциала смежных ПТСЭС: в этом масштабе российская часть РКТ в 1,9 раз менее населённая, чем китайская. На микроуровне диспропорция по-прежнему отображена достаточно верно, хотя её значение увеличивается: на этом уровне российская часть в 2,2 раза более малочисленна, чем китайская. Таким образом, наиболее приемлемым уровнем сопоставления демографического потенциала смежных ПТСЭС является уровень всех приграничных МО РФ и уездов КНР (мезоуровень приграничья 2) либо только тех из них, между которыми действует пограничный пункт пропуска (микроуровень).

Полимасштабный анализ плотности населения РКТ (рис. Б) позволяет сделать вывод о существовании значительных демографических диспропорций не только между его российской и китайской частями, но и с каждой стороны границы на каждом рассмотренном уровне. Причём с китайской стороны границы демографические диспропорции выражены более значительно: на втором мезоуровне с китайской стороны представлены уезды, соответствующие каждому делению шкалы плотности населения, выработанной для характеристики РКТ, в то время как с российской стороны на этом уровне приграничья задействованы только пять из восьми значений шкалы плотности.

⁷⁷ Данные по микроуровню рассчитаны по всем 15 парам смежных приграничных административно-территориальных единиц низового уровня, имеющих действующий погранпереход на ноябрь 2017 г.

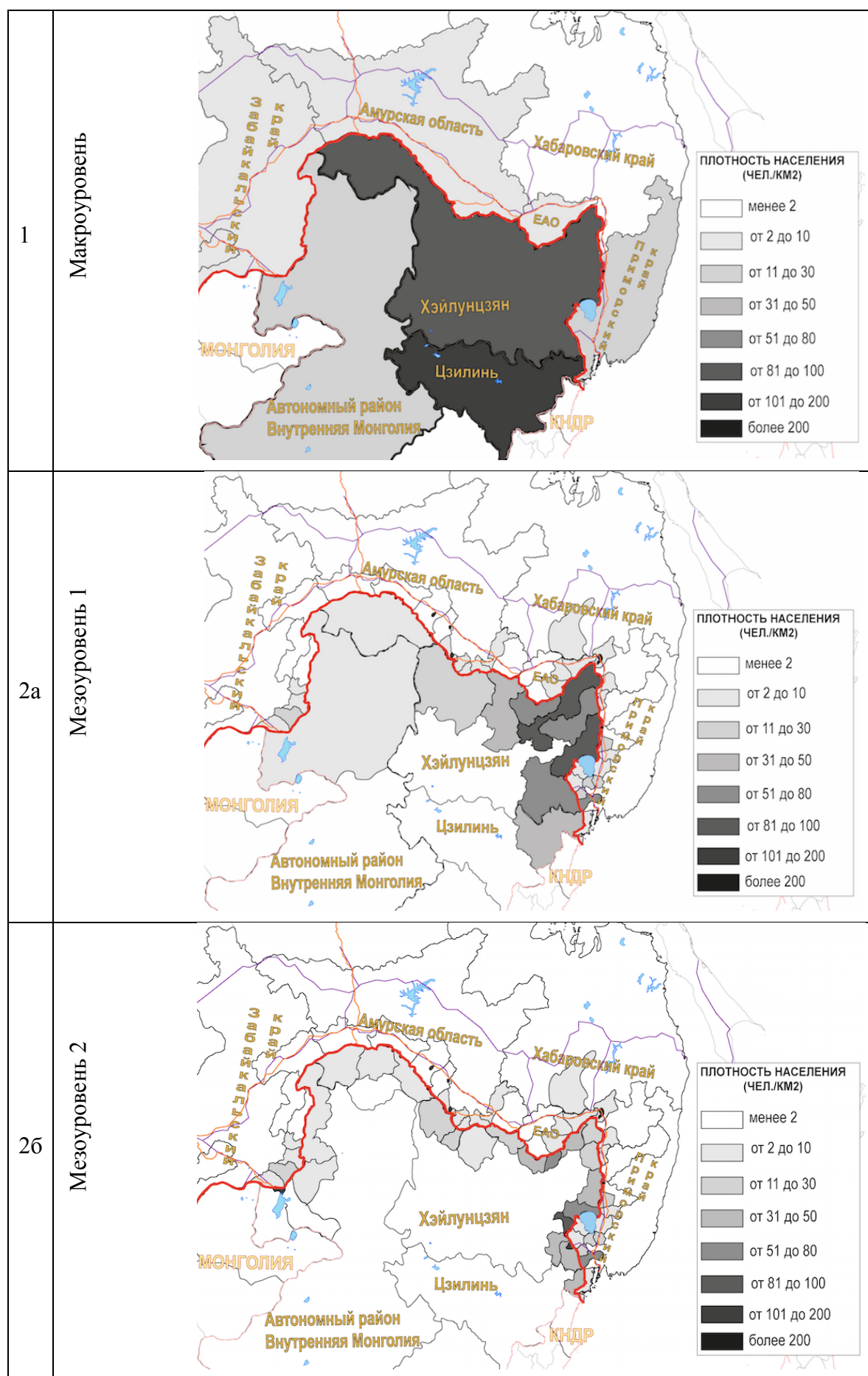

Рис. Б. Полимасштабный анализ плотности населения РКТ
Составлено автором.

Для российской стороны границы как на региональном, так и на муниципальном уровне характерна низкая плотность населения – преимущественно от 2 до 10 чел./км². На макроуровне приграничья исключением являются Хабаровский и Приморский края, у первого из которых плотность населения незначительно ниже (1,69 чел./км²), а у второго незначительно выше (11,61 чел./км²) этого интервала. На мезоуровне приграничья на первые два значения шкалы плотности населения (до 2 чел./км² и от 2 до 10 чел./км²) приходится 32 из 43 (или 74%) приграничных МО РФ. С китайской стороны границы к этим категориям относятся 2 из 10 округов (20%) и 8 из 24 уездов (33%), на макроуровне эти значения шкалы плотности не задействованы.

Примечательно направление изменений в плотности населения при использовании субрегионального масштаба. С одной стороны, значение плотности населения большей части приграничных МО РФ незначительно отличается от регионального показателя. С другой стороны, переход на мезоуровень приграничья позволяет локализовать территории с более высокой плотностью населения – это три муниципальных района (преимущественно с сельскохозяйственной специализацией) и семь городских округов, плотность населения которых на 40 чел./км² и более превышает региональный показатель.

С китайской стороны границы при переходе от макро- к мезоуровню становится очевидным снижение плотности населения приграничных территорий. Значения плотности населения только одного приграничного округа КНР (округ Цзямусы провинции Хэйлунцзян) и только трёх уездов (уезд Тахэ округа Большой Хинган, уезд Сунью округа Хэйхэ и уезд Цзидун округа Цзиси) не уступают аналогичным показателям административно-территориальной единицы высшего ранга (в первом случае – плотности населения провинциального уровня, во втором – окружного).

Приложение 3.

Иноязычные термины, калькирующие понятие «города-близнецы»

Термин	Язык	Примеры использования
Города-близнецы	Русский	Благовещенск (РФ) – Хэйхэ (КНР), Ивангород (РФ) – Нарва (Эстония), Никель (РФ) – Киркенес (Норвегия)
Двойной город	Русский	Светогорск (РФ) – Иматра (Финляндия)
Tvillingbyer	Норвежский	Никель (РФ) – Киркенес (Норвегия)
Kaksoiskaupunki	Финский	Светогорск (РФ) – Иматра (Финляндия), Торнио (Финляндия) – Хапаранда (Швеция), Хельсинки (Финляндия) – Таллин (Эстония)
Kaksiklinnad	Эстонский	Ивангород (РФ) – Нарва (Эстония), Валка (Латвия) – Валга (Эстония), Хельсинки (Финляндия) – Таллин (Эстония)
Zwillingsstädte	Немецкий	Губен (ФРГ) – Губин (Польша), Гёрлиц (ФРГ) – Згоржелец (Польша)
Villes jumelles	Французский	Страсбург (Франция) – Кель (ФРГ), Андай (Франция) – Ирун (Испания)
Ciudades gemelas	Испанский	Сиудад-дель-Эстэ (Парагвай) – Пуэрто Игуасу (Аргентина) – Фош-де-Игуасу (Бразилия)
Cidades gêmeas	Португальский	Сан Боржа (Бразилия) – Санто Томе (Аргентина), Итаки (Бразилия) – Альвеар (Аргентина), Летисия (Колумбия) – Табатинга (Бразилия)
Shuāng chéng	Китайский	Благовещенск (РФ) – Хэйхэ (КНР)

Составлено автором.

Приложение 4.1

Демографический потенциал городов-близнецов Европы⁷⁸

Жирным шрифтом выделены города-близнецы, ПТСЭС которых имеют сопоставимый демографический потенциал.

А) Пары городов-близнецов

№	ПТСЭС ₁	ПТСЭС ₂	Население ПТСЭС ₁ ⁷⁹	Население ПТСЭС ₂	Население ГБ	Доля ПТСЭС ₁ в ГБ	Отношение ПТСЭС ₁ к ПТСЭС ₂
1	Клинге (Нидерланды)	Де Клинге (ФРГ)	1215	3550	4765	25%	2,92
2	Берг (ФРГ)	Лаутенбург (Франция)	1960	2280	4240	46%	1,16
3	Бад Раукерсбург (Австрия)	Горня Радгона (Словения)	2160	3052	5212	41%	1,41
4	Ленкница (Польша)	Бад Мускау (ФРГ)	2508	3646	6154	41%	1,45
5	Барле-Хертог (Бельгия)	Барле-Нассау (Нидерланды)	2695	6658	9353	29%	2,47
6	Кляйнблидерстрофф (ФРГ)	Гросблидерстрофф (Франция)	3090	3322	6412	48%	1,08
7	Бекет (Румыния)	Оряхово (Болгария)	3657	4495	8152	45%	1,23
8	Чешске Веленице (Чехия)	Гмюнд (Австрия)	3460	5515	8975	39%	1,59
9	Лауфенбург (Швейцария)	Лауфенбург (ФРГ)	3568	8489	12057	30%	2,38
10	Гросроссельн (ФРГ)	Птит-Россель (Франция)	4280	6444	10724	40%	1,51
11	Оберндорф (Австрия)	Лауфен (ФРГ)	5578	6954	12532	45%	1,25
12	Кьеврешен (Франция)	Кьеврен (Бельгия)	6347	6752	13099	48%	1,06
13	Словенске Нове Место (Словения)	<u>Шаторальяуйхей</u> (Венгрия)	1090	14703	15793	7%	13,49
14	Лиффорд (Ирландия)	Страбан (Великобритания)	1626	13270	14896	11%	8,16
15	Нёф-Бризах (Франция)	Брайзах (ФРГ)	1950	13992	15942	12%	7,18
16	Килия-Веке (Румыния)	Килия (Украина)	2132	20060	22192	10%	9,41
17	Кюстринер-Форланд (ФРГ)	Костшин-над-Одром (Польша)	2605	18055	20660	13%	6,93

⁷⁸ Демографические данные по городам собраны на портале citypopulation.de. Численность поселений приведена по последним имеющимся сведениям на портале и отражает ситуацию на 2015 г. и позже.

⁷⁹ В качестве ПТСЭС₁ указано поселение с наименьшей людностью из пары городов-близнецов.

18	Убах-на-Вурме (Нидерланды)	Ибах-Паленберг (ФРГ)	3215	16600	19815	16%	5,16
19	Киркенес (Норвегия)	Никель (Россия)	3564	11601	15165	24%	3,26
20	Унгень (Румыния)	Унгень (Молдавия)	4173	30200	34373	12%	7,24
21	Валка (Латвия)	Валга (Эстония)	4718	12452	17170	27%	2,64
22	Верфик-Сюд (Франция)	Верфик (Бельгия)	5278	18278	23556	22%	3,46
23	Хапаранда (Швеция)	Торнио (Финляндия)	6715	17046	23761	28%	2,54
24	Тутракан (Болгария)	Олтеница (Румыния)	7998	24882	32880	24%	3,11
25	Стурово (Словакия)	Эстергом (Венгрия)	10465	27990	38455	27%	2,67
26	Вила-Реал-ди-Санту-Антониу (Португалия)	Айямонте (Испания)	11360	20629	31989	36%	1,82
27	Комин (Франция)	Комин-Варнетон (Бельгия)	12326	18101	30427	41%	1,47
28	Нова Горица (Словения)	Гориция (Италия)	13102	37472	50574	26%	2,86
29	Райнфельдн (Швейцария)	Райнфельден (ФРГ)	13334	32756	46090	29%	2,46
30	Валенса (Португалия)	Туй (Испания)	13437	16900	30337	44%	1,26
31	Верин (Испания)	Чавес (Португалия)	14031	22363	36394	39%	1,59
32	Зимнича (Румыния)	Свиштов (Болгария)	14058	26869	40927	34%	1,91
33	Светогорск (Россия)	Иматра (Финляндия)	15787	28766	44553	35%	1,82
34	Губин (Польша)	Губен (ФРГ)	16773	18620	35393	47%	1,11
35	Калафат (Румыния)	Видин (Болгария)	17336	42801	60137	29%	2,47
36	Комаром (Венгрия)	Комарно (Словакия)	18786	34190	52976	35%	1,82
37	Чешски Тешин (Чехия)	Цешин (Польша)	24650	35102	59752	41%	1,42
38	Херцогенрат (ФРГ)	Керкраде (Нидерланды)	25600	31390	56990	45%	1,23
39	Кьяссо (Швейцария)	Комо (Италия)	8331	84236	92567	9%	10,11
40	Ивангород (Россия)	Нарва (Эстония)	10502	57130	67632	16%	5,44
41	Слубице (Польша)	Франкфурт-на-Одере (ФРГ)	16800	59140	75940	22%	3,52
42	Кройцлинген (Швейцария)	Констанц (ФРГ)	21555	82859	104414	21%	3,84
43	Згожелец (Польша)	Гёрлиц (ФРГ)	31089	55255	86344	36%	1,78
44	Силистра (Болгария)	Кэлэраши (Румыния)	32400	65181	97581	33%	2,01
45	Тересполь (Польша)	Брест (Беларусь)	5659	343985	349644	2%	60,79

46	Фрайлассинг (ФРГ)	Зальцбург (Австрия)	16552	152367	168919	10%	9,21
47	Хельсингёр (Дания)	Хельсингборг (Швеция)	47123	106338	153461	31%	2,26
48	Джурджу (Румыния)	Русе (Болгария)	61353	144934	206287	30%	2,36
49	Кель (ФРГ)	Страсбург (Франция)	35032	276170	311202	11%	7,88
50	Мальмё (Швеция)	Копенгаген (Дания)	307486	591485	898971	34%	1,92
51	Таллин (Эстония)	Хельсинки (Финляндия)	393222	1231595	1624817	24%	3,13

Б) Тройные города-близнецы

№	ПТСЭС ₁	ПТСЭС ₂	ПТСЭС ₃	Население ПТСЭС ₁	Население ПТСЭС ₂	Население ПТСЭС ₃	Население ГБ	Доля ПТСЭС ₁ в ГБ	Доля ПТСЭС ₂ в ГБ	Доля ПТСЭС ₃ в ГБ
52	Градек-над-Нисой (Чехия)	Богатыня (Польша)	Циттау (ФРГ)	7600	17984	25712	51296	15%	35%	50%
53	Андай (Франция)	Фуентеррабия (Испания)	Ирун (Испания)	16783	16950	61608	95341	18%	18%	65%
54	Дувр (Великобритания)	Кале (Франция)	Дюнкерк (Франция)	23206	76402	89160	188768	12%	40%	47%

Составлено автором.

Приложение 4.2

Демографический потенциал⁸⁰ населенных пунктов и муниципальных образований вдоль границы РФ, сотрудничающих в формате городов-близнецов или имеющих потенциал использования этого формата

Жирным шрифтом выделены ПТСЭС с сопоставимым демографическим потенциалом.

Курсивом выделены ПТСЭС с существенной демографической асимметрией.

Серой заливкой выделены приграничные населенные пункты/муниципальные образования, использующие формат сотрудничества города-близнецы.

№	ПТСЭС ₁ (Россия)	ПТСЭС ₂ (сопредельное государство)	Население ПТСЭС ₁	Население ПТСЭС ₂	Расстояние (км)	Доля наименьшей ПТСЭС в совокупной численности	Отношение наибольшей к наименьшей ПТСЭС
1	Печенгский район ⁸¹	Сёр-Варангер (Норвегия)	37146	10199	54	22%	3,64
2	Вяртсиля	Тохмаярви (Финляндия)	2970	4738	25	39%	1,60
3	Лахденпохья	Париккала (Финляндия)	7449	5030	49	40%	1,48
4	Светогорск	Иматра (Финляндия)	15546	27357	7	36%	1,76
5	Ивангород	Нарва (Эстония)	10539	57130	0,3	16%	5,42
6	Печорский район	Вярска (волость) (Эстония)	19802	1304	21	6%	15,19
7	Пыталово	Балви (Латвия) ⁸²	5348	7897	51,5	40%	1,48
8	Себеж	Зилупе (Латвия)	5401	1658	30	23%	3,26
9	Советск	Пагегай (Литва)	40486	7797	12	16%	5,19
10	Чернышевское	Кибартай (Литва)	1139	4642	4	20%	4
11	Мамоново	Бранево (Польша)	8056	17074	13	32%	2,12
12	Багратионовск	Бартошице (Польша)	6409	23810	18	21%	3,72
13	Озерск	Гольдап (Польша)	4108	13740	28	23%	3,34
14	Невельский район ⁸³	Городокский район (Беларусь)	23828	22932	69	49%	1,04
15	Рудня	Лиозно (Беларусь)	9484	6688	20	41%	1,42
16	Сураж	Костюковичи (Беларусь)	10979	15850	47	41%	1,44
17	Злынка	Добруш (Беларусь)	5460	18380	34	23%	3,37
18	Грайворон	Великая Писаревка (Украина)	6404	4437	17	41%	1,44

⁸⁰ Демографические данные по городам и муниципальным образованиям собраны на портале citypopulation.de и сайте Федеральной службы государственной статистики России <http://www.gks.ru/>. Численность поселений приведена по последним имеющимся сведениям и отражает ситуацию на 2016 г. и позже.

⁸¹ С центрами сотрудничества в населенных пунктах Никель и Киркенес.

⁸² С привлечением к сотрудничеству представителей города Виляка (Латвия), расположенного на расстоянии 24 км от Пыталово.

⁸³ С центрами сотрудничества в населенных пунктах Невель и Городок, с привлечением к сотрудничеству белорусского села Езерище, что в 26 км от Невеля.

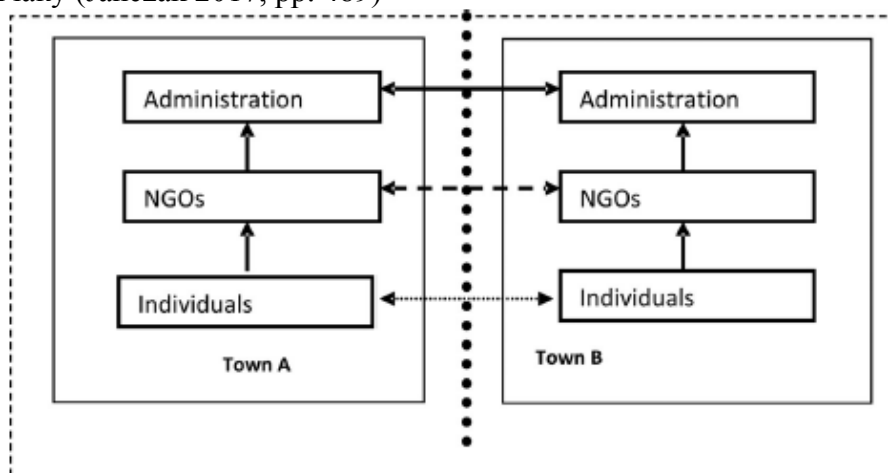
19	Шебекино	Волчанск (Украина)	42465	18617	20	30%	2,28
20	Чертково	Меловое (Украина)	10662	5876	3	36%	1,81
21	Донецк	Изварино (Украина)	48428	1755	0	3%	27,59
22	Гуково	Червонопартизанск (Украина)	66332	15695	12	19%	4,23
23	Авило-Успенка	Успенка, Выселки (Украина)	1000	1500	8	40%	1,50
24	Адлерский район города Сочи	Гагрский район (Абхазия)	149282	39625	1	21%	3,77
25	Джейрахский район	Казбегский муниципалитет, Степанцминда (Грузия)	2917	3800	28	43%	1,30
26	Яраг-Казмалар	Самур (Азербайджан)	2939	2388	6	45%	1,23
27	Александров-Гай	Казталовка (Казахстан)	9728	4945	46	34%	1,97
28	Озинки	Таскала (Казахстан)	8717	7935	49	48%	1,10
29	Илек	Аксай (Казахстан)	9760	34559	58	22%	3,54
30	Петухово	Мамлютка (Казахстан)	10304	7024	60	41%	1,47
31	Исилькуль	Булаево (Казахстан)	23151	7723	68	25%	3,00
32	Черлак	Железинка (Казахстан)	10472	5097	83	33%	2,05
33	Веселоярск	Бородулиха (Казахстан)	4857	4515	73	48%	1,08
34	Кяхта	Алтанбулаг (Монголия)	20013	4000	6	17%	5,00
35	Забайкальск	Маньчжоули (Китай)	13141	172700	16	7%	13,14
36	Благовещенск	Хэйхэ (Китай)	225091	140000	0,6	38%	1,61
37	Ленинский район (Ленинское)	городской уезд Тунцзян (Китай)	17760	179000	35	9%	10,08
38	Хабаровск	Фуянью (Китай)	618150	40000	65	3%	29,65
39	Пограничный район (Пограничный)	Суйфэньхэ (Китай)	10186	70000	24	13%	6,87
40	Хасанский район (Краскино)	городской уезд Хуньчунь (Китай)	30990	228000	46	12%	7,36

Составлено автором.

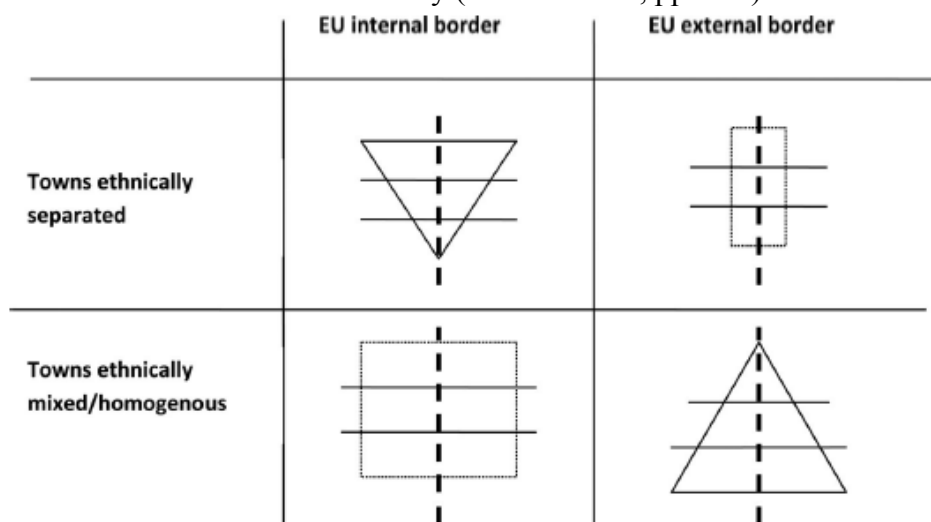
Приложение 5.

Схемы приграничного сотрудничества городов-близнецов в литературе

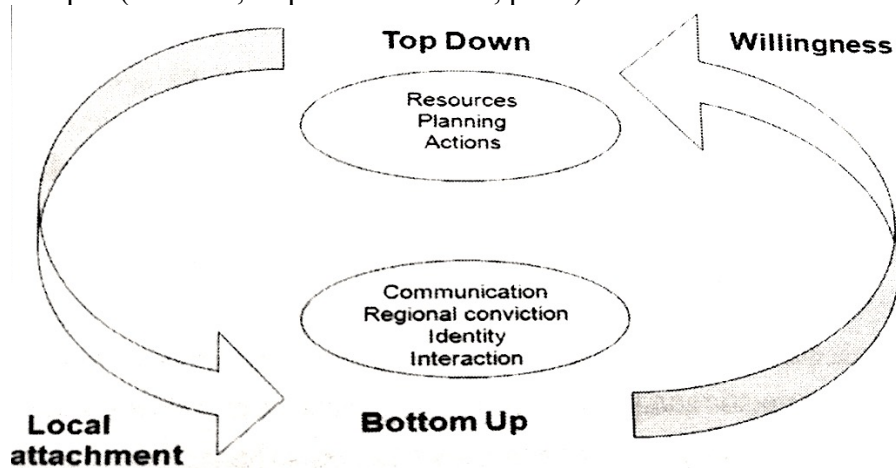
1. Вертикальное и горизонтальное измерения сотрудничества в формате городов-близнецов по Я. Янчаку (Jańczak 2017, pp. 489)

2. Типология вариантов вовлеченности органов МСУ, НГО и местных жителей в сотрудничество городов-близнецов в зависимости от режима границ и этнического состава смежных ПТСЭС по Я. Янчаку (Jańczak 2017, pp. 490)

3. Модель сопоставления приграничного сотрудничества городов-близнецов Ф. Пачеко и А. Лопес-Норес (Pacheco, López-Nórez 2012, p. 21)

Приложение 6.

Примеры форматов отраслевого сотрудничества городов-близнецов

- В сфере торговли:
 - участие в выставочно-ярмарочной деятельности на территории сопредельной ПТСЭС;
 - подготовка совместных стендов для участия в экономических/инвестиционных форумах за пределами смежных ПТСЭС;
 - создание фонда развития среднего и малого предпринимательства приграничных территорий и предоставление из него средств для льготного кредитования бизнес-планов резидентов ПТСЭС (по результатам их конкурсного отбора);
- В сфере туризма:
 - совместное туристическое позиционирование;
 - создание и продвижение совместного туристического продукта;
 - разработка совместной стратегии по развитию инфраструктуры индустрии гостеприимства;
- В сфере транспорта и связи:
 - запуск и поддержание регулярного трансграничного маршрута между сопредельными ПТСЭС;
 - создание единой информационно-справочной службы сопредельных ПТСЭС;
- В сфере социального обеспечения:
 - обмен опытом работников сферы социального обеспечения;
 - совместное использование оборудования;
 - взаимное проведение консультаций пациентов-переселенцев из сопредельного государства (с целью предоставления социальной помощи на родном языке пациента);
- В сфере образования:
 - обмен делегациями учащихся, учителей и административных работников;
 - совместная организация курсов изучения языков сопредельного государства;
 - разработка совместных курсов обучения;
- В сфере культуры:
 - обмен делегациями работников сферы культуры;
 - организация перекрестных и совместных концертов профессиональных и любительских творческих коллективов;
 - проведение совместных фестивалей и выставок;
 - проведение мастер-классов работников сферы культуры для населения сопредельной ПТСЭС;
- В сфере спорта:
 - организация совместных соревнований;
 - совместное использование объектов инфраструктуры (лыжных трасс, ледовых дворцов, стадионов, бассейнов и др.).

Приложение 7.1.

Перечень литературы, включенной в выборку для систематизации методов изучения городов-близнецов

1. Alegría T. ¿ Existen las metrópolis transfronterizas?: El caso de Tijuana/San Diego //Haroldo Dilla A.(Coordinador), Ciudades en la frontera. Aproximaciones críticas a los complejos urbanos transfronterizos, Santo Domingo, Grupo de estudios multidisciplinarios Ciudades y fronteras. 2008.
2. Aparna K. 2013 Re-mapping the U.S.-Mexico Border: High Agency, Everyday Region-making, and Lived Spaces of the U.S.-Mexico Border in Tijuana. Master thesis. Radboud University, Nijmegen. 261 p.
3. Asher A. D. A Divided City in a Common Market: EU Citizenship and Everyday Instrumentalities on the Polish-German Border //Anthropological Journal of European Cultures. 2011. T. 20. №. 2. P. 43-67.
4. Bucken-Knapp G. Just a train-ride away, but still worlds apart: Prospects for the Øresund region as a binational city. GeoJournal, 2001, vol. 54 (1). P. 51–60.
5. Covarrubias D. Analyzing how a Social Base Impacts Economic Development and Competitiveness Strategies in a Cross-border Context: the Case of Region Laredo //Journal of Borderlands Studies. 2017. P. 1-20.
6. Covarrubias D. 2015. Bridging the Socioeconomic Gap: Integrating Cross-Border Regions through Comparing Different Worlds – Region Laredo, Aquitaine-Euskadi and Öresund. Doctoral thesis. Deusto Business School. 284 p.
7. Dębicki M., Doliński W. A Look across the River at Frankfurt-Oder and Its Inhabitants: Stereotypes and Liking in the Polish-German Divided Town in View of Social Geography //Sociální studia/Social Studies. 2017. T. 14. №. 1.
8. Dębicki M., Tamaska D. M. Laboratories of Integration: Divided Twin Towns at River Borders in the Visegrad Countries and Germany //Socio. hu. Social Science Review. Special Visegrad Issue. 2014. T. 2. P. 1-20.
9. Dołzbłasz, S. and Raczyk, A. 2012. Tranborder openness of companies in a divided city: Zgorzelec/Görlitz case study. Tijdschrift voor economische en sociale geografie, 103(3). P. 347-361.
10. Dolińska K., Niedźwiecka-Iwańczak N. German Neighbours from Across the River—Insiders? Strangers? Others? //Sociální studia/Social Studies. 2017. T. 14. №. 1.
11. Ehlers N. The binational city Eurode: The social legitimacy of a border-crossing town. Dissertation. Shaker Verlag, Aachen, 2007. 285 p.
12. Figenschou, A. (2011), 'The Twin Cities Petchenga Rayon and Sør-Varanger Municipality'. Master Thesis. The Faculty of Humanities. University of Oslo. 106 p.
13. Ganster P., Collins K. Binational Cooperation and Twinning: A View from the US–Mexican Border, San Diego, California, and Tijuana, Baja California //Journal of Borderlands Studies. 2017. T. 32. №. 4. P. 497-511.
14. Häkli J. Boundaries of trust: building a transnational space in Haparanda-Tornio //Social capital and urban networks of trust. 2009. C. 205-232.
15. Hanson G. H. US–Mexico integration and regional economies: evidence from border-city pairs //Journal of Urban Economics. 2001. T. 50. №. 2. P. 259-287.
16. Haugseth P. Tvillingbysamarbeid i den norsk-russiske grensesonen //Viken. A. and Fors, BS (eds.), Grenseliv, Tromsø: Orkana forlag. 2013.

17. Herzog L. A., Sohn C. The co-mingling of bordering dynamics in the San Diego–Tijuana cross-border metropolis // *Territory, Politics, Governance*. 2017. P. 1-24.
18. Herzog L. A., Sohn C. The cross-border metropolis in a global age: A conceptual model and empirical evidence from the US–Mexico and European border regions // *Global Society*. 2014. T. 28. №. 4. P. 441-461.
19. Jauhiainen J. S., Pikner T. Narva-Ivangorod: Integrating and disintegrating transboundary water networks and infrastructure. *Journal of Baltic Studies*, 2009, vol. 40, no. 3. P. 415-436.
20. Jańczak J. Central European Cross-border Towns: An Overview. // *Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time*. J. Garrard, E. Mikhailova (eds.). World Urban Studies Series. Routledge, 2018. P. 203-216.
21. Jańczak J. Town Twinning in Europe. Understanding Manifestations and Strategies // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. T. 32. №. 4. P. 477-495.
22. Jelen I., Scharr K., Steinicke E. The Case of Gorizia/Gorica: A Sequence of Missed Geo-political and Geo-economic Opportunities // *Sociální studia/Social Studies*. 2017. T. 14. №. 1.
23. Joenniemi P. City-twinning as Local Foreign Policy: The Case of Kirkenes-Nickel. CEURUS EU-Russia paper, 2014, no. 15.
24. Joenniemi, P., Sergunin, A. City-Twinning in Northern Europe: Challenges and Opportunities. *Research Journal of International Studies*, 2011, vol. 22, pp. 120–131.
25. Kaisto V. City Twinning from a Grassroots Perspective: Introducing a Spatial Framework to the Study of Twin Cities // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. T. 32. №. 4. P. 459-475.
26. Lara-Valencia F., Dołzblasz S. Border-city Pairs in Europe and North America: Spatial dimensions of integration and separation // *Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time*. J. Garrard, E. Mikhailova (eds.). World Urban Studies Series. Routledge, 2018. P. 176-190.
27. Löfgren O. Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia // *European Urban and Regional Studies*. 2008. T. 15. №. 3. P. 195-209.
28. Lokman, K. 2014. Contested terrain: in search of Niagara // *Monu. Magazine on urbanism* № 20. P. 70-77.
29. Lundén T. *On the Boundary: About humans at the end of the territory*. Elanders Gotab Publishing, Stockholm, 2004.
30. Lundén T., Zalamans D. 'National allegiance' and spatial behaviour in Baltic boundary twin towns // *Journal of Baltic Studies*. 2002. T. 33. №. 2. P. 177-198. DOI: 10.1080/01629770200000041
31. Matthiesen U., Bürkner H. J. Antagonistic structures in border areas: Local milieux and local politics in the Polish-German twin city Gubin/Guben // *GeoJournal*. 2001. T. 54. №. 1. P. 43-50.
32. Pacheco F. J. L., López-Nórez A. 2012. Cross-border collaboration in border twin cities: lessons and challenges for Ciudad Juarez-El Paso and Frankfurt (Oder)/Slubice. *Ciudad Juarez*. 78 p.
33. Pikner T. Reorganizing Cross-Border Governance Capacity: The Case of the Helsinki—Tallinn Euregio // *European Urban and Regional Studies*. 2008. T. 15. №. 3. P. 211-227.
34. Schultz, H. (2002), *Twin Towns on the Border as Laboratories of European Integration*.
35. Shen J. Not quite a twin city: Cross-boundary integration in Hong Kong and Shenzhen // *Habitat International*. 2014. T. 42. P. 138-146.
36. Soi I., Nugent P. Peripheral Urbanism in Africa: Border Towns and Twin Towns in Africa // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. T. 32. №. 4. P. 535-556.
37. Sparrow G. San Diego–Tijuana: Not quite a binational city or region // *GeoJournal*. 2001. T. 54. №. 1. P. 73-83.

38. Stokłosa K. Twin towns in Eastern Europe: On the way from bordering to the cross-border identity? // *Advances in European Borderlands Studies*. Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2017. P. 307-316.
39. Tamáska M. D. Divided twin towns in heads: Milieus of urban spaces. Case study of Český Těšín/Cieszyn // *Advances in European Borderlands Studies*. Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2017. P. 371-398.
40. Tambi S. The contemporary development of the concept of the twin cities: the case of cross-border cooperation between Narva and Ivangorad. Diss. Tartu Ülikool, 2016.
41. Terk E. (ed.) (2012): *Twin-city in making: Integration scenarios for Tallinn and Helsinki capital regions*. Tallinn: Tallinn University Estonian Institute for Futures Studies
42. Urbansky S. A Very Orderly Friendship: The Sino-Soviet Border under the Alliance Regime, 1950-1960 // *Eurasia Border Review*. 2012. T. 3. №. Special Issue. С. 33-52.
43. Valeri M. So Close, So Far. National Identity and Political Legitimacy in UAE-Oman Border Cities // *Geopolitics*. 2017. P. 1-21.
44. Vergel E. Twin Cities in Amazonian Transnational Borders, an Appropriate Cross Border Approach for Squatter Settlements on flood pronelands located on border's fringe: The Case Study of Leticia and Tabatinga. University of Rotterdam, Rotterdam. 2006.
45. Анищенко А.Г., Сергунин А.А. «Города-близнецы»: новая форма приграничного сотрудничества в Балтийском регионе? // *Балтийский регион*. 2012. №1. С.27-38.
46. Бийе Ф. Современность в пространственном измерении: открытые рынки, герметичность и вертикальность в двух приграничных городах России и Китая // *Экономическая социология*. 2014. Т. 15. №. 2. С. 76-98.
47. Ильина И.Н., Михайлова Е.В. Движущие факторы формирования трансграничного сообщества на российско-китайской и российско-финляндской границах // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. 2015. № 1 (36). С. 151-160.
48. Кайсто В. Двойной город Иматра - Светогорск. Опрос общественного мнения 2007 г. // В. Кай-сто, Н. Нартова. Лаппеенранта: Технический университет Лаппеенранты, Институт Южной Карелии, 2008. Вып. 7. 167 с.
49. Михайлова Е.В. Эндогенные проблемы приграничного сотрудничества «городов-близнецов» // *Региональные исследования*. 2016. № 3 (53). С. 109-117.
50. Рыжова Н.П., Журавская Т.Н. Трансграничный шопинг на российско-китайской границе: кризис, перформативность и восприятие «себя» // *Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 202-213.

Приложение 7.2.

Перечень монографий и журнальных статей, использованных для анализа методов изучения городов-близнецов

В графе «использованные методы» источники оцениваются по четырём характеристикам:

- 1) использование данных полевых исследований (отдельно указывается привлечение данных региональных и местных архивов);
- 2) подход к составлению профиля городов-близнецов (если в источнике несколько кейсов, даётся обобщенная структура профиля);
- 3) дополнительные методы характеристики ГБ помимо составления профиля;
- 4) методы сопоставления кейсов (в случае использования нескольких кейсов).

Условные обозначения в графе «Тип ГБ»: Д – дублированные, К – конструируемые, Р – разделенные, С – соединенные.

№	Публикация (автор, год)	Число ГБ	Тип ГБ	Использованные методы
1	Alegría 2008	1	Д	1) без привлечения данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование оценочного критического (глава опровергает применимость использования термина «трансграничный метрополис» к ГБ Сан Диего-Тихуана) и обзорного подходов; 3) анализ документов, динамики структуры экономики городов и демографических процессов; 4) -
2	Aparna 2013	1	Д	1) с использованием данных полевых исследований (интервью, включенное наблюдение); 2) - 3) построение ментальных карт повседневных перемещений, нарративный анализ, метод ассоциаций; 4) -
3	Asher 2011	1	Р	1) с использованием данных полевых исследований (включенное наблюдение, интервью); 2) сначала параллельное комбинирование исторического, контекстного и обзорного подходов, затем секторального и дискретного подходов; 3) анализ повседневных практик жителей ГБ на основе интервью и наблюдений; 4) -
4	Bucken-Knapp 2001	1	С	1) без привлечения данных полевых исследований; 2) последовательное комбинирование контекстного, секторального и футурологического подходов; 3) анализ опроса общественного мнения и рекламных материалов; 4) -

5	Covarrubias 2017	1	Д	1) с использованием данных полевых исследований (интервью, включенное наблюдение); 2) обзорный подход; 3) определение ключевых агентов сотрудничества; анализ их взаимодействия на основе интервью; 4) -.
6	Covarrubias 2015	3	Д и С	1) в двух из трёх кейсов – с привлечением данных полевых исследований (интервью, включенное наблюдение); 2) последовательное комбинирование исторического и обзорного подходов; 3) определение ключевых агентов сотрудничества; количественный контент-анализ интервью с их представителями, сравнение количественных показателей уровня развития ПТСЭС в рамках трансграничной системы; 4) сравнение результатов контент-анализа по кейсам, сопоставление степени внутренней асимметричности кейсов по количественным показателям;
7	Dębicki, Doliński 2017	1	Р	1) с использованием данных полевых исследований (интервью, анкетирование); 2) контекстный подход; 3) сопоставление результатов анкетирования в ГБ с результатами опросов общественного мнения с национальной выборкой; анализ транспортной связанности ГБ; корреляционный анализ показателей, полученных методом анкетирования; 4) -
8	Dębicki, Tamaska 2014	3	Р	1) с использованием данных полевых исследований (фотодокументация); 2) секторальный подход; 3) картографический метод; анализ роли диаспор из сопредельного государства в ПС между ГБ; 4) анализ проведенных ранее соц.опросов; 4) -
9	Dołzbłasz, Raczyk 2012	1	Р	1) с использованием данных полевых исследований (интервью, включенное наблюдение); 2) последовательное комбинирование контекстного, обзорного и секторального подходов; 3) картографический метод, оценка ориентации местного бизнеса на клиентов из города-соседа/сопредельного государства; 4) -
10	Dolińska, Niedźwiecka-Iwańczak 2017	3	Р	1) с использованием данных полевых исследований (анкетирование); 2) секторальный подход; 3) анкетирование; 4) сопоставление результатов анкетирования в ГБ с результатами опросов общественного мнения с национальной выборкой; обобщение результатов для трех кейсов.

11	Ehlers 2007	1	Р	1) с использованием данных полевых исследований (интервью, анкетирование, фотодокументация); 2) параллельное комбинирование исторического и обзорного подходов; 3) анализ документов (протоколов, стратегий, соглашений); анализ состава населения ГБ (выявление доли местных и переселенцев, учёт их происхождения, составление портрета переселенцев по предыдущему месту жительства); 4) -
12	Figenschou 2011	1	К	1) с использованием данных полевых исследований (интервью и анкетирование); 2) последовательное комбинирование контекстного и обзорного подходов; 3) анкетирование; 4) -
13	Ganster, Collins 2017	1	Д	1) без привлечения данных полевых исследований; 2) последовательное комбинирование контекстного и секторального подходов; 3) анализ степени институционализированности ПС между ГБ, предложен показатель средней продолжительности срока службы избираемого главы города; 4) -
14	Häkli 2009	1	Д	1) без привлечения данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование исторического, секторального и дискретного подходов; 3) анализ документов, архитектурных проектов и маркетинговых материалов; 4) -
15	Hanson 2001	10	Д	1) без привлечения данных полевых исследований; 2) - ; 3) метод регрессии; 4) сравнение значений математических показателей (коэффициентов корреляции) у пар ГБ, выстраивание причинно-следственных связей между значением вычисленных показателей и размером городов. Сравнение значений показателей для приграничных и неприграничных городов.
16	Haugseth 2013	1	К	1) с использованием данных полевых исследований (интервью); 2) параллельное комбинирование исторического, контекстного и секторального подходов; 3) анализ документов; 4) -
17	Herzog, Sohn 2017	1	Д	1) без привлечения данных полевых исследований;

				2) параллельное комбинирование оценочного активистского (статья доказывает применимость использования термина «трансграничный метрополис» к ГБ Сан Диего-Тихуана) и обзорного подходов, затем параллельное комбинирование секторального и исторического подходов; 3) анализ документов, метод кейсов; 4) -
18	Herzog, Sohn 2014	1	Д	1) без привлечения данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование исторического, контекстного и обзорного подходов; 3) выделение этапов ослабления и усиления барьерной функции границы и влияния этих изменений на связи ГБ; 4) -
19	Jauhiainen, Pikner 2009	1	Д	1) с использованием данных полевых исследований (интервью); 2) параллельное комбинирование контекстного и секторального подходов; 3) анализ документов; медиа-анализ; 4) –
20	Jańczak 2018	14	Д, Р и С	1) с использованием данных полевых исследований (интервью); 2) - ; 3) - ; 4) составление типологии ГБ по географическому положению и выявление тенденций развития ГБ каждого типа; сравнение ГБ по наличию исторических конфликтов и возрасту границы.
21	Jańczak 2017	24	Д, Р и С	1) с использованием данных полевых исследований (интервью); 2) - 3) - 4) создание нескольких типологий ГБ в Европе: а) по историческим «волнам» образования ГБ; б) по стратегиям сотрудничества (по уровню его институционализации); в) по степени вовлеченности местных жителей в сотрудничество (в зависимости от этнической гомо-/гетерогенности и положения на внешних/внутренних границах ЕС).
22	Jelen, Scharr, Steinicke 2017	1	Р	1) без использования данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование контекстного, исторического, обзорного и компаративистского контрастного подходов; 3) анализ территориальных схем городов, приоритетов стратегического развития, динамики экономического развития; 4) -
23	Joenniemi 2014	1	К	1) без использования данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование контекстного, исторического и обзорного подходов;

				3) - ; 4) -
24	Joenniemi, Sergunin 2011	4	Д и Р	1) без использования данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование контекстного и обзорного подходов; 3) определение проявлений совместной идентичности ГБ, оценка интегрированности ПТСЭС; 4) определение примера ГБ с наибольшей степенью интегрированности ПТСЭС и сравнение с ним других кейсов.
25	Kaisto 2017	1	Д и Р	1) с использованием данных полевых исследований (интервью); 2) последовательное комбинирование контекстного, исторического и обзорного подходов; 3) метод фокус-групп; 4) -
26	Lara- Valencia, Dołzbłasz 2018	2	Д и Р	1) с использованием данных полевых исследований (включенное наблюдение); 2) секторальный подход; 3) оценка ориентации местного бизнеса на клиентов из города-соседа/сопредельного государства; анализ временных рядов (динамика пересечения границы); анализ переписи населения; 4) сравнение степени ориентации местного бизнеса на клиентов из города-соседа/сопредельного государства.
27	Löfgren 2008	2	Д и С	1) без привлечения данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование исторического и обзорного подходов; 3) выявление моделей поведения «регионавтов» - социальных групп, активно пересекающих границу и воспринимающих трансграничный регион как единую систему; 4) сравнение уровня активности «регионавтов», уровня интеграции ПТСЭС.
28	Lokman 2014	1	Д	1) без привлечения данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование компаративистского уподобляющего и секторального подходов; 3) анализ структуры экономики и городского ландшафта; 4) -
29	Lundén 2004	4	Д, Р и С	1) с использованием данных полевых исследований (включенное наблюдение, фотодокументация); 2) последовательное комбинирование контекстного и обзорного подходов; 3) этно-лингвистическая категоризация жителей ГБ, оценка единства трансграничного пространства по уровню интереса к СМИ города-соседа; 4) -

30	Lundén, Zalamans 2002	1	Д	1) с использованием данных полевых исследований (включенное наблюдение, фотодокументация, анкетирование); 2) последовательное комбинирование контекстного и обзорного подходов; 3) этно-лингвистическая категоризация жителей ГБ, оценка единства трансграничного пространства по уровню интереса к СМИ города-соседа; 4) -
31	Matthiesen, Bürkner 2001	1	Р	1) с использованием данных полевых исследований (интервью); 2) параллельное комбинирование контекстного, исторического и обзорного подходов; 3) анализ формальных и неформальных сетевых взаимодействий внутри каждой ПТСЭС и между ГБ; 4) -
32	Pacheco, López- Nórez 2012	2	Д и Р	1) с привлечением данных полевых исследований (фотодокументация символического ландшафта ГБ); 2) последовательное комбинирование контекстного и обзорного подходов; 3) описание кейсов с точки зрения выдвинутой авторами модели сравнения ПС в ГБ; 4) сравнение вариаций моделей ПС в двух кейсах.
33	Pikner 2008	1	С	1) без использования данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование дискретного, исторического и секторального подходов; 3) анализ документов (в т.ч. анализ изменений в приоритетах стратегического планирования); анализ организационной структуры органа ТГУ; 4) -
34	Schultz 2002	18	Д, Р и С	1) без использования данных полевых исследований; 2) обзорный подход; 3) дистанционное анкетирование представителей органов МСУ ГБ; анализ количественных показателей (доли граждан сопредельного государства, проживающих в ПТСЭС; доли населения, владеющего языком сопредельного государства и др.) и их временных рядов (числа смешанных браков; числа пересечения границы); 4) картографический метод и последующая группировка кейсов по географическому принципу (на внешней а) восточной и б) западной или внутренней границе ЕС; обобщение характеристик ГБ для каждой группы; выдвижение гипотез и их количественная верификация на основе эмпирических данных (статистических или из анкет).
35	Shen 2014	1	Д	1) с привлечением данных полевых исследований (анкетирование); 2) последовательное комбинирование контекстного и обзорного подходов;

				3) анализ торгового оборота внутри ГБ, анализ восприятия ГБ местными жителями и уровня их осведомленности о городе-соседе; 4) -
36	Soi, Nugent 2017	4	Д и С	1) без использования данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование контекстного, исторического и смешанного компаративистского подходов; 3) -; 4) сравнение динамики демографического развития кейсов, объемов обслуживаемых экономических потоков, связи этих показателей с уровнем политической и экономической стабильности государств, на границах которых расположены ГБ.
37	Sparrow 2001	1	Д	1) без использования данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование контекстного, исторического и обзорного подходов, затем оценочный критический подход (автор опровергает применимость терминов «города-близнецы» и «двунациональный город» к городам Сан Диего-Тихуана); 3) - ; 4) -
38	Stokłosa 2017	2	Д и Р	1) без использования данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование исторического и секторального подходов; 3) выявление причинно-следственных связей между совместной идентичностью жителей ГБ, историей ГБ, этническим составом и отношениями сопредельных государств; 4) сопоставление выраженности совместной идентичности у жителей ГБ.
39	Tamashka 2017	1	Р	1) с использованием данных полевых исследований (интервью, включенное наблюдение, фотодокументация); 2) параллельное комбинирование секторального и дискретного подходов; 3) картографический метод; анализ представлений о городской среде ГБ с помощью ментальных карт жителей ГБ; метод «променадологии» - рефлексивной прогулки; 4) -
40	Tambi 2016	1	Д	1) с использованием данных полевых исследований (интервью, устный социологический опрос, включенное наблюдение); 2) последовательное комбинирование контекстного и обзорного подходов; 3) оценка значимости ГБ по числу визитов ключевых политических фигур, контент-анализ их выступлений; 4) -
41	Terk 2012	1	С	1) без привлечения данных полевых исследований;

				2) параллельное комбинирование исторического, контекстного и обзорного подходов; 3) сценарное прогнозирование; метод мозгового штурма; анализ временных рядов (динамики пассажиро- и грузопотока между ГБ). 4) -
42	Urbansky 2012	1	Д	1) с использованием данных полевых исследований (включенное наблюдение, работа в архивах); 2) параллельное комбинирование контекстного и исторического подходов; 3) анализ документов; 4) -
43	Valeri 2017	1	Р	1) без привлечения данных полевых исследований; 2) параллельное комбинирование исторического и контекстного подходов; 3) оценка влияния межгосударственных отношений сопредельных стран на сотрудничество ГБ; 4) - .
44	Vergel 2006	1	Д	1) с использованием данных полевых исследований (включенное наблюдение, интервью, анкетирование, фотодокументация); 2) параллельное комбинирование контекстного и исторического подходов, затем обзорный подход; 3) анализ документов; картографический метод; анализ временных рядов (демографических показателей); анализ типичной планировки домов ГБ в районах, подверженных затоплению. 4) -
45	Анищенко, Сергунин 2012	4	Д и Р	1) без привлечения данных полевых исследований; 2) контекстный подход; 3) оценка влияния межгосударственных отношений сопредельных стран на сотрудничество ГБ; 4) сравнение успешности сотрудничества в формате ГБ.
46	Бийе 2014	1	Д	1) с использованием данных полевых исследований (интервью, включенное наблюдение); 2) в статье использованы практически все разновидности подходов и способы их комбинирования; наиболее часто используются параллельно комбинируемые исторический, контрастный, секторальный и контекстный подходы. 3) метод построения ментальных карт, качественный анализ интервью; 4) –
47	Ильина, Михайлова 2015	2	Д и Р	1) с использованием данных полевых исследований (анкетирование, интервьюирование); 2) параллельное комбинирование исторического и обзорного подходов; 3) анкетирование, определение движущих факторов формирования трансграничных сообществ; 4) сравнение статуса, структуры экономики, удаленности от рег. и нац. центров, сформированности трансграничных сообществ.

48	Кайсто, Нартова 2008	1	Д и Р	1) с использованием данных полевых исследований (анкетирование); 2) последовательное комбинирование контекстного, исторического и обзорного подходов, затем компаративистский смешанный подход; 3) анкетирование; 4) -
49	Михайлова 2016	3	Д, К и Р	1) с использованием данных полевых исследований (анкетирование, интервьюирование); 2) -; 3) анкетирование; количественный контент-анализ интервью с ключевыми акторами ПС; сравнение динамики курса валют и пересечения границы; 4) сравнение результатов контент-анализа и анкетирования по кейсам.
50	Рыжова, Журавская 2015	1	Д	1) с использованием данных полевых исследований (интервью, включенное наблюдение); 2) параллельное комбинирование исторического и секторального подходов; 3) анализ практик покупки товаров представителями сопредельной страны и эволюции их восприятия продавцами; анализ связи поведения покупателей и динамики курса валют сопредельных стран; 4) -

Составлено автором.

Приложение 8. Использование картографического метода при изучении городов-близнецов: примеры из литературы

1. Карта городов-близнецов в Европе:

выборка исследования Х. Шульц (Schultz 2002, p. 7)

2. Карта городов-близнецов в Европе:

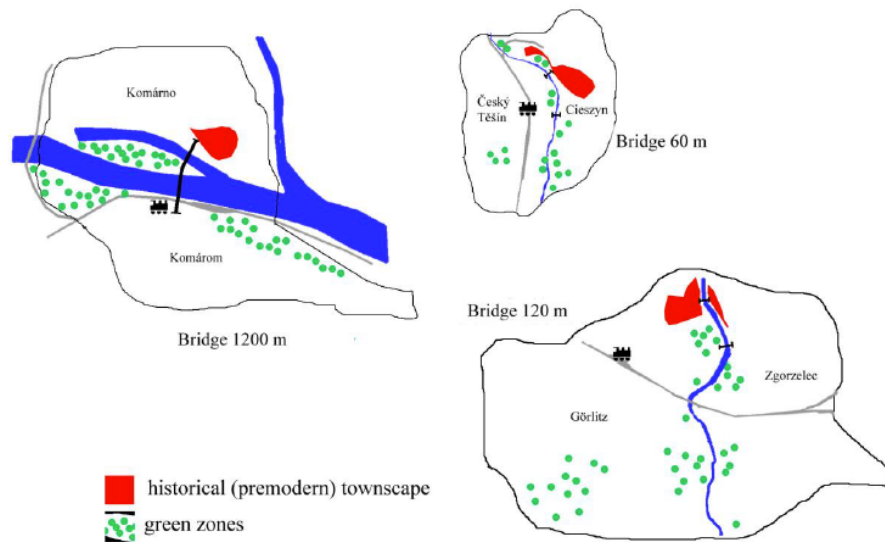
выборка Я. Янчака (Jańczak 2017, p. 480)

Обозначения на карте 2 (справа): 1 Туй - Валенса; 2 Ирун - Андай, 3 Баарле Нассау - Баарле Хертог, 4 Керкраде - Херцогенрат, 5 Страсбург - Кель, 6 Нёф Бразак - Брайзах, 7 Райнфельден (Баден) - Райнфельден (Аргау), 8 Лауфенбург (Баден) - Лауфенбург (Аргау), 9 Лауфен - Оберндорф, 10 Гориция - Нова Горица, 11 Франкфурт-на-Одере - Слубице, 12 Губен-Губин, 13 Гёрлиц - Згожелец, 14 Чешске Веленице - Гмюнд, 15 Бад Радкерсбург - Горня Радгона, 16 Чески Тешин - Цешин, 17 Комарно - Комаром, 18 Штурово - Эстергом, 19 Хапаранда - Торнио, 20 Тересполь - Брест, 21 Валга - Валка, 22 Нарва - Ивангород, 23 Калафат - Видин, 24 Джурджу - Русе.

3. Схемы разделенных городов-близнецов Комарно (Словакия)-Комаром (Венгрия), Чешски-Тешин (Чехия)-Цешин (Польша) и Гёрлиц (Германия)-Згожеlec (Польша) (Dębicki, Tamaska 2014, p. 15)

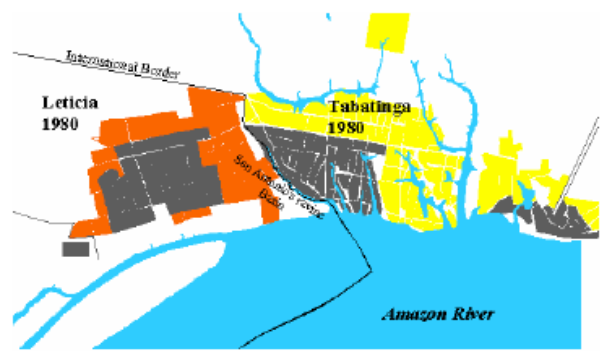
Fig.1. River, bridges, historical town, railway and green zones in the topography of divided twin towns. The dimension of the Danube at Komárom/Komárno is not in relation to the other cases. The green zones and rivers function today mostly as barriers but careful landscape planning may develop common parks and relaxation zones for populations from both sides of the twin towns.

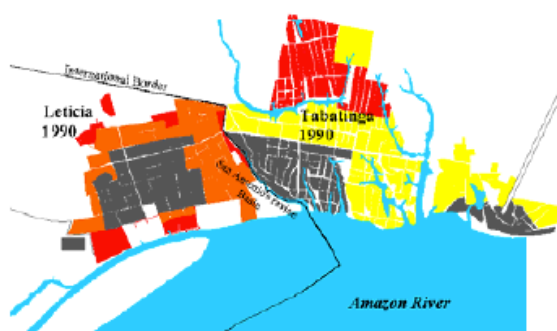
4. Карты урбанизации Летисии (Колумбия) и Табатинги (Бразилия): динамика с 1950 до 2000 гг. (Vergel 2006, p. 34)

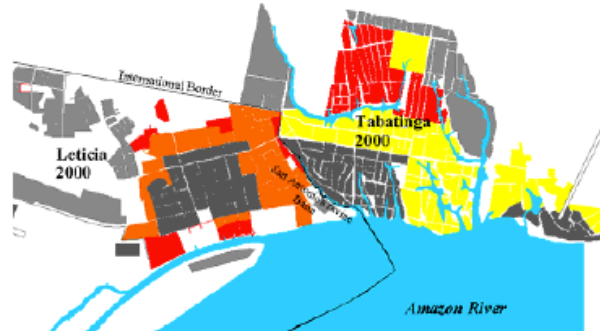
Map 2. Leticia Tabatinga Twin Cities. Urban Growth. 1950–1970.

Map 3. Leticia Tabatinga Twin Cities. Urban Growth. 1980–1982.

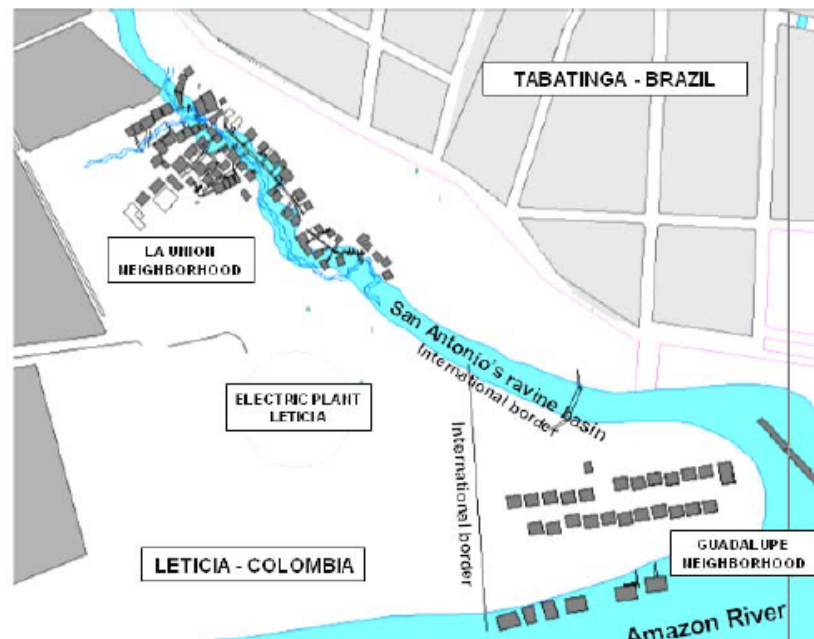
Map 4. Leticia Tabatinga Twin Cities. Urban Growth. 1990–1991.

Map 5. Leticia Tabatinga Twin Cities. Urban Growth. 2000.

Source: Prefeitura Tabatinga, Alcaldía de Leticia. Steinman 2005. Drawing: Erik Vergel Tovar, 2006.

5. Карта планировки вдоль пограничной реки Сан Антонио между Летисией и Табатингой. Авторская зарисовка по результатам полевого исследования (Vergel 2006, p. 37)

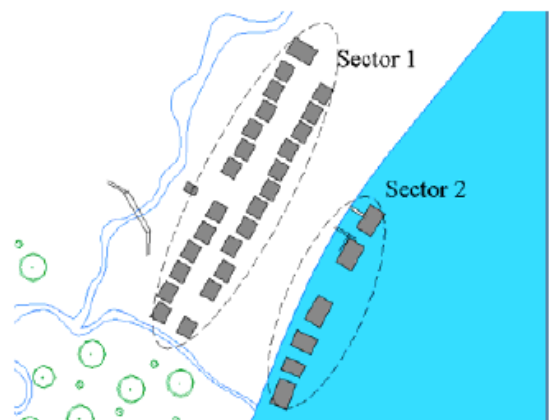

Map 6. Plan view of San Antonio's ravine basin. The location of *La Unión* (Leticia) neighborhood and *Guadalupe* (Tabatinga) neighborhood. Map made during field work period based on interviews, observations and walk out journeys in the neighborhood. Source and Drawing: Fieldwork. Erik Vergel Tovar. 2006.

6. Карты районов Ла Унион (Летисия, Колумбия) и Гуаделупе (Табатинга, Бразилия) – сопредельных приграничных кварталов. Авторская зарисовка по результатам полевого исследования (Vergel 2006, p. 56)

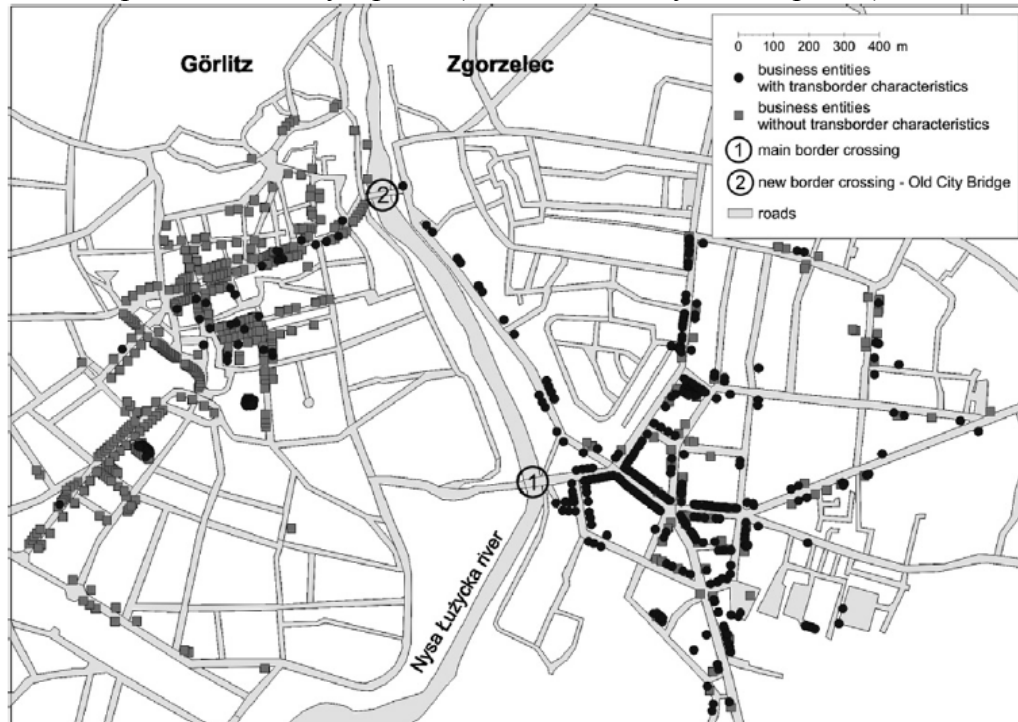

Map 12. La Unión neighbourhood. Map made during field work period based on interviews, observations and walk out journeys in the neighborhood. Source: Fieldwork. Erik Vergel Tovar. 2006.

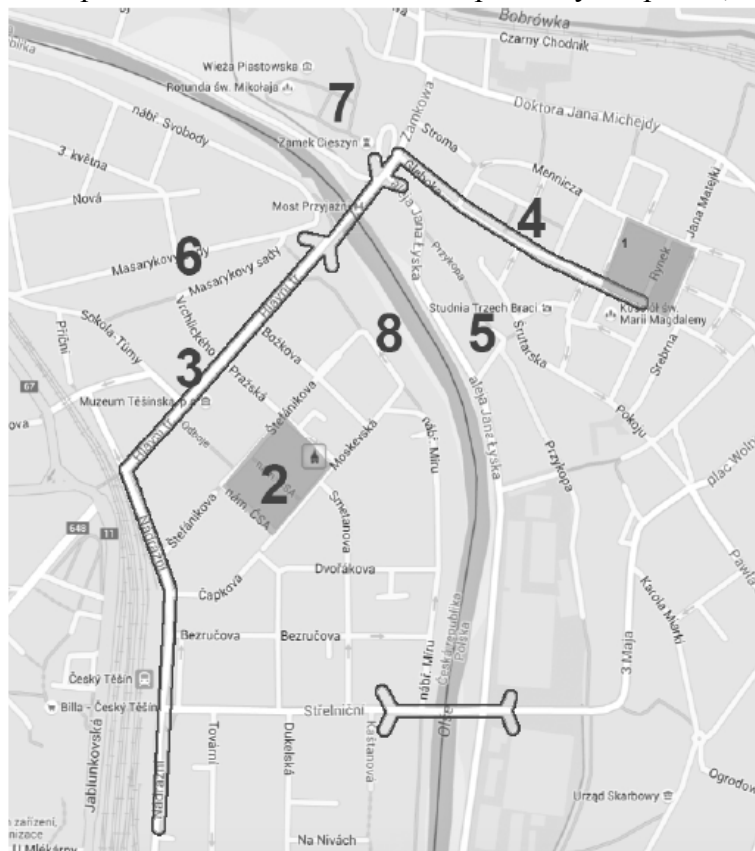

Map 13. Guadalupe neighbourhood. Map made during field work period based on interviews, observations and walk out journeys in the neighborhood. Source: Source: Fieldwork. Erik Vergel Tovar. 2006.

7. Карта открытости бизнеса Гёрлица (Германия) и Згожелека (Польша) в отношении жителей сопредельного государства (Dołzbłasz, Raczyk 2012, p. 353)

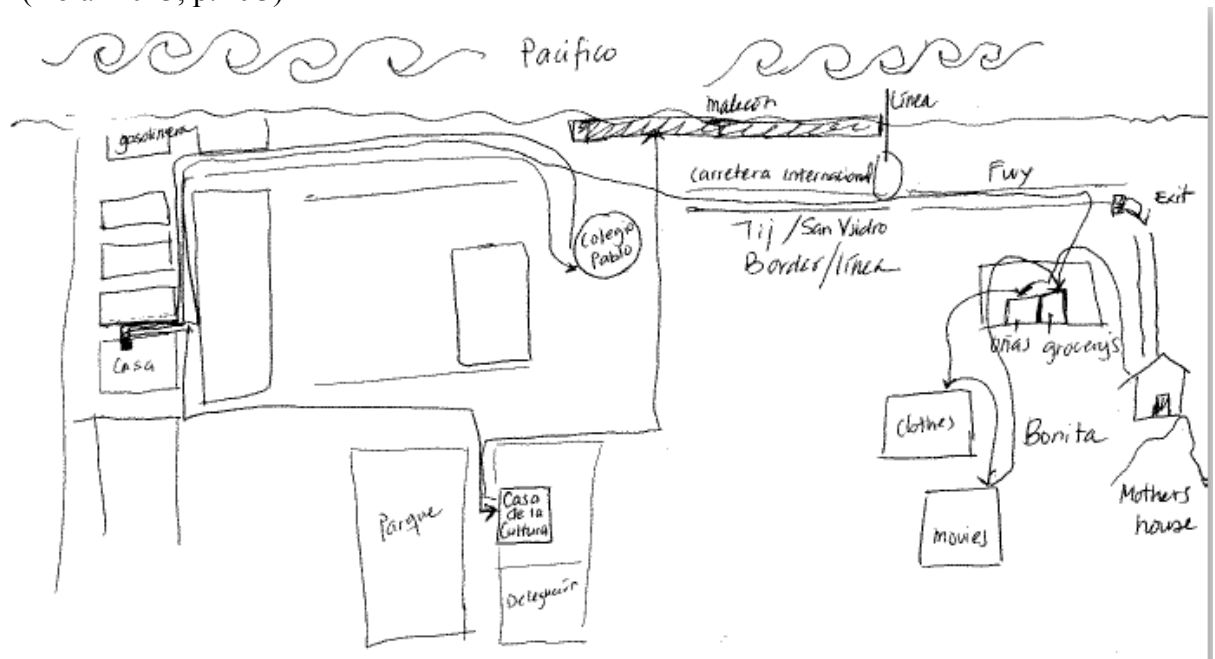

8. Карта исторических центров городов-близнецов Чешски-Тешин (Чехия) и Цешин (Польша) (Tamashka 2017). Цифрами на карте обозначены объекты, чаще всего встречавшиеся в ментальных картах двух городов, составленных местными жителями:

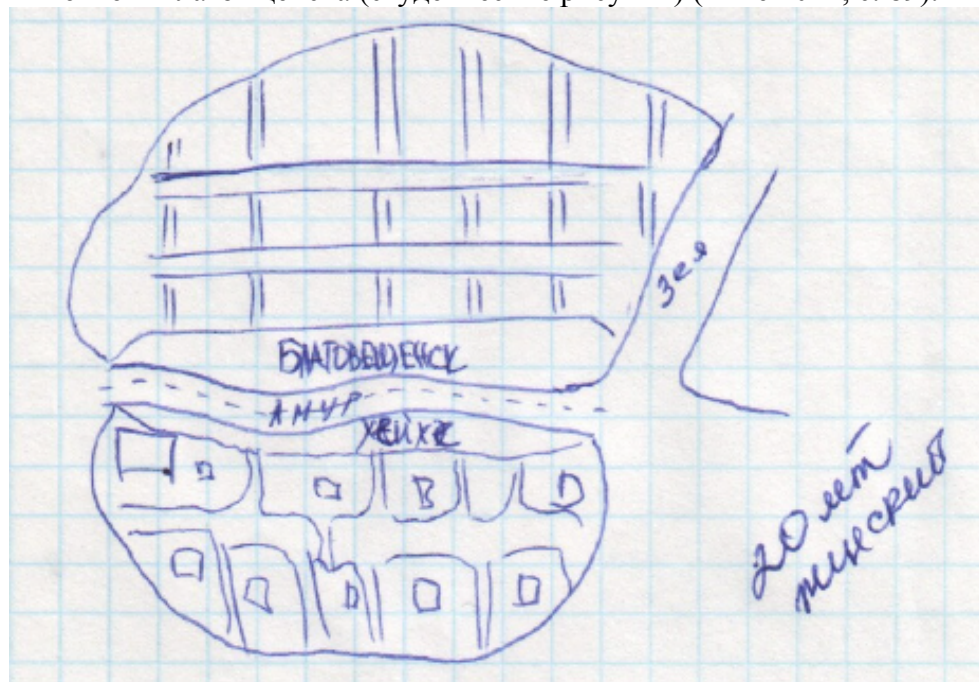

- 1 – площадь Rynek,
- 2 – площадь ČSA,
- 3 – улица Hlavní třída,
- 4 – улица Głęboka,
- 5 – район «Венеция»,
- 6 – парк,
- 7 – замок,
- 8 – сквер вдоль набережной

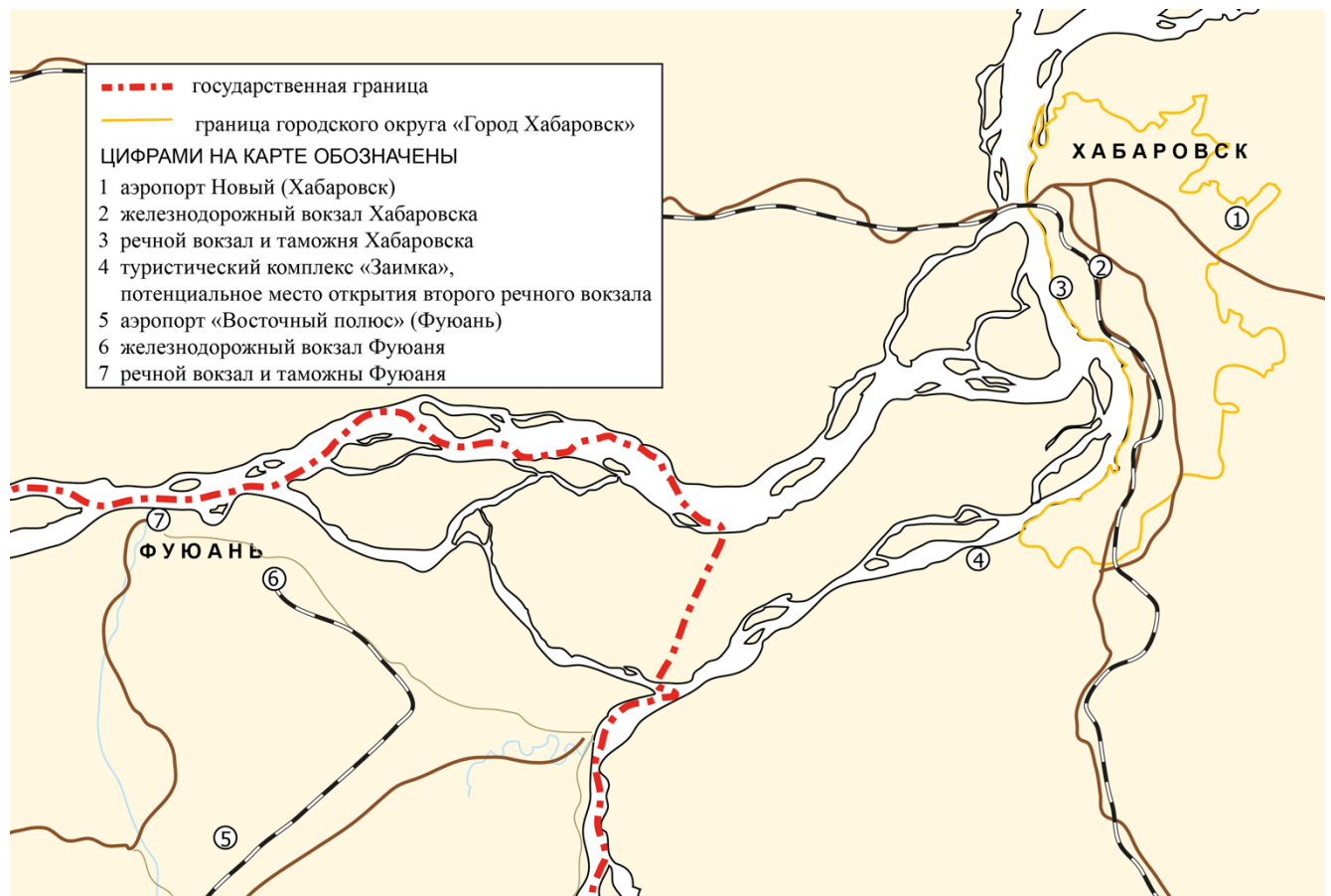
9. Ментальная карта регулярного трансграничного маршрута одного из жителей Тихуаны (Kolar 2013, p. 193)

10. Различия Хэйхэ и Благовщенска (студенческие рисунки) (Бийе 2014, с. 89).

Приложение 9. Транспортные узлы Хабаровска и Фуюаня

Составлено автором.

Приложение 10.
Система кодов DeDoose,
использовавшаяся при анализе кейса Светогорск-Иматра

I. ▼ Экспертные оценки по цикличности ПС ▼ Направленность ПС - Изменение динамики ПС - Преемственность ПС - Утраченные направления ПС - Итоговая оценка на сегодня - Расцвет сотрудничества	III. ▼ Проблемы ПС ▼ Барьерность границы - Времязатратность пересечения границы - Необходимость получения визы/пропуска в пог... - Низкое качество приграничной инфраструктуры ▼ Плохая координация транспортных потоков - Нет регулярного сообщения между ПСЭС - Пробки на границе/в городе ▼ Кадровые проблемы ▼ Нехватка человеческих ресурсов - Нехватка человеческих ресурсов определенно... ▼ Коммуникационные проблемы - Информационное неравенство - Отсутствие информационно-консультационно... - Отсутствие общего информационного поля ТТ... - Проблемы коммуникации с системами высшег... ▼ Проблемы в области управления - Зависимость динамики ПС от личности - Низкий приоритет ПС - Ограниченность полномочий участников ПС - Отсутствие баланса в извлечении выгод от сот... - Отсутствие времени на ПС ▼ Различия между ПСЭС - Административно-организационные различия... - Различия нормативно-правовых основ двух с... - Финансовые проблемы
II. ▼ Отношение к инициативе "городов-близнецов" ▼ Скорее положительное - Общие черты - Стратегический ориентир - Участие в мероприятиях ГБ - Нейтральное ▼ Скорее отрицательное - ГБ как проект - Инициатива "городов близнецов" ориентирова... - Отрицание - Различия городов	

Приложение 11.

Образец анкеты «Никель и Киркенес как «города-близнецы»

Уважаемые респонденты!

Данная анкета направлена на выявление оценки развития приграничного сотрудничества Никеля и Киркенеса в рамках диссертационного исследования «Управление социально-экономическим развитием трансграничных территориальных образований». На основе результатов анкетирования будут сформулированы рекомендации по повышению эффективности сотрудничества этих городов.

Инструкция

А) В закрытых вопросах с двумя вариантами ответа необходимо остановиться на одном варианте ответа.

Б) В закрытых вопросах с выбором из нескольких альтернативных вариантов можно указать несколько вариантов ответа.

В) На каждый из открытых вопросов необходимо дать развернутый ответ в соответствии с Вашим личным мнением.

Г) В ряде случаев непосредственно после вопросов размещены дополнительные инструкции.

I. Отношение к городу по другую сторону границы

1. Бывали ли Вы в Киркенесе? Да Нет

2. Как часто Вы бываете в Киркенесе?

○ Несколько раз в неделю

○ Несколько раз в месяц

○ Несколько раз в году

3. Другое _____

4. Каковы цели Вашего посещения Киркенеса?

○ Туризм/

○ Отдых

○ Бизнес/ Работа

○ Учеба

○ Транзит

○ Покупки

○ Другое _____

4. Есть ли у Вас **друзья / партнеры / родственники** в Киркенесе?

(Подчерните те категории, с помощью которых Вы могли бы охарактеризовать свои отношения с людьми по другую сторону границы).

5. Опишите, пожалуйста, Киркенес. Какие характеристики города по другую сторону границы являются наиболее важными для Вас? _____

II. Личное участие в приграничном сотрудничестве

6. Вы когда-нибудь посещали мероприятия, связанные с сотрудничеством между Никелем и Киркенесом?

Да Нет

7. В каком качестве Вы присутствовали на таких мероприятиях? Зритель

○ Участник

○ Организатор

III. Восприятие и оценка приграничного сотрудничества

8. Когда, на Ваш взгляд, началось сотрудничество между Никелем и Киркенесом? Укажите год или событие, от которого Вы ведете отсчет.

9. Кто/что, по Вашему мнению, был/о основным двигателем сотрудничества между Никелем и Киркенесом? Назовите организации, программы, граждан и т.д., которые повлияли на развитие связей между Никелем и Киркенесом.

10. Каковы основные итоги сотрудничества между Никелем и Киркенесом на сегодняшний день? *Назовите наиболее значимые для Вас совместные проекты и мероприятия.*

11. В каких сферах сотрудничество между Никелем и Киркенесом развивается более успешно? С чем Вы это связываете?

12. В каких сферах потенциал сотрудничества недооценен?

13. Каковы наиболее проблемные участки сотрудничества между Никелем и Киркенесом?

14. Является ли дальнейшее развитие сотрудничества между Никелем и Киркенесом взаимовыгодным? Да Нет

Если да, то:

Каковы выгоды от сотрудничества для Никеля?

Каковы выгоды от сотрудничества для Киркенеса?

Каковы Ваши личные выгоды от сотрудничества между Никелем и Киркенесом?

IV. Ожидания и предложения в отношении приграничного сотрудничества

15. В каких сферах сотрудничество между Никелем и Киркенесом наиболее необходимо? *Составьте список из 3-5 приоритетных направлений сотрудничества.*

1. _____

4. _____

2. _____

5. _____

3. _____

6. _____

V. Осведомленность о концепции «городов-близнецов»

16. Сталкивались ли Вы когда-нибудь с понятием «города-близнецы»?

Да Нет

Если да, то из какого источника информации Вы впервые услышали о «городах-близнецах»?

☐ Местная газета

☐ Выступление представителей муниципального образования

☐ Интернет

☐ Другое

☐ Радио

☐ Телевидение

☐ Научная литература

Применяли ли Вы эту концепцию к паре городов Никель и Киркенес?

Да Нет

17. Знаете ли Вы другие пары «городов-близнецов»?

Да Нет

Если да, напишите несколько примеров других пар городов-«близнецов», которые Вам известны: _____

Будьте добры, укажите, пожалуйста, Ваши личные данные:

Пол _____ Возраст _____ Род деятельности _____

Спасибо за помощь!

Приложение 12.
Результаты анкетирования населения Никеля-Киркенеса, Светогорска-Иматры,
Благовещенска-Хэйхэ

Бывали ли Вы в соседнем муниципальном образовании?				
	Да	Нет		Без ответа
Никель	19	5		1
Киркенес	38	7		0
Светогорск	41	7		-
Иматра	26	19		-
Благовещенск	47	4		-
Каковы Ваши цели посещения соседнего муниципального образования?				
	Туризм	Шопинг	Бизнес	Транзит
Никель	11	16	2	-
Киркенес	9	17	4	16
Светогорск	29	36	1	11
Иматра	5	9	2	7
Благовещенск	37	26	8	7
Есть ли у Вас родные/ знакомые/партнеры в соседнем МО?				
	Да	Нет		
Никель	9	15		
Киркенес	10	35		
Светогорск	14	26		
Иматра	10	27		
Благовещенск	24	27		
Ваше отношение к соседнему МО				
	Положительное	Отрицательное	Нейтральное	Без ответа
Никель	9	-	-	15
Киркенес	6	7	8	24
Светогорск	31	-	-	17
Иматра	7	4	8	26
Благовещенск	32	2	3	14

Составлено автором.

Приложение 13. Цитаты интервью с местными экспертами из Светогорска и Иматры, соответствующие коду Dedoose «Итоговая оценка ПС на сегодня»

Диапазон весов: 0-7 Описание:

1. Отрывок - Источник: Bogdanov, Местоположение: 4335-4462, Вес: 2
Европейские проекты идут, но люди не видят их результатов. Такое «подполье» в международных связях началось с прихода Васильева.
2. Отрывок - Источник: Ahonen, Местоположение: 9269-9329, Вес: 2
With previous mayor there were more talks about twin-cities.
3. Отрывок - Источник: Gongladze, Местоположение: 4278-4300, Вес: 2
Раньше было интересней
4. Отрывок - Источник: Vracheva, Местоположение: 540-584, Вес: 0
Никакого сотрудничества у нас больше и нет.
5. Отрывок - Источник: Laine, Местоположение: 493-557, Вес: 0
Cooperation in the form of twin-cities is not possible any more.
6. Отрывок - Источник: Sareslahti, Местоположение: 4845-4914, Вес: 4
Before there were more talks about cooperation, today it's more deeds.
7. Отрывок - Источник: Pashinina, Местоположение: 5503-5528, Вес: 3
Сейчас все гораздо проще.
8. Отрывок - Источник: Pakarinen, Местоположение: 5805-6024, Вес: 4
Connections have been and still are better between Imatra and Svetogorsk than between Lappeenranta and Vyborg. They have more resources but the everyday influence is more active here (or at least it has been) in Imatra.
9. Отрывок - Источник: Guseva, Местоположение: 15531-15849, Вес: 3
Сотрудничеству Светогорска с Иматрой около 20 лет. В каких-то направлениях (например культурный и спортивный обмен) сотрудничество идет более успешно. Ранее шло активное взаимодействие между педагогами, даже было обучение языкам – как среди педагогов, так и среди школьников. По-моему, сотрудничество сейчас идет вяло.
10. Отрывок - Источник: Krylova, Местоположение: 15397-15679, Вес: 4
Наши отношения с финнами нисколько не ухудшились: по-прежнему встречаемся на семинарах (возможно, из-за европейского кризиса уменьшилось их количество). Но сотрудничество нашего двойного города Иматра-Сетогорск продолжается, особенно в сферах культуры, образования и здравоохранения.
11. Отрывок - Источник: Keskinen, Местоположение: 7405-7505, Вес: 4
The cooperation is already between normal people, not only administrations. It's slowly developing.
12. Отрывок - Источник: Ivanova, Местоположение: 2157-2198, Вес: 4
Today relations are stable and permanent.
13. Отрывок - Источник: Lintunen, Местоположение: 4206-4291, Вес: 5
Today cooperation is a normal thing, that fears are not in the local agenda any more.
14. Отрывок - Источник: Kähäri, Местоположение: 274-312, Вес: 3
Cooperation today is not that active.

Приложение 14.

Критерии отнесения событий приграничного сотрудничества к стадиям его развития

Распределение основных событий приграничного сотрудничества по стадиям производилось в соответствии с основными характеристиками и содержанием каждой стадии, определенными в табл. 3 (см. подробнее сс. 62-63).

- 1) Шаги, ориентированные на установление взаимодействия между приграничными акторами, включались в состав стадии инициации (в том числе обмен делегациями, первые совместные проекты);
- 2) Действия, осуществляющие нормативно-правовую и организационную формализацию трансграничного диалога, классифицировались как элементы стадии институционализации (включая подписание соглашений о сотрудничестве, учреждение советов, рабочих групп и других органов, координирующих подготовку планов и программ развития ПС);
- 3) В случае, если ведущей задачей мероприятий трансграничного взаимодействия являлось расширение числа участников, направлений и форм ПС, они определялись как составная часть стадии экстенсификации;
- 4) Действия, направленные на развитие имеющихся направлений, проектов и программ ПС путем их содержательного углубления, наращивания совместной работы по подготовке к проведению мероприятий, интерпретируются как компоненты стадии интенсификации (подготовка и проведение спортивных, культурных и образовательных мероприятий со смешанным составом участников и организаторов; проведение политических форумов и семинаров по обмену опытом; подготовка и выдвижение совместных нормативно-правовых инициатив и оценок региональных и макрорегиональных стратегических документов; увеличение пропускной способности пунктов пропуска за счет изменения режима их работы);
- 5) События ПС, выражающие закрепление определенных форматов взаимодействия в качестве отработанных и привычных, сгруппированы как элементы в рамках стадии стабильного развития (установление регулярного календаря совместных мероприятий, создание и поддержание платформ для регулярного общения органов МСУ и приграничных жителей);
- 6) Мероприятия, знаменующие переход на качественно новый уровень ПС путем тщательного анализа его содержания и достигнутых результатов и последующего пересмотра его содержания, форм и задач, включались в состав стадии модернизации (выдвижение новых инициатив, направлений и принципов сотрудничества, корректировка двусторонних соглашений, стратегий и планов развития, устоявшихся практик сотрудничества и административных структур, обеспечивающих взаимодействие сотрудничающих муниципальных образований в соответствии с новыми инициативами);
- 7) События, свидетельствующие о снижении приоритетности ПС, определялись как проявления стадии деградации приграничного сотрудничества (в том числе упразднение органов, координирующих выстраивание внешних связей, отказ от выполнения двусторонних соглашений, сокращение направлений сотрудничества и др.).

Приложение 15.

Рис. А. Предприятия сферы услуг Хабаровска, ориентированные на клиентов из Китая

Составлено по рекламным брошюрам на китайском языке, материалам интервью и полевым заметкам.

На рис. А отображен Центральный район Хабаровска, где проживает 98 тыс. человек. Этот район является средоточием учреждений, специализирующихся на работе с китайскими клиентами, о которых упоминали местные эксперты – хабаровчане, поддерживающие отношения с китайскими партнерами в силу профессиональных обязанностей (бизнесмены, преподаватели, государственные и муниципальные служащие, журналисты). Общее количество предприятий сферы услуг, использующих вывески и распространяющих информационные материалы на китайском языке в Хабаровске не велико, они тяготеют к главным транспортным магистралям – ул. Муравьева-Амурского, ул. Карла Маркса и Амурскому бульвару. Турфирмы, специализирующихся на продаже хабаровчанам туров в Фуюань, в основном расположены у речного порта.

Примечательно, что шаги по повышению открытости в отношении клиентов из КНР сделали не только предприятия, работающие в сфере ресторанного и гостиничного бизнеса или в сфере торговли. Аналогичную инициативу предпринял один из перевозчиков Хабаровска путём дублирования на китайский язык одного автобусного маршрута (Мурзина 2017). Этот маршрут охватывает ключевые улицы города, на которых расположено большинство организаций, оказывающих услуги китайским туристам.

Рис. Б. Предприятия сферы услуг Фуюаня, ориентированные на клиентов из России

Составлено автором по русскоязычным путеводителям по Фуюаню за 2011-2015 и 2017 г.

На рис. Б видно, что предприятий сферы услуг Фуюаня, основными клиентами которых на протяжении последних лет были российские туристы, значительно меньше, чем в Хэйхэ. Можно говорить об их компактной локализации в центре города между пешеходной торговой ул. Сянцзянлу и ведущей к автовокзалу ул. Чжэньянлу. Предприятия по оказанию услуг российским туристам обычно группируются вместе (принадлежат одному владельцу). Четыре гостиницы, на протяжении нескольких выпусков размещавшие свою рекламу в русскоязычном путеводителе по Фуюаню, находятся на относительном удалении от центра, ориентированного на обслуживание россиян. Можно предположить, что ранее рядом находились другие специализировавшиеся на русскоязычном сервисе предприятия сферы услуг, которые затем либо закрылись, либо сменили профиль деятельности в связи со снижением потока туристов из России.

Приложение 16.

Сводная характеристика городов-близнецов зарубежной Европы, выбранных для изучения передового опыта

№	Населенные пункты	Год основания	Население, тыс. чел (2016)	Дистанция между центрами городов	Тип генезиса	Характер государственной границы	Местные языки
1	Фуентеррабия (Испания)	1203	16 894	3 км между Ируноми Андаей, 1,5 км между Фуентеррабией и Андаей	Дублированные	Расположены на внутренних границах ЕС с 1986 г.	Баскский, испанский, французский
	Ирун (Испания)	1203	61 102				
	Андай (Франция)	1598	16 759				
2	Хаппаранда (Швеция)	1842	4 856	1 км автотрассы	Дублированные	Расположены на внутренних границах ЕС с 1995 г.	Меянкиели, финский, шведский
	Торнио (Финляндия)	1621	22 306				
3	Франкфурт-на-Одере (ФРГ)	1253	58 018	250 м р. Одер	Разделенные	Расположены на внутренних границах ЕС с 2004 г.	Немецкий, польский
	Слубице (Польша)	1945	18 148				

Составлено автором по Schultz 2002, citypopulation.de, официальным сайтам городов

Приложение 17.1. Кейс «Баскский еврогород»

Полицентричная конурбация *Ируна, Фуентеррабии и Андаи* является крайней западной точкой соприкосновения Испании и Франции, провинции Гипускоа автономного сообщества Страны Басков (Comunidad Autónoma Vasca) и исторической области Лабурдан французской Страны Басков (Pays basque français) региона Аквитания.

Связанные общей историей, доминирующей этнической группой басков и баскским языком, рассматриваемые ПТСЭС имеют близкую экономическую специализацию – туристическую и транспортно-логистическую, что обусловлено общностью географического положения на побережье Бискайского залива и истории развития национальных транспортно-логистических сетей в Западной Европе. В начале 1860-х гг. Ирун и Андай стали стыковочными узлами железнодорожного сообщения по направлению Мадрид-Париж, что предопределило формирование в этих городах крупных логистических центров. Фуентеррабия получила значение транспортного коридора существенно позже своих соседей, когда в 1955 г. на ее территории был открыт аэропорт, ныне используемый для внутренних авиаперевозок по Испании. Основным различием изучаемых городов является приверженность их населения разным политическим идеям: в то время как большинство жителей Ируна и Андаи поддерживают социально-демократические партии (Partido Socialista de Euskadi и Parti Socialiste Français соответственно), избиратели Фуентеррабии являются сторонниками националистической партии басков (Partido Nacionalista Vasco) и поддерживают идею баскской независимости, что в ряде случаев приводит к затруднениям в переговорном процессе между администрациями и городскими советами смежных ПТСЭС (Harguindeguy and Bray 2007, сс. 324-326).

Новый цикл приграничного сотрудничества Ируна, Фуентеррабии и Андаи начался с учреждения в 1993 г. «баскского еврогорода» Байонна-Сан-Себастьян (Eurociudad Vasca Bayonne - San Sebastián) (Eurociudad Vasca 2016). Согласно уставному документу, регулирующему этот формат взаимодействия, «баскский еврогород» представляет собой «урбанизированный континуум», объединяющий прибрежные поселения на расстоянии 59 км между Байонной и Сан-Себастьяном, крупнейшими городами сопредельных провинций.

С 1997 г. начало действовать Агентство развития Еврогорода Байонна-Сан-Себастьян. Основными принципами работы этого органа управления были установлены:

- конкурентное сотрудничество;
- многоуровневость, то есть сосуществование совместных проектов разных уровней в зависимости от их отраслевой принадлежности и целей их реализации;

- философия «проекта проектов», то есть достижение стратегической цели развития трансграничной территории благодаря реализации конкретных мер для решения практических проблем на местах.

Другим достижением «баскского еврогорода» является активное применение совместного стратегического планирования. Первым стратегическим документом трансграничной территории от Байонны до Сан-Себастьяна стало опубликованное в 2000 г. «Положение о Еврогороде». На тот момент основными задачами развития «урбанизированного континуума» были названы: формирование платформы коммуникации и интермодальности под лозунгом «от транзитного коридора к еврокоридору развития»; формирование линейного сетевого полицентричного метрополиса; защита природного наследия и внедрение концепции «зеленого города».

В 2008 г. были выбраны два стратегических приоритета территориального развития баскского Еврогорода, а именно: достижение устойчивого развития и развитие мобильности в рамках трансграничной системы. Программа мероприятий по реализации данных приоритетов закреплена в оперативном плане осуществления стратегии развития Еврогорода на 2014-2020 гг.

С 2013 г. на базе баскского Еврогорода была учреждена премия «еКор», ежегодно вручаемая физическим и/или юридическим лицам провинций Гипускоа и Лабурдан, внесшим вклад в экономическое развитие региона путем приграничного сотрудничества. Регулярное проведение церемонии вручения этой награды способствует повышению осведомленности местных жителей о направлениях, основных результатах и достижениях в сфере приграничного сотрудничества Байонны-Сан-Себастьяна, выступает неформальным стимулом участников к постоянному совершенствованию ПС и поиску инновационных подходов к решению привычных проблем трансграничного характера.

Опыт приграничного сотрудничества в расширенном составе с более крупными соседними городами позволил специалистам из Ируна, Фуентеррабии и Андаи усовершенствовать навыки проектного менеджмента и подготовки проектных заявок для международных грантовых программ. Одним из практических свидетельств повышения зрелости взаимодействия на муниципальном уровне стало создание в 1998 г. экологического консорциума Бидасоа-Чингуди (по названию трансграничной реки Бидасоа, разделяющей Ирун и Андай, и залива Чингуди, на берегах которого стоят Фуентеррабия и Андай), занимающегося вопросами охраны окружающей среды и, в частности, очищения трансграничных водоемов. Консорциум имеет свой бюджет, который формируется из взносов от Ируна, Фуентеррабии и Андаи пропорционально численности их населения, и орган управления – комитет представителей городских советов трёх сопредельных муниципальных образований.

Приложение 17.2. Кейс «Города-близнецы Ботнического залива»

Смежные города *Хаппаранда* – *Торнио* на шведско-финляндской границе можно охарактеризовать как биполярную трансграничную агломерацию, расположенную в крайней северной точке Ботнического залива в провинциях Норботтен (Norrbottens län) и Лаппи (Lapin maakunta) на берегах реки Турнеэльвен. Образование Хаппаранды является классическим примером дублирования приграничного города: по итогам русско-шведской войны в 1809 г. шведский город Торнио перешел под юрисдикцию Великого княжества Финляндского, на тот момент входившего в состав Российской империи. Многие проживавшие в дельте реки Турнеэльвен шведы покинули Торнио и основали новое поселение на противоположном берегу.

Оба поселения являются центрами приполярных муниципальных образований арктических регионов своих стран, часть их жителей – автохтонное шведское и финское население долины реки Турнеэльвен – являются двуязычными, их общим наречием является северный диалект финского языка под названием меянкиели (от финск. «Meänkieli» – «свой язык»). Однако, основными препятствиями сотрудничества городов-соседей остаются языковой барьер, сохраняющийся между остальными категориями жителей двух городов (Lunden and Zalamans 2001, с. 36), несовпадение полномочий муниципальных и региональных органов управления Швеции и Финляндии, а также преобладание национальной идентичности среди жителей приграничья (Lipott 2011, с. 294).

Со второй половины XX в. сотрудничество между Хаппарандой и Торнио было акцентировано на поиск практических решений общих проблем. Например, первым проектом межмуниципального сотрудничества в сфере городского управления стало достижение договоренности о совместном использовании жителями приграничных муниципальных образований бассейна в Хаппаранде в 1960-е гг. Следующим шагом, направленным на повышение уровня владения языком сопредельного государства среди местного населения, стало открытие в 1989 г. на территории Хаппаранды первой совместной лингвистической школы, обучение в которой ведется на шведском и финском языках.

Первый совместный самостоятельный орган управления городов-близнецов был учрежден в 1987 г. и назван «Ботническая провинция» (Provincia Bothniensis). Ее состав формируется на основе соблюдения принципа равного представительства приграничных муниципальных образований и включает по пять делегатов от Хаппаранды и Торнио. «Ботническая провинция» имеет собственный офис и бюджет, состоящий из равных взносов смежных городов. В качестве основной цели своего функционирования эта организация видит повышение комплементарности экономик и социальной сферы смежных городов. Главными достижениями деятельности «Ботнической провинции» признаны налаживание сотрудничества пожарной и спасательной служб, служб скорой помощи;

слияние туристских офисов двух городов и разработка единой программы повышения их туристической привлекательности (Lunden and Zalamans 2001, с. 38).

Помимо действия выше описанного специализированного органа управления, в рассматриваемых городах-близнецах на шведско-финляндской границе выстроена система регулярного взаимодействия органов местного самоуправления. В администрациях Хаппаранды и Торнио существуют постоянно действующие рабочие группы по приграничному сотрудничеству (Suopanki 2015, с. 15), представители их городских советов раз в год собираются на совместное заседание, с периодичностью два раза в год проходят встречи муниципальных служащих (Lipott 2011, с. 290), мэры еженедельно проводят совместную планерку (Schulz 2002, с. 35).

Отличительной чертой шведско-финляндских городов-близнецов является особый состав населения, а именно проживание в Хаппаранде финнов, ранее работавших на юге Швеции и позже переехавших в северное приграничье (Lunden and Zalamans 2001, с. 36). Переезд в приграничье позволяет этой категории жителей сохранять преимущества от статуса резидента Швеции и поддерживать связи с родственным финским культурно-языковым сообществом.

Смежные города активно обсуждали возможные пути трансформации городского ландшафта и создания нового центра города в непосредственной близости от границы. Результатом дискуссий стал проект «На границе», работы по которому начались в 1995 г. Благодаря проекту к 2008 г. были возведены объекты торгово-развлекательной инфраструктуры общей площадью 160 000 м², включающей в себя мебельный торговый центр «ИКЕА», несколько отелей и клуб для гольфа (Joenniemi and Sergunin 2011, с. 235-236).

В 2005 г. города произвели ребрендинг своей территории и начали проводить ее совместный маркетинг. Позиционируя себя как единый туристический продукт «Хаппаранда-Торнио»⁸⁴, города конкурируют на рынке туристических услуг для желающих познакомиться с арктическими красотами. В целях привлечения и оперативного консультирования путешественников, посетивших смежные ПТСЭС, в 2013 г. был открыт совместный информационно-туристский центр. Для расширения спектра вариантов организации отдыха на территории Хаппаранды и Торнио, муниципальные образования пошли по пути организации совместных ежегодных музыкальных фестивалей, в их числе Фестиваль народной музыки Северного Калотта и Фестиваль джаза и блюза Северного Калотта (Schulz 2002, с. 61).

⁸⁴ На территории Финляндии города позиционируют себя как «Торнио-Хаппаранда».

Приложение 17.3. Кейс «Службург»

Города-близнецы *Франкфурт-на-Одере*⁸⁵ и *Слублице* расположены в центральной части немецко-польской границы, входят в состав земли Брандербург (Land Brandenburg) и Любуского воеводства (Wojewodztwo lubuskie) соответственно. Данная пара смежных поселений была образована путем разделения: по итогам Второй мировой войны один из жилых кварталов Франкфурта, расположенный на восточном берегу реки Одер, перешел под юрисдикцию Польши и был переименован в Слублице.

Ключевыми мотивами, побуждающими к сотрудничеству Франкфурт и Слублице, являются семисотлетнее (1253-1945) функционирование территории этих городов в рамках одного целого немецкого города Франкфурта, расположение на одном из важнейших европейских торговых путей Роттердам-Москва (Asher 2004, с. 7), а также желание местных и региональных властей по обе стороны границы реализовать в этих городах образцовый пример «городов-близнецов» Евросоюза, стимулированное направлением Польшей заявки на вхождение в ЕС в 1994 г. (Asher 2012, с. 501). Факторы, препятствующие тесному взаимодействию городов, состоят в различии систем управления соседних стран и отсутствии «укорененности» местного населения с польской стороны границы (Pacheco, López-Nórez 2012, с. 41), поскольку в 1945 г. Слублице был заселен переселенцами из центральных и бывших восточных районов Польши.

Начало взаимодействия Франкфурта и Слублице датируется 1951 г., когда городские администрации подписали соглашение о взаимопомощи в случае наводнений. Наиболее значимыми событиями межмуниципального сотрудничества следующих сорока лет были предоставление жителям Слублице разрешения работать на предприятиях Франкфурта в конце 1960-х гг. и подписание рамочного соглашения о партнерских связях городов в 1972 г. (Frankfurt-Slubice Kooperationszentrum 2013).

Приграничное сотрудничество в соответствии с принципами Мадридской конвенции начало осуществляться Франкфуртом и Слублице с начала 90-х гг., после политической трансформации Польши и объединения Германии. Первым шагом в направлении институционализации взаимоотношений в новом формате стало подписание в 1991 г. мэрами городов детального соглашения о сотрудничестве, предусматривающего кооперацию в сфере городского планирования, предоставления государственных услуг, торговли, туризма, транспорта, культуры, образования и спорта.

Административным локомотивом в развитии изучаемых межмуниципальных отношений выступает учрежденный в 1993 г. еврорегион «Pro Europa Viadrina». Этот орган координации приграничного сотрудничества был образован тремя организациями: немецкой НГО «Verein Mittlere Oder», являющейся конгломератом небольших ассоциаций, профсоюзов, административных районов и муниципальных образований центрального Одера со стороны

⁸⁵ Далее в тексте город Франкфурт-на-Одере обозначается как Франкфурт.

ФРГ, и польскими ассоциациями Любуских и Горжовских муниципальных образований (Asher 2004, с. 7). Франкфурт и Слубице являются урбанистическим ядром этого евروهана.

Одной из отличительных черт взаимодействия Франкфурта и Слубице можно назвать приверженность приграничных муниципальных образований стратегии интернационализации, которая проявляется как в их нацеленности на привлечение международного внимания путем проведения на их территории совместных международных мероприятий научно-образовательного, культурного и спортивного характера, так и в совместном макрорегиональном позиционировании этих приграничных муниципальных образований.

Первым общим международным событием на территории Франкфурта и Слубице стал «Немецко-польский фестиваль культуры на реке Одер», организованный в 1992 г. Со временем города-соседи перешли с двустороннего уровня действий на европейский: они стали местом проведения совместных образовательных и развлекательных мероприятий, приуроченных к году Европейских садов (2003 г.); 23-их международных Ганзейских дней нового времени (2003 г.) и биенального фестиваля науки Европы под председательством Польши (2013 г.).

В качестве ниши совместного макрорегионального позиционирования приграничные муниципальные образования выбрали сферу образования, что обусловлено историческими причинами: на протяжении трех веков (1506-1811 гг.) во Франкфурте действовал ведущий университет земли Бранденбург «Альма Матер Виадрина» (Alma Mater Viadrina). В 1991 г. на немецком берегу Одер был учрежден новый университет «Виадрина», унаследовавший название от своего предшественника. Однако, помимо соблюдения традиции, основатели этого высшего учебного заведения присвоили ему статус Европейского университета. Предполагалось, что университет Франкфурта постепенно превратится в научно-образовательный институт европейского уровня, который объединит в своих стенах студентов и профессорско-преподавательский состав со всего европейского континента. Кампус университета планировалось развернуть на территории обоих городов-близнецов. Уже в 1992 г. в Слубице начались строительные работы по возведению общежитий для студентов Европейского университета «Виадрина», а в 1994 г. на восточном берегу Одера открылось его новое учебное подразделение – Полонский Коллегиум (Collegium Polonicum) (Universitat Viadrina Frankfurt (Oder) 2015).

С конца 90-х гг. города начали формировать совместный туристический бренд под названием «Слубфурт». Идейным вдохновителем ребрендинга выступила одноименная НГО, основанная в 1999 г. Деятельность этой организации посвящена поддержке искусства, гражданской активности и формированию общей идентичности у жителей Франкфурта и Слубице. В 2000 г. наименование «Слубфурт» было внесено в Реестр названий городов Европейского Союза, а в 2004 г. во Франкфурте был открыт его информационный туристский центр (Asher 2012, с. 498).